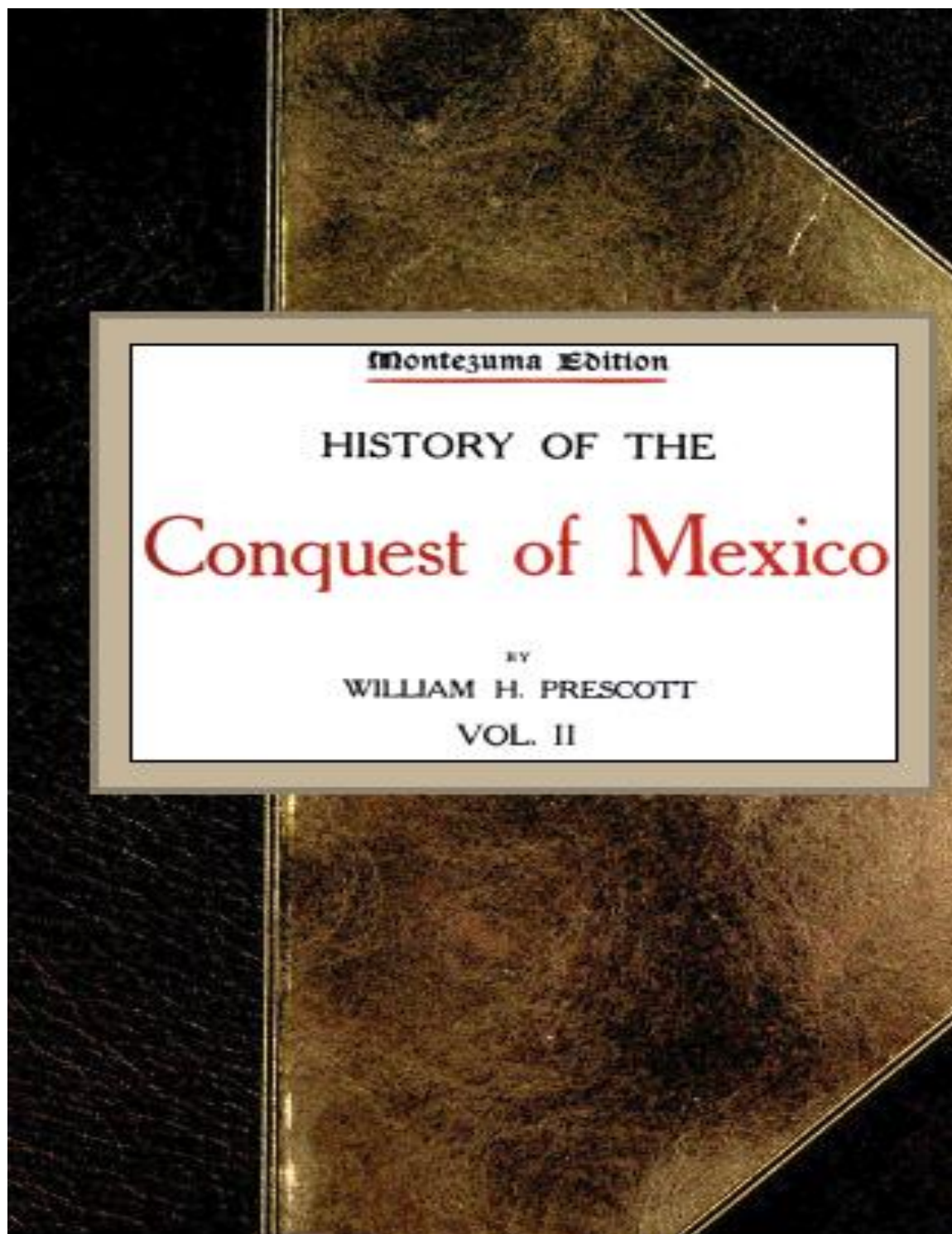

История завоевания Мексики. Том 2 из 4

Уильям Хиклинг Прескотт

Содержание

[ИСТОРИЯ ЗАВОЕВАНИЯ МЕКСИКИ](#)

[СОДЕРЖАНИЕ ТОМА II](#)

[СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ](#)

[КНИГА II ОТКРЫТИЕ МЕКСИКИ \(ПРОДОЛЖЕНИЕ\)](#)

[КОНКИСТАДОРА МЕКСИКИ](#)

[ГЛАВА VI](#)

[ГЛАВА VII](#)

[ГЛАВА VIII](#)

[КНИГА III ПОХОД НА МЕКСИКУ](#)

[ГЛАВА I](#)

[ГЛАВА II](#)

[ГЛАВА III](#)

[ГЛАВА IV](#)

[ГЛАВА V](#)

[ГЛАВА VI](#)

[ГЛАВА VII](#)

[ГЛАВА VIII](#)

[ГЛАВА IX](#)

[КНИГА IV ПРОЖИВАНИЕ В МЕКСИКЕ](#)

[ГЛАВА I](#)

[ГЛАВА II](#)

[ГЛАВА III](#)

[ГЛАВА IV](#)

[ПОЛНАЯ ЛИЦЕНЗИЯ ПРОЕКТА ГУТЕНБЕРГ](#)

Электронная книга проекта «Гутенберг» « » («Слуги короля») История завоевания Мексики; т. 2/4

Эта электронная книга предназначена для бесплатного использования в любой точке США и большинства других стран мира практически без каких-либо ограничений. Вы можете копировать, передавать или повторно использовать ее в соответствии с условиями лицензии проекта «Гутенберг», прилагаемой к этой электронной книге или доступной онлайн по [адресу www.gutenberg.org](http://www.gutenberg.org). Если вы не проживаете в США, перед использованием этой электронной книги вам необходимо ознакомиться с законодательством страны, в которой вы проживаете.

Название: История завоевания Мексики; т. 2/4

Автор: Уильям Хиклинг Прескотт

Дата выпуска: 27 июня 2019 г. [электронная книга № 59820]

Последнее обновление: 24 января 2021 г.

Язык: английский

Благодарности: Произведено Чаком Грейфом и командой онлайн-корректоров

<http://www.pgdp.net> (Этот файл был создан на основе изображений, доступных в Интернет-архиве)

*** НАЧАЛО ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ПРОЕКТА ГУТЕНБЕРГ «ИСТОРИЯ ЗАВОЕВАНИЯ
МЕКСИКИ; ТОМ 2/4» ***

[Содержание тома II.](#)

[Список иллюстраций](#)

[Сноски](#)

(примечание переписчика электронного текста)

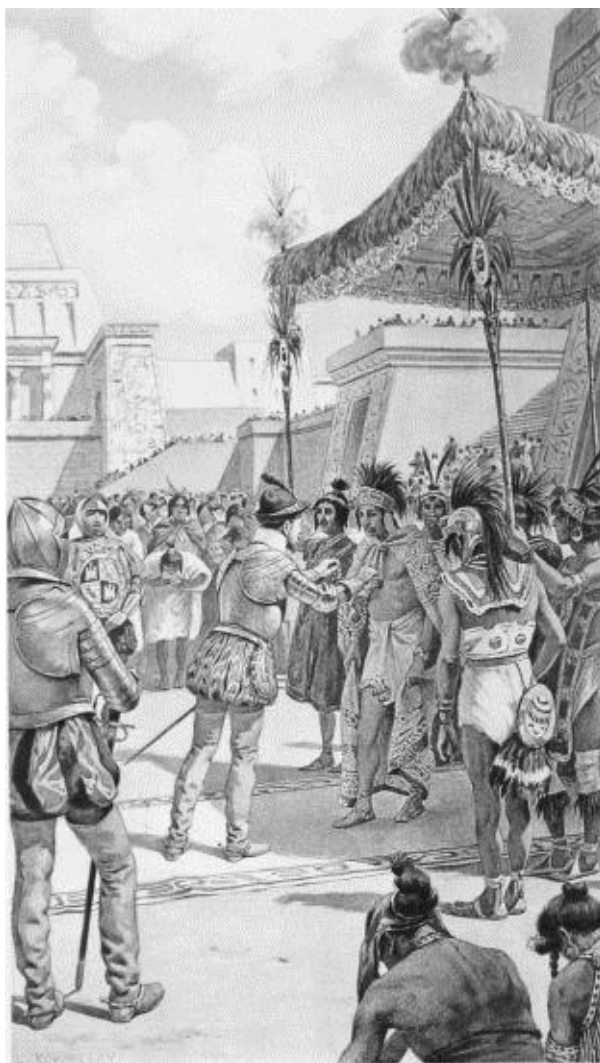
Издание Монтесумы
ПРОИЗВЕДЕНИЯ УИЛЬЯМА Х. ПРЕСКОТТА

ДВАДЦАТЬ ДВА ТОМА

Том II

*Издание произведений Уильяма Х. Прескотта «Монтесума» ограничено тысячей экземпляров, из
которых это*

№ 345

ВСТРЕЧА КОРТЕСА И МОНТЕСУМЫ

[Страница 254](#)

Издание Монтесумы

ИСТОРИЯ **Завоевания Мексики**

УИЛЬЯМ Х. ПРЕСКОТТ

**ПОД РЕДАКЦИЕЙ УИЛФРЕДА ХАРОЛДА МУНРО
ПРОФЕССОР ЕВРОПЕЙСКОЙ ИСТОРИИ В БРАУНОВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ**

С ПРИМЕЧАНИЯМИ К ИЗДАНИЮ ДЖОНА ФОСТЕРА КИРКА

«Victrices aquilas alium laturus in orbem»

ЛУКАН, «Фарсалия», кн. V, ст. 238

Том II

ФИЛАДЕЛЬФИЯ И ЛОНДОН J. B. LIPPINCOTT COMPANY

Авторское право, 1843 г., Уильям Х. ПРЕСКОТТ

Авторское право, 1871, Уильям Г. ПРЕСКОТТ

Авторское право, 1873 г., принадлежит J. B. LIPPINCOTT & CO.

Авторское право, 1904 г., принадлежит J. B. LIPPINCOTT COMPANY

Электротипия и печать

J. B. Lippincott Company, Филадельфия, США

СОДЕРЖАНИЕ ТОМА II

КНИГА II

ОТКРЫТИЕ МЕКСИКИ

(ПРОДОЛЖЕНИЕ)

ГЛАВА VI

РАССКАЗ О МОНТЕСУМЕ — СОСТОЯНИЕ ЕГО ИМПЕРИИ — СТРАННЫЕ
ПРЕДСКАЗАНИЯ — ПОСОЛЬСТВО И ПОДАРКИ — ИСПАНСКИЙ ЛАГЕРЬ

	СТРАНИЦА
Монтесума на троне	<u>3</u>
Инаугурационная речь	<u>4</u>
Войны Монтесумы	<u>5</u>
Его гражданская политика	<u>6</u>
Угнетение его подданных	<u>7</u>
Враги его империи	<u>8</u>
Суеверие Монтесумы	<u>9</u>
Таинственное пророчество	<u>10</u>
Зловещие предзнаменования	<u>11</u>
Ужас императора	<u>12</u>
Посольство и подарки испанцам	<u>14</u>
Жизнь в испанском лагере	<u>15</u>
Богатый подарок от Монтесумы	<u>16</u>
Большие золотые колеса	<u>17</u>
Послание от Монтесумы	<u>18</u>

Влияние сокровища на испанцев	<u>20</u>
Возвращение ацтекских послов	<u>21</u>
Запрет Монтесумы	<u>22</u>
Проповедь отца Ольмедо	<u>23</u>
Дезертирство туземцев	<u>23</u>

[ГЛАВА VII](#)

ПРОБЛЕМЫ В ЛАГЕРЕ — ПЛАН КОЛОНИИ — УПРАВЛЕНИЕ КОРТЕСА — ПОХОД НА СЕМПОАЛЛУ — ОТНОШЕНИЯ С ТУЗЕМЦАМИ — ОСНОВАНИЕ ВЕРАКРУСА

Недовольство солдат	<u>24</u>
Послы от тотонаков	<u>25</u>
Раскол в империи ацтеков	<u>26</u>
Деяния в лагере	<u>26</u>
Кортес готовится к возвращению на Кубу	<u>27</u>
Восстание армии	<u>28</u>
Кортес уступает	<u>29</u>
Основание Вилья-Рики	<u>30</u>
Отставка и повторное назначение Кортеса	<u>31</u>
Раскол в лагере	<u>32</u>
Всеобщее примирение	<u>33</u>
Поход на Семпоаллу	<u>34</u>
Живописные пейзажи	<u>35</u>
Останки жертв	<u>35</u>
Земной рай	<u>36</u>
Любовь коренных жителей к цветам	<u>37</u>
Их великолепные сооружения	<u>38</u>
Гостеприимный прием в Чемпоалле	<u>39</u>
Переговоры с вождем	<u>40</u>
Предложения о союзе	<u>41</u>
Наступление испанцев	<u>43</u>
Прибытие ацтекских вельмож	<u>44</u>
Искусная политика Кортеса	<u>45</u>
Присяга туземцев	<u>46</u>
Постройка города Вилья-Рика	<u>47</u>
Увлечение индейцев	<u>48</u>

[ГЛАВА VIII](#)

ЕЩЕ ОДНО ПОСОЛЬСТВО АЦТЕКОВ — УНИЧТОЖЕНИЕ ИДОЛОВ — ДЕПЕШИ, ОТПРАВЛЕННЫЕ В

ИСПАНИЮ — ЗАГОВОР В ЛАГЕРЕ — ПОТОПЛЕНИЕ ФЛОТА

Посольство от Монтесумы	49
Ее результаты	50
Строгая дисциплина в армии	51
Благодарность вождя Цемпоаллана	52
Попытка обращения в веру	53
Волнение среди туземцев	54
Сожжение идолов	55
Освящение святилища	56
Новости из Кубы	57
Подарки для Карла V	58
Первое письмо Кортеса	59
Депеши в Испанию	61
Агенты миссии	62
Отправление корабля	63
Остановка на Кубе	64
Ярость Веласкеса	64
Корабль прибывает в Испанию	65
Заговор в лагере	66
Уничтожение флота	67
Речь Кортеса	69
Энтузиазм армии	70
Заявление Ласаса	72
Его жизнь и характер	73
Критика его произведений	79

КНИГА III

ПОХОД В МЕКСИКУ

ГЛАВА I

СОБЫТИЯ В СЕМПОАЛЛЕ — ИСПАНЦЫ ПОДНИМАЮТСЯ НА ПЛАТО — ЖИВОПИСНЫЕ ПЕЙЗАЖИ — ВЗАИМООТНОШЕНИЯ С ТУЗЕМЦАМИ — ПОСОЛЬСТВО В ТЛАСКАЛЕ

Эскадра у побережья	83
Хитрость Кортеса	85
Договоренность в Вилья-Рика	86
Испанцы начинают свой поход	87
Восхождение на Кордильеры	88
Дикие горные пейзажи	89

Огромные кучи человеческих черепов	93
Сделки с туземцами	94
Свидетельства о власти Монтесумы	95
Умеренность отца Ольмедо	97
Жилища индейцев	99
Кортес определяет свой маршрут	100
Посольство в Тласкале	101
Замечательная крепость	102
Прибытие в Тласкалу	103

[ГЛАВА II](#)

РЕСПУБЛИКА ТЛАСКАЛА — ЕЕ ИНСТИТУТЫ — РАННЯЯ ИСТОРИЯ — ДИСКУССИИ В СЕНАТЕ — ОТЧАЯННЫЕ СРАЖЕНИЯ

Тласкальцы	104
Их миграции	105
Их правительство	106
Публичные игры	107
Рыцарский орден	108
Внутренние ресурсы	108
Их цивилизация	109
Борьба с ацтеками	110
Средства защиты	111
Страдания тласкальцев	112
Их выносливый характер	113
Дебаты в сенате	114
Испанцы наступают	115
Отчаянное наступление	116
Отступление индейцев	117
Бивуак испанцев	118
Армия возобновляет свой марш	119
Огромное войско варваров	120
Кровавое сражение в ущелье	121
Враг отступает	122
Испанцы очищают перевал	123
Прекращение военных действий	124
Результаты конфликта	125
Войска разбивают лагерь на ночь	126

ГЛАВА III

РЕШАЮЩАЯ ПОБЕДА — СОВЕТ ИНДЕЙЦЕВ — НОЧНАЯ АТАКА — ПЕРЕГОВОРЫ С ВРАГОМ — ГЕРОЙ ИЗ ТЛАСКАЛЫ

Послы в Тласкалу	127
Поисковая группа	128
Смелое сопротивление тласкальцев	129
Подготовка к сражению	130
Появление тласкальцев	131
Эффектные костюмы воинов	132
Их оружие	134
Отчаянное сражение	136
Бой усиливается	137
Раскол среди врагов	138
Решающая победа	139
Триумф науки над численным превосходством	140
Ужас кавалерии	140
Совет индейцев	142
Ночной налет	143
Победа испанцев	144
Посольство в Тласкале	145
Мир с врагом	145
Патриотический дух их вождя	146

ГЛАВА IV

НЕДОВОЛЬСТВО В АРМИИ — ШПИОНЫ ИЗ ТЛАСКАЛЫ — МИР С РЕСПУБЛИКОЙ — ПОСОЛЬСТВО ОТ МОНТЕСУМЫ

Испанцы прочесывают страну	147
Успех набега	148
Недовольство в лагере	149
Представители недовольных	150
Ответ Кортеса	151
Трудности предприятия	153
Убийство шпионов	154
Беседа с вождем тласкальцев	156
Мир с республикой	158
Посольство от Монтесумы	159
Отказ принять испанцев	160

[ГЛАВА V](#)

ИСПАНЦЫ ВХОДЯТ В ТЛАСКАЛУ — ОПИСАНИЕ СТОЛИЦЫ — ПОПЫТКА ОБРАЩЕНИЯ В КАТОЛИЧЕСТВО — ПОСОЛЬСТВО АЦТЕКОВ — ПРИГЛАШЕНИЕ В ЧОЛУЛУ

Испанцы входят в Тласкалу	164
Ликование по поводу их прибытия	165
Описание Тласкалы	166
Ее дома и улицы	166
Ее ярмарки и полиция	167
Районы города	167
Дикая природа вокруг Тласкалы	168
Характер жителей Тласкалы	169
Бдительность Кортеса	169
Попытка обращения в христианство	170
Сопротивление туземцев	170
Ревность Кортеса	171
Осторожность монаха	171
Характер Ольмедо	172
Месса, отслуженная в Тласкале	173
Индийские девушки	174
Ацтекское посольство	175
Сила Монтесумы	176
Посольство из Икстильшочитля	177
Депутаты из Чолулы	178
Приглашение в Чолулу	178
Подготовка к отъезду из Тласкалы	179

[ГЛАВА VI](#)

ГОРОД ЧОЛУЛА — ВЕЛИКИЙ ХРАМ — МАРШ НА ЧОЛУЛУ — ПРИЕМ ИСПАНЦЕВ — РАСКРЫТИЕ ЗАГОВОРА

Город Чолула	180
Его история	181
Религиозные традиции	182
Ее древняя пирамида	183
Храм Кетцалькоатля	184
Святой город	185
Великолепные пейзажи	187

Испанцы покидают Тласкалу	188
Индийские добровольцы	189
Армия входит в Чолулу	190
Блестящий прием	191
Послы от Монтесумы	192
Подозрения в заговоре	193
Верность Марины	194
Тревожная ситуация Кортеса	195
Интриги со священниками	196
Беседа с вождями	197
Ночной дозор испанцев	198

[ГЛАВА VII](#)

УЖАСНАЯ РЕЗНЯ — ВОССТАНОВЛЕНИЕ СПОКОЙСТВИЯ — РАЗМЫШЛЕНИЯ О РЕЗНЕ — ДАЛЬНЕЙШИЕ СОБЫТИЯ — ПОСЛЫ ОТ МОНТЕСУМЫ

Подготовка к тайному нападению	200
Местные жители собираются на площади	200
Дается сигнал	201
Ужасная резня	202
Наступление тласкальцев	203
Защита пирамиды	204
Раздел добычи	205
Восстановление порядка	206
Размышления о массовом убийстве	207
Право на завоевание	208
Миссионерский дух	209
Политика Кортеса	211
Его опасное положение	212
Жестокость, в которой его обвиняют	212
Ужас «белых богов»	215
Крест, воздвигнутый в Чолуле	217
Жертвы, освобожденные из клеток	217
Христианский храм, воздвигнутый на пирамиде	217
Посольство от Монтесумы	218
Отбытие цемпоалланцев	219

[ГЛАВА VIII](#)

ВОЗОБНОВЛЕНИЕ ПОХОДА — ВОСХОЖДЕНИЕ НА ВЕЛИКИЙ ВУЛКАН — ДОЛИНА МЕХИКО —

ВПЕЧАТЛЕНИЕ НА ИСПАНЦЕВ — ПОВЕДЕНИЕ МОНТЕСУМЫ — СПУСК В ДОЛИНУ

Испанцы покидают Чолулу	221
Признаки предательства	222
Армия достигает гор	223
Дикие традиции	223
Великий вулкан	224
Испанцы поднимаются по его склонам	225
Опасности предприятия	226
Последующий подъем	227
Спуск в кратер	228
Войска страдают от бури	229
Первый вид на долину	230
Ее великолепие и красота	230
Впечатление на испанцев	232
Недовольство туземцев Монтесумой	233
Посольство от императора	234
Его мрачные опасения	234
Молчание оракулов	235
Испанцы наступают	236
Смерть шпионов	237
Прибытие лорда Тецукана	238
Плавающие сады	240
Толпы, собравшиеся на дорогах	241
Армия достигает Истапалапана	242
Ее знаменитые сады	243
Впечатляющий вид на Мехико	245

[ГЛАВА IX](#)

ОКРЕСТНОСТИ МЕХИКО — ВСТРЕЧА С МОНТЕСУМОЙ — ВХОД В СТОЛИЦУ — ГОСТЕПРИИМНЫЙ ПРИЕМ — ВИЗИТ К ИМПЕРАТОРУ

Подготовка к входу в столицу	246
Армия входит по великой дамбе	247
Красивые окрестности	248
Великолепная процессия вождей	249
Великолепная свита Монтесумы	250
Одевание императора	252
Его личность	252
Его прием Кортеса	253

Испанцы входят в столицу	254
Чувства ацтеков	256
Гостеприимный прием	258
Испанские кварталы	259
Меры предосторожности генерала	259
Визит императора	260
Его богатые подарки	261
Суеверные страхи	262
Королевский дворец	263
Описание его интерьера	264
Кортес посещает Монтесуму	265
Попытки обратить монарха в свою веру	265
Полный провал	266
Его религиозные взгляды	267
Красноречие Монтесумы	268
Его вежливое поведение	269
Размышления Кортеса	270
Заметка Эрреры	272
Критика его истории	274
Жизнь Торибио	274
Петр Мученик	277
Его труды	278

[КНИГА IV](#) ПРЕБЫВАНИЕ В МЕКСИКЕ

[ГЛАВА I](#)

ОЗЕРО ТЕЦКУКАН — ОПИСАНИЕ СТОЛИЦЫ — ДВОРЦЫ И МУЗЕИ — КОРОЛЕВСКИЙ ДВОР — ОБРАЗ ЖИЗНИ МОНТЕСУМЫ

Озеро Тецкуко	281
Его уменьшение	282
Плавающие острова	283
Древние дамбы	284
Дома древнего Мексико	285
Ее улицы	286
Ее население	288
Его акведуки и фонтаны	292
Императорский дворец	293

Прилегающие здания	294
Великолепная птичья клетка	294
Обширный зверинец	295
Коллекция карликов	296
Сады	297
Королевский холм Чапольтепек	298
Жены Монтесумы	299
Его трапезы	300
Роскошный десерт	303
Обычай курения	304
Церемонии при дворе	305
Экономика дворца	306
Восточная цивилизация	308
Резерв Монтесумы	309
Признаки упадка власти	309

[ГЛАВА II](#)

РЫНОК МЕХИКО — ВЕЛИКИЙ ХРАМ — ВНУТРЕННИЕ СВЯТИЛИЩА — ИСПАНСКИЕ КВАРТАЛЫ

Мексиканский костюм	311
Большой рынок Мехико	312
Квартал ювелиров	313
Лавки оружейников	314
Провизия для столицы	315
Толпы на рынке	317
Деньги ацтеков	318
Великий храм	319
Его структура	320
Размеры	321
Предметы культа	322
Великолепный вид из храма	323
Храмы идолов	325
Неосторожность Кортеса	327
Внутренние святилища	328
Курган черепов	329
Семинарии ацтеков	330
Впечатление на испанцев	332
Скрытые сокровища	333
Месса, отслуженная в Мексике	334

ГЛАВА III

БЕСПОКОЙСТВО КОРТЕСА — ПЛЕНЕНИЕ МОНТЕСУМЫ — ОТНОШЕНИЕ К НЕМУ ИСПАНЦЕВ — КАЗНЬ ЕГО ОФИЦЕРОВ — МОНТЕСУМА В КАНДАЛАХ — РАЗМЫШЛЕНИЯ

Беспокойство Кортеса	335
Военный совет	336
Мнения офицеров	337
Смелый проект Кортеса	337
Правдоподобный предлог	338
Интервью с Монтесумой	341
Обвинение Монтесумы	342
Его арест	345
Его увозят в испанские кварталы	346
Смятение среди ацтеков	346
Обращение с Монтесумой	347
Бдительный патруль	348
Суд над вождями ацтеков	350
Монтесума в кандалах	351
Вожди сожжены на костре	351
Императору разрешено вернуться	352
Отказ от этого разрешения	353
Размышления об этих событиях	354
Мнения завоевателей	356

ГЛАВА IV

ПОВЕДЕНИЕ МОНТЕСУМЫ — ЕГО ЖИЗНЬ В ИСПАНСКИХ КВАРТАЛАХ — ЗАДУМАННОЕ ВОССТАНИЕ — ЗАХВАТ ЛОРДА ТЕЦКУКО — ДАЛЬНЕЙШИЕ МЕРЫ КОРТЕСА

Беспорядки в Веракрусе	358
Суда, построенные на озере	359
Жизнь Монтесумы в испанских кварталах	360
Его щедрость	361
Чувствительность к оскорблениям	362
Фавориты императора	363
Испанцы пытаются обратить его в свою веру	364
Бригантины на озере	365
Королевская охота	365
Лорд Тецкуко	366
Обдуманное восстание	368

Политика Кортеса	<u>369</u>
Покоренный правитель Тецкукана	<u>370</u>
Дальнейшие меры Кортеса	<u>371</u>
Обследование побережья	<u>372</u>

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

	СТРАНИЦА
<u>ВСТРЕЧА КОРТЕСА И МОНТЕСУМЫ</u>	<u>Фронтиспис</u>
Из картины, специально написанной для этого издания Л. Ковальски.	
<u>КОРТЕС ПРИНИМАЕТ ПОСОЛЬСТВО МОНТЕСУМЫ</u>	<u>14</u>
По картине из Национального музея в Мехико.	
<u>КОРТЕС ТОПИТ СВОИ КОРАБЛИ</u>	<u>70</u>
По картине Ф. Санса.	
<u>АУДИЕНЦИЯ КОРТЕСА У МОНТЕСУМЫ</u>	<u>260</u>
По картине из Национального музея в Мехико.	
<u>КАРТА ДОЛИНЫ МЕХИКО В ПЕРИОД ЗАВОЕВАНИЯ</u>	<u>281</u>
<u>МОНТЕСУМА</u>	<u>304</u>
По портрету, опубликованному Фраем Пруденцио Сандовалом в его «Истории Карла V», издание 1614 года.	

КНИГА II

ОТКРЫТИЕ МЕКСИКИ

(ПРОДОЛЖЕНИЕ)

ЗАВОЕВАНИЕ МЕКСИКИ

ГЛАВА VI

РАССКАЗ О МОНТЕСУМЕ — СОСТОЯНИЕ ЕГО ИМПЕРИИ — СТРАННЫЕ ПРОГНОЗЫ — ПОСЛАННИКИ И ПОДАРКИ — ИСПАНСКИЙ ЛАГЕРЬ

1519

Теперь мы должны покинуть испанский лагерь в *tierra caliente* и перенестись в далекую столицу Мексики, где прибытие удивительных чужестранцев на побережье вызвало немалый резонанс. В то время на ацтекском троне сидел Монтесума II, племянник последнего и внук предыдущего монарха. Он был избран на царский престол{*} в 1502 году, предпочтенный своим братьям благодаря своим выдающимся качествам как воина и жреца — сочетание должностей, которое иногда встречалось у мексиканских кандидатов, как и чаще у египетских. В ранней юности он принимал активное участие в войнах империи, хотя в последнее время он посвятил себя исключительно служению храму; и он был скрупулезен в своем внимании ко всем обременительным церемониям ацтекского культа. Он сохранял серьезное и сдержанное поведение, говорил мало и с осторожной обдуманностью. Его поведение было хорошо рассчитано, чтобы внушать идеи высшей святости.^[1]

{*} [«Вождь людей». — М.]

Когда ему объявили о его избрании, он спускался по лестнице в великом храме национального бога войны. Он принял посланников с подобающей скромностью, заявляя о своей непригодности к столь ответственной должности. Речь, произнесенная, как обычно, по этому случаю, была написана его родственником Несауальпилли, мудрым королем Тескоко.^[2] К счастью, она сохранилась и представляет собой прекрасный образец индейского красноречия. В конце речи оратор восклицает: «Кто может усомниться в том, что империя ацтеков достигла зенита своего величия, раз Всемогущий поставил над ней того, чье само присутствие наполняет каждого зрителя благоговением? Радуйтесь, счастливый народ, что у вас теперь есть правитель, который будет для вас надежной опорой; отец в беде, более чем брат в нежности и сочувствии; тот, чья стремящаяся душа будет презирать все развратные удовольствия чувств и расточительную потакание лени. И ты, прославленный юноша, не сомневайся, что Создатель, возложивший на тебя столь тяжелую ношу, даст тебе и силу вынести ее; что Он, который был столь щедр в прошлом, обрушит на твою голову еще более обильные благословения и сохранит тебя на твоём королевском престоле на долгие и славные годы». Эти золотые предсказания, которые растопили сердце королевского слушателя до слез, не были суждены сбыться.^[3]

В начале своего правления Монтесума проявил всю ту энергию и предприимчивость, которые от него ожидали. Его первая экспедиция против мятежной провинции в окрестностях увенчалась успехом, и он торжественно привел обратно толпу пленников для кровавого жертвоприношения, которое должно было украсить его коронацию. Это событие отмечалось с необычайной

пышностью. Игры и религиозные церемонии продолжались несколько дней, и среди зрителей, стекавшихся из дальних мест, были некоторые знатные тласкальцы, извечные враги Мексики. Они были в масках, надеясь таким образом избежать обнаружения. Однако их узнали и доложили монарху. Но он лишь воспользовался этой информацией, чтобы предоставить им почетный прием и хорошее место для просмотра игр. Это был великодушный поступок, учитывая давнюю вражду между народами.

В первые годы своего правления Монтесума постоянно вел войны и часто лично возглавлял свои армии. Знамена ацтеков были видны в самых отдаленных провинциях на побережье Мексиканского залива и в дальних регионах Никарагуа и Гондураса. Экспедиции, как правило, были успешными, и границы империи расширились больше, чем в любой предыдущий период.

Между тем монарх не оставался равнодушным к внутренним делам королевства. Он внес некоторые важные изменения в судебную систему и тщательно следил за исполнением законов, которые он приводил в исполнение с суровой строгостью. Он имел привычку патрулировать улицы своей столицы в переодетом виде, чтобы лично ознакомиться с злоупотреблениями в ней. Говорят, что, применяя более сомнительную политику, он иногда проверял честность своих судей, соблазняя их крупными взятками, чтобы они отступили от своих обязанностей, а затем строго привлекал к ответственности тех, кто поддавался искушению.

Он щедро вознаграждал всех, кто ему служил. Он проявлял такую же щедрость в своих общественных работах, строя и украшая храмы, проводя воду в столицу по новому каналу и создавая больницу или приют для инвалидов-солдат в городе Кольуакан.^[4]

Эти поступки, достойные великого принца, уравнивались другими, противоположными по своему характеру. Смирение, столь демонстративно проявляемое до его возвышения, уступило место невыносимой *arrogancia*. В своих домах удовольствий, домашнем хозяйстве и образе жизни он принял *rotr*, неизвестную его предшественникам. Он уединился от публичного наблюдения или, когда выходил за границу, требовал самого рабского почтения; в то время как во дворце ему служили только лица высокого ранга, даже в самых низких должностях. Кроме того, он уволил нескольких плебеев, в основном бедных солдат с заслугами, с должностей, которые они занимали при его предшественнике, считая их присутствие позором для королевской власти. Наиболее старые и мудрые советники тщетно протестовали против такого недальновидного поведения.

В то время как он таким образом вызывал отвращение у своих подданных своим высокомерным поведением, он отчуждал их любовь, вводя тяжелые налоги. Они были необходимы для покрытия расточительных расходов его двора. Они особенно тяжело ложились на завоеванные города. Это угнетение приводило к частым восстаниям и сопротивлению, и последние годы его правления представляют собой картину непрекращающейся вражды, в которой силы одной половины империи были задействованы для подавления волнений в другой. К сожалению, не существовало принципа объединения, по которому новые приобретения могли бы быть включены в древнюю монархию как части одного целого.^{*} Их интересы, как и симпатии, были разными. Таким образом, чем шире распространялась империя ацтеков, тем слабее она становилась, напоминая огромное и непропорциональное здание, чьи разрозненные материалы, не имея принципа сплоченности и шатаясь под собственным весом, казались готовыми рухнуть при первом же порыве ветра.

^{*} [Они считались подданными пуэбло. См. примечание, стр. 23, т. I. — М.]

В 1516 году умер тецкуканский царь Несауальпилли, в лице которого Монтесума потерял своего самого мудрого советника. На престол претендовали два его сына, Какама и Икстильшочитль. Первого поддерживал Монтесума. Второй, младший из принцев, смелый, амбициозный юноша, апеллируя к патриотическим чувствам своего народа, убеждал его, что его брат слишком привержен мексиканским интересам, чтобы быть верным своей стране. В результате разразилась гражданская война, которая закончилась компромиссом, по которому

половина королевства со столицей осталась у Какамы (), а северная часть — у его амбициозного соперника. С этого момента Икстильшочитль стал смертельным врагом Монтесумы.^[5]

Еще более грозным врагом была маленькая республика Тласкала, {*} расположенная на полпути между долиной Мехико и побережьем. Она сохраняла свою независимость более двух веков, противостоя объединенным силам империи. Ее ресурсы оставались нетронутыми, ее цивилизация почти не уступала цивилизациям ее великих соперников, а по мужеству и военному мастерству она завоевала себе имя, не уступающее ни одной из наций Анауака.

{*} [Тласкала была не республикой, а пуэбло. Она была разделена на четыре фратрии. Клавигеро говорит (*Storia Ant. del Messico*, том. i. р. 155), что она была разделена на четыре части, каждая из которых имела своего правителя. — М.]

Таково было положение ацтекской монархии к моменту прибытия Кортеса: народ был возмущен высокомерием правителя, провинции и отдаленные города были возмущены финансовыми поборами (), а могущественные соседи выжидали подходящего момента, чтобы напасть на своего грозного соперника. Тем не менее, королевство оставалось сильным благодаря своим внутренним ресурсам, воле монарха, давней привычке подчиняться его власти, — короче говоря, благодаря страху перед его именем, а также доблести и дисциплине его армий, закаленных в боевых действиях и хорошо обученных всем тактикам индейской войны. Настало время, когда эти несовершенные тактики и примитивное оружие варваров должны были столкнуться с наукой и техникой самых цивилизованных народов земного шара.

В последние годы своего правления Монтесума редко принимал участие в военных походах, которые он оставлял своим капитанам, занимаясь в основном своими священническими обязанностями. Ни при одном из правителей священники не пользовались таким уважением и привилегиями. Религиозные праздники и обряды отмечались с беспрецедентной пышностью. Оракулы консультировались по самым тривиальным поводам, а кровожадных божеств умиловывали гекатомбами жертв, торжественно привозимых в столицу из завоеванных или мятежных провинций. Религия, или, если говорить правильно, суеверие Монтесумы оказалось главной причиной его бедствий.

В предыдущей главе я упомянул народные предания о Кетцалькоатле, божестве со светлой кожей и длинной бородой, столь непохожем на индейцев, который, выполнив свою миссию благодеяния среди ацтеков, отплыл через Атлантический океан к таинственным берегам Тлапаллана ().^[6] При отплытии он пообещал вернуться в будущем со своими потомками и вновь завладеть своей империей. Этот день ожидался с надеждой или с опасением, в зависимости от интересов верующих, но с общей уверенностью на всей обширной территории Анауака. Даже после завоевания он все еще жил в памяти индейских племен, которые лелеяли его так же нежно, как португальцы продолжали лелеять приход своего короля Себастьяна, а евреи — приход Мессии.^[7]

Во времена Монтесумы, по-видимому, преобладало общее мнение, что период возвращения божества и полного исполнения его обещания был близок. Говорят, что эта убежденность укрепилась благодаря различным сверхъестественным явлениям, о которых с большей или меньшей подробностью сообщали все древнейшие историки.^[8] В 1510 году великое озеро Тецкуко, без каких-либо видимых причин, таких как буря, землетрясение или что-либо другое, начало бурно волноваться, вышло из берегов и, хлынув на улицы Мехико, смело многие здания своей яростью. В 1511 году одна из башен великого храма загорелась, также без видимой причины, и продолжала гореть, несмотря на все попытки потушить ее. В последующие годы были замечены три кометы, а незадолго до прихода испанцев на востоке появился странный свет. Он широко распространялся у основания на горизонте и, поднимаясь в форме пирамиды, сужался по мере приближения к зениту. Он напоминал огромный лист или поток огня, испускающий искры, или, как выразился один старинный писатель, «казался густо усыпанным звездами»[9]. В то же время в воздухе слышались тихие голоса и печальные стенания, как будто предвещающие какое-

то странное, таинственное бедствие! Ацтекский монарх, испуганный явлениями на небе, обратился за советом к Несауальпилли, который был великим знатоком тонкой науки астрологии. Но королевский мудрец еще больше омрачил его дух, увидев в этих чудесах быстрое падение империи.^[10]

Таковы странные истории, о которых сообщают летописцы, в которых не исключено обнаружить проблески правды.^[11] Прошло почти тридцать лет с момента открытия островов Христофором Колумбом () и более двадцати с момента его посещения американского континента. Более или менее отчетливые слухи об этом удивительном появлении белых людей, несущих в руках гром и молнию, во многом похожих на традиции Кетцалькоатля, естественно, широко распространились среди индейских народов. Несомненно, задолго до высадки испанцев в Мексике такие слухи дошли до великого плато, наполнив умы людей ожиданием скорого наступления периода, когда великий бог должен был вернуться и вновь получить свое.

В возбужденном состоянии их воображения чудеса стали привычным явлением. Или, вернее, события, не очень необычные сами по себе, но увиденные через призму страха, легко преувеличивались до чудес; и случайное наполнение озера, появление кометы и пожар здания — все это интерпретировалось как особые знамения Небес.^[12] Так происходит во время великих политических потрясений, которые сотрясают основы общества, — могущественных событий, которые бросают свою тень впереди себя. Именно тогда атмосфера возбуждается низким, пророческим шепотом, которым Природа, как в моральном, так и в физическом мире, объявляет о приближении урагана:

«Когда с берегов

И лесов, шелестящих горами, раздается голос,

Colemne, призывающий мир приготовиться!»

Когда в столицу пришла весть о высадке Грихальвы на побережье в предыдущем году, сердце Монтесумы наполнилось ужасом. Он почувствовал, что судьба, которая так долго висела над королевской династией Мексики, должна свершиться, и скипетр навсегда уйдет из его дома. Хотя он и почувствовал некоторое облегчение после отправления испанцев, он приказал разместить часовых на возвышенностях, и когда европейцы вернулись под командованием Кортеса, он, без сомнения, первым узнал о этом неприятном событии. Однако именно по его приказу губернатор провинции подготовил для них столь гостеприимный прием. Иероглифический отчет об этих странных посетителях, отправленный в столицу, возродил все его опасения. Он без промедления созвал совещание своих главных советников, включая королей Тескоко и Тлакопана, и изложил им суть дела.^[13]

Похоже, что в этом органе мнения разделились. Одни были за то, чтобы сразу же оказать сопротивление пришельцам, будь то обманом или открытой силой. Другие утверждали, что, если они являются сверхъестественными существами, то и обман, и сила будут одинаково бесполезны. Если же они были, как утверждали, посланниками иностранного принца, то такая политика была бы трусливой и несправедливой. О том, что они не принадлежали к роду Кетцалькоатля, свидетельствовало то, что они проявили враждебность к его религии; по-видимому, вести о действиях испанцев в Табаско уже дошли до столицы. Среди тех, кто выступал за дружеский и почетный прием, был царь Тецукана Какама.

Но Монтесума, руководствуясь своими неясными опасениями, предпочел промежуточный вариант — как обычно, самый недаленовидный. Он решил послать посольство с такими

великолепными подарками для чужеземцев, которые должны были произвести на них впечатление его величия и богатства, и в то же время запретить им приближаться к столице. Это означало одновременно продемонстрировать и его богатство, и его слабость.^[14]

В то время как ацтекский двор был взволнован прибытием испанцев, те проводили время в *tierra caliente*, не мало раздражаясь из-за чрезмерной жары и удушливой атмосферы песчаной пустыни, на которой они разбили лагерь. Они испытывали все облегчения, которые могли быть получены от внимания дружелюбных туземцев. По приказу губернатора те построили более тысячи хижин или палаток из веток и матов, которые они занимали в

КОРТЕС ПРИНИМАЕТ ПОСЛАННИКОВ МОНТЕСУМЫ

поблизости от лагеря. Здесь они безвозмездно готовили различные блюда для стола Кортеса и его офицеров, а простые солдаты легко получали провизию для себя в обмен на мелочи, которые они привезли с собой для торговли. Таким образом, лагерь был щедро снабжен мясом и рыбой, приготовленными многими вкусными способами, кукурузными лепешками, бананами, ананасами и различными сочными тропическими овощами, до сих пор неизвестными испанцам. Кроме того, солдаты ухитрились получить от туземцев много мелких кусочков золота, не имеющих, впрочем, большой ценности; эта торговля очень не нравилась сторонникам Веласкеса, которые считали ее посягательством на его права. Кортес, однако, не считал разумным в этом вопросе препятствовать желаниям своих последователей.^[15]

По истечении семи, или, самое большее, восьми дней мексиканская посольская делегация явилась в лагерь. Это может показаться невероятно коротким сроком, учитывая, что расстояние до столицы составляло почти семьдесят лиг. Но следует помнить, что, как уже отмечалось, вести доставлялись туда с помощью почтовых лошадей за короткий промежуток времени в двадцать четыре часа;^[16] и четыре или пять дней было достаточно для того, чтобы послы спустились к побережью, поскольку мексиканцы были привычны к долгим и быстрым путешествиям. В любом случае, ни один автор не указывает, что время, затраченное индейскими посланниками в этом случае, было дольше упомянутого.

Посольство, состоявшее из двух ацтекских вельмож, сопровождали губернатор Теухтлиле и сотня рабов, несущих княжеские дары Монтесумы. Один из послов был выбран из-за большого сходства, которое, как видно из картины, изображающей лагерь, он имел с испанским полководцем. И доказательством точности картины является то, что солдаты признали сходство и всегда называли вождя «мексиканским Кортесом».

Войдя в шатер генерала, послы поприветствовали его и его офицеров обычными знаками почтения к лицам высокого ранга, коснувшись земли руками, а затем поднеся их к голове, в то время как воздух наполнялся облаками ладана, поднимавшимися из кадилъниц, которые несли их слуги. Затем развернули изящно выработанные маты из этой страны (*netame*), и на них рабы выложили различные предметы, которые они принесли. Они были самого разнообразного рода: щиты, шлемы, курасы, украшенные пластинами и орнаментами из чистого золота; ожерелья и браслеты из того же металла, сандалии, веера, *плюмажи* и гребни из разноцветных перьев, перемешанных с золотыми и серебряными нитями и усыпанных жемчугом и драгоценными камнями; имитации птиц и животных из кованого и литого золота и серебра, изысканной работы; занавески, покрывала и одежды из хлопка, тонкого как шелк, богатой и разнообразной окраски, переплетенные с перьями, которые соперничали с *deli casu* живописи.^[17] Кроме того, было более тридцати грузов хлопчатобумажной ткани. Среди предметов был испанский шлем, отправленный в столицу и теперь возвращенный, наполненный до краев золотыми зернами. Но больше всего восхищения вызывали две круглые пластины из золота и серебра, «величиной с колеса кареты». Одна из них, изображавшая солнце, была богато украшена резьбой с изображениями растений и животных, несомненно, обозначающими век ацтеков. Ее окружность составляла тридцать ладоней, а стоимость — двадцать тысяч *песо де oro*. Серебряное колесо того же размера весило пятьдесят марок.^[18]

Испанцы не могли скрыть своего восторга от сокровищ, которые настолько превосходили все их самые смелые мечты. Ведь, несмотря на богатство материалов, по свидетельству тех, кто видел эти предметы позже в Севилье, где они могли их спокойно осмотреть, их превосходила красота и богатство исполнения.^[19]

Когда Кортес и его офицеры закончили осмотр, послы вежливо передали послание Монтесумы. «Их господин был очень рад возможности пообщаться с таким могущественным монархом, как король Испании, к которому он испытывает глубочайшее уважение. Он очень сожалел, что не может лично встретиться с испанцами, но расстояние до его столицы было слишком велико; путешествие было сопряжено со многими трудностями и опасностями со стороны грозных врагов, что делало его невозможным. Поэтому все, что можно было сделать, — это отправить чужестранцев обратно в их страну с доказательствами его дружеского отношения».

Кортес, хотя и был очень огорчен этим решительным отказом Монтесумы принять его визит, как мог скрывал свое унижение и вежливо выразил свое восхищение щедростью императора. «Это только усилило его желание, — сказал он, — лично встретиться с ним. Он действительно считал невозможным предстать перед своим правителем, не достигнув этой великой цели своего путешествия; и тот, кто переплыл более двух тысяч лиг океана, не боялся опасностей и трудностей столь короткого путешествия по суше». Он еще раз попросил их передать свое послание своему господину, вместе с небольшим дополнительным знаком своего уважения.

Это были несколько изысканных голландских рубашек, флорентийский кубок, позолоченный и с несколько странной эмалью, а также несколько игрушек небольшой ценности — жалкое вознаграждение за великолепия королевского подарка. Послы, вероятно, думали так же. По крайней мере, они не проявили никакого энтузиазма, принимая на себя ответственность ни за подарок, ни за послание, и, покидая кастильские кварталы, повторили свое заверение, что просьба генерала будет тщетной.^[20]

Великолепное сокровище, которое теперь ослепляло глаза испанцев, вызывало в их душах самые разные эмоции, в зависимости от их характера. У некоторых он пробудил горячее желание немедленно проникнуть вглубь страны и овладеть землями, изобилующими такими безграничными запасами богатств. Другие рассматривали его как свидетельство силы, слишком грозной, чтобы противостоять ей с их нынешними незначительными силами. Поэтому они считали, что будет наиболее разумно вернуться и доложить о своих действиях губернатору Кубы, где можно было бы подготовиться к столь грандиозному предприятию. Несомненно, это

произвело впечатление на смелого Кортеса, для которого трудности всегда были стимулом, а не препятствием для предприятий. Но он благоразумно промолчал, по крайней мере публично, предпочитая, чтобы столь важное решение было принято всей армией, а не им одним.

Тем временем солдаты сильно страдали от неудобств своего положения среди раскаленных песков и ядовитых испарений соседних болот, а ядовитые насекомые этих жарких регионов не давали им покоя ни днем, ни ночью. Тридцать человек из их числа уже заболели и умерли; это была потеря, которую маленький отряд не мог себе позволить. К их бедам добавилось то, что холодность мексиканских вождей распространилась и на их последователей; припасы для лагеря не только значительно уменьшились, но и цены на них были завышены. Положение было столь же неблагоприятным для судов, которые стояли на открытой рейде, подверженной ярости первого *северного ветра*, который должен был пронестись по Мексиканскому заливу.

Эти обстоятельства побудили генерала отправить два судна под командованием Франциско де Монтехо с опытным Аламиносом в качестве лоцмана, чтобы исследовать побережье в северном направлении и посмотреть, не удастся ли найти там более безопасный порт и более удобные места для размещения армии.

Через десять дней мексиканские посланники вернулись. Они вошли в испанские кварталы с той же торжественностью, что и во время предыдущего визита, принеся с собой дополнительный подарок в виде богатых тканей и металлических украшений, которые, хотя и уступали по стоимости принесенным ранее, были оценены в три тысячи унций золота. Кроме того, там были четыре драгоценных камня значительного размера, похожих на изумруды, которые местные жители называли *чалчуитами*. Каждый из них, как они уверяли испанцев, стоил больше, чем груз золота, и был предназначен в знак особого уважения к испанскому монарху.^[21] К сожалению, в Европе они не стоили и груза земли.

Ответ Монтесумы был по сути таким же, как и раньше. Он содержал категорический запрет для чужеземцев приближаться к столице и выражал его уверенность в том, что, получив то, чего они больше всего желали, они без ненужной задержки вернутся в свою страну. Кортес принял этот неприятный ответ вежливо, хотя и несколько холодно, и, обращаясь к своим офицерам, воскликнул: «Это действительно богатый и могущественный принц; но нам будет нелегко, но однажды мы посетим его столицу!»

Пока они беседовали, прозвонил колокол, призывающий на вечернюю молитву. Услышав звук, солдаты пали на колени и вознесли молитвы перед большим деревянным крестом, установленным в песке. Пока ацтекские вожди смотрели на них с любопытным удивлением, Кортес решил, что это подходящий момент, чтобы произвести на них впечатление тем, что он считал главной целью своего визита в эту страну. Отец Ольмедо как можно кратко и ясно изложил основные доктрины христианства, коснувшись искупления, страстей и воскресения, и в заключение заверил свою изумленную аудиторию, что их намерение состоит в том, чтобы искоренить идолопоклоннические обычаи народа и заменить их чистым поклонением истинному Богу. Затем он вручил им маленькую статуэтку Девы Марии с младенцем Иисусом, попросив их поставить ее в своих храмах вместо своих кровожадных божеств. Насколько ацтекские правители поняли тайны веры, изложенные в двойной версии Агилара и Марины, и насколько хорошо они уловили тонкие различия между своими собственными образами и образами римской церкви, нам неизвестно. Однако есть основания опасаться, что семя упало на бесплодную почву, ибо, когда проповедь доброго отца закончилась, они удалились с выражением сомнительной сдержанности, очень отличающимся от их дружеских манер при первой встрече. В ту же ночь все хижины были покинуты коренными жителями (), и испанцы внезапно оказались отрезанными от снабжения посреди пустынной местности. Это движение выглядело настолько подозрительно, что Кортес опасался нападения на свои кварталы и принял соответствующие меры предосторожности. Но никакого нападения не было.

Армия наконец вздохнула с облегчением, когда Монтехо вернулся из своей разведывательной экспедиции после двенадцатидневного отсутствия. Он проплыл по заливу до Пануко, где при попытке обогнуть мыс столкнулся с такими сильными штормами, что был вынужден повернуть назад и едва не затонул. За все время путешествия он нашел только одно место, достаточно защищенное от северных ветров. К счастью, прилегающая местность, хорошо орошаемая свежими проточными ручьями, предоставляла благоприятное место для лагеря, и после некоторого обсуждения было решено отправиться туда.^[22]

ГЛАВА VII

ПРОБЛЕМЫ В ЛАГЕРЕ — ПЛАН КОЛОНИИ — УПРАВЛЕНИЕ КОРТЕСА — ПОХОД НА СЕМПОАЛЛА — ОТНОШЕНИЯ С КОРЕННЫМ НАСЕЛЕНИЕМ — ОСНОВАНИЕ ВЕРА-КРУЗ

1519

Нет ситуации, которая так сильно испытывала бы терпение и дисциплину солдата, как безделье в лагере, где его мысли, вместо того чтобы быть сосредоточенными на предприятиях и действиях, зациклены на нем самом и на неизбежных лишениях и опасностях его положения. Это было особенно актуально в данном случае, когда, помимо недостатка продовольствия, войска страдали от чрезмерной жары, роев ядовитых насекомых и других неприятностей, связанных с душным климатом. Кроме того, они были далеки от характера регулярных войск, обученных подчиняться командиру, которого их долго учили уважать и которому они должны были повиноваться. Они были солдатами удачи, отправившимися с ним в приключение, в котором все, казалось, были равны, и они считали своего капитана — капитана на один день — чуть ли не равным себе.

Среди людей росло недовольство из-за их длительного пребывания в этой странной стране. Они были еще более недовольны, узнав о намерении генерала перебраться в окрестности порта, открытого Монтехо. «Пора возвращаться, — говорили они, — и доложить о том, что было сделано, губернатору Кубы, а не задерживаться на этих бесплодных берегах, пока они не нагнали на себя всю мексиканскую империю!» Кортес как мог уклонялся от их настойчивых просьб, уверяя их, что нет повода для уныния. «До сих пор все шло благополучно, и, когда они займут более выгодное положение, нет причин сомневаться, что они смогут продолжать те же выгодные отношения с туземцами».

В то время как все это происходило, однажды утром в лагере появились пять индейцев, которых привели в палатку генерала. Их одежда и весь внешний вид отличались от мексиканцев. Они носили золотые кольца и ярко-синие драгоценные камни в ушах и ноздрях, а к нижней губе был прикреплен тонко выработанный золотой листок. Марина не могла понять их язык, но, когда она обратилась к ним на ацтекском, оказалось, что двое из них могли разговаривать на этом языке. Они сказали, что были уроженцами Чемпоаллы, главного города тотонаков, могущественного народа, который много веков назад пришел на великое плато и, спустившись с его восточного склона, поселился вдоль горных хребтов и широких равнин, окаймляющих Мексиканский залив на севере. Их страна была одной из недавних завоеваний ацтеков, и они испытывали такое досадное угнетение со стороны своих завоевателей, что были очень недовольны их игом. Они сообщили Кортесу об этом и других подробностях. Слава испанцев дошла до их правителя, который послал этих послов, чтобы попросить чудесных незнакомцев явиться в его столицу.

Это сообщение было с нетерпением выслушано генералом, который, как помнится, не обладал никакими фактами, изложенными перед читателем, относительно внутреннего состояния королевства, которое он не имел оснований считать иным, чем сильным и единым. Теперь в его уме промелькнула важная мысль, поскольку его быстрый ум усмотрел в этом духе недовольства мощный рычаг, с помощью которого он мог надеяться свергнуть эту варварскую империю. Он очень любезно принял миссию тотонаков и, после того как узнал, насколько это было возможно, об их настроениях и ресурсах, отпустил их с подарками, пообещав вскоре навестить их господина.^[23]

Тем временем его личные друзья, среди которых можно особо упомянуть Алонсо Эрнандеса Пуэртокарреро, Кристобалья де Олида, Алонсо де Авилу, Педро де Альварадо и его братьев, были очень заняты тем, что убеждали войска принять такие меры, которые позволили бы Кортесу продвигаться вперед в своих амбициозных планах, на которые он не имел разрешения от властей Веласкеса. «Вернуться сейчас, — говорили они, — означало бы отказаться от предприятия, которое под руководством такого лидера должно привести к славе и неисчислимым богатствам. Вернуться на Кубу означало бы сдать жадному губернатору те немногие завоевания, которые они уже получили. Единственным выходом было убедить генерала основать в стране постоянную колонию, правительство которой взяло бы на себя управление делами и обеспечивало бы интересы своих членов. Правда, Кортес не имел на это полномочий от Веласкеса. Но интересы монархов, которые были выше всех других, настоятельно требовали этого».

Эти совещания не могли проводиться так тайно, хотя и проводились ночью, чтобы не дойти до ушей друзей Веласкеса.^[24] Они протестовали против этих действий, считая их коварными и нелояльными. Они обвинили генерала в подстрекательстве и, призвав его незамедлительно принять меры для возвращения войск на Кубу, объявили о своем намерении уйти вместе с теми последователями, которые остались верными губернатору.

Кортес, вместо того чтобы обидеться на эту высокомерную выходку или даже ответить тем же высокомерным тоном, мягко ответил, что «ничто не было дальше от его желания, чем превзойти свои инструкции. Он, действительно, предпочитал остаться в стране и продолжить свои выгодные отношения с туземцами. Но, поскольку армия думала иначе, он должен был подчиниться их мнению и отдать приказ о возвращении, как они того желали». На следующее утро было объявлено, что войска должны быть готовы к немедленной посадке на борт флота, который должен был отплыть на Кубу.^[25]

Приказ генерала вызвал большой резонанс. Даже многие из тех, кто раньше громко требовал его, с обычной прихотливостью людей, чьи желания слишком легко удовлетворяются, теперь сожалели об этом. Сторонники Кортеса громко выражали свое недовольство. «Генерал их предал», — кричали они и, толпясь вокруг его палатки, требовали от него отменить приказ. «Мы пришли сюда, — говорили они, — надеясь основать поселение, если ситуация в стране это позволит. Теперь же, похоже, у вас нет разрешения от губернатора на его создание. Но есть интересы, более важные, чем интересы Веласкеса, которые требуют этого. Эти территории не являются его собственностью, они были открыты для монархов,^[26] и необходимо основать колонию, чтобы следить за их интересами, вместо того чтобы тратить время на бесполезный бартер или, что еще хуже, возвращаться в нынешней ситуации на Кубу. Если вы откажетесь, — заключили они, — мы будем протестовать против вашего поведения как нелояльного по отношению к их высочествам».

Кортес принял эту протестную ноту с замешательством человека, для которого она была совершенно неожиданной. Он скромно попросил время на размышление и пообещал дать ответ на следующий день. В назначенное время он созвал войска и выступил перед ними с краткой речью. «Не было никого, — сказал он, — кто бы, зная свое сердце, был более предан благополучию своих монархов и славе испанского имени, чем он сам. Он не только потратил все свои средства, но и набрал большие долги, чтобы покрыть расходы на эту экспедицию, и надеялся возместить их, продолжая торговлю с мексиканцами. Но если солдаты считают целесообразным поступить иначе, он готов отложить свои личные интересы ради блага государства ()».^[27] В заключение он заявил о своей готовности принять меры для основания колонии *от имени испанских монархов* и назначить магистрат, который будет ей управлять.^[28]

В качестве *алькальдов* он выбрал Пуэртокарреро и Монтехо, первого — своего верного друга, второго — друга Веласкеса, и выбрал его именно по этой причине; этот политический ход оказался совершенно удачным. Затем были назначены *регидоры*, *альгуасил*, казначей и другие чиновники, все из которых были его личными друзьями и сторонниками. Они были официально

приведены к присяге, и новый город получил название *Вилья-Рика-де-Вера-Крус*, «Богатый город Истинного Креста»; это название считалось удачным, поскольку оно символизировало союз духовных и мирских интересов, которому должны были посвятить себя испанские авантюристы в Новом Свете.^[29] Таким образом, одним росчерком пера лагерь был преобразован в гражданское сообщество, и вся структура и даже название города были определены еще до того, как было решено, где он будет расположен.

Новые муниципальные власти не заставили себя долго ждать; когда Кортес предстал перед этим августейшим собранием с шапкой в руках и, положив на стол полномочия Веласкеса, уважительно подал в отставку со своего поста генерал-капитана, «который, по сути, — сказал он, — неизбежно истек, поскольку власть губернатора теперь заменена властью магистрата Вилья-Рика-де-Вера-Крус». Затем он, глубоко поклонившись, покинул зал.^[30]

Совет, после долгих обсуждений, вновь попросил его явиться. «Никто, по их мнению, не был так хорошо подготовлен, чтобы заботиться об интересах общины, как в мирное время, так и в военное, как он сам; и они единодушно назначили его, от имени их католических высочеств, генерал-капитаном и главным судьей колонии». Ему было также предоставлено право забирать себе одну пятую часть золота и серебра, которые в дальнейшем могли быть получены в результате торговли или завоеваний у коренного населения.^[31] Обладая таким образом высшей гражданской и военной властью, Кортес не медлил с утверждением своей власти. Он быстро нашел для этого повод.

Вышеописанные события следовали друг за другом так быстро, что партия губернатора, по-видимому, была застигнута врасплох и не успела разработать план противодействия. Однако, когда была принята последняя мера, они разразились самыми возмущенными и оскорбительными выпадами, осуждая все это как систематический заговор против Веласкеса. Эти обвинения привели к взаимным упрекам со стороны солдат другой стороны, пока слова не перешли почти в драку. Некоторые из главных кавалеров, среди которых были Веласкес де Леон, родственник губернатора, Эскобар, его паж, и Диего де Ордас, так активно подстрекали к этим беспорядкам, что Кортес принял смелое решение заключить их всех в кандалы и отправить на корабли. Затем он распустил рядовых солдат, отделив многих из них от сильной группы под командованием Альварадо, чтобы они провели разведку по соседним землям и привезли провизию для нуждающегося лагеря.

Во время их отсутствия использовались все аргументы, которые могли предложить алчность или честолюбие, чтобы завоевать непокорных его взглядам. Говорят, были щедро раздаваемы обещания и даже золото, пока постепенно их разум не открылся для более ясного представления о существе дела. И когда группа фуражиров вернулась с изобилием домашней птицы и овощей, а вожеление желудка — этой великой лаборатории недовольства, будь то в лагере или столице, — было утолено, хорошее настроение вернулось вместе с хорошим настроением, и соперничающие группировки обняли друг друга как товарищи по оружию, преданные общему делу. Даже отважные идалго на борту судов недолго сопротивлялись общему приливу примирения, но один за другим отказались от своей приверженности новому правительству. Что еще более примечательно, так это то, что это вынужденное обращение не было пустым, но с этого времени несколько из этих самых кавалеров стали самыми стойкими и преданными сторонниками Кортеса.^[32]

Таково было обращение этого необыкновенного человека и таково влияние, которое он за несколько месяцев приобрел над этими дикими и буйными душами! Этим гениальным преобразованием вооруженных сил в гражданское сообщество он обеспечил новую и эффективную основу для будущих операций. Теперь он мог идти вперед, не опасаясь проверки или контроля со стороны вышестоящего начальства — по крайней мере, со стороны любого другого вышестоящего начальства, кроме короны, в подчинении которой только он и исполнял свои обязанности. Добившись этого, вместо того чтобы навлечь на себя обвинение в узурпации

или превышении своих законных полномочий, он в значительной степени переложил ответственность на тех, кто навязал ему необходимость действий. Более того, этим шагом он неразрывно связал судьбу своих последователей со своей собственной. Они воспользовались своим шансом вместе с ним и, к счастью или к несчастью, должны были отвечать за последствия. Он больше не был ограничен узкими интересами грязной торговли, но, уверенный в их сотрудничестве, мог теперь смело обдумывать и постепенно раскрывать те возвышенные планы, которые он вынашивал в своей собственной душе для завоевания империи. [33]

Таким образом, гармония была восстановлена, Кортес направил свои тяжелые орудия на борт флота и приказал ему двигаться вдоль берега на север до Чиауицтлы, {*} городка, близ которого был расположен предназначенный порт нового города; сам он предложил во главе своих войск посетить Семпоаллу на марше. Дорога на несколько миль пролегла по унылым равнинам в окрестностях современного Веракруса. В этой песчаной пустоши их глазам не попадалось никаких признаков растительности, которые, однако, время от времени освежались проблесками голубой Атлантики и далеким видом великолепной Орисабы, возвышающейся в своей безупречной снежной диадеме намного над своими колоссальными собратьями в Андах. [34] По мере их продвижения страна постепенно приобретала более зеленый и богатый вид. Они с трудом переправились через реку, вероятно, приток *Рио-де-ла-Антигуа*, на плотах и на нескольких сломанных каноэ, валявшихся на берегу. Теперь перед ними предстал совсем другой пейзаж — широкие холмистые равнины, покрытые богатым зеленым ковром и затененные кокосовыми рощами и перистыми пальмами, среди высоких, тонких стволов которых виднелись олени и различные дикие животные, с которыми испанцы не были знакомы. Некоторые всадники погнались за оленями и ранили их, но убить не удалось. Они видели также фазанов и других птиц; среди них дикую индейку, гордость американских лесов, которую испанцы описали как разновидность павлина. [35]

{*} [Согласно Икстлильшочитлю, Hist. Чич., ср., 289, Куиауизтлан, *то есть* Дождливое место. —М.]

По пути они проезжали через несколько заброшенных деревень, в которых находились индейские храмы, где они нашли курительницы и другую священную утварь, а также рукописи из волокна *агавы*, содержащие рисунки, в которых, вероятно, были записаны их религиозные церемонии. Теперь они увидели также отвратительное зрелище, с которым они впоследствии познакомились, - изуродованные трупы жертв, принесенных в жертву проклятым божествам этой страны. Испанцы с отвращением и негодованием отвернулись от отвратительной кровавой игры, которая составляла столь мрачный контраст с прекрасными пейзажами природы, окружавшими их.

Они держали курс вдоль берега реки, к ее истоку, когда их встретили двенадцать индейцев, посланных касиком Семпоаллы показать им дорогу к его резиденции. Ночью они разбили лагерь на открытом лугу, где их новые друзья хорошо снабдили их провизией. На следующее утро они покинули ручей и, двинувшись на север через всю страну, вышли к широкому пространству роскошных равнин и лесов, сияющих всем великолепием тропической растительности. Ветви величественных деревьев были пестро увиты гроздьями темно-фиолетового винограда, пестрыми выюнками и другими цветущими паразитами самых ярких расцветок. Подлесок из колючего алоэ, переплетенный с шиповником и жимолостью, во многих местах образовывал почти непроходимую чашу. Среди этой дикой природы сладко пахнущих бутонов и цветов порхали многочисленные птицы из племени попугаев и стаи бабочек, чьи яркие краски, нигде столь великолепные, как на *огненной земле*, не соперничали с цветами растительного мира; в то время как птицы изысканного пения, алый кардинал, и чудесный пересмешник, который в своих нотах улавливает всю музыку леса, наполняли воздух восхитительной мелодией. Сердца суровых Завоевателей были не очень чувствительны к красотам природы. Но волшебное очарование

пейзажа вызывало безграничный восторг, и, бродя по этому “земному раю”, как они его называли, они с нежностью сравнивали его с прекраснейшими районами своей солнечной страны.^[36]

Приближаясь к индийскому городу, они увидели обильные признаки земледелия в аккуратных садах, тянувшихся по обе стороны дороги. Теперь их встречали группы туземцев обоего пола, число которых увеличивалось с каждым шагом их продвижения. Женщины, так же как и мужчины, бесстрашно смешались с солдатами, неся букеты и венки из цветов, которыми они украсили шею боевого коня генерала и повесили венок из роз на его шлем. Цветы были предметом восхищения этого народа. Они уделяли много внимания их выращиванию, в чем им хорошо помогал климат с чередованием тепла и влажности, стимулирующий почву к самопроизвольному развитию всех форм растительной жизни. Тот же утонченный вкус, как мы увидим, сохранился уоинственных ацтеков и пережил деградацию нации у их нынешних потомков.^[37]

Судя по их более богатой одежде и многочисленной свите, многие женщины были высокопоставленными особами. Они были одеты в одежды из тонкого хлопка причудливой расцветки, которые доходили от шеи — у низших сословий, от талии - до лодыжек. Мужчины носили что-то вроде мантии из того же материала, *а-ля мориска*, на мавританский манер, наброшенной на плечи, и пояса или перевязи вокруг чресел. У обоих полов на шеях были драгоценные камни и украшения из золота, а в ушах и ноздрях были продеты кольца из того же металла.

Незадолго до прибытия в город несколько всадников, выехавших заранее, вернулись с поразительным известием, “что они были достаточно близко, чтобы заглянуть за ворота, и обнаружили, что все дома отделаны полированным серебром!” Войдя в это место, оказалось, что серебро представляет собой не что иное, как блестящий слой штукатурки, которой были покрыты главные здания; обстоятельство, вызвавшее много веселья среди солдат за счет их доверчивых товарищей. Такая легкомысленность является доказательством возвышенного состояния их воображения, которое было готово видеть золото и серебро в каждом предмете вокруг них.^[38] Здания лучшего типа были построены из камня и извести или кирпичей, высушенных на солнце; здания беднее были из глины и земли. Все они были покрыты пальмовыми листьями, которые, хотя и являлись, по-видимому, непрочной крышей для подобных сооружений, были так красиво переплетены, что образовывали очень эффективную защиту от непогоды.

Говорили, что в городе проживало от двадцати до тридцати тысяч жителей. Это самые скромные подсчеты, и в них нет ничего невероятного.^[39] Медленно и молча маленькая армия шагала по узким и теперь многолюдным улицам Семпоаллы, вызывая у местных жителей не большее удивление, чем они сами испытывали при виде политики и утонченности, настолько превосходящих все, что они видели в Новом Свете.^[40] Касик вышел перед своей резиденцией, чтобы встретить их. Он был высоким и очень тучным мужчиной и продвигался вперед, опираясь на двух своих сопровождающих. Он принял Кортеса и его последователей с большой вежливостью и, после краткого обмена любезностями, предоставил армии помещение в соседнем храме, в просторном дворе которого было несколько помещений, обеспечивающих отличное размещение солдат.

Здесь испанцев хорошо снабжали провизией, мясо готовили по местным обычаям, а из маиса делали лепешки. Генерал получил также от касика ценный подарок, состоявший из золотых украшений и тонкого хлопка. Несмотря на эти дружеские демонстрации, Кортес не ослаблял своей обычной бдительности и не пренебрегал ни одной из предосторожностей хорошего солдата. Действительно, на своем пути он всегда маршировал в боевом порядке, хорошо подготовленный к неожиданностям. В своих нынешних покоях он с такой же тщательностью расставил часовых, разместил свою небольшую артиллерию так, чтобы контролировать вход, и запретил любому солдату покидать лагерь без приказа под страхом смерти.^[41]

На следующее утро Кортес в сопровождении пятидесяти своих людей нанес визит сеньору Семпоаллы в его собственную резиденцию. Это было здание из камня и извести, стоявшее на

крутой земляной террасе, куда вели каменные ступени. Возможно, по своей структуре он имел сходство с некоторыми древними постройками, найденными в Центральной Америке. Кортес, оставив своих солдат во дворе, вошел в особняк в сопровождении одного из своих офицеров и прекрасной переводчицы доньи Марины.^[42] Последовала длительная конференция, из которой испанский генерал почерпнул много света о состоянии страны. Сначала он объявил вождю, что является подданным великого монарха, живущего за морями; что он прибыл к берегам ацтеков, чтобы искоренить бесчеловечное поклонение, царившее там, и распространить знание об истинном Боге. Касик ответил, что их боги, которые посылают им солнечный свет и дождь, были достаточно благосклонны к ним; что он также был данником могущественного монарха, столица которого стояла на озере далеко среди гор, — сурового принца, безжалостного в своих требованиях, и в случае сопротивления или любого оскорбления обязательно осуществит свою месть, уводя их юношей и девушек в жертву своим божествам. Кортес заверил его, что никогда не согласится на такие чудовищные действия; он был послан своим сувереном, чтобы исправить злоупотребления и наказать угнетателя;^[43] и, если тотонаки будут верны ему, он позволит им сбросить ненавистное иго ацтеков.

Касик добавил, что на территории Тотонаков насчитывалось около тридцати городов и деревень, которые могли вместить сто тысяч воинов, — число сильно преувеличенное.^[44] По его словам, были и другие провинции империи, где правление ацтеков было столь же отвратительным; а между ним и столицей лежала воинственная республика Тласкала, которая всегда сохраняла свою независимость от Мексики. Слава испанцев опередила их самих, и он был хорошо знаком с их ужасной победой при Табаско. Но все же он с сомнением и тревогой ожидал разрыва с “великим Монтесумой”, как он всегда называл его; чьи армии при малейшем поводе хлынут из горных районов Запада и, пронесаясь по равнинам подобно вихрю, унесут несчастных людей в рабство и принесут в жертву!

Кортес попытался успокоить его, заявив, что один испанец сильнее множества ацтеков. В то же время было желательно знать, какие нации будут сотрудничать с ним, не столько из-за него, сколько из-за них, чтобы он мог отличать друга от врага и знать, кого он должен пощадить в этой войне на уничтожение. Завоевав доверие восхищенного шефа этим удобным и политизированным хвастовством, он с любовью отклонялся, заверив, что вскоре вернется и согласует меры для их будущих операций, когда посетит свои корабли в соседнем порту и устроится там на постоянное жительство.^[45]

Сведения, полученные Кортесом, доставили ему огромное удовлетворение. Это подтвердило его прежние взгляды и действительно показало, что внутри монархии царит гораздо большее смятение, чем он предполагал. Если раньше он едва ли уклонялся от нападения на империю ацтеков, в истинном духе странствующего рыцаря, так сказать, одной рукой, то чего ему было бояться теперь, когда одна половина нации могла быть таким образом направлена против другой? В этот волнующий момент его сангвинический дух воспылал энтузиазмом, который преодолевал все препятствия. Он поделился своими чувствами с окружавшими его офицерами, и еще до того, как был нанесен удар, им уже казалось, что знамена Испании торжествующе развеваются на башнях Монтесумы! Но много кровавых сражений предстояло пройти, со многими опасностями и лишениями пришлось столкнуться, прежде чем удалось достичь этого завершения.

Распрощавшись с гостеприимным индейцем, на следующий день испанцы отправились в Чиауицтлу,^[46] примерно в четырех лигах от нее, недалеко от которой находился порт, обнаруженный Монтехо, где их корабли сейчас стояли на якоре. Касик предоставил им четыреста индийских носильщиков, *таманес*, как их называли, для перевозки багажа. Эти люди легко переносили вес в пятьдесят фунтов на пять-шесть миль в день. Они использовались по всей Мексиканской империи, и испанцы сочли, что отныне они сослужили большую службу, освободив войска от этой части их обязанностей. Они проехали через страну с таким же богатым, чувственным характером, как и та, которую они недавно пересекли, и рано утром следующего дня

прибыли в индийский городок, примостившийся подобно крепости на крутом скалистом возвышении, возвышавшемся над заливом. Большинство жителей бежали, но остались пятнадцать видных людей, которые встретили их дружелюбно, предложив обычные комплименты в виде цветов и благовоний. Местные жители, утратив страх, постепенно возвращались. Пока они беседовали с вождями, к испанцам присоединился достойный касик Семпоаллы, которого его люди несли на носилках. Он охотно принимал участие в их обсуждениях. Разведданные, полученные здесь Кортесом, подтвердили уже собранные сведения о чувствах и ресурсах народа тотонаков.

В разгар их совещания они были прерваны движением среди людей, и вскоре после этого на большую площадь, или рыночную площадь, где они стояли, вышли пятеро мужчин. Судя по их высокомерному виду, необычной и гораздо более богатой одежде, они не принадлежали к той же расе, что и эти индейцы. Их темные блестящие волосы были собраны в узел на макушке. В руках у них были букеты цветов, за ними следовали несколько слуг, одни несли жезлы со шнурами, другие - веера, которыми они отмахивались от мух и букашек со своих величественных хозяев. Проходя через это место, эти люди бросали на испанцев надменные взгляды, едва удостоив их ответным приветствием. К ним немедленно присоединились, в большом замешательстве, вожди тотонаков, которые, казалось, стремились умиротворить их всяческим вниманием.

Генерал, сильно удивленный, спросил Марину, что это значит. Она сообщила ему, что они были знатными ацтеками, уполномоченными получать дань за Монтесуму. Вскоре после этого вожди вернулись с тревогой, написанной на их лицах. Они подтвердили заявление Марины, добавив, что ацтеков сильно возмутило развлечение, предоставленное испанцам без разрешения императора, и потребовали в качестве искупления двадцать молодых мужчин и женщин для принесения в жертву богам. Кортес выразил сильнейшее возмущение такой наглостью. Он потребовал от тотонаков не только отказаться от требования, но и арестовать коллекционеров и бросить их в тюрьму. Вожди колебались, но он настаивал на этом так безапелляционно, что они в конце концов подчинились, и ацтеков схватили, связали по рукам и ногам и поместили под стражу.

Ночью испанский генерал обнаружил побег двоих из них и тайно привел их к себе. Он выразил сожаление по поводу унижения, которому они подверглись со стороны тотонаков; сказал им, что предоставит средства для их бегства и завтра постарается добиться освобождения их товарищей. Он пожелал, чтобы они доложили об этом своему хозяину с заверениями в большом уважении, которое испанцы питают к нему, несмотря на его неблагородное поведение, заставившее их погибать от нужды на его бесплодных берегах. Затем он отправил мексиканскую знать в порт, откуда их по воде перевезли в другую часть побережья, опасаясь насилия со стороны тотонаков. Они были сильно разгневаны побегом пленников и немедленно пожертвовали бы остальными, если бы не испанский командующий, который выразил крайний ужас от такого предложения и приказал отправить их под надежную охрану на борт флота. Вскоре после этого им разрешили присоединиться к своим товарищам. Это хитроумное действие, столь характерное для политики Кортеса, произвело, как мы увидим ниже, на Монтесуму тот эффект, которого от него ожидали. Конечно, ее нельзя похвалить как истинно рыцарскую. И все же она не захотела, чтобы ее восхваляли среди национальных историков!^[47]

По приказу Кортеса в города тотонаков были отправлены гонцы, чтобы сообщить о содеянном и призвать их отказаться от дальнейшей выплаты дани Монтесуме. Но в посыльных не было необходимости. Перепуганные слуги ацтекских владык разбежались во все стороны, неся весть, которая распространилась по стране подобно лесному пожару, о дерзком оскорблении, нанесенном величию Мексики. Изумленные индейцы, окрыленные сладкой надеждой вернуть свою древнюю свободу, в большом количестве прибывали в Чиауицтлу, чтобы увидеть грозных чужеземцев и посоветоваться с ними. Более робкие, встревоженные мыслью о столкновении с властью Монтесумы, рекомендовали отправить посольство, чтобы предотвратить его

неудовольствие своевременными уступками. Но умелое руководство Кортеса завело их слишком далеко, чтобы можно было ожидать какого-либо разумного снисхождения с этой стороны. Поэтому после некоторых колебаний было решено прибегнуть к защите испанцев и предпринять одно смелое усилие для восстановления свободы. Вожди принесли клятвы верности испанским суверенам и были должным образом зафиксированы Годоем, королевским нотариусом. Кортес, довольный важным приобретением стольких вассалов короны, вскоре после этого отправился в назначенный порт, предварительно пообещав посетить Семпоаллу, где его дела были завершены лишь частично. [\[48\]](#)

Место, выбранное для нового города, находилось всего в полулиге отсюда, на широкой и плодородной равнине, служившей сносным убежищем для судоходства. Кортесу не потребовалось много времени, чтобы определить контур стен и места расположения форта, зернохранилища, городского дома, храма и других общественных зданий. Дружелюбные индейцы охотно помогали, принося материалы: камень, известь, дерево и кирпичи, высушенные на солнце. Каждый мужчина приложил к работе свою руку. Генерал работал с самыми подлыми солдатами, стимулируя их усилия своим примером, а также голосом. Через несколько недель задача была выполнена, и вырос город, который, если и не вполне соответствовал тому амбициозному названию, которое он носил, то отвечал большинству целей, для которых он был предназначен. Он служил хорошим *пунктом назначения* для будущих операций; местом отступления для инвалидов, а также для армии в случае неудачи; хранилищем для припасов и для тех товаров, которые можно было получить из метрополии или отправить в нее; портом для судоходства; позицией достаточной силы, чтобы внушить страх соседней стране. [\[49\]](#)

Это была первая колония — плодотворная прародительница многих других — в Новой Испании. Простые туземцы с удовлетворением приветствовали его, надеясь отдохнуть в безопасности под его покровительственной сенью. Увы! они не умели читать будущее, иначе не нашли бы причин радоваться этому предвестнику революции, более грандиозной, чем любая из предсказанных их бардами и пророками. Это был не добрый Кецалькоатль, который вернулся, чтобы снова заявить о своих правах, принес на своем пути мир, свободу и цивилизацию. Их оковы, действительно, были бы разорваны, и их обиды были бы щедро отомщены гордой голове ацтеков. Но это должно было быть сделано той сильной рукой, которая должна была в равной степени склонить угнетателя и угнетенных. Свет цивилизации пролился бы на их землю. Но это был бы свет всепожирающего огня, перед которым их варварская слава, их институты, само их существование и название как нации увяли бы и исчезли! Их судьба была предreshена, когда белый человек ступил на их землю.

Когда испанцы были заняты своим новым поселением, они были удивлены присутствием посольства из Мексики. Весть о заточении королевских сборщиков налогов быстро распространилась по стране. Когда она достигла столицы, все были поражены беспрецедентной смелостью чужеземцев. В Монтесуме все другие чувства, даже страх, были поглощены негодованием; и он проявил свою обычную энергию в энергичных приготовлениях, которые он немедленно предпринял, чтобы наказать своих непокорных вассалов и отомстить за оскорбление, нанесенное величию империи. Но когда ацтекские офицеры, освобожденные Кортесом, добрались до столицы и сообщили о вежливом обращении, оказанном им испанским командующим, гнев Монтесумы поутих, и его суеверные страхи, снова взяв верх, побудили его возобновить свою прежнюю робкую и примирительную политику. Соответственно, он отправил посольство, состоящее из двух юношей, своих племянников и четырех старинных дворян своего двора, в испанские кварталы. Он снабдил их, в своем обычном духе щедрости, королевским пожертвованием в виде золота, дорогих хлопчатобумажных тканей и красивых мантий с *плюмажем*, или вышивкой из перьев. Послы, представ перед Кортесом, вручили ему документы, в то же время выразив признательность своего господина за любезность, которую он проявил, освободив своих плененных дворян. Однако он был удивлен и огорчен тем, что испанцы поддерживали его вероломных вассалов в их восстании. Он не сомневался, что это были незнакомцы, о прибытии которых так давно было объявлено оракулами, и они были одного с ним происхождения.^[50] Из уважения к ним он пощадил тотонаков, пока они присутствовали. Но время для мести придет.

Кортес принимал индейских вождей с откровенным гостеприимством. В то же время он позаботился о том, чтобы продемонстрировать свои возможности таким образом, чтобы, хотя это забавляло их умы, оставить глубокое впечатление о его могуществе. Затем, после нескольких пустяковых подарков, он отпустил их с примирительным посланием их хозяину и заверением, что вскоре засвидетельствует ему свое почтение в его столице, где все недоразумения между ними будут легко улажены.

Союзники-тотонаки едва могли поверить своим ушам, когда узнали о сути этого интервью. Несмотря на присутствие испанцев, они с опаской смотрели на последствия своего опрометчивого поступка, и их чувство восхищения переросло в благоговейный страх перед чужеземцами, которые на таком расстоянии могли оказывать столь таинственное влияние на ужасного Монтесуму.^[51]

Вскоре после этого испанцы получили заявку от касика Семпоаллы с просьбой помочь ему в споре, который он вел с соседним городом. Кортес выступил с частью своих войск ему на подмогу. По пути некто Морла, простой солдат, украл у местного жителя пару домашних птиц. Кортес, возмущенный таким нарушением его приказов у него на глазах и сознавая важность поддержания репутации добросовестного человека среди своих союзников, приказал немедленно повесить этого человека на обочине дороги на глазах у всей армии. К счастью для бедняги, Педро де Альварадо, будущий завоеватель Киче, был рядом и отважился разрубить тело, пока в нем еще была жизнь. Он, вероятно, думал, что, например, сделано уже достаточно, и потеря одной-единственной жизни без необходимости была большим, чем могла позволить себе маленькая группа. Этот анекдот характерен, поскольку показывает строгую дисциплину, поддерживаемую Кортесом над своими людьми, и свободу, которую допускали его капитаны, которые относились к нему почти на равных, как к товарищу по приключениям, такому же, как они сами. Это чувство

товарищества привело к духу неподчинения среди них, что сделало его собственный пост командира более деликатным и трудным.

По прибытии во враждебный город, расположенный всего в нескольких лье от побережья, они были приняты дружелюбно; и Кортес, которого сопровождали его союзники, имел удовольствие примирить эти различные ветви семьи Тотонак друг с другом без кровопролития. Затем он вернулся в Семпоаллу, где был с радостью встречен народом, на которого теперь произвело впечатление столь же благоприятное мнение о его умеренности и справедливости, как раньше о его доблести. В знак своей благодарности индийский касик доставил генералу восемь индийских девушек, богато одетых, в ошейниках и золотых украшениях, а также несколько рабынь, которые прислуживали им. Они были дочерьми главных вождей, и касик попросил, чтобы испанские капитаны могли взять их в жены. Кортес вежливо принял девушек, но сказал касику, что сначала они должны креститься, поскольку сыны Церкви не могут иметь дела с идолопоклонниками.^[52] Затем он заявил, что главной целью его миссии было отучить туземцев от их языческих мерзостей, и умолял владыку тотонаков позволить свергнуть его идолов и воздвигнуть на их месте символы истинной веры.

На это тот, как и прежде, ответил, что его боги достаточно хороши для него; и никакие уговоры генерала, ни проповеди отца Ольмедо не могли заставить его согласиться. Смешанный со своим политеизмом, он имел представления о Высшемвысшем и Бесконечном Существо, Творце Вселенной, и его затемненный разум не мог постичь, как такое Существо могло снизойти до того, чтобы принять форму человечества, с его немощами и болезнями, и скитаться по земле, добровольная жертва преследований со стороны тех, кого его дыхание вызвало к жизни.^[53] Он прямо сказал испанцам, что будет сопротивляться любому насилию, предложенному его богам, которые, действительно, сами отомстят за этот акт немедленным уничтожением своих врагов.

Но рвение христиан возросло слишком высоко, чтобы его можно было охладить увещаниями или угрозами. За время своего пребывания на этой земле они не раз были свидетелями варварских обрядов туземцев, их жестоких человеческих жертвоприношений и отвратительных каннибальских трапез.^[54] Их души содрогнулись от этих мерзостей, и они в один голос согласились поддержать своего генерала, когда он сказал им, что “Небеса никогда не улыбнутся их предприятию, если они будут поощрять такие зверства, и что, со своей стороны, он решил, что индийские идолы должны быть уничтожены в тот же час, даже если это будет стоить ему жизни”. Откладывать работу по обращению было грехом. В пылу момента не были приняты во внимание ни политические требования, ни обычное благоразумие.

Едва дождавшись его приказа, испанцы двинулись к одному из главных *теокаллис*, или храмов, который возвышался высоко на пирамидальном фундаменте, с крутыми каменными ступенями посередине. Касик, разгадав их намерения, немедленно призвал своих людей к оружию. Индейские воины собрались со всех сторон с пронзительными криками и бряцанием оружия; в то время как священники в своих темных хлопчатобумажных одеждах, с растрепанными волосами, перепачканными кровью, стекавшей по их плечам, в бешенстве носились среди туземцев, призывая их защитить своих богов от надругательства! Теперь повсюду царили смятение, суматоха и воинственная угроза там, где еще так недавно царили мир и сладостное братство народов.

Кортес принял свои обычные быстрые и решительные меры. Он приказал касику и некоторым из главных жителей и священников быть арестованными его солдатами. Затем он приказал им утихомирить людей, потому что, если в испанца будет выпущена стрела, это будет стоить каждому из них жизни. Марина, в то же время, олицетворяла безумие сопротивления и напоминала касику, что если он сейчас оттолкнет расположение испанцев, то останется без защитника от ужасной мести Монтесумы. Эти временные соображения, по-видимому, имели для вождя тотонаков больший вес, чем соображения более духовного характера. Он закрыл лицо руками, утверждая, что боги отомстят за свои собственные обиды.

Христиане не замедлили воспользоваться его молчаливым согласием. Пятьдесят солдат по сигналу своего генерала взбежали по огромной лестнице храма, вошли в здание на вершине, стены которого были черны от человеческой крови, сорвали огромных деревянных идолов с их фундамента и оттащили их к краю террасы. Их фантастические формы и черты лица, передающие символический смысл, который был утерян испанцами, казались в их глазах всего лишь отвратительными чертами сатаны. С большой готовностью они скатили колоссальных чудовищ вниз по ступеням пирамиды под торжествующие крики их собственных товарищей, а также стоны и причитания туземцев. Затем они завершили все это сожжением в присутствии собравшейся толпы.

Последовал тот же эффект, что и на Косумеле. Тотонаки, обнаружив, что их божества неспособны предотвратить или даже наказать это осквернение их святынь, были невысокого мнения о своем могуществе по сравнению с могуществом таинственных и грозных чужеземцев. Затем по приказу Кортеса пол и стены *теокалли* были очищены от скверны; индийские каменщики нанесли на них свежий слой штукатурки; был воздвигнут алтарь, увенчанный высоким крестом и увешанный гирляндами из роз. Затем была сформирована процессия, в которой некоторые из главных жрецов-тотонаков, сменив свои темные мантии на белые, несли в руках зажженные свечи; в то время как изображение Пресвятой Девы, наполовину скрытое под тяжестью цветов, было поднято наверх и, когда процессия поднималась по ступеням храма, водружено над алтарем. Мессу отслужил отец Ольмедо, и впечатляющий характер церемонии и страстное красноречие доброго священника тронули чувства разношерстной публики до тех пор, пока индейцы, а также испанцы, если мы можем доверять хронисту, не расплакались и не стали слышны всхлипывания. Протестантский миссионер стремится просветить разум своего новообращенного бледным светом разума. Но более смелый католик, воспламеняющий дух великолепием зрелища и сияющим портретом агонизирующего Искупителя, увлекает своих слушателей бурей страсти, которая заглушает все, как отражение. Однако он заручился поддержкой своего новообращенного, взяв под контроль его привязанности — более легкую и могущественную власть над необразованным дикарем, чем разум.

Старый солдат по имени Хуан де Торрес, искалеченный телесной немощью, согласился остаться и присматривать за святилищем и обучать местных жителей его обслуживанию. Затем Кортес, обняв своих союзников-тотонаков, ныне братьев как по религии, так и по оружию, снова отправился на Вилья-Рику, где ему нужно было завершить кое-какие приготовления перед отъездом в столицу.^[55]

Он был удивлен, обнаружив, что в его отсутствие туда прибыло испанское судно с двенадцатью солдатами и двумя лошадьми на борту. Им командовал капитан по имени Сауседо, морской кавалер, который последовал по стопам Кортеса в поисках приключений. Несмотря на свою малочисленность, они обеспечивали очень годный набор рекрутов для маленькой армии. Эти люди сообщили испанцам, что Веласкес, губернатор Кубы, недавно получил от испанского правительства ордер на основание колонии в новооткрытых странах.

Теперь Кортес решил привести в исполнение план, который он некоторое время обдумывал. Он знал, что все последние действия колонии, а также его собственный авторитет рухнут без королевской санкции. Он знал также, что интерес Веласкеса, который был велик при дворе, будет полностью использован, как только он узнает о его отречении, чтобы обойти и сокрушить его. Он решил предвидеть его действия и послать в Испанию судно с депешами, адресованными самому императору, в которых сообщалось бы о характере и масштабах его открытий, а также получить, если возможно, подтверждение его действий. Чтобы заручиться доброй волей своего господина, он далее предложил послать ему такой подарок, который наводил бы на возвышенные мысли о важности его собственных заслуг перед короной. Чтобы осуществить это, королевская пятая часть, по его мнению, была недостаточной. Он посоветовался со своими офицерами и убедил их отказаться от своей доли сокровищ. По его просьбе они обратились с аналогичным заявлением к

солдатам, заявив, что это было искреннее желание генерала, который подал пример, отказавшись от своей собственной пятой части, равной доле короны. От каждого человека требовалось сдаться совсем немного, но все это было бы подарком, достойным монарха, для которого оно предназначалось. Этой жертвой они могли надеяться заручиться его снисхождением в прошлом и благосклонностью в будущем; временная жертва, которая была бы хорошо вознаграждена сохранностью богатых владений, ожидавших их в Мексике. Затем среди солдат был распространен документ, который всем, кто был склонен отказаться от своих акций, было предложено подписать. Те, кто отказался, должны были добиться уважения своих требований и получить причитающуюся им сумму. Никто не отказался подписать; таким образом, это стало еще одним примером необычайной власти, полученной Кортесом над этими алчными духами, которые по его зову отдали те самые сокровища, которые были главной целью их рискованного предприятия!^[56]

Он сопроводил этот подарок письмом к императору, в котором дал полный отчет обо всем, что выпало на его долю с момента отъезда с Кубы; о своих различных открытиях, битвах и торговле с местными жителями; об их обращении в христианство; о своих странных опасностях и страданиях; о многих подробностях, касающихся земель, которые он посетил, и тех, которые он смог собрать относительно великой мексиканской монархии и ее суверена. Он рассказал о своих трудностях с губернатором Кубы, о действиях армии в отношении колонизации и умолял императора подтвердить их действия, а также свои собственные полномочия, выразив полную уверенность в том, что он сможет с помощью своих храбрых последователей передать кастильскую корону во владение этой великой индийской империи.^[57]

Это было знаменитое, как его еще называют, *Первое письмо* Кортеса, которое до сих пор ускользало от всех поисков, предпринятых для его получения в библиотеках Европы.^[58] Его существование полностью подтверждается ссылками на него, как в его собственных последующих письмах, так и в трудах современников.^[59] Ее общий смысл изложен его капелланом Гомарой. Важность этого документа, несомненно, сильно переоценивалась; и, если он когда-нибудь выйдет на свет, вероятно, окажется, что он мало что добавит интересного к вопросу, содержащемуся в письме из Вера-Крус, которое легло в основу предыдущей части нашего повествования. У Кортеса не было никаких источников информации, кроме тех, которые были открыты авторам последнего документа. Он был еще менее полон и откровенен в своих сообщениях, если это правда, что он скрыл все сведения об открытиях двух своих непосредственных предшественников.^[60]

Магистраты Вилья-Рики в своем послании высказались на ту же тему, что и Кортес; завершив свое послание выразительным описанием неправомερных действий Веласкеса, чью продажность, вымогательство и эгоистичную преданность своим личным интересам, исключая интересы его монархов, а также его собственных последователей, они представили в самом ясном и незавидном свете.^[61] Они умоляли правительство санкционировать его вмешательство в дела новой колонии, которое было бы фатальным для ее благосостояния, но поручить это дело Эрнандо Кортесу, как человеку, наиболее способному, благодаря своему опыту и поведению, довести его до славного завершения.^[62]

К этому письму прилагалось также другое, от имени граждан-солдат Вилья-Рики, в котором они выражали свою покорность суверенам и просили подтвердить их действия, прежде всего действия Кортеса как их генерала.

Отбор агентов для этой миссии был деликатным делом, поскольку от результата могла зависеть будущая судьба колонии и ее командира. Кортес доверил это дело двум кавалерам, на которых он мог положиться: Франсиско де Монтехо, давнему стороннику Веласкеса, и Алонсо Эрнандесу де Пуэртокарреро. Последний офицер был близким родственником графа Медельинского, и можно было надеяться, что его высокие связи обеспечат благоприятное влияние при дворе.

Вместе с сокровищем, которое, казалось, подтверждало утверждение о том, что “земля изобиловала золотом в таком же изобилии, как и та, откуда Соломон черпал тот же драгоценный металл для своего храма”,^[63] было отправлено несколько индийских рукописей. Одни были из хлопка, другие - из мексиканской *агавы*. Их непонятные характеры, по словам хрониста, не вызвали особого интереса у Завоевателей. Однако, как свидетельство интеллектуальной культуры, они представляли более высокий интерес для философского ума, чем те дорогие ткани, которые свидетельствовали лишь о механической изобретательности нации.^[64] В качестве образцов аборигенов были добавлены четыре индийских раба. Они были спасены из клеток, в которых их держали для принесения в жертву. Для плавания было выбрано одно из лучших судов флота, укомплектованное пятнадцатью моряками и переданное под руководство лоцмана Аламиноса. Ему было приказано держать курс через Багамский пролив, к северу от Кубы, или Фернандины, как его тогда называли, и ни в коем случае не заходить на этот остров или какой-либо другой в Индийском океане. Получив эти инструкции, "Добрый корабль" отправился в путь 26 июля, нагруженный сокровищами и добрыми пожеланиями сообщества Вилла-Рика-де-Вера-Крус.

После быстрого перехода эmissары достигли острова Куба и, прямо игнорируя приказы, бросили якорь перед Мариеном, на северной стороне острова. Это было сделано для удобства Монтехо, который пожелал посетить принадлежащую ему плантацию по соседству. Выйдя из порта, моряк сошел на берег и, переправившись через остров в Сан-Яго, столицу, повсюду распространял вести об экспедиции, пока они не достигли ушей Веласкеса. Это было первое известие о вооружении, полученное с момента его отправки; и, слушая рассказ губернатора, было бы нелегко описать смешанные чувства любопытства, изумления и гнева, которые волновали его грудь. В первом порыве страсти он обрушил бурю оскорблений на головы своего секретаря и казначея, друзей Кортеса, которые рекомендовали его в качестве руководителя экспедиции. Немного успокоившись таким образом, он отправил два быстроходных судна в Мариен с приказом захватить корабль мятежников и, в случае его ухода, следовать за ним и настичь его.

Но прежде чем корабли смогли достичь этого порта, птица улетела и была уже далеко в пути через широкую Атлантику. Уязвленный этим новым разочарованием, Веласкес написал письма с возмущенными жалобами правительству на родине и отцам-иеронимитам на Эспаньоле, требуя возмещения ущерба. Последнее принесло ему мало удовлетворения. Однако он решил взять дело в свои руки и приступил к грандиозным приготовлениям для другой эскадрильи, которая должна была более чем соответствовать той, что находилась под командованием его мятежного офицера. Он был неутомим в своих усилиях, посещая каждую часть острова и напрягая все свои ресурсы для достижения своей цели. Приготовления были такими масштабными, что неизбежно требовали многих месяцев.

Тем временем маленькое суденышко благополучно продвигалось по водам и, причалив к одному из Азорских островов, благополучно вошло в гавань Св. Лукар, в октябре месяце. Каким бы долгим оно ни казалось в более совершенной мореходной науке наших дней, для этого оно считалось вполне приличным путешествием. О том, что случилось с комиссарами по прибытии, об их приеме при дворе и о сенсации, вызванной их разведкой, я откладываю рассказ до следующей главы.^[65]

Вскоре после отъезда членов комиссии произошло событие крайне неприятного характера. Несколько человек во главе со священником Хуаном Диасом, по той или иной причине обиженных на администрацию Кортеса или не получавших удовольствия от предстоящей им опасной экспедиции, разработали план захватить одно из судов, как можно скорее добраться до Кубы и доложить губернатору о судьбе вооружения. Оно было проведено с такой секретностью, что группа незаметно доставила на борт провизию, воду и все, что было необходимо для путешествия; когда заговор был раскрыт, в ту самую ночь, когда они должны были отплыть, одним из них, который раскаялся в том, что принимал в нем участие. Генерал приказал немедленно задержать причастных к этому лиц. Было начато расследование. Вина сторон не

вызывала сомнений. Двоим главарям был вынесен смертный приговор; еще один, пилот, был приговорен к потере ног, а еще несколько человек - к порке кнутом. Священнику, вероятно, самому виновному из всех, претендовавшему на обычную выгоду духовенства, было позволено сбежать. Одного из приговоренных к виселице звали Эскудеро, тот самый альгуасиль, который, как, возможно, помнит читатель, так незаметно задержал Кортеса перед святилищем на Кубе.^[66] Было слышно, как генерал, подписывая смертные приговоры, воскликнул: “Лучше бы я никогда не учился писать!” Было отмечено, что это восклицание было произнесено не в первый раз при подобных обстоятельствах.^[67]

Теперь, когда приготовления на Вилья-Рике были окончательно улажены, Кортес послал вперед Альварадо с большей частью армии в Семпоаллу, где он вскоре присоединился к ним с остальными. Недавняя история с заговором, по-видимому, произвела глубокое впечатление на него. Это показало ему, что в лагере были робкие люди, на которых он не мог положиться и которые, как он опасался, могли посеять семена недовольства среди своих товарищей. Даже более решительные люди при любом последующем проявлении отвращения или разочарования могут поколебаться в своих намерениях и, завладев сосудами, отказаться от предприятия. Это было уже слишком масштабно, а шансы были слишком велики, чтобы можно было рассчитывать на успех при уменьшении численности. Опыт показывал, что этого всегда следовало опасаться, пока были под рукой средства побега.^[68] Наилучшими шансами на успех было перекрыть эти средства. Он пришел к дерзкому решению уничтожить флот без ведома своей армии.

Прибыв в Семпоаллу, он поделился своим замыслом с несколькими своими преданными приверженцами, которые горячо разделяли его взгляды. С их помощью он с готовностью убедил пилотов с помощью тех золотых аргументов, которые для обычных умов имеют больший вес, чем какие-либо другие, составить такой отчет о состоянии флота, который соответствовал бы его целям. Корабли, по их словам, сильно пострадали от сильных штормов, с которыми они столкнулись, и, что еще хуже, черви въелись в их борта и днища до такой степени, что большинство из них стали непригодными для плавания, а некоторые и вовсе едва держались на плаву.

Кортес воспринял это сообщение с удивлением, “ибо он вполне мог лицемерить, - замечает Лас Касас со своим обычным дружелюбным комментарием, - когда это отвечало его интересам”. “Если это так, ” воскликнул он, “ мы должны извлечь из этого максимум пользы! Да будет воля Небес!”^[69] Затем он приказал разобрать пять самых плохо подготовленных судов, перевезти их снасти, паруса, железо и все, что было подвижного, на берег, а корабли затопить. Был проведен опрос остальных, и, согласно аналогичному отчету, еще четыре были осуждены таким же образом. Осталось только одно небольшое судно!

Когда разведанные достигли войск в Семпоалле, это вызвало глубочайший ужас. Они увидели, что одним ударом были отрезаны от друзей, семьи, страны! Самые отважные сердца трепетали при мысли о том, что их таким образом бросят на враждебном берегу, горстку людей, выступивших против грозной империи. Когда пришло известие об уничтожении пяти судов, осужденных первыми, они согласились на это как на необходимую меру, зная о вредной деятельности насекомых в этих тропических морях. Но когда за этим последовала потеря оставшихся четырех, в их умах вспыхнули подозрения относительно правды. Они почувствовали, что их предали. Ропот, поначалу глубокий, становился все громче и громче, угрожая открытым мятежом. “Их генерал, - говорили они, - вел их, как скот, на бойню в шамблес!”^[70] Дело носило наиболее тревожный характер. Ни в одной ситуации Кортес не подвергался большей опасности со стороны своих солдат.^[71]

Присутствие духа не покинуло его в этот критический момент. Он созвал своих людей и, используя тон убеждения, а не авторитета, заверил их, что осмотр кораблей показал, что они непригодны к службе. Если бы он приказал уничтожить их, они также должны были бы считать, что это была величайшая жертва, принесенная им, ибо они были его собственностью — всем, чем

он владел в мире. Войска, с другой стороны, извлекли бы из этого одно большое преимущество, пополнившись сотней трудоспособных рекрутов, прежде чем потребовалось бы укомплектовывать суда. Но даже если бы флот был спасен, он мог бы принести мало пользы в их нынешней экспедиции, поскольку они не нуждались бы в нем, если бы преуспели, в то время как они были бы слишком далеко в глубине страны, чтобы извлечь из него пользу, если бы потерпели неудачу. Он умолял их направить свои мысли в другое русло. Так просчитывать шансы и способы побега было недостойно храбрых душ. Они взялись за дело; оглядываться назад, когда они продвигались вперед, означало бы их гибель. Им нужно было только вернуть былую уверенность в себе и своем генерале, и успех был бы неизбежен. “Что касается меня,” заключил он, “я выбрал свою роль. Я останусь здесь, пока есть тот, кто составит мне компанию. Если есть кто-то настолько трусливый, что уклоняется от участия в опасностях нашего славного предприятия, пусть они отправляются домой, во имя Бога. Осталось еще одно судно. Пусть они забирают его и возвращаются на Кубу. Они могут рассказать там, как они бросили своего командира и своих товарищей, и терпеливо ждать, пока мы не вернемся, нагруженные добычей ацтеков”.^[72]

Политический оратор затронул нужную струну в сердцах солдат. По мере того, как он говорил, их негодование постепенно угасало. Поблекшие видения будущего богатства и славы, вновь воспламененные его красноречием, снова всплыли перед их воображением. Первое потрясение прошло, они устыдились своего временного недоверия. Энтузиазм по отношению к своему лидеру возродился, ибо они почувствовали, что только под его знаменами они могут надеяться на победу; и, когда он закончил, они засвидетельствовали отвращение к своим чувствам, огласив воздух криками: “За Мексику! в Мексику!”

Уничтожение его флота Кортесом, пожалуй, самый примечательный эпизод в жизни этого замечательного человека. История, действительно, дает примеры подобного приема в чрезвычайных ситуациях, в чем-то похожих; но ни один из них не был таким, когда шансы на успех были бы столь шаткими, а поражение - столь катастрофическим.^[73] Если бы он потерпел неудачу, вполне могло показаться, что

КОРТЕС ТОПИТ СВОИ КОРАБЛИ

Гупиль и Др., Париж

акт безумия. И все же это был плод обдуманного расчета. Он поставил удачу, славу, саму жизнь - все на актерский состав и должен был смириться с исходом. В его сознании не было альтернативы, кроме как преуспеть или погибнуть. Принятая им мера значительно увеличивала шансы на успех. Но привести его в исполнение перед лицом разъяренных и отчаявшихся солдат было решительным актом, который имеет мало аналогов в истории.^[74]

Брат Бартоломе де лас Касас, епископ Чьяпы, чья “История Индий” является важным авторитетом на предыдущих страницах, был одним из самых замечательных людей шестнадцатого века. Он родился в Севилье в 1474 году. Его отец сопровождал Колумба, будучи простым солдатом, в его первом путешествии в Новый Свет; и благодаря своему призванию он приобрел достаточное состояние, чтобы поместить сына в Университет Саламанки. Во время его пребывания там его сопровождал паж-индеец, которого его отец привез с собой с Эспаньолы. Так бескомпромиссный защитник свободы начал свою карьеру в качестве самого владельца раба. Но он недолго оставался таким, потому что его раб был одним из тех, кого впоследствии освободили по великодушному приказу Изабеллы.

В 1498 году он завершил изучение права и богословия, получил степень лиценциата и в 1502 году сопровождал Овьедо в самой блестящей армаде, которая когда-либо снаряжалась для Западного мира. Восемь лет спустя он был принят в сан священника в Сан-Доминго, что стало несколько запоминающимся событием, поскольку он был первым человеком, посвященным в этот священный сан в колониях. После оккупации Кубы испанцами Лас Касас перебрался на этот остров, где получил место викария в небольшом поселении. Вскоре, однако, он стал известен губернатору Веласкесу своей преданностью, с которой исполнял свои обязанности, и особенно тем влиянием, которое оказало на индейцев его мягкое и доброжелательное учение. Благодаря своей близости с губернатором Лас Касас располагал средствами для улучшения положения покоренной расы, и с этого времени можно сказать, что он посвятил всю свою энергию этой великой цели. В этот период схема *репартименто*, введенная вскоре после открытий Колумба, действовала в полную силу, и коренное население островов быстро таяло под воздействием системы угнетения, которая редко встречалась в анналах человечества. Лас Касас, возмущенный ежедневной демонстрацией преступлений и нищеты, вернулся в Испанию, чтобы добиться от правительства возмещения ущерба. Фердинанд умер вскоре после своего прибытия. Карл отсутствовал, но бразды правления были в руках кардинала Хименеса, который выслушал жалобы доброжелательного миссионера и со свойственной ему энергией учредил комиссию из трех монахов-иеронимитов, наделенных всеми полномочиями, как уже отмечалось в тексте, для исправления злоупотреблений. За свои усилия Лас Касас был удостоен звания “Генеральный защитник индейцев”.

Новые уполномоченные вели себя очень осмотрительно. Но их должность была чрезвычайно сложной, поскольку требовалось время для внесения важных изменений в устоявшиеся институты. Пылкий и порывистый нрав Лас Касаса, пренебрегавшего всякими соображениями благоразумия, преодолел все эти препятствия и был раздражен тем, что он считал вялой и выжидательной политикой комиссаров. Поскольку Лас Касас не прилагал никаких усилий, чтобы скрыть свое отвращение, стороны вскоре пришли к недоразумениям друг с другом; и Лас Касас снова вернулся на родину, чтобы побудить правительство, если возможно, к более эффективным мерам по защите туземцев.

Он застал страну под управлением фламандцев, которые с самого начала обнаружили глубокое отвращение к злоупотреблениям, практикуемым в колониях, и которые, короче говоря, казалось, были склонны терпеть только казнокрадство или вымогательство. Они без особого труда согласились с рекомендациями Лас Касаса, который предложил облегчить положение туземцев, отправив кастильских рабочих и ввезя на острова негритянских рабов. Это последнее утверждение навлекло тяжкий позор на голову его автора, которого открыто обвиняли в том, что таким образом он ввел негритянское рабство в Новый Свет. Другие, с такой же безосновательностью, пытались оправдать его память от упреков в том, что он вообще рекомендовал эту меру. К несчастью для последнего утверждения, Лас Касас в своей “Истории Индий” с глубоким сожалением и унижением признает, что его совет по этому поводу, как он откровенно заявляет, основан на самых ошибочных взглядах; поскольку, используя его собственные слова, “один и тот же закон в равной степени применим как к негру, так и к индейцу”. Но пока что эта мера не привела к введению рабства на островах, ввоз чернокожих туда датируется началом века. Это было рекомендовано некоторыми из самых мудрых и доброжелательных людей в колонии как средство уменьшения количества человеческих страданий, поскольку африканец по своему телосложению больше подходил для того, чтобы переносить климат и тяжелый труд, налагаемый на раба, чем слабый и женоподобный островитянин. Это было предложение гуманности, каким бы ошибочным оно ни было, и, учитывая обстоятельства, при которых оно произошло, и возраст, Лас Касасу это вполне можно простить, особенно принимая во внимание,

что по мере того, как он сам становился более просвещенным, он был готов выразить свое сожаление по поводу того, что необдуманно одобрил эту меру.

Эксперимент, рекомендованный Лас Касасом, был проведен, но из-за апатии Фонсеки, президента Совета по делам индейцев, без энтузиазма, и он провалился. Теперь добрый миссионер предложил другой, гораздо более смелый план. Он просил уступить ему большой участок земли на Огненной земле, по соседству со знаменитыми жемчужными промыслами, с целью основания там колонии и обращения туземцев в христианство. Он потребовал, чтобы никому из властей островов и, в особенности, никакой военной силе не было позволено вмешиваться в его передвижения. Он пообещал, что только мирными средствами добьется всего, что было сделано путем насилия в других кругах. Он попросил только, чтобы его сопровождало определенное количество рабочих, приглашенных на щедрую сумму от правительства, и чтобы его дополнительно сопровождали пятьдесят доминиканцев, которые, как и он сам, должны были отличаться необычной одеждой, которая должна была навести туземцев на мысль, что они принадлежат к расе, отличной от испанцев. Это предположение было отвергнуто как химерическое и фантастическое некоторыми, чьи собственные возможности наблюдения давали право на уважение их суждений. Эти люди заявили, что индеец по своей природе неспособен к цивилизации. Этот вопрос был одним из таких важных, что Карл Пятый приказал провести дискуссию в его присутствии. Оппонент Лас Касаса был впервые услышан, когда добрый миссионер в ответ, воодушевленный благородным делом, которое он должен был отстаивать, и ничуть не смущенный величественным присутствием, в котором он находился, выступил с пылким красноречием, которое проникло прямо в сердца его слушателей. “Христианская религия,” заключил он, “равноправна в своем действии и подходит для каждой нации на земном шаре. Это никого не лишает свободы, не нарушает ни одного из его неотъемлемых прав на том основании, что он раб по натуре, как и предполагалось; и вашему величеству подобает изгнать столь чудовищное угнетение из вашего королевства в начале вашего правления, чтобы Всемогущий мог сделать его долгим и славным”.

В конце концов Лас Касас одержал верх. Он получил людей и средства для основания своей колонии и в 1520 году отплыл в Америку. Но результатом стал прискорбный провал. Назначенная ему страна лежала по соседству с испанским поселением, в котором уже были совершены некоторые акты насилия над местными жителями. Для подавления последнего, теперь охваченного волнением, молодой “адмирал” с Эспаньолы направил вооруженные силы. Те самые люди, среди которых Лас Касас должен был появиться как посланник мира, были, таким образом, вовлечены в смертельную борьбу со своими соотечественниками. Враг был перед ним во время его собственной жатвы. Ожидая окончания этих бурных сцен, рабочие, которых он взял с собой, разошлись, отчаявшись добиться своей цели. И после попытки вместе со своими верными братьями-доминиканцами продолжить работу по колонизации, другие неблагоприятные обстоятельства вынудили их полностью отказаться от этого проекта. Ее несчастный автор, охваченный огорчением, укрылся в доминиканском монастыре на острове Эспаньола. Неудача предприятия, без сомнения, должна быть частично объяснена обстоятельствами, находящимися вне контроля его создателя. И все же невозможно не распознать во всем этом плане и в его осуществлении руку человека, гораздо более знакомого с книгами, чем с людьми, который в уединении монастыря обдумывал и вынашивал свои благие планы, не вполне оценивая препятствия, стоявшие на их пути, и который слишком самоуверенно рассчитывал встретить в других такой же великодушный энтузиазм, который пылал в его собственной груди.

В своем позоре он нашел величайшее утешение и сочувствие у братьев Святого Доминика, которые во всех случаях выступали как признанные защитники индейцев и показали себя столь же преданными делу свободы в Новом Свете, сколь враждебно относились к нему в Старом. Лас Касас вскоре стал членом их ордена и, уйдя в монашество, на долгие годы посвятил себя исполнению своих духовных обязанностей и сочинению различных произведений, все из которых были более или менее направлены на защиту прав индейцев. Здесь же он приступил к своему великому труду “Генеральная история Индии”, которым занимался в свободное время с 1527 года и за несколько лет до своей смерти. Однако его время не было полностью поглощено этими трудами, и он нашел средства для выполнения нескольких трудоемких миссий. Он проповедовал Евангелие среди туземцев Никарагуа и Гватемалы и преуспел в обращении и приведении к повиновению некоторых диких племен в последней провинции, которые бросили вызов оружию его соотечественников. Во всех этих благочестивых трудах его поддерживали его братья-доминиканцы. Наконец, в 1539 году, он снова пересек воды, чтобы обратиться за дальнейшей помощью и завербовать членов своего ордена.

В правлении, которое теперь возглавляло департамент колоний, произошли большие перемены. Холодный и ограниченный Фонсека, который за время своего долгого правления, можно с полным основанием сказать, показал себя врагом всех великих имен и добрых дел, связанных с индейцами, умер. Его место в качестве президента Индийского совета занял Лоайса, духовник Чарльза. Этот функционер, генерал доминиканцев, охотно дал аудиенцию Лас Касасу и проявил добрую волю к предложенным им планам реформ. Чарльз тоже, теперь ставший старше, казалось, глубже осознал ответственность своего положения и необходимость загладить несправедливость, слишком долго терпимую его американскими подданными. Состояние колоний стало общей темой

для обсуждения не только в совете, но и при дворе; и выступления Лас Касаса произвели впечатление, которое с каждым днем проявлялось все отчетливее в изменении настроений. Он способствовал этому, опубликовав в то время некоторые из своих работ, и особенно свою “*Brevísima Relacion*”, или Краткий отчет о разрушении Индии, в котором он представляет читателю многочисленные зверства, совершенные его соотечественниками в разных частях Нового Света во время осуществления своих завоеваний. Это история горя. Можно сказать, что каждая строка произведения написана кровью. Какими бы благими ни были мотивы его автора, мы можем пожалеть, что эта книга вообще была написана. Он был бы, безусловно, прав, если бы не пощадил своих соотечественников; выставил бы их злодеяния в их истинном свете и этой ужасающей картиной — ибо таковой она была бы — напомнил нации и тем, кто ею управлял, о надлежащем понимании незаконной карьеры, которой она занималась по ту сторону океана. Но, чтобы произвести более поразительный эффект, он охотно выслушивал каждую историю о насилии и грабежах и преувеличивал их количество до такой степени, что это граничит со смехотворностью. Дикой экстравагантности его числовых оценок само по себе достаточно, чтобы поколебать уверенность в точности его заявлений в целом. И все же голая правда была слишком поразительной сама по себе, чтобы требовать помощи преувеличения. Книга пользовалась большой популярностью у иностранцев; была быстро переведена на различные языки и украшена характерными рисунками, которые, казалось, воплощали в жизнь все описанные в тексте зверства. Это вызвало несколько иные чувства у его соотечественников, особенно у жителей колоний, которые считали себя объектами грубого, хотя и непреднамеренного введения в заблуждение; и в его будущих отношениях с ними это, без сомнения, способствовало уменьшению его влияния и, как следствие, полезности из-за духа отчуждения и даже негодования, которые это породило.

Честные намерения Лас Касаса, его просвещенные взгляды и многолетний опыт снискали ему заслуженное признание на родине. Это было видно по важным постановлениям, принятым в то время для улучшения управления колониями, и особенно в отношении аборигенов. Был принят свод законов, *Лас Нуэвас Лейес*, имевший своей общепризнанной целью предоставление избирательных прав этому несчастному народу; и в мудрости и гуманности его положений легко распознать руку Защитника индейцев. История испанского колониального законодательства - это история бессильной борьбы правительства в интересах туземцев против алчности и жестокости своих подданных. Это доказывает, что империя, могущественная у себя дома — а Испания тогда была таковой, — может быть настолько широко распространена, что ее власть едва ли будет ощущаться на ее окраинах.

Правительство подтвердило свое понимание заслуг Лас Касаса в области связи, повысив его в должности епископа Куско, одной из богатейших епархий в колониях. Но бескорыстная душа миссионера не жаждала богатства или почестей. Он без колебаний отверг предложенный сан. И все же он не мог отказаться от епископства Чьяпа, страны, которая из-за бедности и невежества ее жителей представляла собой хорошее поле для его духовных трудов. В 1544 году, хотя и в преклонном возрасте семидесяти лет, он взял на себя эти новые обязанности и в пятый и последний раз отправился к берегам Америки. Слава опередила его. Колонисты с опаской восприняли его приезд, считая его настоящим автором нового кодекса, который ущемляет их древние иммунитеты и который он, вероятно, будет неукоснительно соблюдать. Повсюду его принимали холодно. В некоторых местах его персоне угрожали насилием. Но почтенное присутствие прелата, его искренние обличения, которые так явно исходили из убежденности, и его великодушная самоотдача, столь безотносительная к личным соображениям, уберегли его от этого возмущения. И все же он не выказал ни малейшего желания примирить своих противников тем, что считал недостойной уступкой; и он даже простер руку власти настолько далеко, что отказал в причастии любому, кто все еще держал индейца в рабстве. Эта своевольная мера не только возмутила плантаторов, но и вызвала неодобрение его собственных братьев по Церкви. Три года прошли в неприятных препирательствах, но так и не было принято никакого решения. Испанцы, пользуясь их привычной в таких случаях формулировкой “подчиняясь закону, но не выполняя его”, обратились в суд за дальнейшими инструкциями; и епископ, лишенный поддержки своих братьев, которому мешали колониальные власти и который был возмущен народом, оставил пост, где его присутствие больше не могло быть полезным, и вернулся, чтобы провести остаток своих дней в спокойствии дома.

Однако, хотя он и удалился в свой доминиканский монастырь, он не проводил свои часы в ленивом уединении. Он снова выступил как поборник свободы Индии в знаменитом споре с Сепульведой, одним из самых проникательных ученых того времени, и намного превзошел Лас Касаса в элегантности и правильности композиции. Но епископ Чьяпы превосходил его в аргументации, по крайней мере, в этой дискуссии, где на его стороне были право и разум. В своих “Тридцати предложениях”, как они называются, в которых он подводит итог нескольким пунктам своего дела, он утверждает, что обстоятельство неверия в религии не может лишить нацию ее политических прав; что Святой Престол, даруя Новый Свет католическим монархам, имел целью только предоставить право обращать его жителей в христианство и таким образом завоевывать мирную власть над ними, и что никакая власть не может быть действительной, если она опирается на другие основания. Это было нанесено удар по основанию колониальной империи, как предполагала Кастилия. Но бескорыстные взгляды Лас Касаса, уважение, проявляемое к его принципам, и, возможно, общая убежденность в силе его аргументов помешали суду возмутиться их важностью или довести их до

законного завершения. В то время как труды его противника были запрещены к публикации, он имел удовлетворение видеть, что его собственные печатаются и распространяются во всех кварталах.

С этого периода его время было распределено между религиозными обязанностями, учебой и написанием работ, особенно по истории. Его телосложение, от природы превосходное, было укреплено воздержанной жизнью и тяжелым трудом, и он до последнего сохранял свои способности нетронутыми. Он умер после непродолжительной болезни в июле 1566 года в преклонном возрасте девяноста двух лет в своем монастыре Аточа в Мадриде.

О характере Лас Касаса можно судить по его карьере. Он был одним из тех, чьим одаренным умам открываются те славные моральные истины, которые, подобно небесному светилу, неизменны навеки, но которые, хотя и стали теперь известными, были скрыты от всех, кроме немногих проницательных умов, общей темнотой того времени, в которое он жил. Он был реформатором, и у него были достоинства и ошибки реформатора. Его вдохновляла одна великая и славная идея. Это был ключ ко всем его мыслям, ко всему, что он говорил и писал, к каждому поступку его долгой жизни. Именно это побуждало его возвысить голос упрека в присутствии правителей, противостоять угрозам разъяренного населения, пересекать моря, пересекать горы и пустыни, навлекать на себя отчуждение друзей, враждебность врагов, терпеть поношения, оскорбления и гонения. Именно это также сделало его безразличным к препятствиям, заставило его слишком уверенно рассчитывать на сотрудничество других, оживило его дискуссию, обострило его брань, слишком часто погружало его перо в желчь личной брани, привело его к грубому преувеличению и чрезмерной окраске в своих заявлениях и слепой доверчивости злу, что сделало его небезопасным как консультанта и неудачливым в практических делах жизни. Его взгляды были чистыми и возвышенными. Но его манера отстаивать их не всегда была столь похвальной. Это можно почерпнуть не только из показаний колонистов в целом, которые, как можно предположить, были предвзяты как заинтересованные стороны, но и из показаний представителей его собственной профессии, лиц, занимающих высокие посты и неподкупных, не вызывающих подозрений, не говоря уже о показаниях миссионеров, занятых такой же плодотворной работой, как и он сам. Они в своих письмах и отчетных беседах обвиняли епископа Чьяпы в высокомерном, безжалостном характере, который искажал его суждения и выражался в необоснованном уголовном преследовании тех, кто сопротивлялся его проектам или расходился с ним во мнениях. Короче говоря, Лас Касас был человеком. Но, если у него и были человеческие ошибки, то у него были добродетели, которые редко ему свойственны. Лучшим комментарием к его характеру является оценка, которую он получил при дворе своего государя. После его последнего возвращения из Америки ему была назначена щедрая пенсия, которую он в основном тратил на благотворительные цели. Ни одно важное мероприятие, связанное с индейцами, не принималось без его совета. Он дожил до того, чтобы увидеть плоды своих усилий в положительном улучшении их положения и во всеобщем признании тех великих истин, раскрыть которые было целью его жизни. И кто скажет, сколько успешных усилий и аргументов, предпринятых с тех пор в защиту преследуемого человечества, можно проследить по примеру и трудам этого выдающегося филантропа?

Его сочинений было множество, большинство из них небольшого объема. Некоторые были напечатаны в его время; другие появились позже, особенно во французском переводе Льюренте. Его великая работа, которой он занимался с перерывами более тридцати лет, *"Генеральная история лас-Индиас"*, до сих пор остается в рукописи. Она состоит из трех томов, разделенных на столько же частей, и охватывает колониальную историю от открытия страны Колумбом до 1520 года. Стиль этой работы, как и всех его сочинений, неуклюж, бессвязен и чрезмерно размыт, изобилует повторами, неуместными отступлениями и педантичными цитатами. Но она пересыпана отрывками иного рода; и когда его возбуждает желание показать туземцам какую-нибудь грубую несправедливость, его простой язык превращается в красноречие, и он излагает те великие и непреложные принципы естественной справедливости, которые в его время были так мало поняты. Его недостаток как историка заключается в том, что он писал историю, как и все остальное, под влиянием одной доминирующей идеи. Он всегда защищает интересы преследуемых туземцев. Это придает окраску событиям, которые происходили на его собственных глазах, и наполняет его слишком легкой уверенностью в тех, о которых он узнал из рассказов других. Большая часть предыдущей части нашего повествования, которая касается событий на Кубе, должно быть, была написана под его личным наблюдением. Но он, кажется, не в состоянии избавиться от своего раннего почтения к Веласкесу, который, как мы заметили, относился к нему, когда он был бедным викарием на острове, с особым доверием. С другой стороны, к Кортесу он, по-видимому, испытывал глубокое презрение. Он был свидетелем начала своей карьеры, когда стоял, так сказать, со шляпой в руке, у дверей гордого губернатора, благодарный даже за улыбку узнавания. Лас Касас помнил все это, и, когда он увидел, как Завоеватель Мексики достиг славы, которая отодвинула в тень его бывшего покровителя, — и самым несправедливым образом, по мнению Лас Касаса, за счет этого покровителя, — добрый епископ не мог сдерживать своего негодования и говорить о нем иначе, чем с насмешкой, как о простом выскочке-авантюристе.

Именно наличие подобных дефектов и страх перед неправильным восприятием, которое они могут вызвать, так долго препятствовали публикации его истории. После своей смерти он завещал ее монастырю Сан-Грегорио в Вальядолиде с указанием не печатать ее в течение сорока лет и не показывать в течение этого времени никому из мирян или членов братства. Эррере, однако, было разрешено ознакомиться с ним, и он щедро перенес его содержание в свои собственные тома, вышедшие в 1601 году. Королевская академия истории несколько лет назад пересмотрела первый том "Лас Касаса" с целью публикации всего труда. Но нескромный и творческий стиль композиции, по словам Наваррете, и соображение, что наиболее важные факты о ней уже были известны по другим каналам, побудили этот орган отказаться от дизайна. При всем уважении к их мнению, мне это кажется ошибкой. Лас Касас, со всеми вытекающими, является одним из величайших писателей нации; великим благодаря важным истинам, которые он открыл, когда никто другой не мог их увидеть, и благодаря смелости, с которой он провозгласил их миру. Они разбросаны по его Истории, а также по другим его произведениям. Однако это не те отрывки, которые переписал Эррера. В изложении факта, каким бы пристрастным и предвзятым оно ни было, никто не поставит под сомнение его честность; и, как просвещенный современник, его свидетельства имеют неоспоримую ценность. Именно в память о Лас Касасе, если его работа вообще будет представлена публике, то не через искаженные выдержки того, кто не был добросовестным интерпретатором его мнений. Лас Касас не говорит за себя на кургузых страницах Эрреры. Тем не менее, Историю не следует публиковать без подходящего комментария, который просветил бы изучающего и оградил бы его от любых неоправданных предубеждений автора. Мы можем надеяться, что однажды вся рукопись будет передана миру под эгидой этого выдающегося органа, который уже так много сделал в этом направлении для иллюстрации национальных летописей. {*}

{*}: ["История Индии" была опубликована в пяти томах в 1875-76 годах Королевской академией истории в Мадриде. Рукописный экземпляр этой работы Прескотта, вероятно, был сожжен в Бостоне в 1872 году.—М.]

"Жизнь Лас Касаса" была написана несколько раз. Наиболее достойными внимания являются два мемуара Льюоренте, покойного секретаря инквизиции, помещенные в предисловии к его французскому переводу спорных сочинений епископа, и мемуары Кинтаны в третьем томе его "Españoles célebres", где представлен поистине благородный образец биографического сочинения, обогащенный литературной критикой, столь же острой, сколь и искренней. В этом замечании я остановился на более подробном описании интересного характера этого человека и того немногого, что известно о нем английскому читателю. Я также перенес отрывок из его работы в оригинале в Приложение, чтобы испанский исследователь мог составить представление о его стиле сочинения. Отныне он перестает быть для нас авторитетом, поскольку его рассказ об экспедиции Кортеса заканчивается уничтожением военно-морского флота.

КНИГА III

ПОХОД В МЕКСИКУ

ГЛАВА I

В Находясь в Семпоалле, Кортес получил сообщение от Эскаланте, своего командира на Вилле Рика, в котором сообщалось о четырех странных кораблях, зависших у побережья, и что они не обратили внимания на его повторяющиеся сигналы. Эти сведения сильно встревожили генерала, который опасался, что это могла быть эскадрилья, посланная губернатором Кубы, чтобы помешать его передвижениям. В большой спешке он выступил во главе нескольких всадников и, приказав отряду легкой пехоты следовать за ним, направился обратно в Вилья-Рику. Остальную часть армии он оставил под командованием Альварадо и Гонсало де Сандовала, молодого офицера, который начал проявлять незаурядные качества, обеспечившие ему столь высокое звание среди завоевателей Мексики.

Эскаланте убедил бы генерала, когда тот доберется до города, немного отдохнуть и позволить ему отправиться на поиски незнакомцев. Но Кортес ответил простой пословицей “Раненый заяц не дремлет”,^[75] и, не останавливаясь, чтобы подкрепиться самому или своим людям, двинулся дальше на три или четыре лиги к северу, где, как он понял, стояли на якоре корабли. По дороге он столкнулся с тремя испанцами, только что приземлившимися от них. На его нетерпеливые расспросы, откуда они прибыли, они ответили, что принадлежат к эскадрилье, укомплектованной Франсиско де Гараем, губернатором Ямайки. Этот человек годом ранее посетил побережье Флориды и получил от Испании — где у него были определенные интересы при дворе — полномочия в отношении стран, которые он мог обнаружить в этой близости. Трое мужчин, состоящих из нотариуса и двух свидетелей, были отправлены на берег, чтобы предупредить своих соотечественников под командованием Кортеса воздерживаться от того, что считалось посягательством на территорию Гарая. Вероятно, ни губернатор Ямайки, ни его офицеры не имели никакого точного представления о географии и границах этих территорий.

Кортес сразу понял, что с этой стороны опасаться нечего. Однако он был бы рад, если бы ему удалось каким-либо образом убедить экипажи кораблей присоединиться к его экспедиции. Ему не составило труда убедить нотариуса и его спутников. Но когда он появился в поле зрения судов, люди на борту, не доверяя хорошим отношениям, в которых, по-видимому, находились их товарищи с испанцами, отказались отослать свою лодку к берегу. В этой дилемме Кортес прибегнул к хитрости.

Он приказал трем своим людям обменяться одеждой с вновь прибывшими. Затем он вывел свой маленький отряд на виду у кораблей, делая вид, что возвращается в город. Ночью, однако, он вернулся на то же место и устроил засаду, приказав переодетым испанцам, когда наступит утро и их можно будет разглядеть, подавать сигналы тем, кто был на борту. Уловка удалась. Отвалила лодка, полная вооруженных людей, и трое или четверо выпрыгнули на берег. Но вскоре они разгадали обман, и Кортес, выскочив из своей засады, взял их в плен. Их товарищи в лодке, встревоженные, сразу же оттолкнулись к судам, которые вскоре тронулись, оставив тех, кто был на берегу, на произвол судьбы. Так закончилось дело. Кортес вернулся в Семпоаллу с добавлением полудюжины здоровых рекрутов и, что было более важно, с чувством облегчения от опасений вмешательства в его операции.^[76]

Теперь он принимал меры к своему скорейшему отъезду из столицы тотонаков. Силы, выделенные для экспедиции, составляли около четырехсот пеших и пятнадцати конных, с семью артиллерийскими орудиями. Он также получил от касика Семпоаллы тысячу триста воинов и тысячу *таманес*, или носильщиков, для перетаскивания орудий и перевозки багажа. Он взял еще сорок их главных людей в качестве заложников, а также для того, чтобы они направляли его в пути и помогали ему своими советами среди незнакомых племен, которые ему предстояло посетить. На самом деле они оказали ему существенную услугу на протяжении всего марша.^[77]

Остаток своих испанских войск он оставил в гарнизоне Вилья-Рика-де-Вера-Крус, командование которым он доверил альгуасилу Хуану де Эскаланте, офицеру, преданному его интересам. Выбор был разумным. Важно было разместить там человека, который, с одной стороны, противостоял бы любому враждебному вмешательству со стороны своих европейских соперников, а с другой - поддерживал нынешние дружеские отношения с местными жителями. Кортес порекомендовал вождям тотонаков обратиться к этому офицеру в случае каких-либо трудностей, заверив их, что до тех пор, пока они остаются верными своему новому государю и религии, они найдут надежную защиту у испанцев.

Перед маршем генерал сказал несколько ободряющих слов своим людям. Он сказал им, что теперь они должны всерьез взяться за дело, которое было главной целью их желаний, и что благословенный Спаситель проведет их победителями через все битвы с их врагами. “Действительно, - добавил он, - эта уверенность должна стать нашей опорой, поскольку теперь нет другого убежища, кроме того, которое предоставлено провидением Божьим и вашими собственными мужественными сердцами”.^[78] В заключение он сравнил их достижения с достижениями древних римлян, “выражаясь фразами сладкого красноречия, превосходящими все, что я могу повторить”, - говорит храбрый и простодушный хронист, который их слышал. Кортес действительно был мастером красноречия, которое находило отклик в сердцах солдат. Ибо они симпатизировали ему, и он разделял присущий им романтический дух приключений. “Мы готовы повиноваться вам”, - воскликнули они в один голос. “Наша судьба, к лучшему или к худшему, связана с вашей”.^[79] Простившись, таким образом, со своими гостеприимными друзьями-индейцами, маленькая армия, окрыленная большими надеждами и благородными планами завоеваний, отправилась в поход на Мексику.

Это было шестнадцатого августа 1519 года. В первый день их путь лежал через *огненную землю* кальенте, прекрасную страну, где они так долго задерживались; страну ванили, кошенили, какао (только позднее появились апельсины и сахарный тростник), продукты, которые, будучи родом из Мексики, теперь стали предметами роскоши в Европе; страну, где фрукты и цветы круглый год гоняются друг за другом по непрерывному кругу; где ветры наполнены ароматами до боли в обонянии от их сладости, а рощи наполнены разноцветными птицами и насекомыми, чьи ароматы поражают воображение. покрытые эмалью крылья сверкают, как бриллианты, на ярком солнце тропиков. Таково волшебное великолепие этого рая чувств. Однако природа, которая обычно действует в духе компенсации, предусмотрела ее и здесь; поскольку то же самое палящее солнце, которое оживляет это великолепие растительного и животного царств, вызывает к жизни чумную *малярию* с ее чередой желчных расстройств, неизвестных холодному небу Севера. Сезон, в который там были испанцы, дождливые летние месяцы, был как раз тем временем, когда *вомиго* бушует с наибольшей яростью; когда иностранец из Европы едва отваживается ступить на берег, а тем более задержаться там на день. Мы не находим никаких упоминаний об этом в записях Завоевателей, равно как и каких-либо упоминаний о необычной смертности. Этот факт, несомненно, подтверждает теорию тех, кто откладывает появление желтой лихорадки на долгое время после оккупации страны белыми. Это доказывает, по крайней мере, что, если оно существовало раньше, то должно было быть в очень смягченной форме.

После нескольких лиг пути по дорогам, ставшим почти непроходимыми из-за летних дождей, войска начали постепенный подъем - более постепенный на восточном, чем на западном склонах Кордильер, - который ведет к Мексиканскому плоскогорью. К концу второго дня они добрались до Халапы, места, все еще носящего то же ацтекское название, которое оно дало выращиваемому в его окрестностях лекарственному средству, лечебные свойства которого теперь известны во всем мире.^[80] Этот город стоит на полпути к вершине долгого подъема, на возвышенности, где пары океана, соприкасаясь в своем движении на запад, сохраняют пышную зелень в течение всего года. Несмотря на то, что воздух здесь несколько загрязнен морскими туманами, он обычно мягкий и целебный. Богатый житель нижних областей уединяется здесь в поисках безопасности в летнюю

жару, и путешественник с восторгом приветствует здешние дубовые рощи, как бы возвещающие, что он выше смертоносного влияния *вомиго*.^[81] Из этого восхитительного места испанцы наслаждались одной из самых грандиозных перспектив в природе. Перед ними был крутой подъем — гораздо круче после этого места, — по которому им предстояло подняться. Справа возвышалась Сьерра-Мадре, опоясанная темным поясом сосен, и длинными рядами тенистых холмов, уходящих вдаль. На юге, ярко контрастируя, возвышался могучий Орисаба, его белое снежное одеяние спускалось далеко по бокам, возвышаясь в уединенном величии, гигантский призрак Анд. Позади себя они увидели раскинувшуюся у их ног великолепную *огненную землю кальентес* ее веселой путаницей лугов, ручьев и цветущих лесов, усеянных сверкающими индейскими деревнями, в то время как слабая полоска света на краю горизонта говорила им, что там находится океан, за которым находятся родные и страна, которую многие из них никогда больше не увидят.

Продолжая свой извилистый путь вверх, среди пейзажей, столь же отличающихся по температуре от тех, что были внизу, армия прошла через поселения, в каждом из которых проживало по несколько сотен жителей, и на четвертый день достигла “укрепленного города”, как называет его Кортес, стоящего на скалистом возвышении, предположительно известном сейчас под мексиканским названием Наулинко. Здесь их гостеприимно принимали жители, которые были друзьями тотонаков. Кортес попытался через отца Ольмедо передать им некоторые знания о христианских истинах, которые были любезно приняты, и испанцам было разрешено установить на этом месте крест для будущего поклонения туземцев. Действительно, маршрут армии мог быть обозначен этими эмблемами спасения человека, воздвигнутыми везде, куда их приглашало добровольное население Индии, что наводило на мысль, совершенно отличную от той, которую те же мемориалы представляют путешественнику в этих горных пустынях в наши дни.^[82]

Теперь войска вошли в труднопроходимое ущелье, Бишопс-Пасс,^[83] как его называют, способное легко защититься от армии. Очень скоро они столкнулись с крайне нежелательной сменой климата. Холодные ветры с гор, смешанные с дождем, а когда они поднялись еще выше, с проливным дождем и градом, промокали насквозь их одежду и, казалось, пронизывали до самых костей. Испанцы, действительно, частично прикрытые своими доспехами и толстыми куртками из стеганого хлопка, были лучше способны противостоять непогоде, хотя из-за длительного проживания в знойных районах долины они все еще остро ощущали неприятности. Но бедные индейцы, уроженцы *огненной земли*, не имевшие достаточной защиты в виде укрытия, утонули под грубым натиском стихии, и несколько из них погибли по дороге.

Вид местности был таким же диким и унылым, как и климат. Их маршрут вился вдоль отрога огромного холма Кофре-де-Перо, который позаимствовал свое название как на мексиканском, так и на кастильском языках из-за скалы, похожей на сундук, на его вершине.^[84] Это один из величайших вулканов Новой Испании. Сейчас, действительно, на его вершине нет и следа кратера, но у его основания множество следов вулканической деятельности, где акры лавы, почерневшие отложения и зола свидетельствуют о потрясениях природы, в то время как многочисленные кустарники и гниющие стволы огромных деревьев среди расщелин свидетельствуют о древности этих событий. С трудом прокладывая себе путь через эту картину запустения, тропинка часто вела их вдоль обрывов, на глубине двух-трех тысяч футов в которых прищуренный глаз мог узреть другой климат и увидеть всю яркую тропическую растительность, запрудившую дно ущелий.

После трех дней этого утомительного путешествия измученная армия вышла через другое ущелье, *Сьерра-дель-Агуа*.^[85] Вскоре они вышли на открытую местность с благоприятным климатом, характерным для умеренных широт южной Европы. Они достигли уровня более семи тысяч футов над уровнем океана, где огромное плоскогорье простирается на сотни миль вдоль гребней Кордильер. В стране наблюдались признаки тщательного возделывания, но продукты по большей части были незнакомы испанцам. Повсюду были видны поля и живые изгороди различных племен кактусов, возвышающегося органума и плантации алоэ с густыми желтыми

гроздьями цветов на высоких стеблях, служивших ацтекам источником питья и одежды. Растения жаркого и умеренного поясов исчезли одно за другим по мере подъема в эти возвышенные районы. Глянцевый банан с темными листьями, главный и самый дешевый продукт питания в нижеперечисленных странах, давно исчез с лица земли. Выносливая кукуруза, однако, по-прежнему блистала своим золотым урожаем во всей красе возделывания, являясь основным продуктом питания как на верхних, так и на нижних террасах плато.

Внезапно войска наткнулись на то, что казалось окрестностями густонаселенного города, который, когда они вошли в него, по размерам и прочности своих построек, казалось, превосходил даже Семпоаллу.^[86] Они были сложены из камня и извести, многие из них были просторными и довольно высокими. В этом месте было тринадцать *теокаллисов*; а в пригороде они видели хранилище, в котором, по словам Берналя Диаса, хранились сто тысяч черепов человеческих жертв, сложенных в определенном порядке! Он сообщает об этом числе как о том, которое он установил, пересчитав их сам.^[87] Какую бы веру мы ни придавали точности его цифр, результат почти столь же поразителен. Испанцам было суждено познакомиться с этим ужасающим зрелищем по мере приближения к столице ацтеков.

Сеньор города правил более чем двадцатью тысячами вассалов. Он был данником Монтесумы, и в этом месте был расквартирован сильный мексиканский гарнизон. Вероятно, он был предупрежден о приближении испанцев и сомневался, насколько это обрадует его государя. Во всяком случае, он оказал им холодный прием, тем более неприятный после необычайных страданий последних нескольких дней. На вопрос Кортеса, подчинился ли он Монтесуме, он ответил с искренним или притворным удивлением: “Кто здесь не является вассалом Монтесумы?”^[88] Генерал сказал ему с некоторым нажимом, что *он* таким не был. Затем он объяснил, откуда и зачем пришел, заверив его, что служит монарху, у которого в вассалах были принцы, столь же могущественные, как сам монарх ацтеков.

Касик, в свою очередь, ничуть не уступал испанцу в помпезной демонстрации величия и ресурсов индийского императора. Он сказал своему гостю, что Монтесума мог собрать тридцать великих вассалов, каждый из которых был хозяином ста тысяч человек!^[89] Его доходы были огромны, поскольку каждый подданный, каким бы бедным он ни был, что-то платил. Все они были потрачены на его великолепное государство и на поддержку его армий. Они постоянно находились в полевых условиях, в то время как в большинстве крупных городов империи содержались гарнизоны. Более двадцати тысяч жертв, плодов его войн, ежегодно приносились на алтари его богов! Касик сказал, что его столица расположена на озере, в центре просторной долины. По озеру ходили императорские суда, а подход к городу осуществлялся по дамбам длиной в несколько миль, соединенным местами деревянными мостами, которые, будучи поднятыми, перерезали всякое сообщение со страной. В ответ на вопросы своего гостя он добавил еще кое-что, в чем, как читатель может себе представить, хитрый или доверчивый касик приукрасил правду живой романтикой. То ли романтика, то ли реальность, испанцы определить не смогли. Подробности, которые они почерпнули, были не из тех, что успокаивают их умы, и вполне могли бы заставить более смелые сердца, чем их, остановиться, прежде чем они продвинулись дальше. Но далеко не так. “Слова, которые мы слышали, — говорит дородный старый кавалерист, которого так часто цитируют, — как бы они ни наполнили нас удивлением, они заставили нас - таков уж характер испанцев - только сильнее стремиться к осуществлению авантюры, какой бы отчаянной она ни казалась”.^[90]

В дальнейшем разговоре Кортес спросил вождя, изобилует ли его страна золотом, и намекнул на желание привезти домой немного золота в качестве образцов для своего государя. Но индийский лорд отказался дать ему что-либо, сказав, что это может вызвать недовольство Монтесумы. “Если он прикажет, ” добавил он, - мое золото, моя личность и все, чем я владею, будут в вашем распоряжении”. Генерал не стал настаивать на дальнейшем.

Любопытство туземцев, естественно, было возбуждено странными нарядами, оружием, лошадьми и собаками испанцев. Марина, отвечая на их расспросы, воспользовалась случаем, чтобы превознести доблесть принятых ею соотечественников, подробно рассказав об их подвигах и победах и отметив чрезвычайные знаки уважения, которые они получили от Монтесумы. Это известие, по-видимому, возымело свое действие, ибо вскоре после этого касик подарил генералу несколько любопытных золотых безделушек, на самом деле не имевших большой ценности, но служивших свидетельством его доброй воли. Он послал ему также нескольких рабынь, чтобы они приготовили хлеб для войск, и снабдил их средствами для подкрепления и отдыха, которые в нынешних условиях были для них важнее, чем все золото Мексики.^[91]

Испанский генерал, как обычно, не упустил случая втолковать своему войску великие истины откровения и продемонстрировать жестокость индейских суеверий. Касик слушал вежливо, но с холодным безразличием. Кортес, убедившись, что он не тронулся с места, быстро повернулся к своим солдатам, воскликнув, что настало время водрузить Крест! Они горячо поддержали его благочестивое намерение, и могли бы разыграть те же сцены, что и в Семпоалле, но, возможно, с совсем иными результатами, если бы не вмешался отец Ольмедо, проявивший больше здравого смысла. Он утверждал, что распространение Креста среди туземцев, в их нынешнем состоянии невежества и недоверия, означало бы подвергнуть священный символ осквернению, как только испанцы отвернутся. Единственный способ состоял в том, чтобы терпеливо ждать того времени, когда у них появится больше свободного времени, чтобы привить им знание истины. Трезвый разум доброго отца возобладал над страстями энтузиастов боевых искусств.

Кортесу повезло, что Ольмедо не был одним из тех неистовых монахов, которые в подобных случаях раздували свой вспыльчивый нрав до предела. Это могло бы самым пагубным образом повлиять на его судьбу, ибо он не придавал значения всем временным последствиям по сравнению с великой работой по обращению, для осуществления которой беспринципный ум солдата, приученного к суровой лагерной дисциплине, применил бы силу всякий раз, когда честные средства были бы неэффективны.^[92] Но Ольмедо принадлежал к тому классу доброжелательных миссионеров, которым Римско-католическая церковь, к своей чести, предоставила множество примеров, которые полагаются на духовное оружие в великой работе, внедряя те доктрины любви и милосердия, которые могут наилучшим образом затронуть чувства и завоевать расположение своей грубой аудитории. Это, действительно, истинное оружие Церкви, оружие, применявшееся в первобытные века, с помощью которого она распространила свои мирные знамена над самыми отдаленными регионами земного шара. Завоеватели Америки использовали совсем не такие средства, которые, скорее перенимая политику мусульман-победителей в начале своей карьеры, носили с собой меч в одной руке и Библию в другой. Они навязывали побежденным послушание в вопросах веры, не меньше, чем в вопросах управления, мало обращая внимания на то, было ли обращение подлинным, чтобы оно соответствовало внешним обрядам Церкви. И все же семена, столь опрометчиво посеянные, должны были бы погибнуть, если бы не миссионеры их собственной нации, которые в более поздние времена работали на той же почве, живя среди индейцев как братья и благодаря долгой и терпеливой культуре позволив росткам истины пустить корни и дать плоды в своих сердцах.

Испанский военачальник оставался в городе четыре или пять дней, чтобы пополнить свои измученные и изголодавшиеся войска; и современные индейцы до сих пор указывают на древний кипарис, под ветвями которого был привязан конь *конкистадора*, — Завоевателя, как называли Кортеса, *par excellence*.^[93] Теперь их путь лежал по широкой зеленой долине, орошаемой прекрасным ручьем, что не слишком часто встречается на выжженном плоскогорье Новой Испании. Почва была хорошо защищена лесами, что в наши дни встречается еще реже; поскольку захватчики вскоре после завоевания уничтожили великолепную поросль древесины, которая по разнообразию и красоте соперничала с древесиной наших Южных и Западных штатов, покрывавшей плато ацтеков.^[94]{*}

{*} [Количество древесины в Мексике во времена завоевания было сильно переоценено. Гумбольдт жалуется на испанцев за вырубку деревьев. Yet Bernal Diaz says (cap. ccix.): “y han plantado sus tierras y heredades de todos los árboles y frutas que hemos traído de España, y venden el fruto que procede dello: y han puesto tantos árboles, que porque los duraznos no son buenos para la salud y los platanales les hacen mucha sombra, han cortado y cortan muchos, y lo ponen de membrilleros y manzanas, y perales, que los tienen en mas estima.”—M.]

Вдоль всей реки, по обе стороны от нее, на три-четыре лиги тянулась непрерывная линия индейских жилищ, “расположенных так близко, что почти касались друг друга”, что свидетельствует о гораздо большей плотности населения, чем в настоящее время.^[95] На пересеченной и возвышенной местности стоял город, вмещавший пять или шесть тысяч жителей, под командованием крепости, которая со своими стенами и траншеями показалась испанцам вполне “на уровне аналогичных сооружений в Европе”. Здесь войска снова остановились и встретили дружелюбное обращение.^[96]

Теперь Кортес определял дальнейший маршрут своего похода. В последнем месте туземцы посоветовали ему выбрать маршрут через древний город Чолула, жители которого, подданные Монтекумы, были мягким народом, преданным механике и другим мирным искусствам, и, вероятно, были бы добры принять его. Однако их семиаллийские союзники посоветовали испанцам не доверять чолулам, “лживому и вероломному народу”, а отправиться в Тласкалу, эту доблестную маленькую республику, которая так долго сохраняла свою независимость от мексиканского оружия. Люди были откровенны, поскольку сами были бесстрашны, и справедливы в своих поступках. Они всегда были в дружеских отношениях с тотонаками, что служило надежной гарантией их дружелюбного расположения в данном случае.

Аргументы его индейских союзников возобладали над испанским военачальником, который решил умиловить добрую волю тлашкальцев посольством. Для этого он выбрал четырех главных семпоалланцев и послал им боевой подарок — шапку из малиновой ткани вместе с мечом и арбалетом, оружием, которое, как было замечено, вызвало всеобщее восхищение среди туземцев. Он добавил письмо, в котором просил разрешения проехать через их страну. Он выразил свое восхищение доблестью тлашкаланцев и их долгим сопротивлением ацтекам, чью гордую империю он намеревался смирить.^[97] Нельзя было ожидать, что это послание, написанное на хорошем кастильском, будет очень понятно тлашкальцам. Но Кортес сообщил послам о его значении. Его таинственные знаки могли бы внушить туземцам представление о превосходстве разума, и письмо служило бы заменой тем иероглифическим посланиям, которые составляли обычные верительные грамоты индийского посла.^[98]

Испанцы пробыли в этом гостеприимном месте три дня после отъезда послов, когда возобновили свой путь. Хотя они находились в дружественной стране, они всегда маршировали так, словно находились во вражеской стране: конница и легкие войска в авангарде, тяжеловооруженные и обоз в тылу, все в боевом порядке. Они никогда не снимали доспехов, ни наяву, ни во сне, лежали, положив оружие на бок. Эта непрерывная и беспокойная бдительность, возможно, угнетала духов больше, чем даже физическая усталость. Но они были уверены в своем превосходстве на честном поле боя и считали, что самая серьезная опасность, которой им следует опасаться в войне с индейцами, — это внезапность. “Нас мало против многих, храбрые товарищи, — говорил им Кортес. — Тогда будьте готовы не так, как если бы вы шли на битву, а как будто действительно находитесь в ее гуще!”^[99]

Дорога, по которой шли испанцы, была той же, которая в настоящее время ведет в Тласкалу; однако обычно по ней не ездили из Вера-Крус в столицу, а делали крюк значительно южнее, к Пуэбле, по соседству с древней Чолулой. Они не раз переходили вброд ручей, протекающий по этой прекрасной равнине, задерживаясь в пути на несколько дней в надежде получить ответ из индийской республики. Неожиданная задержка гонцов не поддавалась объяснению и вызывала некоторое беспокойство.

Когда они продвигались по стране с более грубыми и дерзкими чертами характера, их продвижение внезапно было остановлено замечательным укреплением. Это была каменная стена девяти футов в высоту и двадцати в толщину, с парапетом шириной в полтора фута, возведенным на вершине для защиты тех, кто ее защищал. В нем был только один проем, в центре, образованный двумя полукруглыми линиями стены, перекрывающими друг друга на протяжении сорока шагов и обеспечивающими проход между ними шириной в десять шагов, устроенный таким образом, что им прекрасно командовала внутренняя стена. Это укрепление, простиравшееся более чем на две лиги, с обеих сторон опиралось на мощные естественные контрфорсы, образованные сьеррой. Сооружение было построено из огромных каменных блоков, красиво уложенных друг на друга без цемента;^[100] и сохранившиеся до сих пор остатки, среди которых есть камни по всей ширине вала, полностью подтверждают его прочность и размер.^[101]

Это необычное сооружение обозначало границы Тласкалы и предназначалось, как рассказали испанцам местные жители, как барьер против мексиканских вторжений. Армия остановилась, преисполненная изумления при созерцании этого циклопического памятника, что, естественно, наводило на размышления о силе и ресурсах людей, воздвигших его. Это также вызвало у них некоторую болезненную озабоченность по поводу вероятного результата их миссии в Тласкале и последующего приема там их самих. Но они были слишком оптимистичны, чтобы позволить таким неприятным предположениям долго укореняться в их головах. Кортес встал во главе своей кавалерии и, крикнув: “Вперед, солдаты, Святой Крест - наше знамя, и под ним мы победим”, - повел свою маленькую армию через незащищенный проход, и через несколько мгновений они ступили на землю свободной республики Тлашкала.^[102]

ГЛАВА II

РЕСПУБЛИКА ТЛАСКАЛА — ЕЕ ИНСТИТУТЫ—РАННЯЯ ИСТОРИЯ—ДИСКУССИИ В СЕНАТЕ—ОТЧАЯННЫЕ СРАЖЕНИЯ

1519

ВПРЕЖДЕ чем продвигаться с испанцами дальше на территорию Тласкалы, будет полезно отметить некоторые черты в характере и институтах нации, во многих отношениях наиболее примечательные в Анауаке. Тлашкаланцы принадлежали к одной великой семье с ацтеками.^[103] {*} Они пришли на большое плато примерно в одно время с родственными расами, в конце двенадцатого века, и обосновались на западных границах озера Тецкоко. Здесь они оставались много лет, занимаясь обычными делами смелого и отчасти цивилизованного народа.

{*} [У тлашкаланцев, “принадлежащих к одной великой семье с ацтеками”, конечно, были правительственные учреждения, аналогичные ацтекским. Клан жил в пуэбло и был разделен на четыре фратрии. О системе правления см. Примечание, стр. 33-36, т. i.—М.] По той или иной причине, возможно, из-за своего буйного нрава, они навлекли на себя вражду окружающих племен. Против них была сформирована коалиция, и на равнинах Пойаутлана произошла кровопролитная битва, в которой тлашкаланцы одержали полную победу.

Однако, испытывая отвращение к своему пребыванию среди народов, у которых они не находили столь большого расположения, народ-завоеватель решил мигрировать. Они разделились на три отряда, самый крупный из которых, пройдя на юг мимо великого *вулкана* Мексики, обогнул древний город Чолула и, наконец, обосновался в сельской местности, затененной сьеррой Тлашкала. Теплые и плодородные долины, заключенные в объятия этого сурового горного братства, давали средства к существованию земледельческому народу, в то время как отвесные возвышенности сьерры обеспечивали надежное положение их городов.

По прошествии многих лет институты нации претерпели важные изменения. Монархия была разделена сначала на два, затем на четыре отдельных штата, связанных между собой своего рода федеральным договором, вероятно, не очень четко определенным. Однако каждое государство имело своего лорда или верховного вождя, независимого на своей собственной территории и

обладавшего согласованной с другими властью во всех вопросах, касающихся всей республики. Государственные дела, особенно все те, что касались мира и войны, решались в сенате или совете, состоящем из четырех лордов и их низшей знати.

Низшие сановники, принадлежавшие вышестоящему, каждый в своем округе, на правах своего рода феодального владения, были обязаны обеспечивать его стол и давать ему возможность поддерживать свое государство в мирное время, а также служить ему на войне.^[104] Взамен он ощутил помощь и защиту своего сюзерена. Такие же взаимные обязательства существовали между ним и последователями, между которыми были распределены его собственные территории.^[105] Таким образом, была установлена цепь феодальных зависимостей, которые, если и не были приспособлены ко всем художественным и юридическим изощрениям аналогичных институтов Старого Света, проявляли свои наиболее выдающиеся характеристики в личных отношениях, обязательствах военной службы, с одной стороны, и защите - с другой. Эта форма правления, столь отличная от формы правления окружающих народов, просуществовала до прихода испанцев. И это, безусловно, свидетельство значительной цивилизованности, что столь сложное государственное устройство просуществовало так долго, не нарушенное насилием или группировками в конфедеративных штатах, и было признано компетентным защищать людей в их правах и страну от иностранного вторжения.

Однако низшие слои населения, по-видимому, не пользовались более высокими иммунитетами, чем при монархических правительствах; и их ранг был тщательно определен соответствующей одеждой и исключением из знаков отличия аристократических орденов.^[106]

Нация, земледельческая по своим привычкам, приберегала свои высшие почести, как и большинство других грубых — к сожалению, также цивилизованных — наций, для военной доблести. Были учреждены публичные игры, и были объявлены призы тем, кто преуспел в таких мужественных и атлетических упражнениях, которые могли бы подготовить их к тяготам войны. Победоносному полководцу были дарованы триумфы, который вошел в город, ведя свою добычу и пленников длинной процессией, в то время как его достижения были воспеты в национальных песнях, а его изображение, будь то деревянное или каменное, было установлено в храмах. Это было действительно в духе воинственности республиканского Рима.^[107]

Был введен институт, мало чем отличающийся от рыцарства, очень похожий на тот, что существовал также у ацтеков. Претендент на почести этого варварского рыцарства следил за своим оружием и постился пятьдесят или шестьдесят дней в храме, затем выслушивал серьезную беседу об обязанностях своей новой профессии. Последовали различные причудливые церемонии, когда ему вернули оружие; его провели в торжественной процессии по людным улицам, и инаугурация завершилась банкетами и народными ликованиями. Отныне новый рыцарь отличался определенными особыми привилегиями, а также значком, указывающим на его ранг. Следует отметить, что эта награда присуждалась не только за военные заслуги, но и была вознаграждением за общественные заслуги другого рода, такие как мудрость в совете или проницательность и успех в торговле. Ибо торговля ценилась тлашкальцами так же высоко, как и другими народами Анауака.^[108]

Умеренный климат плоскогорья обеспечивал готовые средства для дальних перевозок. На плодородие почвы указывало название страны — *Тлашкала*, что означает “земля хлебов”. Его широкие равнины до склонов скалистых холмов были покрыты желтыми урожаями кукурузы и обильной магуэй - растением, которое, как мы видели, поставляло материалы для некоторых важных тканей. С ними, а также с продуктами сельскохозяйственной промышленности купец спустился по склонам Кордильер, побродил по солнечным районам у их подножия и привез обратно предметы роскоши, в которых природа отказала его собственным.^[109]

Различные искусства цивилизации развивались в ногу с ростом богатства и общественного процветания; по крайней мере, эти искусства культивировались, по-видимому, в той же ограниченной степени, что и у других народов Анауака. Тлашкальский язык, говорит

национальный историк, простой, как и подобает горному региону, был грубым по сравнению с отточенным тецкуканским или популярным ацтекским диалектом, и, следовательно, не так хорошо подходил для композиции. Но тлашкаланцы достигли такого же мастерства, как и родственные народы, в зачатках науки. Их календарь был составлен по тому же плану. Их религия, архитектура, многие законы и социальные обычаи были одинаковыми, утверждая общее происхождение для всех. Их божеством-покровителем был тот же свирепый бог войны, что и у ацтеков, хотя и с другим именем; их храмы подобным же образом были залиты кровью человеческих жертв, а их доски стонали от тех же каннибальских трапез. [\[110\]](#)

Хотя тлашкаланцы и не стремились к иностранным завоеваниям, со временем процветание вызвало зависть их соседей, и особенно богатого государства Чолула. Между ними возникали частые военные действия, в которых преимущество почти всегда было на стороне первых. Позднее у ацтеков появился еще более грозный враг, который с трудом переносил независимость Тласкала, когда окружающие народы один за другим признавали их влияние или их империю. При амбициозном Аксаякатле они требовали от тлашкальцев такой же дани и повиновения, какие оказывали другие народы страны. Если бы в этом было отказано, ацтеки разрушили бы свои города до основания и передали бы землю своим врагам.

На этот властный призыв маленькая республика гордо ответила: “Ни они, ни их предки никогда не платили дань уважения иностранной державе и никогда не будут ее платить. Если бы в их страну вторглись, они знали, как ее защитить, и пролили бы свою кровь так же свободно, защищая свою свободу, как это делали их отцы в былые времена, когда они разгромили ацтеков на равнинах Пойаутлана!” [\[111\]](#)

Этот решительный ответ навлек на них силы монархии. Последовало ожесточенное сражение, и стойкие республиканцы одержали победу. С этого периода военные действия между двумя нациями продолжались с большей или меньшей активностью, но с беспощадной жестокостью. Каждый пленник был безжалостно принесен в жертву. Детей с колыбели воспитывали в смертельной ненависти к мексиканцам; и даже в короткие промежутки войны между народами соответствующих стран не было заключено ни одного из тех смешанных браков, которые связывают социальными узами большинство других родственных рас Анауака.

В этой борьбе тлашкальцы получили важную поддержку в присоединении оттоми, или отомиес, — как обычно пишут кастильские авторы, — дикой и воинственной расы, первоначально населявшей плоскогорье к северу от Мексиканской долины. Часть из них обосновалась в республике и была быстро включена в состав ее армий. Их мужество и верность усыновившей их нации показали, что они достойны доверия, и пограничные районы были переданы в их ведение. Горные барьеры, которыми окружена Тласкала, обеспечивали множество сильных естественных позиций для защиты от вторжения. Местность была открыта с востока, где долина шириной около шести миль предполагала приближение врага. Но именно здесь ревнивые тлашкальцы воздвигли грозный вал, который вызвал восхищение испанцев и который они укомплектовали гарнизоном отоми.

Усилия по их подчинению были возобновлены в большем масштабе после восшествия на престол Монтесумы. Его победоносные руки распространились по склонам Анд до отдаленных провинций Вера-Пас и Никарагуа, [\[112\]](#) и его надменный дух был раздосадован противодействием маленького государства, территория которого не превышала десяти лиг в ширину и пятнадцати в длину. [\[113\]](#) Он послал против них армию под командованием любимого сына. Его войска были разбиты, а его сын убит. Разгневанный и подавленный монарх был привлечен к еще большим приготовлениям. Он мобилизовал силы городов, граничащих с его врагом, вместе с силами империи и с этой грозной армией пронесся по пустынным долинам Тласкалы. Но отважные горцы отступили в глубь своих холмов и, хладнокровно ожидая удобного случая, обрушились подобно потоку на захватчиков и с ужасающей резней прогнали их со своих территорий.

Тем не менее, несмотря на преимущество, полученное над врагом на поле боя, тлашкальцы испытывали сильное давление в результате длительных боевых действий с противником, намного превосходящим их числом и ресурсами. Армии ацтеков располагались между ними и побережьем, перерезая все коммуникации с этим плодородным регионом, и таким образом ограничивали свои поставки продуктами их собственной почвы и мануфактуры. Более полувека у них не было ни хлопка, ни какао, ни соли. Действительно, долгое воздержание от этих продуктов настолько повлияло на их вкус, что потребовалось несколько поколений после Завоевания, чтобы они привыкли употреблять соль в пищу.^[114] Говорят, что во время коротких перерывов в войне ацтекская знать, в истинно рыцарском духе, отправляла эти товары в качестве подарков, со многими вежливыми выражениями уважения, тлашкальским вождям. Индийский хронист уверяет нас, что об этом общении народ не подозревал. Он добавляет, что это также не привело к какой-либо дальнейшей переписке между сторонами, наносящей ущерб свободам республики, “которая сохраняла в неприкосновенности свои обычаи и хорошее управление, а также поклонение своим богам”.^[115]

Таково было положение Тласкалы при приходе испанцев; могло показаться, что она влачит шаткое существование в тени грозной силы, которая, казалось, нависла подобно лавине над ее головой, но все еще сильна своими собственными ресурсами, сильнее неукротимого нрава своего народа; по всей стране установилась репутация за добросовестность и умеренность в мирное время, за доблесть на войне, в то время как ее бескомпромиссный дух независимости завоевал уважение даже ее врагов. С такими качествами характера и с враждебностью, обостренной долгой, смертельной враждой с Мексикой, ее союз, очевидно, имел для испанцев последнее значение в их нынешнем предприятии. Заполучить его было нелегко.^[116]

Жители Тласкалы были ознакомлены с наступательной и победоносной карьерой христиан, слухи о которых распространились по всему плато. Но они, похоже, не ожидали приближения чужаков к их собственным границам. Теперь они были очень смущены тем, что посольство потребовало пропуска через их территорию. Был созван великий совет, и среди его членов преобладало значительное расхождение во мнениях. Некоторые, приняв популярное суеверие, предположили, что испанцы могли быть белыми и бородатыми мужчинами, предсказанными оракулами.^[117] В любом случае, они были врагами Мексики и как таковые могли сотрудничать с ними в их борьбе с империей. Другие утверждали, что пришельцы не могли иметь с ними ничего общего. Их шествие по стране можно было проследить по разбитым изображениям индийских богов и оскверненным храмам. Откуда тлашкаланцы вообще узнали, что они враги Монтесумы? Они приняли его посольства, приняли его подарки и теперь находились в компании его вассалов на пути в его столицу.

Эти последние были размышлениями престарелого вождя, одного из четырех, правивших республикой. Его звали Ксикотенкатль. Он был почти слеп, прожив, как говорят, далеко за пределами столетия.^[118] Его сын, порывистый молодой человек с таким же именем, как у него самого, командовал мощной армией воинов тласкалана и отоми недалеко от восточной границы. Старик сказал, что лучше всего было бы сразу обрушиться с этими силами на испанцев. В случае победы последние оказались бы в их власти. В случае поражения сенат мог бы отречься от этого акта как акта генерала, а не республики.^[119] Хитрый совет вождя нашел одобрение у его слушателей, хотя, несомненно, не соответствовал духу рыцарства или добросовестности, которыми славились его соотечественники. Но у индейцев сила и хитрость, мужество и обман были одинаково допустимы на войне, как и у варваров древнего Рима.^[120] Семпалланские посланники должны были быть задержаны под предлогом оказания помощи при религиозном жертвоприношении.

Тем временем Кортес и его доблестный отряд, как говорилось в предыдущей главе, подошли к скалистому валу на восточной границе Тласкалы. По той или иной причине в нем не было гарнизона отоми, и испанцы вошли, как мы видели, без сопротивления. Кортес ехал во главе

своего конного отряда и, приказав пехоте двигаться быстрым шагом, выехал вперед на разведку. Пройдя три или четыре лиги, он заметил небольшой отряд индейцев, вооруженных по местной моде мечами и щитами. При его приближении они обратились в бегство. Он сделал им знаки остановиться, но, видя, что они только убегают быстрее, он и его спутники пришпорили своих лошадей и вскоре поравнялись с ними. Индейцы, убедившись, что спастись невозможно, повернулись кругом, и вместо того, чтобы выказать обычный для туземцев ужас перед странным и устрашающим видом всадника, они начали яростную атаку на кавалеристов. Последние, однако, были слишком сильны для них и без особого труда разрубили бы своего врага на куски, когда в поле зрения показался отряд из нескольких тысяч индейцев, быстро шедших на помощь своим соотечественникам.

Кортес, увидев их, со всей поспешностью отправил одного из своих людей, чтобы ускорить марш своей пехоты. Индейцы, выпустив свои метательные снаряды, яростно набросились на небольшой отряд испанцев. Они пытались вырвать у них копья и стащить всадников с лошадей. Они повалили на землю одного всадника, который впоследствии скончался от полученных ран, и убили двух лошадей, перерубив им шеи своими крепкими палашами — если верить хронисту — одним ударом!^[121] В повествовании об этих кампаниях иногда бывает всего один шаг — и тот короткий — от истории к роману. Потеря лошадей, столь важных и столь малочисленных, серьезно повлияла на Кортеса, который мог бы лучше сохранить жизнь лучшему наезднику в отряде.

Борьба была тяжелой. Но шансы были столь же ошеломляющими, как те, что были описаны испанцами в их собственных романах, где горстка рыцарей противостоит легионам врагов. Копья христиан и здесь творили ужасные расправы; но они нуждались в волшебном копье Астольфо, которое одним касанием опрокидывало мириады врагов, чтобы невредимыми провести их через столь неравное состязание. Поэтому они с немалым удовлетворением наблюдали, как их товарищи быстро продвигаются к ним на подмогу.

Как только основные силы достигли поля битвы, они, поспешно построившись, дали такой залп из своих мушкетов и арбалетов, что враг пошатнулся. Скорее пораженные, чем запуганные ужасным звуком огнестрельного оружия, впервые услышанным в этих краях, индейцы больше не предпринимали попыток продолжать бой, а отступили в полном порядке, оставив дорогу открытой для испанцев. Последние, слишком довольные избавлением от досады, чтобы последовать за отступающим врагом, снова продолжили свой путь.

Их маршрут пролегал через страну, усеянную индейскими коттеджами, среди цветущих полей кукурузы и мауи, что свидетельствовало о трудолюбивом и процветающем крестьянстве. Здесь их встретили два тлашкальских посланника в сопровождении двух семпоалланцев. Первые, представ перед генералом, отвергли нападение на его войска как несанкционированный акт и заверили его в дружеском приеме в их столице. Кортес принял сообщение в вежливой манере, сделав вид, что верит в его добросовестность больше, чем он, вероятно, чувствовал.

Было уже поздно, и испанцы ускорили свой марш, стремясь достичь удобного места для лагеря до наступления ночи. Они нашли такое место на берегу ручья, который медленно тек по равнине. По берегам стояло несколько заброшенных коттеджей, и усталые и голодные солдаты обшаривали их в поисках еды. Все, что они смогли найти, — это несколько ручных животных, похожих на собак. Их они убивали и разделявали без церемоний и, украсив свою невкусную трапезу плодами *тунца*, индийского инжира, который в диком виде рос по соседству, ухитрялись утолить неутолимый аппетит. Кортес тщательно следил за порядком, и роты по сто человек сменяли друг друга, выставляя охрану в течение ночи. Но атаки предпринято не было. Боевые действия ночью противоречили системе индийской тактики.^[122]

На рассвете следующего дня, второго сентября, войска были при оружии. Не считая испанцев, общее число вспомогательных войск индейцев могло теперь достигать трех тысяч, поскольку Кортес собрал рекрутов из дружественных мест на своем пути — триста из последнего. Отслушав

мессу, они возобновили свое шествие. Они двигались сомкнутым строем; генерал ранее предупреждал солдат не отставать и ни на минуту не выходить из строя, поскольку отставшие наверняка будут отрезаны их скрытным и бдительным врагом. Всадники ехали по трое в ряд, чтобы лучше поддерживать друг друга; и Кортес велел им в пылу боя держаться вместе и никогда не нападать поодиночке. Он научил их обращаться с копьями, чтобы индейцы, которые постоянно пытались это сделать, не вырвали их из рук. По той же причине они должны избегать выпадов, но постоянно направлять свое оружие в лица своих врагов.^[123]

Они не успели продвинуться далеко, как их встретили двое оставшихся семпоалланских посланцев, которые с выражением ужаса на лицах сообщили генералу, что их предательски схватили и заключили в тюрьму, чтобы принести в жертву на приближающемся празднике тлашкаланцев, но ночью им удалось бежать. Они также сообщили неприятную весть о том, что большие силы туземцев уже собраны, чтобы воспротивиться продвижению испанцев.

Вскоре после этого они увидели отряд индейцев, по-видимому, около тысячи человек, все вооруженные, которые размахивали своим оружием при приближении христиан в знак неповиновения. Кортес, когда он оказался в пределах слышимости, приказал переводчикам объявить, что у него нет враждебных намерений, а он желает только, чтобы ему разрешили проехать через их страну, в которую он въехал как друг. Это заявление он приказал королевскому нотариусу Годою записать на месте, чтобы, если прольется кровь, ее нельзя было возложить на испанцев. Это миролюбивое заявление было встречено, как обычно в таких случаях, градом дротиков, камней и стрел, которые подобно дождю посыпались на испанцев, гремя по их прочной сбруе и в некоторых случаях проникая под кожу. Измученные тяжестью своих ран, они призывали генерала вести их дальше, пока он не издал хорошо известный боевой клич: “Святой Джаго, и на них!”^[124]

Индейцы некоторое время стойко удерживали свои позиции, а затем поспешно отступили, но не в беспорядке.^[125] Испанцы, чья кровь была разгорячена столкновением, использовали свое преимущество скорее с рвением, чем осмотрительно, позволяя коварному врагу завлечь их в узкую долину или дефиле, пересекаемое небольшим ручьем, где пересеченная местность была непригодна для артиллерии, а также для передвижения кавалерии. Рванувшись вперед с рвением, чтобы выбраться из своего опасного положения, они, к своему великому ужасу, повернув за крутой угол перевала, оказались перед многочисленной армией, запрудившей ущелье долины и растянувшейся далеко на равнинах за ее пределами. Изумленному Кортесу показалось, что их было сто тысяч человек, в то время как ни один отчет не оценивает их менее чем в тридцать тысяч.^[126]

Они представляли собой беспорядочное скопление шлемов, оружия и разноцветных плюмажей, ярко сверкающих в лучах утреннего солнца и смешивающихся со знаменами, над которыми гордо развевалось одно, на котором в качестве герба была изображена цапля на скале. Это был хорошо известный знак дома Титкала, и, так же как белые и желтые полосы на телах и аналогичные цвета на кольчугах из перьев индейцев, указывали на то, что они были воинами Ксикотенкатля.^[127]

Как только показались испанцы, тлашкаланцы издали отвратительный боевой клич, или, скорее, свист, пронзающий слух своей пронзительностью, и который, вместе с боем их унылых барабанов, был слышен за пол-лиги или больше,^[128] возможно, наполнил бы тревогой самое стойкое сердце. Это грозное воинство надвигалось на христиан, как бы желая сокрушить их своим количеством. Но отважный отряд воинов, тесно сплоченный и укрытый своими мощными доспехами, принял удар непоколебимо, в то время как разбитые массы врага, буйно бушевавшие вокруг них, казалось, отступали только для того, чтобы вернуться с новой и накопленной силой.

Кортес, как обычно, находясь перед опасностью, тщетно пытался во главе конницы открыть проход пехоте. Тем не менее его люди, как кавалерийские, так и пешие, сохраняли свой строй нерушимым, не предлагая врагу ни одного неприступного пункта для атаки. Однако отряд

тласкаланцев, действуя согласованно, напал на солдата по имени Моран, одного из лучших наездников в отряде. Им удалось стащить его с лошади, которую они сразили тысячей ударов. Пешие испанцы предприняли отчаянную попытку спасти своего товарища из рук врага и от ужасной участи пленника. Теперь началась ожесточенная борьба за тело распростертого коня. Десять испанцев были ранены, когда им удалось освободить несчастного кавалера от нападавших, но в таком плачевном состоянии, что он скончался на следующий день. Индейцы с триумфом увели коня, и его изуродованные останки были разосланы в качестве странного трофея по разным городам Тлашкалы. Это обстоятельство обеспокоило испанского командира, поскольку лишило животное сверхъестественного ужаса, которым обычно окружали его суеверия туземцев. Чтобы предотвратить такие последствия, он приказал тайно похоронить двух лошадей, убитых накануне, на этом месте.

Теперь враг начал постепенно отступать, сбитый с ног всадниками и растоптанный копытами их лошадей. На протяжении всего этого острого столкновения индийские союзники оказывали большую услугу испанцам. Они бросились в воду и схватились со своими врагами с отчаянием людей, которые чувствовали, что “их единственная безопасность - в отчаянной надежде на спасение”.^[129] “Я не вижу для нас ничего, кроме смерти”, - воскликнул один из семпоалланских вождей Марине. - “Нам никогда не пройти через перевал живыми”. “Бог христиан с нами, - ответила бесстрашная женщина, - и Он проведет нас в целостности и сохранности”.^[130]

Среди шума битвы послышался голос Кортеса, подбадривавшего своих солдат. “Если мы потерпим неудачу сейчас, - воскликнул он, “ Крест Христов никогда не будет водружен на землю. Вперед, товарищи! Когда это было известно, чтобы кастилец повернулся спиной к врагу?”^[131] Воодушевленные словами и героической выправкой своего генерала, солдаты отчаянными усилиями, наконец, смогли пробить проход сквозь темные колонны противника и вышли из ущелья на открытую равнину за ним.

Здесь они быстро восстановили уверенность в своем превосходстве. Вскоре конница открыла пространство для маневров артиллерии. Сомкнутые ряды их противников представляли собой верную цель; и грохот орудий, извергавших потоки огня и сернистого дыма, широкое опустошение, произведенное в их рядах, и странно изуродованные тела убитых, наполнили варваров ужасом. У них не было оружия, чтобы справиться с этими ужасными машинами, и их неуклюжие снаряды, выпущенные неумелыми руками, казалось, бессильно падали на очарованные головы христиан. Что усугубляло их смущение, так это желание унести с поля боя убитых и раненых - обычная практика среди жителей Анауака, но такая, которая неизбежно подвергала их при таком применении еще большим потерям.

К этому времени пали восемь их главных вождей, и Ксикотенкатль, обнаружив, что он совершенно неспособен противостоять испанцам в открытом поле, приказал отступать. Вдали от замешательства охваченной паникой толпы, столь распространенного среди варваров, тлашкальские войска двинулись с места в полном порядке хорошо дисциплинированной армии. Кортес, как и накануне, был слишком доволен своим нынешним преимуществом, чтобы желать его развить. До захода солнца оставался час, и он стремился до наступления темноты занять удобную позицию, где он мог бы подкрепить свои раненые войска и разбить бивуак на ночь.^[132]

Подобрав своих раненых, он продолжил путь, не теряя времени, и еще до наступления сумерек достиг скалистого возвышения, называемого *Цомпачтенетль*, или “ холм Цомпач”. Он был увенчан чем-то вроде башни или храма, остатки которого видны до сих пор.^[133] Его первая помощь была оказана раненым, как людям, так и лошадям. К счастью, в нескольких соседних хижинах нашлось в изобилии провизии, и солдаты, по крайней мере все, кто не был выведен из строя своими ранениями, отпраздновали победу пиршеством и ликованием.

Что касается количества убитых или раненых с обеих сторон, то это вопрос самых смелых предположений. Индейцы, должно быть, сильно пострадали, но практика выноса мертвых с поля боя не позволяла определить, до какой степени. Увечья, полученные испанцами, по-видимому,

заклучались главным образом в количестве их раненых. Главной целью туземцев Анауака в их битвах было захватить пленных, которые могли бы украсить их триумфы и послужить жертвами для жертвоприношения. Этому жестокому суеверию христиане были в немалой степени обязаны своим личным спасением. Судя по сообщениям завоевателей, их собственные боевые потери всегда были незначительными. Но тот, кто имел возможность обратиться к древним хронистам Испании в связи с ее войнами с неверными, будь то арабами или американцами, вряд ли доверит цифрам. [\[134\]](#)

События этого дня натолкнули Кортеса на множество тем для болезненных размышлений. Он нигде не встречал столь решительного сопротивления в пределах Анауака; нигде он не встречал туземных войск, столь грозных своим оружием, дисциплиной и доблестью. Далекие от проявления суеверного ужаса, который испытывали другие индейцы при виде необычного оружия и внешнего вида испанцев, тлашкальцы смело вступили в схватку со своим врагом и лишь уступили неизбежному превосходству его военной науки. Насколько важным был бы союз такой нации в борьбе с представителями их собственной расы, например, с ацтеками! Но как он мог обеспечить этот союз? До сих пор все попытки его продвижения с презрением отвергались; и казалось вероятным, что каждый шаг его продвижения в этой густонаселенной стране будет подвергаться яростному оспариванию. Его армия, особенно индейцы, отмечали события этого дня пиршествами и танцами, веселыми песнями и торжествующими криками. Кортес поощрял это, хорошо зная, как важно поддерживать боевой дух своих солдат. Но звуки веселья наконец затихли вдали; и в тихие ночные часы множество тревожных мыслей, должно быть, теснилось в голове генерала, в то время как его маленькая армия погружалась в глубокий сон в своем лагере вокруг индейского холма.

ГЛАВА III

Т На следующий день испанцам позволили спокойно отдохнуть и набраться сил после усталости и тяжелых боев предыдущего дня. Однако они нашли достаточное занятие в ремонте и чистке своего оружия, пополнении уменьшившегося запаса стрел и приведении всего в порядок для дальнейших боевых действий, если суровый урок, который они преподали врагу, окажется недостаточным, чтобы обескуражить его. На второй день, поскольку Кортес не получил никаких предложений от тлашкальцев, он решил направить посольство в их лагерь, предложив прекращение военных действий и выразив свое намерение посетить их столицу в качестве друга. Он выбрал двух главных вождей, взятых в плен в последнем сражении, в качестве носителей послания.

Между тем, не желая дольше оставлять своих людей в опасном бездействии, которое враг мог истолковать как результат робости или истощения, он встал во главе кавалерии и таких легких войск, которые были наиболее пригодны для службы, и совершил набег в соседнюю страну. Это был горный регион, образованный разветвлением великой сьерры Тласкала, с зелеными склонами и долинами, изобилующими кукурузой и плантациями магуэя, в то время как возвышенности были увенчаны густонаселенными городами и деревнями. В одном из них, по его словам, он обнаружил три тысячи жилищ.^[135] В некоторых местах он встречал решительное сопротивление и в этих случаях мстил всюду, опустошая страну огнем и мечом. После успешного набега он вернулся, нагруженный фуражом и провизией и ведя перед собой несколько сотен пленников-индейцев. Однако он доброжелательно отнесся к ним, когда прибыл в лагерь, пытаясь дать им понять, что эти акты насилия были продиктованы не его собственными желаниями, а недружественной политикой их соотечественников. Таким образом он надеялся произвести впечатление на нацию убежденностью в своей силе, с одной стороны, и в своих дружественных намерениях, если они будут встречены в том же духе, с другой.

Добравшись до своих покоев, он обнаружил, что два посланника вернулись из лагеря тлашкаланцев. Они встретились с Ксикотенкатлем на расстоянии примерно двух лиг, где он расположился лагерем с мощным войском. Касик дал им аудиенцию во главе своего войска. Он велел им вернуться с ответом: “чтобы испанцы могли пройти дальше, как только захотят, в Тласкалу; и когда они достигнут ее, их плоть будет срезана с их тел для жертвоприношения богам! Если они предпочитали оставаться в своих покоях, он наносил им визит на следующий день”.^[136] Послы добавили, что вождь привел с собой огромные силы, состоящие из пяти батальонов по десять тысяч человек в каждом. Они были цветком воинов тлашкалана и отоми, собранных под знаменами своих соответствующих лидеров по приказу сената, которые были полны решимости испытать судьбу государства в жестокой битве и нанести один решающий удар для уничтожения захватчиков.^[137]

Это дерзкое неповиновение сильно ударило по ушам испанцев, не готовых к такому упорству своего врага. У них было достаточно доказательств его мужества и грозной доблести. Теперь им, в их искалеченном состоянии, предстояло столкнуться с ним с еще более ужасающим численным превосходством. Война тоже из-за ужасной участи, которой она угрожала побежденным, носила особенно мрачный характер, что тяжело давило на их дух. “Мы боялись смерти,” говорит Диас с лвиным сердцем с присущей ему простотой, “потому что мы были мужчинами”. Едва ли в армии был хоть один человек, который не исповедался бы в ту ночь преподобному отцу Ольмедо, который почти все это время был занят отпущением грехов и другими торжественными делами Церкви. Вооруженный святыми таинствами, солдат-католик спокойно лег отдыхать, готовый к любой участи, которая могла постигнуть его под знаменем Креста.^[138]

Поскольку битва теперь была неизбежна, Кортес решил выступить и встретить врага в поле. Это было бы демонстрацией уверенности, которая могла бы послужить двойной цели - запугать тлашкальцев и вдохновить его собственных людей, чей энтузиазм мог бы несколько поубавиться, если бы они были вынуждены ожидать нападения своих противников, бездействующих в своих собственных укреплениях. Солнце ярко взошло на следующее утро, пятого сентября 1519 года, в день, богатый событиями в истории испанского завоевания. Генерал произвел смотр своей армии и, готовясь к выступлению, сказал ей несколько ободряющих слов и советов. Пехотинцам он приказал полагаться на острие, а не на лезвие своих мечей, и стараться пронзать своих противников насквозь. Всадники должны были атаковать вполсилы, нацелив свои копья в глаза индейцев. Артиллерия, аркебузиры и арбалетчики должны были поддерживать друг друга, одни заряжали, в то время как другие разряжали свои орудия, чтобы во время боя велась непрерывная стрельба. Прежде всего, они должны были поддерживать свои ряды сплоченными и нерушимыми, поскольку от этого зависело их сохранение.

Они не продвинулись и на четверть лиги, когда увидели армию тлашкаланцев. Ее плотный строй тянулся вдоль и поперек обширной равнины или луга площадью около шести квадратных миль. Его внешний вид оправдывал отчет, который был дан о его численности.^[139] Ничто не могло быть более живописным, чем внешний вид этих индийских батальонов с ярко раскрашенными обнаженными телами простых солдат, фантастическими шлемами вождей, сверкающими золотом и драгоценными камнями, и сияющими доспехами из перьев, украшавшими их лица.^[140] Бесчисленные копья и дротики с наконечниками из прозрачного *ицтли* или огненной меди ярко сверкали на утреннем солнце, подобно фосфорическим отблескам, играющим на поверхности беспокойного моря, в то время как тыл могучего войска был темным от теней знамен, на которых были изображены гербы великих вождей тлашкаланцев и отоми.^[141] Среди них бросалась в глаза белая цапля на скале, символ дома Ксикотенкатль, и, что еще важнее, золотой орел с распростертыми крыльями, на манер римского *сигнума*, богато украшенный изумрудами и серебром, великий штандарт республики Тлашкала.^[142]{*}

{*} Рассказы тлашкальского хрониста подтверждаются Анонимным Завоевателем и Берналем Диасом, обоими очевидцами; хотя последний откровенно заявляет, что если бы он не видел их собственными глазами, он никогда бы не поверил в существование орденов и значков у варваров, подобных тем, что встречаются у цивилизованных народов Европы. История. "де ла Конкиста", глава 64, и его алиби.—Камарго, История. "де Тлашкала", СР.—Рел. "Один джентльмен' хуомо, ап. Рамузио, том. iii. fol. 305.

{*} [*Т.е.* штандарт племени. Племя было разделено на фратрии. Каждая фратрия обладала своим особым знанием, как и каждый из кланов, на которые была разделена фратрия. Это был цвет клана, а не его военного вождя, по которому отличались воины.—М.]

На рядовых не было ничего, кроме пояса вокруг чресел. Их тела были раскрашены в соответствующие цвета вождя, за знаменем которого они следовали. Кольчуга из перьев более высокого класса воинов также демонстрировала аналогичный выбор цветов для аналогичного предмета, точно так же, как цвет шотландки указывает на особый клан горцев.^[9]

Касики и главные воины были одеты в стеганные хлопчатобумажные туники толщиной в два дюйма, которые, плотно прилегая к телу, защищали также бедра и плечи. Поверх них более состоятельные индейцы носили кирасы из тонких золотых пластин или серебра. Их ноги защищали кожаные сапоги или сандалии, отделанные золотом. Но самой блестящей частью их костюма была богатая мантия из *плюмажа*, или перьев, расшитая с удивительным искусством и придающая некоторое сходство с великолепным плащом, который европейский рыцарь носил поверх своих доспехов в средние века. Это изящное и живописное платье венчал фантастический головной убор из дерева или кожи, изображавший голову какого-то дикого животного и часто демонстрировавший внушительный набор зубов. Этим покрывалом была окутана голова воина, производя самый гротескный и отвратительный эффект.^[143] С короны свисало великолепное

тропическое оперение, формой и цветами указывающее на ранг и семью владельца. В дополнение к своим защитным доспехам они носили щиты или мишени, иногда сделанные из дерева, обтянутого кожей, но чаще из легкого каркаса из тростника, простеганного хлопком, которые были предпочтительнее, поскольку были более прочными и менее подверженными разрушению, чем первые. У них были другие баклеры, в которых хлопок был покрыт эластичным веществом, что позволяло складывать их в более компактную форму, наподобие веера или зонтика. Эти щиты были украшены эффектными орнаментами, в соответствии со вкусом или достатком владельца, и окаймлены красивой подвеской из перьев.

Их оружием были пращи, луки со стрелами, дротики. Они были опытными лучниками и могли выпускать по две или даже три стрелы одновременно. Но больше всего они преуспели в метании копья. Одного такого вида, с прикрепленным к нему ремешком, который оставался в руке пращника, чтобы он мог вспомнить об оружии, испанцы особенно боялись. Эти различные виды оружия были заострены костью или минералом *ицтли* (обсидиан), твердым стекловидным веществом, которое, как уже было замечено, способно заострять лезвие подобно бритве, хотя и легко затупляется. Их копья и стрелы также часто имели медные наконечники. Вместо меча они носили двуручный посох длиной около трех с половиной футов, в который на равном расстоянии поперек были воткнуты острые лезвия из *ицтли* - грозного оружия, которое, как уверяет очевидец, свалило лошадь от удара. [\[144\]](#)

Таков был костюм тлашкальского воина, да и вообще всей той великой семьи народов, союзников, которые населяли плато Анауак. Некоторые его части, такие как мишени и хлопчатобумажные кольчуги, или *escaupil*, как их называли по-кастильски, были настолько превосходны, что впоследствии были приняты испанцами на вооружение как не менее эффективные в плане защиты и превосходящие их собственные по легкости и удобству. Они обладали достаточной силой, чтобы отразить стрелу или удар копья, хотя и были бессильны в качестве защиты от огнестрельного оружия. Но чем доспехи не являются? И все же, вероятно, не будет преувеличением сказать, что по удобству, изяществу и силе оружие индийского воина не сильно уступало оружию утонченных народов древности. [\[145\]](#)

Как только кастильцы показались в поле зрения, тлашкаланцы издали свой вызывающий клич, высоко поднявшийся над дикими варварскими песнопениями раковин, атабалов и труб, которыми они возвещали о своем триумфальном предвкушении победы над ничтожными силами захватчиков. Когда последние приблизились на расстояние выстрела из лука, индейцы выпустили шквал метательных снарядов, которые на мгновение заслонили солнце, словно набежавшее облако, усеяв землю вокруг горами камней и стрел. [\[146\]](#) Медленно и неуклонно маленький отряд испанцев продолжал свой путь среди этого ливня стрел, пока не достиг того расстояния, которое казалось достаточным для того, чтобы вести огонь с полным эффектом. Затем Кортес остановился и, поспешно построив свои войска, открыл общий, хорошо направленный огонь по всей линии. Каждый выстрел нес смерть, и ряды индейцев были выкошены быстрее, чем их товарищи в тылу успевали унести их тела, согласно обычаю, с поля боя. Шары, пролетая сквозь переполненные ряды, несли осколки разорванной сбруи и искалеченные конечности воинов, сеяли хаос и запустение на своем пути. Толпа варваров стояла, окаменев от ужаса, пока, наконец, доведенные до отчаяния своими невыносимыми страданиями, они одновременно не издали свой отвратительный боевой клич и не бросились на христиан.

Они обрушились подобно лавине или горному потоку, сотрясая твердую землю и сметая все препятствия на своем пути. Маленькая армия испанцев смело противостояла подавляющей массе. Но никакая сила не могла противостоять ей. Они дрогнули, уступили, их увлекли вперед, и их ряды были сломлены и приведены в беспорядок. Напрасно генерал призывал их снова сомкнуться и сплотиться. Его голос потонул в шуме боя и яростных криках нападавших. На мгновение показалось, что все потеряно. Ход битвы повернулся против них, и судьба христиан была решена.

Но у каждого человека за пазухой было что-то, что говорило громче, чем голос генерала. Отчаяние придало его руке неестественную энергию. Обнаженное тело индейца не оказывало никакого сопротивления острой толедской стали, и с помощью своих хороших мечей испанской пехоте наконец удалось остановить людской поток. Тяжелые орудия издали грохот по флангу нападавших, который, сотрясаемый железной бурей, пришел в беспорядок. Само их количество усиливало замешательство, поскольку они обрушивались на массы впереди идущих. В тот же момент конница, храбро атаковавшая Кортеса, воспользовалась преимуществом и, наконец, вынудила буйную толпу отступить с большей поспешностью и беспорядком, чем те, с которыми они наступали.

В ходе боевых действий тлашкальцы не раз предпринимали подобные попытки штурма, но каждый раз с меньшим воодушевлением и большими потерями. Они были слишком слабы в военной науке, чтобы воспользоваться своим огромным численным превосходством. Правда, их распределили по отрядам, каждый из которых служил под своим собственным вождем и знаменем. Но они не были расположены рядами, а двигались беспорядочной массой, беспорядочно нагроможденной друг на друга. Они не знали, как сосредоточить численность в заданном пункте или даже как выдержать атаку, используя сменяющие друг друга отряды для поддержки и смены друг друга. Только очень небольшая часть их войск могла быть приведена в соприкосновение с противником, уступающим им по количеству сил. Оставшаяся часть армии, бездействующая и, что хуже, бесполезная, в тылу служила только для того, чтобы яростно давить на наступающих и затруднять их передвижения простым численным перевесом, в то время как при малейшей тревоге ими овладевала паника и повергала весь корпус в неразбериху. Короче говоря, это была очередная битва древних греков и персов.

Тем не менее, огромное численное превосходство индейцев могло позволить им, действительно, ценой суровой собственной жизни, со временем подорвать стойкость испанцев, выведенных из строя ранами и постоянной усталостью. Но, к счастью для последних, среди их врагов возникли разногласия. Тлашкальский вождь, командовавший одной из крупных дивизий, был возмущен надменным поведением Ксикотенкатля, который обвинил его в ненадлежащем поведении или трусости во время последней акции. Травмированный касик вызвал своего соперника на поединок один на один. Этого не произошло. Но, сгорая от негодования, он воспользовался настоящим случаем, чтобы потворствовать ему, отозвав с поля боя свои войска, насчитывавшие десять тысяч человек. Он также убедил другого командира последовать его примеру.

Таким образом, сократившись примерно до половины своих первоначальных сил и сильно подорванный потерями того дня, Ксикотенкатль больше не мог удерживать свои позиции против испанцев. После четырехчасового сражения на поле боя с завидным мужеством он отступил и уступил его врагу. Испанцы были слишком измотаны, и слишком многие были выведены из строя ранами, чтобы позволить им продолжать преследование; и Кортес, удовлетворенный одержанной им решающей победой, с триумфом вернулся на свою позицию на холме Цомпах.

Число убитых в его собственных рядах было очень небольшим, несмотря на серьезные потери, нанесенные врагу. Этих немногих он тщательно похоронил там, где их нельзя было обнаружить, стремясь скрыть не только количество убитых, но и тот факт, что белые были смертны. ^[147] Но очень многие люди были ранены, и все лошади тоже. Беспокойство испанцев значительно усиливалось из-за нехватки многих предметов, важных для них в их нынешней ситуации. У них не было ни масла, ни соли, которые, как уже было замечено, нельзя было достать в Тлашкале. Их одежда, приспособленная к более мягкому климату, была плохо приспособлена к грубому воздуху гор; а луки и стрелы, как саркастически замечает Берналь Диас, служили безразличной защитой от суровой погоды. ^[148]

Тем не менее, у них было много ободряющих моментов в событиях этого дня; и они могли извлечь из них разумную основу для уверенности в своих собственных силах, какой не смог бы

дать никакой другой опыт. Не то чтобы результаты могли оправдать что-то вроде презрения к их врагу-индейцу. В одиночку и с тем же оружием он мог бы выстоять против испанца.^[149] Но успех того времени подтвердил превосходство науки и дисциплины над простым физическим мужеством и численностью. Это была новая битва, как мы уже говорили, старая битва европейцев и азиатов. Но следует помнить, что горстка греков, разгромившая войска Ксеркса и Дария, не имела столь очевидного преимущества в вооружении, каким пользовались испанцы в этих войнах. Использование огнестрельного оружия дало господство, которое нелегко оценить; оно было настолько велико, что соперничество между столь же цивилизованными нациями, которое во всех других отношениях должно было быть аналогично соперничеству между испанцами и тлашкаланцами, вероятно, привело бы к аналогичному результату. Ко всему этому следует добавить эффект, производимый кавалерией. У народов Анауака не было крупных домашних животных, и они не были знакомы ни с одним выючным животным. Их воображение было сбито с толку, когда они увидели странное видение лошади и ее всадника, двигавшихся в унисон и послушных единому импульсу, как будто обладавших общей природой; и поскольку они увидели ужасное животное с его “шеей, облаченной в гром”, несущееся на их эскадроны и растаптывающее их в пыль, неудивительно, что они смотрели на него с таинственным ужасом, испытываемым к сверхъестественному существу. Очень небольшое размышление о многообразии оснований для превосходства, как морального, так и физического, которыми обладают испанцы в этом соревновании, несомненно, прояснит проблему, без какого-либо умаления мужества или способностей их противников.^[150]

Кортес, сочтя случай благоприятным, вслед за нанесенным им важным ударом отправил новую миссию в столицу с посланием аналогичного значения, недавно отправленному в лагерь. Но сенат был еще недостаточно смирен. Недавнее поражение действительно вызвало всеобщий ужас. Максиккатзин, один из четырех великих лордов, возглавлявших республику, с еще большей силой повторил аргументы, ранее приводившиеся им в пользу принятия предложенного альянса чужеземцев. Армии штата слишком часто терпели поражения, чтобы можно было надеяться на успешное сопротивление; и он подробно остановился на великодушии, проявленном политическим Завоевателем к своим пленникам — столь необычном для Анауака, — как на дополнительном мотиве для союза с людьми, которые умели быть как друзьями, так и врагами.

Но в этих взглядах он был отвергнут партией войны, враждебность которой была скорее обострена, чем подавлена недавним поражением. Их враждебные чувства были еще более обострены младшим Ксикотенкатлем, который сгорал от нетерпения получить возможность восстановить свой позор и стереть пятно, впервые павшее на герб республики.

В своем замешательстве они призвали на помощь священников, авторитет которых часто упоминался в обсуждениях американских вождей. Последний с некоторой простотой поинтересовался у этих толкователей судьбы, были ли незнакомцы сверхъестественными существами или такими же людьми из плоти и крови, как они сами. Говорят, что жрецы, посоветовавшись, дали странный ответ, что испанцы, хотя и не боги, были детьми Солнца, что они черпали свою силу из этого светила, и когда его лучи исчезнут, их силы тоже иссякнут. Поэтому они рекомендовали ночную атаку, как такую, которая давала наилучшие шансы на успех. В этом явно детском ответе, возможно, было больше хитрости, чем доверчивости. Вполне вероятно, что сам Ксикотенкатль или касики в его интересах предложили примирить народ с мерой, которая противоречила военным обычаям — более того, можно сказать, общественному праву — Анауака. Было ли это плодом хитрости или суеверия, но оно возобладало, и тлашкальский генерал был уполномочен во главе отряда из десяти тысяч воинов испытать эффект ночного нападения на христианский лагерь.

Дело велось в такой тайне, что не достигло ушей испанцев. Но их генерал был не из тех, кто позволяет себе, спя или бодрствуя, быть застигнутым врасплох на своем посту. К счастью, назначенная ночь была освещена полными лучами осенней луны, и один из ведеттов заметил при

ее свете на значительном расстоянии большой отряд индейцев, двигавшийся к позициям христиан. Он не замедлил поднять тревогу в гарнизоне.

Испанцы спали, как уже было сказано, положив оружие на бок, в то время как их лошади, привязанные рядом с ними, стояли наготове оседланные, с уздечкой, висевшей на луке. Через пять минут весь лагерь был вооружен; когда они увидели темные колонны индейцев, осторожно продвигавшихся по равнине, их головы едва выглядывали из-за высокой кукурузы, частично покрытой землей. Кортес решил не терпеть штурма в своих укреплениях, а совершить вылазку и наброситься на врага, когда тот достигнет подножия холма.

Медленно и крадучись индейцы продвигались вперед, в то время как христианский лагерь, погруженный в глубокую тишину, казался им погруженным в дремоту. Но не успели они достичь склона холма, как были поражены глубоким боевым кличем испанцев, за которым последовало мгновенное появление всей армии, когда они вышли из укреплений и хлынули вниз по склонам холма. Размахивая своим оружием, они казались беспокойному воображению тласкаланцев подобными множеству призраков или демонов, мечущихся туда-сюда в воздухе, в то время как неверный свет увеличивал их количество и увеличивал коня и его всадника до гигантских и неземных размеров.

Едва ожидая удара своего врага, охваченные паникой варвары выпустили слабый залп стрел и, не оказывая другого сопротивления, быстро и беспорядочно бежали по равнине. Конь легко настиг беглецов, сбивая их с ног и безжалостно кромсая на куски, пока Кортес, уставший от резни, не отозвал своих людей, оставив поле боя нагруженным кровавыми трофеями победы. [\[151\]](#)

На следующий день испанский командующий, следуя своей обычной политике после нанесения решающего удара, направил новое посольство в столицу Тлашкалы. Послы получили свои инструкции через переводчицу Марину. Эта замечательная женщина вызвала всеобщее восхищение постоянством и жизнерадостностью, с которыми она переносила все лагерные лишения. Далекая от того, чтобы выдать природную слабость и робость своего пола, она сама не боялась трудностей и многое сделала для укрепления упавшего духа солдат; в то время как ее сочувствие, при каждом удобном случае, активно проявлялось в смягчении бедствий, постигших ее индийских соотечественников. [\[152\]](#)

Через своего верного переводчика Кортес передал условия своего послания тлашкальским послам. Он заявлял о тех же дружеских чувствах, что и раньше, обещая забыть все прошлые обиды; но, если это предложение будет отклонено, он посетит их столицу как завоеватель, сравняет с землей каждый дом в ней и предаст мечу каждого жителя! Затем он отпустил послов с символическими подарками в виде письма в одной руке и стрелы в другой.

Послы получили почтительную аудиенцию у совета Тласкалы, который, как они обнаружили, был глубоко удручен их недавними неудачами. Провал ночной атаки погасил в их сердцах каждую искру надежды. Их армии терпели поражение снова и снова, в открытом поле и в тайных засадах. Хитрость и мужество, все их ресурсы оказались бессильны против врага, чья рука никогда не устает и чей глаз никогда не закрывается. Ничего не оставалось, кроме как подчиниться. Они выбрали четырех главных касиков, которым поручили миссию в христианском лагере. Они должны были гарантировать иностранцам свободный проезд по стране и дружеский прием в столице. Предложенная испанцами дружба была горячо принята, со множеством неловких оправданий за прошлое. Посланники должны были по пути заехать в лагерь тласкаланцев и сообщить Ксикотенкатлю о своих действиях. В то же время они должны были потребовать от него воздержаться от любых дальнейших военных действий и снабдить белых людей достаточным запасом провизии.

Но тлашкаланские депутаты, прибыв в квартиру этого вождя, не нашли его в настроении выполнить эти инструкции. Его неоднократные столкновения с испанцами или, может быть, врожденное мужество сделали его недоступным для вульгарных ужасов его соотечественников. Он считал незнакомцев не сверхъестественными существами, а такими же людьми, как и он сам.

Враждебность воина переросла в смертельную ненависть из-за унижений, которые он перенес от их рук, и его голова кишела планами восстановления своих почестей и мести захватчикам его страны. Он отказался распустить какие-либо силы, все еще грозные, находившиеся под его командованием, или отправить припасы в лагерь врага. Далее он убедил послов остаться в его покоех и отказаться от визита к испанцам. Последние, как следствие, оставались в неведении о движениях в их пользу, которые имели место в столице Тлашкалы.^[153]

Кастильские писатели осуждают поведение Ксикотенкатля как поведение свирепого и кровожадного варвара. Естественно, что они должны так относиться к этому. Но те, у кого нет национальных предрассудков, искажающих их суждения, могут прийти к другому выводу. Они могут найти много поводов для восхищения в этом высоком, непобедимом духе, подобном некой гордой колонне, одиноко стоящей в своем величии среди окружающих ее обломков и руин. Они могут увидеть свидетельства дальновидной проницательности, которая, пронзив тонкую завесу коварной дружбы, предложенной испанцами, и заглянув в будущее, распознала грядущие бедствия своей страны; благородный патриотизм того, кто спасет эту страну любой ценой и среди сгущающейся тьмы вселит свой собственный бесстрашный дух в сердца своего народа, чтобы вдохновить его на последнюю борьбу за независимость.

ГЛАВА IV

НЕДОВОЛЬСТВО В АРМИИ—ТЛАШКАЛАНСКИЕ ШПИОНЫ—МИР С РЕСПУБЛИКОЙ— ПОСОЛЬСТВО МОНТЕСУМЫ

1519

ДСТРЕМЯСЬ продолжать наводить ужас на кастильское имя, не оставляя врагу передышки, Кортес в тот же день, когда отправил посольство в тласкалу, встал во главе небольшого отряда кавалерии и легких войск, чтобы прочесать соседнюю страну. В то время он был настолько болен лихорадкой, что ему помогло медикаментозное лечение,^[154] что он с трудом удерживался в седле. Это была суровая местность, и резкие ветры с морозных вершин гор пронизывали скудное прикрытие войск и охлаждали как людей, так и лошадей. Четыре или пять животных сдались, и генерал, встревоженный за их безопасность, отправил их обратно в лагерь. Солдаты, обескураженные этим дурным предзнаменованием, убедили бы его вернуться. Но он ответил: “Мы сражаемся под знаменем Креста; Бог сильнее природы”,^[155] и продолжил свой марш.

Она вела через тот же пестрый пейзаж изрезанных холмов и возделанной равнины, что и уже описанная, густо покрытая городами и деревнями, некоторые из которых были пограничными заставами, занятыми отоми. Практикуя римскую максиму о снисхождении к покорному врагу, он сполна отомстил тем, кто сопротивлялся, и, поскольку сопротивление слишком часто оказывалось, пометил свой путь огнем и опустошением. После короткого отсутствия он благополучно вернулся, нагруженный добычей, полученной в результате успешной вылазки. Для него было бы более почетно, если бы она была проведена с меньшей суровостью. Эксцессы Берналь Диас приписывает индийским союзникам, которых в пылу победы оказалось невозможно сдержать.^[156] На чью бы голову они ни упали, они, похоже, не вызвали особого беспокойства у генерала, который заявляет в своем письме императору Карлу Пятому: “Когда мы сражались под знаменем Креста,^[157] за истинную Веру и служение вашему Высочеству, Небеса увенчали наше оружие таким успехом, что, хотя множество солдат неверные были убиты, кастильцы понесли небольшие потери”.^[158] Испанские завоеватели, судя по их писаниям, не подозревавшие о каких-либо мирских мотивах, таящихся в глубине их сердец, считали себя солдатами Церкви, сражающимися в великой битве христианства, и в таком же поучительном и комфортном свете их рассматривает большинство национальных историков более позднего времени.^[159]

Вернувшись в лагерь, Кортес обнаружил новую причину беспокойства - недовольство, вспыхнувшее среди солдат. Их терпение истощилось из-за жизни, полной усталости и опасностей, которой, казалось, не будет конца. Сражения, которые они выиграли при таком огромном перевесе

сил, ни на йоту не продвинули их вперед. Идея о том, что они доберутся до Мексики, по словам старого солдата, которого так часто цитируют, “была воспринята всей армией как шутка”^[160] и неопределенная перспектива военных действий со свирепыми людьми, среди которых они теперь оказались, омрачили их настроение.

Среди недовольных мужчин было несколько шумных, кипучих личностей, каких можно встретить в каждом лагере, которые, подобно пустым мыльным пузырям, обязательно всплывают на поверхность и дают о себе знать в периоды волнений. По большей части они принадлежали к старой фракции Веласкеса и имели поместья на Кубе, на которые они часто с тоской поглядывали по мере того, как все больше удалялись от побережья. Теперь они прислуживали генералу не в бунтарском духе сопротивления (ибо помнили урок на Вилья-Рике), а с намерением откровенно увещевать, как брата-авантюриста, участвующего в общем деле.^[161] Принятый таким образом фамильярный тон был в высшей степени характерен для принципа равенства, на котором участники экспедиции стояли друг перед другом.

Они сказали ему, что их страдания были слишком велики, чтобы их можно было вынести. Все мужчины получили по одному, большинство - по два или три ранения. Более пятидесяти человек так или иначе погибли с тех пор, как покинули Вера-Крус. У них не было вьючного животного, но они вели жизнь, предпочтительнее их. Ибо, когда наступала ночь, первый мог отдохнуть от своих трудов; но они, сражаясь или бодрствуя, не имели покоя ни днем, ни ночью. Что касается завоевания Мексики, то сама мысль об этом была безумием. Если они столкнулись с таким противодействием со стороны маленькой республики Тласкала, чего же им было ожидать от великой мексиканской империи? Наступила временная приостановка боевых действий. Они должны воспользоваться этим, чтобы вернуться по своим следам в Вера-Крус. Это правда, флот там был уничтожен; и этим актом, беспрецедентным по опрометчивости даже в римских летописях, полководец стал ответственным за судьбу всей армии. Все же оставалось одно судно. Их можно было бы отправить на Кубу за подкреплениями и припасами; и когда они прибудут, они смогут возобновить операции с некоторой перспективой успеха.

Кортес выслушал это странное возражение с совершенным спокойствием. Он знал своих людей и вместо упрека или более суровых мер ответил в том же откровенном и солдатском тоне, на который они повливали.

Он признал, что в том, что они говорили, было много правды. Страдания испанцев были велики; больше, чем те, что описаны о героях в греческих или римских сказаниях. Тем больше была бы их слава. Он часто преисполнялся восхищения, видя свое маленькое войско, окруженное мириадами варваров, и чувствовал, что ни один народ, кроме испанцев, не смог бы одержать победу над такими грозными силами. И они не смогли бы, если бы над ними не была рука Всемогущего. И они могли бы разумно искать его защиты в будущем; ибо разве не за его дело они сражались? Они сталкивались с опасностями и трудностями, это правда. Но они приехали сюда не ожидая жизни, полной праздного времяпрепровождения и удовольствий. Славу, как он сказал им в самом начале, можно завоевать только тяжелым трудом и опасностями. Они отдадут ему должное, признав, что он никогда не отказывался от того и другого. Это была правда, добавляет честный летописец, который слышал диалог и передает его, чего никто не мог отрицать. Но если они и сталкивались с трудностями, продолжал он, они везде побеждали. Даже сейчас они наслаждались плодами этого изобилия, царившего в лагере. И вскоре они увидят, как тлашкальцы, униженные недавними неудачами, просят мира на любых условиях. Возвращаться теперь было невозможно. Сами камни восстанут против них. Тлашкаланцы с триумфом будут преследовать их до самой кромки воды. И как бы мексиканцы ликовали, узнав об этом жалком результате их тщеславных восхвалений! Их бывшие друзья станут их врагами, и тотонаки, чтобы предотвратить месть ацтеков, от которой испанцы больше не могли их защитить, присоединятся к общему крику. Тогда у них не было другого выхода, кроме как двигаться вперед в своей карьере. И он умолял их

подавить свои малодушные угрызения совести и, вместо того чтобы обращать свои взоры к Кубе, обратить их на Мексику, великую цель их предприятия.

Пока продолжалось это странное совещание, вокруг этого места собралось много других солдат; и недовольная сторона, ободренная присутствием своих товарищей, а также снисходительностью генерала, ответила, что они далеки от того, чтобы быть убежденными. Еще одна такая победа, как последняя, привела бы их к гибели. Они направлялись в Мексику только для того, чтобы быть убитыми. Пока, наконец, терпение генерала не иссякло, он не прервал спор, процитировав куплет из старой песни, подразумевающий, что лучше умереть с честью, чем жить опозоренным, — чувство, которому громко вторила большая часть его слушателей, которые, несмотря на случайный ропот, не собирались отказываться от экспедиции, а тем более от командира, которому они были страстно преданы. Недовольные мужчины, сбитые с толку этим упреком, прокрались обратно в свои покои, бормоча приглушенные проклятия в адрес вождя, задумавшего это предприятие, индейцев, которые руководили им, и своих соотечественников, которые поддерживали его в этом.^[162]

Таковы были трудности, стоявшие на пути Кортеса: коварный и свирепый враг; нестабильный климат, часто нездоровый; болезнь его собственной персоны, усугубляемая беспокойством о том, как его поведение будет воспринято его сувереном; последнее, что не менее важно, недовольство среди его солдат, на постоянство и сплоченность которых он полагался в успехе своих операций, — великого рычага, с помощью которого он должен был свергнуть империю Монтесумы.

На следующее утро после этого события лагерь был удивлен появлением небольшого отряда тлашкальцев, украшенных значками, белый цвет которых намекал на мир. Они привезли с собой немного провизии и несколько безделушек, которые, по их словам, прислал тлашкальский генерал, уставший от войны и желавший заключить соглашение с испанцами. Вскоре он явится, чтобы устроить это лично. Известие вызвало всеобщую радость, и эмиссары получили дружеский прием.

Прошло день или два, и, в то время как несколько человек из отряда покинули испанские кварталы, остальные, числом около пятидесяти, которые остались, вызвали некоторое недоверие в сердце Марины. Она сообщила Кортесу о своих подозрениях в том, что они шпионы. Вследствие этого он приказал арестовать нескольких из них, допросил их по отдельности и установил, что они были наняты Ксикотенкатлем, чтобы информировать его о состоянии христианского лагеря, готовясь к обдуманному штурму, для которого он собирал свои силы. Кортес, убедившись в правдивости этого, решил подать преступникам такой пример, который должен был запугать его врага и заставить его не повторять попытку. Он приказал отрубить им руки и в таком состоянии отправил их обратно к их соотечественникам с сообщением, “что тлашкальцы могут прийти днем или ночью; они найдут испанцев готовыми встретить их”.^[163]

Печальное зрелище их товарищей, возвращающихся в таком изуродованном виде, наполнило лагерь индейцев ужасом. Надменный герб их вождя был унижен. С этого момента он утратил свою обычную жизнерадостность и уверенность. Его солдаты, охваченные суеверным страхом, отказались дольше служить против врага, который мог читать их мысли и разгадывать их планы еще до того, как они созрели для исполнения.^[164]

Наказание, вынесенное Кортесом, вполне может шокировать читателя своей жестокостью. Но в качестве смягчения следует учитывать, что жертвами этого были шпионы, и, как таковые, по законам войны, будь то среди цивилизованных или диких народов, они подлежали смертной казни. Ампутация конечностей была более мягким наказанием и применялась только за менее тяжкие преступления. Если мы возмущаемся варварским характером приговора, нам следует подумать, что в те дни он не был чем-то необычным; на самом деле, не более необычным, чем порка кнутом и клеймение каленым железом в нашей собственной стране в начале нынешнего столетия или чем обрезание ушей в предыдущем. Более высокая цивилизация, действительно, отвергает такие наказания, как пагубные сами по себе и унижающие достоинство человечества. Но

в шестнадцатом веке они были открыто признаны законами самых утонченных наций Европы. И это слишком много - требовать от любого человека, тем более от того, кто воспитан на железном военном ремесле, опережать утонченность своего возраста. Мы можем быть довольны, если при столь неблагоприятных для человечества обстоятельствах он не опустится ниже этого.

Все мысли о дальнейшем сопротивлении были отброшены, и четверем делегатам республики Тлашкала теперь было разрешено приступить к выполнению своей миссии. За ними быстро последовал сам Ксикотенкатль в сопровождении многочисленной свиты военных слуг. Когда они приблизились к испанским позициям, их было легко узнать по бело-желтым цветам их униформы - ливреи дома Титкала. Радость армии была велика при этом верном намеке на окончание военных действий, и Кортесу с трудом удалось вернуть людям спокойствие и напускное безразличие, которые подобало сохранять в присутствии врага.

Испанцы с любопытством смотрели на доблестного вождя, который так долго держал своих врагов в страхе и который теперь приближался твердой и бесстрашной поступью человека, пришедшего скорее для того, чтобы бросить вызов, чем просить мира. Он был немного выше среднего роста, с широкими плечами и мускулистым телосложением, свидетельствующим о большой активности и силе. У него была большая голова, а черты лица свидетельствовали скорее о тяжелой службе, чем о возрасте, поскольку ему было всего тридцать пять. Когда он предстал перед Кортесом, то сделал обычное приветствие, коснувшись рукой земли и поднеся ее к голове; в то время как сладкий фимиам из ароматических смол облаками поднимался из кадильниц, которые несли его рабы.

Он был далек от малодушной попытки свалить вину на сенат, он взял на себя всю ответственность за ведение войны. По его словам, он считал белых людей врагами, поскольку они пришли с союзниками и вассалами Монтесумы. Он любил свою страну и хотел сохранить независимость, которую она сохранила во время долгих войн с ацтеками. Он потерпел поражение. Они могли быть чужеземцами, которые, как так давно предсказывалось, придут с востока, чтобы завладеть страной. Он надеялся, что они воспользуются своей победой умеренно и не попрут свободы республики. Теперь он пришел от имени своего народа, чтобы выразить покорность испанцам, заверив их, что они найдут его соотечественников такими же верными в мирное время, какими они были тверды на войне.

Кортес, далекий от того, чтобы обижаться, был преисполнен восхищения высоким духом, который таким образом презирал унижаться перед несчастьями. Храбрый человек знает, как уважать храбрость в другом человеке. Однако он принял суровый вид, когда упрекнул вождя за то, что тот так долго упорствовал в военных действиях. Если бы Ксикотенкатль поверил словам испанцев и принял предложенную ими дружбу раньше, он избавил бы свой народ от многих страданий, которые он вполне заслужил своим упрямством. Но было невозможно, продолжал генерал, вернуть прошлое. Он был готов предать его забвению и принять тлашкальцев в качестве вассалов императора, своего повелителя. Если они окажутся правдивыми, они найдут у него надежную опору; если ложными, он отомстит им так же, как намеревался отомстить их столице, если бы они быстро не сдались. Это оказалось зловещей угрозой для вождя, которому оно было адресовано.

Затем касик приказал своим рабам принести несколько безделушек из золота и вышивки перьями, предназначенных в качестве подарков. Они не представляли особой ценности, сказал он с улыбкой, потому что тлашкаланцы были бедны. У них не было ни золота, ни даже хлопка, ни соли. Император ацтеков не оставил им ничего, кроме свободы и оружия. Он преподнес этот подарок только в знак своей доброй воли. "Как таковой я получаю его, — ответил Кортес, — и, поскольку он исходит от тлашкаланцев, придаю ему большую ценность, чем из любого другого источника, даже если бы это был дом, полный золота". - политический и великодушный ответ, поскольку именно с помощью этой доброй воли он должен был завоевать золото Мексики.^[165]

Так закончилась кровопролитная война с жестокой республикой Тласкала, в ходе которой судьба испанцев не раз колебалась на волоске. Если бы это продолжалось еще немного, это, должно быть, закончилось бы их замешательством и гибелью, поскольку они были измучены ранами, наблюдениями и переутомлением, а семена недовольства зародились между ними самими. Как бы то ни было, они вышли из страшного состязания с незапятнанной славой. Врагу они казались неуязвимыми, несущими в себе очарованные жизни, одинаково защищенными от случайностей судьбы и нападений человека. Неудивительно, что они сами тешили себя подобным тщеславием и что самый скромный испанец возомнил себя объектом особого вмешательства Провидения, которое защитило его в час битвы и сохранило для высшей судьбы.

Пока тлашкаланцы все еще находились в лагере, было объявлено о прибытии посольства от Монтесумы. Весть о подвигах испанцев распространилась по всему плато. Император, в частности, наблюдал за каждым шагом их продвижения, пока они взбирались на кручи Кордильер и продвигались по широкому плоскогорью на их вершине. Он с большим удовлетворением видел, как они шли по дороге в Тласкалу, веря, что, если они смертные люди, то найдут там свои могилы. Велико было его смятение, когда курьер за курьером приносили ему известия об их успехах и о том, что самые грозные воины на плато были рассеяны, как мякина, мечами этой горстки незнакомцев.

Его суеверные страхи вернулись в полную силу. Он видел в испанцах “людей судьбы”, которым предстояло завладеть его скипетром. В тревоге и неуверенности он отправил новое посольство в лагерь христиан. Оно состояло из пяти знатных особ его двора, сопровождаемых свитой из двухсот рабов. Как обычно, они принесли с собой подарок, продиктованный отчасти страхом, а отчасти природной щедростью его характера. Он состоял из трех тысяч унций золота в зернах или в различных промышленных изделиях, а также нескольких сотен мантий и платьев из вышитого хлопка с живописной вышивкой перьями. Положив все это к ногам Кортеса, они сказали ему, что пришли поздравить своего хозяина с недавними победами белых людей. Император сожалел только о том, что не в его власти будет принять их в своей столице, где многочисленное население было настолько неуправляемым, что их безопасность была бы поставлена под угрозу. Индейским народам было бы достаточно простого намека на желания императора ацтеков, пусть и самым отдаленным образом. Это не имело большого значения для испанцев; и послы, сочтя это ребяческое выражение с их стороны безрезультатным, прибегли к другому аргументу, предложив от имени своего господина дань кастильскому суверену при условии, что испанцы откажутся от своего визита в его столицу. Это было еще большей ошибкой: он одной рукой показывал богатую шкатулку, которую не мог защитить другой. И все же автором этой малодушной политики, несчастной жертвой суеверия, был монарх, известный среди индейских народов своим бесстрашием и предприимчивостью, — ужас Анауака!

Кортес, в то время как он ссылался на приказы своего собственного монарха как на причину пренебрежения желаниями Монтесумы, выразил глубочайшее уважение к ацтекскому принцу и заявил, что если у него нет средств отплатить ему за его щедрость, как он мог бы пожелать, в настоящее время, он надеется *отплатить ему когда-нибудь в будущем добрыми делами!*^[166]

Мексиканские послы были не очень довольны, обнаружив, что война подошла к концу и между их заклятыми врагами и испанцами установилось примирение. Взаимное отвращение двух партий друг к другу было слишком сильным, чтобы его можно было подавить даже в присутствии генерала, который с удовлетворением наблюдал признаки ревности, которая, подрывая могущество индийского императора, должна была стать самым надежным источником его собственного успеха.^[167]

Двое посланников ацтеков вернулись в Мексику, чтобы ознакомить своего государя с положением дел в испанском лагере. Остальные остались с армией, Кортес пожелал, чтобы они лично убедились в почтении, оказанном ему тлашкальцами. Тем не менее, он не ускорил свой отъезд в их столицу. Не то чтобы он полагался на оскорбительные намеки мексиканцев на их

добросовестность. Тем не менее, он был готов подвергнуть это более длительному испытанию и в то же время более тщательно восстановить свое собственное здоровье перед визитом. Тем временем из города ежедневно прибывали гонцы, торопившие его с отъездом, и, наконец, за ним последовали некоторые из престарелых правителей республики в сопровождении многочисленной свиты, недовольные его долгой задержкой. Они привели с собой отряд из пятисот *таманцев*, или *вьючных* людей, чтобы подтащить его пушки и освободить его собственные войска от этой утомительной части их службы. Откладывать его отъезд дольше было невозможно; и после мессы и торжественной благодарности великому Существо, увенчавшему их оружие триумфом, испанцы распрощались с квартирами, которые они занимали почти три недели на холме Цомпах. Крепкая башня, или *теокалли*, которая командовала ею, была названа в память об их резиденции “башней победы”; и несколько камней, сохранившихся от ее руин, указывают путешественнику на место, навсегда запомнившееся в истории мужеством и стойкостью первых завоевателей. [\[168\]](#)

ГЛАВА V

Город тлашкала, столица одноименной республики, лежал на расстоянии около шести лье от лагеря испанцев. Дорога вела в холмистую местность, на каждом пахотном клочке земли виднелись следы кропотливой обработки. Через глубокую *барранку*, или овраг, они перешли по каменному мосту, который, согласно традиции — скользкому авторитету, — стоит до сих пор и первоначально был построен для прохода армии.^[169] По пути они миновали несколько значительных городов, где в полной мере ощутили индийское гостеприимство. По мере продвижения они приближались к густонаселенному городу, о чем свидетельствовали толпы, которые стекались посмотреть на и поприветствовать незнакомцев; мужчины и женщины в своих живописных нарядах, с букетами и венками из роз, которые они дарили испанцам или прикрепляли к шеям и попонам своих лошадей тем же способом, что и в Семпоалле. Священники в своих белых одеждах и с развевающимися по плечам длинными спутанными локонами смешались с толпой, разбрасывая благовония из своих горящих кадилъниц. Таким образом, многочисленная и пестрая процессия прошествовала через ворота древней столицы Тлашкалы. Это было двадцать третьего сентября 1519 года, годовщина которого до сих пор отмечается жителями как юбилейный день.^[170]

Давка была теперь настолько велика, что полиция города с трудом могла расчистить проход для армии; в то время как *азотеи*, или плоские террасные крыши зданий, были заполнены зрителями, жаждавшими хоть мельком увидеть удивительных незнакомцев. Дома были увешаны гирляндами цветов, а через улицы были перекинута арки из зеленых ветвей, увитых розами и жимолостью. Все население предалось ликованию, и воздух был оглашен песнями и криками триумфа, смешанными с дикой музыкой национальных инструментов, которая могла бы возбудить опасения в сердцах солдат, если бы они не почерпнули их мирный смысл из уверенности Марины и радостных лиц местных жителей.

В таком сопровождении процессия двинулась по главным улицам к особняку Ксикотенкатля, престарелого отца тлашкальского генерала и одного из четырех правителей республики. Кортес спешил с лошади, чтобы обнять старого вождя. Он был почти слеп и удовлетворил, насколько мог, естественное любопытство к личности испанского генерала, проведя рукой по его лицу. Затем он повел их в просторный зал своего дворца, где для армии был накрыт банкет. Вечером им показали их квартиры в зданиях и на открытой местности, окружающей один из главных *теокаллис*; в то время как мексиканским послам, по желанию Кортеса, были отведены апартаменты рядом с его собственными, чтобы он мог лучше следить за их безопасностью в этом городе их врагов.^[171]

Тлашкала была одним из самых важных и густонаселенных городов плоскогорья. Кортес в своем письме императору сравнивает его с Гранадой, {*} утверждая, что он был больше, сильнее и густонаселеннее, чем мавританская столица во времена завоевания, и так же хорошо построен.^[172] , но, невыдерживая мы уверены самой респектабельной писателя в конце прошлого века, что ее по-прежнему оправдывает утверждение,^[173] мы будем медленно считать, что его строения могли бы соперничать с памятниками восточного величия, чьи легкие, воздушные формы еще выжить по прошествии веков, восхищение каждого путешественника чувствительности и вкуса. Правда в том, что Кортес, подобно Колумбу, видел предметы с помощью теплого посредничества своего собственного пылкого воображения, придавая им более высокий оттенок окраски и большие размеры, чем это было строго оправдано фактом. Вполне естественно, что человек, сделавший такие редкие открытия, бессознательно преувеличивал их достоинства в своих собственных глазах и глазах других.

{*} [Итак, Коронадо сравнил Зуни и Гранаду. И то, и другое означало, вероятно, что города, при надлежащей защите, будет так же трудно захватить, как Гранаду.—М.]

Дома были построены, по большей части, из глины; лучшие сорта камня и извести или кирпичи высушивались на солнце. Они не были снабжены дверями или окнами, но в проемах для первых висели циновки, окаймленные кусочками меди или чем-то еще, что по своему позвякиванию могло бы предупредить о чьем-либо появлении. Улицы были узкими и темными. Население, должно быть, было значительным, {*} если, как утверждает Кортес, в людные дни на рынке часто собиралось тридцать тысяч душ. Эти собрания были своего рода ярмарками, проводившимися, как обычно, во всех крупных городах, каждый пятый день, и их посещали жители соседней страны, которые привозили туда на продажу все виды домашних продуктов и мануфактур, с которыми они были знакомы. Они особенно преуспели в гончарном деле, которое считалось одним из лучших в Европе.^[174] Еще одним доказательством цивилизованности является то, что испанцы нашли парикмахерские и бани с паровой и горячей водой, которыми часто пользовались местные жители. Еще более высокое доказательство утонченности можно разглядеть в бдительной полиции, которая подавляла все, что касалось беспорядков в народе.^[175]

{*} [Примерно такой же, как у Чолулы, которую Банделье оценил в 30 000.—М.]

Город был разделен на четыре квартала, которые скорее можно было бы назвать множеством отдельных городков, поскольку они были построены в разное время и отделены друг от друга высокими каменными стенами, определяющими их соответствующие границы. Над каждым из этих округов правил один из четырех великих вождей республики, занимавший свой собственный просторный особняк {*} и окруженный своими ближайшими вассалами. Странное устройство — и еще более странное, что оно должно было быть совместимо с общественным порядком и спокойствием! Древняя столица, через один квартал которой протекал быстрый поток Захуатль, простиралась вдоль вершин и склонов холмов, у подножия которых сейчас собраны жалкие остатки ее некогда процветающего населения.^[176] Далеко за ней, на юго-востоке, простирались дерзкая сьерра Глашкала и огромная Малинче, увенчанная обычной серебряной диадемой высочайших Анд, чьи мохнатые склоны были покрыты темно-зелеными лесами из елей, гигантских платанов и дубов, чьи вздымающиеся стволы поднимались на высоту сорока или пятидесяти футов, не обремененные ветвями. Облака, приплывшие с далекой Атлантики, собирались вокруг высоких вершин сьерры и, превращаясь в ливни, разливались по равнинам в окрестностях города, превращая их в такое время года в болота. Грозы, более частые и ужасные здесь, чем в других частях плоскогорья, обрушивались по склонам гор и сотрясали хрупкие жилые дома столицы до основания. Но, хотя суровые ветры сьерры придавали климату суровость, в отличие от солнечного неба и приятной температуры нижних регионов, он был гораздо более благоприятен для развития как физической, так и моральной энергии. Среди холмов выросло смелое и выносливое крестьянство, одинаково пригодное как для обработки земли в мирное время, так и для защиты ее в военное. В отличие от избалованного дитя Природы, получающего от ее слишком расточительных рук такие средства к существованию, которые заменяют необходимость прилагать усилия с его собственной стороны, глашкаланец зарабатывал свой хлеб — на неблагодарной почве, это правда - в поте лица своего. Он вел жизнь, полную воздержания и тяжелого труда. Отрезанный из-за долгих войн с ацтеками от торговых сношений, он был вынужден в основном заниматься сельским хозяйством - занятием, наиболее благоприятствующим чистоте нравов и мускулистому телосложению. Его честная грудь пылала патриотизмом, или местной привязанностью к земле, которая является плодом ее прилежного возделывания; в то время как он был возвышен гордым сознанием независимости, естественным правом дитя гор по рождению. Такова была раса, с которой Кортес теперь был связан в достижении своей великой цели.

{*} [Один из больших общественных домов.—М.]

Несколько дней испанцы посвятили празднествам, во время которых их поочередно принимали за гостеприимными столами четырех знатных особ в нескольких кварталах города. Однако, несмотря на эти дружеские демонстрации, генерал ни на минуту не ослаблял своей обычной бдительности или строгой дисциплины в лагере; и он тщательно следил за безопасностью граждан, запрещая под страхом сурового наказания любому солдату покидать свои квартиры без специального разрешения. Действительно, суровость его дисциплины вызвала протесты более чем одного из его офицеров как излишняя предосторожность; и тлашкальские вожди отнеслись к этому с некоторым недоверием, поскольку это свидетельствовало о необоснованном недоверии к ним. Но когда Кортес объяснил это как подчинение установленной военной системе, они выразили свое восхищение, и амбициозный молодой генерал республики предложил ввести это, если возможно, в свои собственные ряды. ^[177]

Испанский командующий, убедившись в лояльности своих новых союзников, затем предложил выполнить одну из важнейших задач своей миссии - обратить их в христианство. По совету отца Ольмедо, всегда выступавшего против поспешных мер, он отложил это дело до тех пор, пока не представится подходящая возможность затронуть эту тему. Такой случай произошел, когда главы государств предложили укрепить союз с испанцами путем смешанных браков их дочерей с Кортесом и его офицерами. Он сказал им, что этого не может быть, пока они продолжают пребывать во тьме неверности. Затем, с помощью доброго монаха, он разъяснил, насколько мог, доктрины Веры и, показав изображение Девы с младенцем-Искупителем, сказал им, что есть Бог, в одном поклонении которому они найдут спасение, в то время как поклонение их собственным ложным идолам погрузит их в вечную погибель.

Нет необходимости обременять читателя повторением его проповеди, которая содержала, вероятно, догмы, столь же непонятные для необразованного индейца, как и все, что можно найти в его собственной грубой мифологии. Но, хотя это не убедило его слушателей, они слушали с почтительным благоговением. Когда он закончил, они ответили, что у них нет сомнений в том, что Бог христиан должен быть добрым и великим Богом, и поэтому они готовы предоставить ему место среди божеств Тлашкалы. Политеистическая система индийцев, как и система древних греков, была такого рода приспособленческой, что могла впустить в свои эластичные складки божества любой другой религии без насилия над собой. ^[178] Но у каждого народа, продолжали они, должны быть свои собственные подходящие божества-покровители. Не могли они и в старости отказаться от служения тем, кто присматривал за ними с юности. Это навлекло бы на них месть их богов и их собственного народа, которые были так же горячо привязаны к своей религии, как и к своим свободам, и защищали бы и то, и другое до последней капли своей крови!

В настоящее время было явно нецелесообразно продолжать рассмотрение этого вопроса. Но рвение Кортеса, как обычно, подогреваемое противодействием, теперь возросло слишком высоко, чтобы он мог рассчитывать на препятствия; и, вероятно, он не уклонился бы от мученического венца за столь благое дело. Но, к счастью, по крайней мере, для успеха его мирского дела, эта корона досталась не ему.

Добрый монах, его призрачный советник, видя, какой оборот событий, вероятно, примет дело, проявил больше здравого смысла, чтобы предотвратить это. По его словам, у него не было желания снова видеть те же сцены, что и в Семпоалле. Ему не нравились принудительные версии. Вряд ли они могли длиться долго. Рост часа вполне мог умереть вместе с часом. Какой смысл было опрокидывать алтарь, если идол оставался на троне в сердце? или уничтожить самого идола, если бы это было только для того, чтобы освободить место для другого? Лучше терпеливо ждать, пока время и обучение смягчат сердце и откроют понимание, без которого не могло бы быть уверенности в здравом и постоянном убеждении. Эти рациональные взгляды подкреплялись увещаниями Альварадо, Веласкеса де Леона и тех, кому Кортес больше всего доверял; до тех пор, пока, отклоненный от своей первоначальной цели, военный полемист не согласился на время отказаться от попытки обращения и воздержаться от повторения сцен, которые, принимая во

внимание другой характер населения, могли привести к совершенно иным результатам, чем те, что были при Косумеле и Семпоалье.^[179]

В ходе нашего повествования у нас не раз была возможность стать свидетелями положительных результатов вмешательства отца Ольмедо. Действительно, едва ли будет преувеличением сказать, что его осмотрительность в духовных вопросах внесла такой же существенный вклад в успех экспедиции, как проницательность и мужество Кортеса в мирских. Он был истинным учеником школы Лас Касас. Его сердце не пострадало от того пламенного фанатизма, который иссушает и ожесточает все, к чему прикасается. Оно растаяло в теплом сиянии христианского милосердия. Он прибыл в Новый Свет как миссионер среди язычников и не отказался ни от какой жертвы, кроме заботы о благополучии бедной, находящейся во мраке паствы, которой он посвятил свои дни. Если он следовал за знаменами воина, то это делалось для того, чтобы смягчить жестокость войны и обратить Крестные подвиги во благо самих туземцев благодаря духовным трудам обращения. Он являл собой редкий пример — которого, конечно, нельзя было ожидать от испанского монаха шестнадцатого века — энтузиазма, контролируемого разумом, растущего рвения, умеренного мягким духом терпимости.

Но, хотя Кортес на время оставил почву для обращения, он вынудил тлашкальцев разорвать оковы с несчастных жертв, предназначенных для жертвоприношения; акт гуманности, к сожалению, имел лишь временные последствия, поскольку после его отъезда тюрьмы наполнились новыми жертвами.

Он также добился разрешения для испанцев беспрепятственно совершать богослужения своей религии. На одном из больших дворов или площадей был установлен большой крест. Месса служилась каждый день в присутствии армии и толп туземцев, которые, если и не понимали всего ее значения, были настолько просвещены, что научились благоговеть перед религией своих завоевателей. Однако прямое вмешательство Небес оказало большее влияние на их обращение, чем лучшая проповедь священника или солдата. Едва испанцы покинули город — эта история передана очень авторитетным источником, — как тонкое прозрачное облако спустилось и опустилось, подобно колонне, на крест и, окутав его своими светящимися складками, продолжало излучать мягкое небесное сияние всю ночь, провозглашая таким образом священный характер символа, на который был пролит ореол божественности!^[180]

Поскольку принцип терпимости в вопросах религии был установлен, испанский генерал согласился принять дочерей касиков. Пять или шесть самых красивых индийских девушек были приставлены к такому же количеству его главных офицеров после того, как они были очищены от пятен неверности водами крещения. Как обычно, в этом случае они получили хорошие кастильские имена в обмен на варварскую терминологию их собственного наречия.^[181] Среди них дочь Ксикотенкатля, Донья Луиза, как ее назвали после крещения, была принцессой самого высокого положения и авторитета в Тлашкале. Отец отдал ее Альварадо, и их потомство породнилось с самыми знатными семьями Кастилии. Откровенные и жизнерадостные манеры этого кавалера сделали его большим любимцем тласкихкаланов; а его яркое, открытое лицо, светлый цвет лица и золотистые локоны дали ему имя *Тонатихуа*, “Солнце”. Индейцы часто тешили свое воображение, закрепляя за испанцами *прозвище* какой-нибудь характерный эпитет. Поскольку на публичных мероприятиях Кортеса всегда сопровождала донья Марина, или Малинче, как ее называли местные жители, они называли его тем же именем. Этими эпитетами, первоначально присвоенными в Тласкале, два испанских капитана были широко известны среди индейских народов.^[182]

Пока происходили эти события, прибыло еще одно посольство от мексиканского двора. Он был, как обычно, украшен дорогим подарком в виде тисненой золотой пластины и богато расшитых тканей из хлопка и перьев. Формулировки послания вполне могли бы свидетельствовать о нерешительном и робком характере монарха, если бы за ними не скрывалась более глубокая политика. Теперь он пригласил испанцев в свою столицу, заверив в сердечном приеме. Он умолял

их не вступать в союз с низменными и варварскими тлашкаланцами; и он пригласил их пройти по маршруту дружественного города Чолула, где, согласно его приказу, были сделаны приготовления для их приема.^[183]

Жители Тласкалы с глубоким сожалением отнеслись к предполагаемому визиту генерала в Мексику. Их сообщения полностью подтверждали все, что он прежде слышал о могуществе и амбициях Монтесумы. По их словам, его армии были разбросаны по всем частям континента. Его столица была очень сильным местом, и поскольку из-за своего островного положения все сообщения с соседней страной могли быть легко перерезаны, испанцы, оказавшись там в ловушке, оказались бы в его власти. Они представляли его политику столь же коварной, сколь безграничными были его амбиции. “Не доверяйте его справедливым словам, - говорили они, - его любезности и его подаркам. Его профессии пусты, а дружба фальшива. Когда Кортес заметил, что надеется добиться лучшего взаимопонимания между ними и императором, они ответили, что это невозможно; какими бы мягкими ни были его слова, в глубине души он будет ненавидеть их.

Они горячо протестовали также против того, чтобы генерал пошел по маршруту Чолулы. Жители, не отличавшиеся храбростью в открытом поле, были более опасны из-за своего вероломства и хитрости. Они были инструментами Монтесумы и выполняли его приказы. Тлашкальцы, по-видимому, сочетали это недоверие с суеверным страхом перед древним городом, центром религии Анауак. Именно здесь бог Кецалькоатль держал первозданную резиденцию своей империи. Его храм прославлялся по всей стране, и все свято верили, что жрецы обладают властью, как они сами хвастались, вызвать затопление фундамента его святилища, которое должно похоронить их врагов во время потопа. Тласкаланцы далее напомнили Кортесу, что, в то время как многие другие и отдаленные места присылали к нему в Тласкалу, чтобы засвидетельствовать свою добрую волю и предложить свою верность его суверенам, Чолула, расположенная всего в шести лигах от него, не сделала ни того, ни другого. Последнее предложение поразило генерала сильнее, чем любое из предыдущих. Он немедленно отправил в город повестку, требуя официального объявления о ее подаче.

Среди посольств из разных стран, посетивших испанского командующего во время пребывания в Тласкале, было посольство от Икстлильшочитля, сына великого Несауальпилли, неудачливого соперника своего старшего брата — как отмечалось в предыдущей части нашего повествования — за корону Тецкоко.^[184] Несмотря на поражение в своих притязаниях, он получил часть королевства, которым правил со смертельным чувством враждебности к своему сопернику и к Монтесуме, который поддерживал его. Теперь он предложил свои услуги Кортесу, прося его помощи, в свою очередь, возвести его на трон своих предков. Полководец-политик дал честолюбивому молодому принцу такой ответ, который мог бы ободрить его ожидания и приобщить к своим интересам. Его целью было укрепить свое дело, привлекая к себе каждую частицу недовольства, витавшую в воздухе.

Вскоре из Чолулы прибыли депутаты, щедро выражавшие добрую волю и приглашавшие испанцев присутствовать в их столице. Посланники были низкого звания, намного ниже обычного ранга послов. На это указали тлашкальцы; и Кортес расценил это как новое унижение. Вследствие этого он отправил новый вызов, заявив, что, если они немедленно не пришлют к нему делегацию из своих главных людей, он поступит с ними как с *мятежниками* против своего собственного суверена, законного повелителя этих королевств!^[185] Угроза возымела желаемый эффект. Чолуланцы не были склонны оспаривать, по крайней мере в настоящее время, его великолепные притязания. В лагерь прибыло другое посольство, состоявшее из нескольких высших вельмож, которые повторили приглашение испанцам посетить их город и объяснили свое опоздание опасениями за свою личную безопасность в столице своих врагов. Объяснение было правдоподобным и было принято Кортесом.

Теперь тлашкаланцы были более чем когда-либо настроены против его предполагаемого визита. Они убедились, что в окрестностях Чолулы находится мощное войско ацтеков, и жители

активно готовили свой город к обороне. Они подозревали, что Монтесума замыслил какой-то коварный план по уничтожению испанцев.

Эти предположения смутили Кортеса, но не отвлекли его от намеченной цели. Он испытывал естественное любопытство увидеть почтенный город, столь прославленный в истории индейских народов. Кроме того, он зашел слишком далеко, чтобы отступить, — по крайней мере, слишком далеко, чтобы сделать это, не выказав опасения, подразумевающего недоверие к своим собственным ресурсам, что не могло не оказать плохого воздействия на его врагов, союзников и его собственных людей. После краткой консультации со своими офицерами он выбрал маршрут в Чолулу.^[186]

Прошло уже три недели с тех пор, как испанцы поселились в гостеприимных стенах Тлашкалы, и почти шесть с тех пор, как они вступили на ее территорию. Их встретили на пороге как врагов, с самой решительной враждебностью. Теперь им предстояло расстаться с теми же самыми людьми как с друзьями и союзниками; верными друзьями, которые должны были оставаться рядом с ними, бок о бок, на протяжении всей их тяжелой борьбы. Результат их визита, следовательно, имел первостепенное значение, поскольку от сотрудничества этих храбрых и воинственных республиканцев в значительной степени зависел конечный успех экспедиции.

ГЛАВА VI

ГОРОД ЧОЛУЛА—ВЕЛИКИЙ ХРАМ—МАРШ В ЧОЛУЛУ—ПРИЕМ ИСПАНЦЕВ—РАСКРЫТ ЗАГОВОР

1519

Древний город Чолула, столица одноименной республики, лежал почти в шести лигах к югу от тлашкалы и примерно в двадцати к востоку, или, скорее, к юго-востоку, от Мексики. По словам Кортеса, в его стенах находилось двадцать тысяч домов и еще столько же в окрестностях;^[187] хотя сейчас население сократилось до менее чем шестнадцати тысяч душ.^[188] Каким бы ни было его реальное количество жителей, на момент завоевания он, несомненно, был одним из самых густонаселенных и процветающих городов Новой Испании.

Он был очень древним и основан примитивными расами, населявшими землю до ацтеков.^[189] У нас есть мало подробностей о его форме правления, которая, по-видимому, была отлита по республиканской модели, подобной модели Тлашкалы.^{*} Это отвечало настолько хорошо, что государство сохраняло свою независимость вплоть до очень позднего периода, когда, если и не было превращено ацтеками в вассала, то находилось настолько далеко под их контролем, что пользовалось лишь немногими преимуществами отдельного политического существования. Их связь с Мексикой приводила чолуланов к частым столкновениям со своими соседями и родственниками тлашкальцами. Но, хотя они намного превосходили их в утонченности и различных искусствах цивилизации, они не могли соперничать в войне с отважными горцами, швейцарцами из Анауака. Столица Чолулана была крупнейшим торговым центром плато. Жители преуспевали в различных механических искусствах, особенно в обработке металлов, изготовлении хлопчатобумажных тканей и изделий из агавы, а также изящной керамики, которая, как говорили, соперничала по красоте с флорентийской.^[190] Но такое внимание к искусствам утонченного и мирного сообщества естественным образом расположило их к войне и лишило возможности общаться с теми, кто сделал войну великим делом жизни. Чолуланцев обвиняли в изнеженности, и они отличались не столько храбростью — это обвинение их соперников, — сколько хитростью.^[191]

^{*} [Прежние власти согласны с утверждением, что Чолула управлялась демократическим путем. Банделье (Изучающий Чолулу и ее окрестности в своем отчете об археологическом туре по Мексике в 1881 году) приходит к выводу, что в общине было шесть родственников. Торквемада говорит, что совет племени состоял из шести спикеров. Племенем управляли два главных руководителя (Аквиах и Тлалкиах). Их функции были частично воинственными, о чем

свидетельствуют их названия “орел” и “тигр”, и частично религиозными. Племя занимало одно большое пуэбло с несколькими небольшими группами, возможно, двадцатью, разбросанными по нему, из которых, возможно, две заслуживали названия деревень. В 1519 году население пуэбло могло составлять 30 000 человек. Оценка домов, которую дает Кортес, слишком велика. Более того, большое количество домов в каждом пуэбло всегда было незанятым.—М.]

Но столица, столь бросающаяся в глаза своей изысканностью и великой древностью, была еще более почитаема из-за религиозных традиций, которые ее окружали. Именно здесь бог Кецалькоатль сделал остановку в своем путешествии к побережью и провел двадцать лет, обучая жителей толтеков искусствам цивилизации. Он познакомил их с лучшими формами правления и более одухотворенной религией, в которой единственными жертвоприношениями были фрукты и цветы по сезону.^[192] Нелегко определить, чему он учил, поскольку его уроки были так перемешаны с распушенными догмами его собственных священников и мистическими комментариями христианского миссионера.^[193] Вполне вероятно, что он был одним из тех редких и одаренных существ, которые, рассеивая тьму века светом своего собственного гения, обожествляются благодарным потомством и помещаются среди небесных огней.

Именно в честь этого благожелательного божества был воздвигнут колоссальный курган, на который путешественник до сих пор смотрит с восхищением как на самое колоссальное сооружение в Новой Испании, соперничающее по размерам и чем-то напоминающее по форме пирамидальные сооружения древнего Египта. Дата его возведения неизвестна, поскольку он был найден там, когда ацтеки вступили на плато. Он имел форму, обычную для мексиканского *теокаллиса*, - усеченную пирамиду, обращенную своими четырьмя сторонами по сторонам света и разделенную на такое же количество террас. Его первоначальные очертания, однако, были стерты действием времени и непогоды, в то время как буйный рост кустарников и полевых цветов, покрывающих его поверхность, придает ему вид одного из тех симметричных возвышенностей, воздвигнутых скорее по прихоти природы, чем трудолюбием человека. Действительно, сомнительно, не является ли внутренняя часть холма естественной; хотя не кажется невероятным, что это искусственное сооружение из камня и земли, глубоко инкрустированное, как это несомненно, в каждой части, чередующимися слоями кирпича и глины.^[194]

В самом учителе они признают личность не меньшую, чем святой апостол Фома! Смотрите диссертацию непревзойденного доктора Майера с поучительным комментарием сеньора Бустаманте, ар. Sahagun. (Хист. de Nueva-España, tom. i., Suplemento.) Дальнейшие подробности читатель найдет в очерке о происхождении мексиканской цивилизации, помещенном в конце первой книги этой истории.

{*} [Наиболее тщательные измерения большого кургана, или “пирамиды”, были сделаны Банделье в 1881 году. Он обнаружил, что основание представляет собой трапецию. Северная линия, 1000 футов; восточная линия, 1026 футов; южная линия, 833 фута; западная линия, 1000 футов; всего 3859 футов. Это даст приблизительную площадь базы более двадцати акров. Измерив высоту кургана с каждой из его четырех сторон, он обнаружил, что средняя высота составляет 169 футов. На вершине нет никаких следов работы аборигенов. Сооружение было построено задолго до периода науатль. Оно не было возведено за один раз, а росло по мере необходимости. Это было место убежища, а его вершина использовалась как место поклонения.—М.]

Перпендикулярная высота пирамиды составляет сто семьдесят семь футов. Длина его основания составляет тысячу четыреста двадцать три фута, что в два раза больше, чем у великой пирамиды Хеопса. Некоторое представление о его размерах может дать утверждение, что его основание, имеющее квадратную форму, занимает около сорока четырех акров, а платформа на его усеченной вершине занимает более одного. Это напоминает нам о тех колоссальных памятниках кирпичной кладки, которые до сих пор можно увидеть в руинах на берегах Евфрата и, в гораздо большей сохранности, на берегах Нила.^[195]

На вершине возвышался роскошный храм, в котором было изображение мистического божества, “бога воздуха”, с черными чертами лица, непохожими на светлый цвет лица, который он

носил на земле, с митрой на голове, развевающейся с *огненными перьями*, с великолепным золотым воротником на шее, подвесками из мозаичной бирюзы в ушах, украшенным драгоценными камнями скипетром в одной руке и причудливо раскрашенным щитом, эмблемой его правления над ветрами, в другой.^[196] Святость этого места, освященного древними традициями, и великолепие храма и его служб сделали его объектом почитания по всей стране, и паломники из самых отдаленных уголков Анауака приезжали, чтобы совершить свои богослужения в святилище Кецалькоатля.^[197] Их было так много, что пестрое население города казалось нищим; и Кортес, пораженный новизной, рассказывает нам, что видел множество нищих, каких можно встретить в просвещенных столицах Европы;^[198] — причудливый критерий цивилизации, который должен ставить нашу собственную процветающую страну несколько ниже по шкале.

Чолула была прибежищем не только для неимущих преданных. У многих родственных рас были свои храмы в городе, точно так же, как у некоторых христианских народов в Риме, и в каждом храме были свои особые служители для служения божеству, которому он был посвящен. Ни в одном городе не было такого скопления священников, такого количества процессий, такой пышности церемоний, жертвоприношений и религиозных праздников. Короче говоря, Чолула была тем же, чем является Мекка у магометан или Иерусалим у христиан; это был Священный город Анауак.^[199]{*}

{*} [Чолула не была "Священным городом" или пристанищем паломников для других племен. "Достаточно вспомнить состояние межплеменной войны, царившее в аборигенной Мексике, чтобы установить полную несостоятельность этого утверждения.... Даже превосходство, которым Кецалькоуатль, главный идол Чолулы, как говорят, пользовался во всей Центральной Мексике, решительно отрицается индейцами Тласкалы и самой мексиканской долины". Чолула была крупным торговым центром, и из-за этого сюда стекались толпы людей. Индейцы за пределами города привыкли приносить подарки своему главному идолу. См. Банделье, арх. Тур, с. 168, 169.—М.]

Однако религиозные обряды не совершались в чистом духе, первоначально предписанном божеством-покровителем. Его алтари, так же как и алтари многочисленных ацтекских богов, были запятнаны человеческой кровью; и, как говорят, в их кровавых святилищах ежегодно *приносились шесть тысяч жертв*!^[200] Об их большом количестве можно судить по заявлению Кортеса о том, что он насчитал в городе четыреста башен;^[201] однако ни в одном храме не было больше двух, у многих только по одной. Высоко над остальными возвышалась великая "пирамида Чолулы", ее неугасимые огни разбрасывали свое сияние повсюду над столицей и возвещали народам, что существует мистическое поклонение — увы! как испорчен жестокостью и суевериями! — благого божества, которое однажды должно было вернуться и возобновить свою власть над землей.

Ничто не могло быть более величественным, чем вид, открывавшийся взору с площадки на усеченной вершине пирамиды. К западу простирался тот дерзкий барьер из порфировой породы, который природа воздвигла вокруг долины Мехико, с огромными Попокатепетлями и Истачихуатлями, стоящими подобно двум колоссальным часовым, охраняющим вход в заколдованный край. Далеко на востоке виднелась коническая вершина Орисабы, уходящая высоко в облака, а ближе - бесплодная, хотя и красивой формы Сьерра-де-ла-Малинче, отбрасывающая свои широкие тени на равнины Тлашкалы. Три из этих вулканов выше самой высокой горной вершины Европы и покрыты снегами, которые никогда не тают под палящим солнцем тропиков. У подножия зрителя лежал священный город Чолула, с его яркими башнями и шпилями, сверкающими на солнце, покоящийся среди садов и зеленых рощ, которые тогда густо покрывали возделанные окрестности столицы. Такова была великолепная перспектива, которая открывалась взору Завоевателей и все еще может, с небольшими изменениями, открываться взору современного путешественника, когда с платформы великой пирамиды его взгляд блуждает по прекраснейшей части прекрасного плато Пуэбла.^[202]

{*} [Банделье ("Позолоченный человек", стр. 259) показывает, что зритель, стоявший на "усеченной вершине пирамиды", стоял на сооружении, которое долгое время лежало в руинах и было покрыто кустарником, когда Кортес проезжал через страну. На вершине находился "маленький древний храм". От большого здания не осталось и следа, а пирамида настолько походила на поросший лесом холм, что Завоеватели считали ее естественным возвышением. Никакие башенки не сверкали на солнце, потому что архитектура туземцев не включала в себя этих особенностей. Дома были по большей части одноэтажные и побелены.—М.]

Но пришло время возвращаться в Тлашкалу. В назначенное утро испанская армия выступила в поход на Мексику через Чолулу. За ним последовали толпы горожан, преисполненных восхищения бесстрашием людей, которые, будучи столь немногочисленными, отважились бросить вызов великому Монтесуме в его столице. И все же огромное количество воинов предложило разделить с ними опасности экспедиции; но Кортес, хотя и выразил свою благодарность за их добрую волю, отобрал только шесть тысяч добровольцев, чтобы составить ему компанию.^[203] Он не желал обременять себя громоздкими войсками, которые могли помешать его передвижениям, и, вероятно, не хотел так далеко отдавать себя во власть союзников, присоединение которых было слишком недавним, чтобы дать достаточную гарантию их верности.

Пройдя по неровной и холмистой местности, армия вступила на широкую равнину, раскинувшуюся на многие мили вокруг Чолулы. На высоте более шести тысяч футов над уровнем моря они увидели богатые продукты различных стран, растущие бок о бок, поля высокой кукурузы, сочного алоэ, *чили* или ацтекского перца, и большие плантации кактусов, на которых произрастает великолепная кошениль. Ни пяди земли, которая не была бы обработана,^[204] а почва — редкость на плоскогорье — орошалась многочисленными ручьями и каналами и была хорошо затенена лесами, которые исчезли под грубым топором испанцев. Ближе к вечеру они достигли небольшого ручья, на берегу которого Кортес решил расположиться на ночь, не желая нарушать спокойствие города вводом в него столь больших сил в неурочный час.

Здесь к нему вскоре присоединились несколько чолуланских касиков и их слуги, которые пришли посмотреть на незнакомцев и поприветствовать их. Однако, когда они увидели своих врагов-тлашкаланцев в лагере, они проявили признаки неудовольствия и высказали опасение, что их присутствие в городе может вызвать беспорядки. Это замечание показалось Кортесу разумным, и он соответственно приказал своим союзникам оставаться в их нынешних помещениях и присоединиться к нему, когда он покинет город по пути в Мексику.

На следующее утро он вступил во главе своей армии в Чолулу, сопровождаемый только индейцами из Семпоаллы и горсткой тлашкаланцев, которые должны были позаботиться о поклаже. Его союзники на прощание дали ему много предостережений относительно людей, которых он должен был посетить, которые, хотя и делали вид, что презирают их как нацию торговцев, использовали опасное оружие вероломства и хитрости. Когда войска приблизились к городу, дорога была запружена толпами людей обоего пола и всех возрастов, стариками, пошатывающимися от немоги, женщинами с детьми на руках, всем не терпелось хоть мельком взглянуть на незнакомцев, чьи лица, оружие и лошади были объектами пристального любопытства для глаз, которые до сих пор никогда не сталкивались с ними в бою. Испанцы, в свою очередь, были преисполнены восхищения видом чолуланов, намного превосходивших по одежде и общему виду народы, которые они видели до сих пор. Особенно их поразили костюмы высших классов, которые носили прекрасно расшитые накидки, напоминающие по своей фактуре и фасону изящный *альборноз*, или мавританский плащ.^[205] Они проявляли такой же тонкий вкус к цветам, как и другие племена плато, украшая ими свои лица и бросая гирлянды и букеты солдатам. Огромное количество священников смешалось с толпой, размахивая своими ароматическими кадильницами, в то время как музыка различных инструментов оживленно приветствовала посетителей и придавала всей сцене веселое, сбивающее с толку очарование. Хотя это и не было похоже на триумфальное шествие, как в Тласкале, где мелодия инструментов тонула в криках

толпы, оно давало спокойную уверенность в гостеприимстве и дружеском чувстве не меньшей благодарности.

Испанцы также были поражены чистотой города, шириной и большой правильностью улиц, которые, казалось, были проложены по устоявшемуся плану, прочностью домов, количеством и размерами пирамидальных храмов.{*} Во дворе одного из них и окружающих его зданий они были расквартированы.^[206]

{*} [“Согласно традиции, Кортес был поселен в нынешнем юго-западном квартале города, который теперь называется Санта-Мария Текпан, поскольку Текпан был общественным домом, где принимали странных посетителей. В центре квартала, на улице Калле-де-Эррерос, до сих пор стоит древний портал с надписью на языке науатль латинскими буквами: ”Здесь стоял Текпан, где сейчас находится дом Антонио де ла Круса”. Банделье, "Позолоченный человек", стр. 272.—М.]

Вскоре их посетили главные лорды этого места, которые, казалось, позаботились предоставить им жилье. Их стол был обильно накрыт, и, короче говоря, они испытывали такое внимание, которое было рассчитано на то, чтобы рассеять их подозрения и заставить их приписать подозрения своих тлашкальских друзей предрассудкам и старой национальной вражде.

Через несколько дней обстановка изменилась. Прибыли гонцы от Монтесумы, которые после короткого и неприятного намека Кортесу на то, что его приближение вызывает большое беспокойство у их повелителя, отдельно посовещались с мексиканскими послами, все еще находившимися в кастильском лагере, а затем отбыли, взяв с собой одного из последних. С этого времени поведение их хозяев-чолуланов претерпело заметные изменения. Они не посещали покои, как раньше, и, когда их приглашали сделать это, извинялись под предлогом болезни. Запасы провизии были ограничены на том основании, что не хватало кукурузы. Эти симптомы отчуждения, независимо от временного замешательства, вызвали в груди Кортеса серьезную тревогу за будущее. Его опасения не развеяли сообщения сempoальцев, которые рассказали ему, что, бродя по городу, они видели несколько забаррикадированных улиц, *азотеи*, или плоские крыши домов, нагруженные огромными камнями и другими метательными предметами, {*} как будто готовясь к штурму, и в некоторых местах они обнаружили ямы, прикрытые ветками, и воткнутые внутрь вертикальные колья, как будто для затруднения передвижения кавалерии.^[207] Несколько тлашкальцев, также прибывших из своего лагеря, сообщили генералу, что в отдаленном квартале города было принесено большое жертвоприношение, в основном детей, чтобы умиловить благосклонность богов, очевидно, для какого-то задуманного предприятия. Они добавили, что видели большое количество горожан, покидающих город со своими женщинами и детьми, как будто для того, чтобы увезти их в безопасное место. Эти известия подтвердили худшие подозрения Кортеса, который не сомневался, что зреет какой-то враждебный план. Если бы он что-то почувствовал, открытие Марины, доброго ангела экспедиции, превратило бы эти сомнения в уверенность.

{*} [Но на плоских крышах домов в городах без стен всегда были кучи камней и других метательных средств, предназначенных для обороны.—М.]

Дружелюбные манеры индианки снискали ей расположение жены одного из касиков, которая неоднократно уговаривала Марину посетить ее дом, мрачно намекая, что таким образом она избежит участи, ожидающей испанцев. Переводчица, видя важность немедленного получения дальнейших разведданных, притворилась довольной предложением и в то же время выразила большое недовольство белыми людьми, из-за которых она находилась в плену. Таким образом, сбив доверчивую Чолулан с толку, Марина постепенно втерлась к ней в доверие настолько, что вытянула из нее полный отчет о заговоре.

По ее словам, это произошло от императора ацтеков, который посылал богатые взятки великим касикам и, в частности, ее мужу, чтобы убедить их в своих взглядах. Испанцы должны были подвергнуться нападению, когда они выходили из столицы, запутавшись на ее улицах, на которых были расставлены многочисленные препятствия, чтобы привести кавалерию в беспорядок.

Двадцатитысячный отряд мексиканцев уже был расквартирован неподалеку от города, чтобы поддержать чолуланцев в штурме. Можно было с уверенностью ожидать, что испанцы, столь стесненные в своих передвижениях, станут легкой добычей превосходящих сил своего врага. Требовалось выделить достаточное количество пленников для жертвоприношений в Чолуле; остальных следовало в оковах отвести в столицу Монтесумы.

Пока продолжался этот разговор, Марина занималась тем, что раскладывала ценные вещи и надевала одежду, которую собиралась взять с собой вечером, когда сможет незаметно сбежать из испанских кварталов в дом своей подруги из Чолулана, которая помогала ей в операции. Оставив своего посетителя за этим занятием, Марина воспользовалась случаем ускользнуть на несколько минут и, зайдя в квартиру генерала, рассказала ему о своих открытиях. Он немедленно приказал схватить жену касика, и при допросе она полностью подтвердила показания его индийской любовницы.

Сведения, собранные таким образом Кортесом, наполнили его глубочайшей тревогой. Он был по-настоящему пойман в ловушку. Сражаться или бежать казалось одинаково трудным. Он находился в городе врагов, где каждый дом мог быть превращен в крепость и где на пути возникали такие препятствия, которые могли сделать маневры его артиллерии и кавалерии почти невыполнимыми. В дополнение к коварным чолулянам, он должен справиться, несмотря на все эти неудобства, с грозными воинами Мексики. Он был подобен путнику, сбившемуся с пути во тьме среди пропастей, где любой шаг может разбить его вдребезги, и где отступать или наступать одинаково опасно.

Он желал получить еще большее подтверждение и подробности заговора. Соответственно, он уговорил двух священников, живших по соседству, один из которых был человеком, пользующимся большим влиянием в этом месте, посетить его жилище. Вежливым обращением и щедростью к богатым подаркам, которые он получил от Монтесумы, — таким образом, обратив свои собственные подарки против дарителя, — он извлек из них полное подтверждение предыдущего сообщения. Император пребывал в состоянии прискорбной нерешительности с момента прибытия испанцев. Его первым приказом чолулам было любезно принять чужеземцев. Недавно он снова обратился к своим оракулам и получил ответ, что Чолула станет могилой его врагов, ибо боги наверняка поддержат его в отмщении за святотатство, совершенное по отношению к Святому Городу. Ацтеки были настолько уверены в успехе, что для закрепления пленников уже были установлены многочисленные кандалы, или шесты с ремнями, которые служили таковыми.

Кортес, теперь почувствовавший, что полностью владеет фактами, отпустил священников, предупредив о соблюдении тайны, в чем вряд ли была необходимость. Он сказал им, что его целью было покинуть город на следующее утро, и попросил, чтобы они убедили нескольких главных касиков дать ему интервью в его квартире. Затем он созвал совет своих офицеров, хотя, как представляется, уже определился с курсом, который ему предстояло избрать.

Поразительная информация по-разному повлияла на членов совета, в зависимости от их разных характеров. Наиболее робкие, обескураженные перспективой препятствий, которые, казалось, множились по мере приближения к мексиканской столице, были готовы повернуть назад и искать убежища в дружественном городе Тлашкала. Другие, более настойчивые, но благоразумные, были за то, чтобы избрать более северный маршрут, первоначально рекомендованный их союзниками. Большая часть поддерживала генерала, который всегда придерживался мнения, что у них нет альтернативы, кроме как наступать. Отступление было бы гибелью. Половинчатые меры были едва ли лучше и свидетельствовали бы о робости, которая должна была дискредитировать их как в глазах друзей, так и врагов. Их истинной политикой было полагаться на самих себя — нанести такой удар, который устранил бы их врагов и показал им, что испанцев так же невозможно обмануть хитростью, как и сокрушить численным превосходством и мужеством в открытом поле.

Когда касики, уговоренные священниками, предстали перед Кортесом, он ограничился мягким упреком в недостатке гостеприимства и заверил их, что испанцы больше не будут обузой для их города, поскольку он намеревался покинуть его рано утром следующего дня. Более того, он потребовал, чтобы они предоставили подкрепление в две тысячи человек для перевозки его артиллерии и обоза. Вожди, посоветовавшись, согласились с требованием, которое, возможно, в какой-то мере способствовало их собственным планам.

После их отъезда генерал вызвал к себе послов ацтеков. Он кратко проинформировал их о раскрытии предательского заговора с целью уничтожения его армии, в организации которого, по его словам, был виноват их хозяин Монтесума. Он добавил, что его очень огорчает, что император замешан в столь гнусном заговоре и что испанцы теперь должны выступить как враги против принца, которого они надеялись навестить как друга.

Послы с искренними протестами заявили о своем полном неведении о заговоре и о своей вере в то, что Монтесума также невиновен в преступлении, которое они полностью возложили на чолуланов. Очевидно, что политика Кортеса заключалась в том, чтобы поддерживать хорошие отношения с индийским монархом, как можно дольше пользоваться его добрыми услугами и пользоваться его воображаемой безопасностью — таким чувством безопасности, которое мог внушить ему генерал, — для прикрытия своих будущих операций. Поэтому он сделал вид, что верит утверждению послов, и заявил о своем нежелании верить в то, что монарх, оказавший испанцам так много дружеских услуг, теперь завершит все это делом такой беспримерной низости. Открытие их двойного коварства, добавил он, обострило его негодование против чолуланов, которым он отомстит так, чтобы сполна возместить ущерб, нанесенный как Монтесуме, так и испанцам. Затем он отпустил послов, позаботившись, несмотря на это проявление доверия, приставить к ним сильную охрану, чтобы предотвратить общение с гражданами. [\[208\]](#)

Та ночь была для армии очень тревожной. Почва, на которой они стояли, казалось, уходила у них из-под ног, и в любой момент они могли погибнуть. Их бдительный генерал принял все возможные меры предосторожности для их безопасности, увеличив число часовых и разместив свои орудия таким образом, чтобы защищать подходы к лагерю. Вполне можно поверить, что его глаза не закрывались всю ночь. Действительно, каждый испанец улегся в его объятиях, и каждая лошадь стояла оседланная и взнузданная, готовая к немедленной службе. Но индейцы не планировали штурма, и тишина этого часа не нарушалась, если не считать случайных звуков, которые раздавались в густонаселенном городе, даже погруженном в дремоту, и хриплых криков жрецов с башен *teocallis*, proclaiming through their trumpets the watches of the night. [\[209\]](#)

ГЛАВА VII

С первыми лучами утреннего солнца был замечен верхом на лошади Кортес, руководивший передвижениями своего маленького отряда. Основные силы он собрал на большой площади, или дворе, окруженном частично зданиями, как было замечено ранее, а частично высокой стеной. Там было три въездных ворота, у каждого из которых он поставил сильную охрану. Остальные свои войска с большими орудиями он разместил за оградой таким образом, чтобы контролировать улицы и обезопасить тех, кто находился внутри, от вмешательства в их кровавую работу. Накануне вечером вождям тлашкаланцев был отдан приказ быть готовыми по согласованному сигналу войти в город и присоединиться к испанцам.

Едва были завершены приготовления, как появились чолуланские касики, возглавлявшие отряд новобранцев, *таманес*, даже более многочисленный, чем требовалось. Их сразу же вывели на площадь под командованием, как мы видели, испанской пехоты, которая была выстроена под стенами. Затем Кортес отвел нескольких касиков в сторону. С суровым видом он прямо обвинил их в заговоре, показывая, что хорошо знаком со всеми подробностями. Он сказал, что посетил их город по приглашению их императора; пришел как друг; проявил уважение к жителям и их имуществу; и, чтобы избежать всякого повода для обиды, оставил большую часть своих войск за стенами. Они приняли его с демонстрацией доброты и гостеприимства, и, полагаясь на это, он был заманен в ловушку и счел эту доброту всего лишь маской, прикрывающей самое черное вероломство.

Чолуланцы были поражены этим обвинением как громом. Неопределенный благоговейный трепет охватил их, когда они посмотрели на таинственных незнакомцев и почувствовали себя в присутствии существ, которые, казалось, обладали способностью читать мысли, едва сформировавшиеся в их груди. Перед такими судьями не было смысла увиливать или отрицать. Они признались во всем и попытались оправдать себя, свалив вину на Монтесуму. Кортес, напустив на себя вид еще большего негодования по этому поводу, заверил их, что эта отговорка не должна служить оправданием, поскольку, даже если бы она была хорошо обоснована, это не было бы оправданием; и теперь он преподнесет им такой пример предательства, что молва об этом разнесется по широким границам Анауака!

Затем был подан роковой сигнал - выстрел из аркебузы. В одно мгновение все мушкеты и арбалеты были направлены на несчастных чолуланов во дворе, и страшный залп обрушился на них, когда они стояли, сбившись в кучу, как стадо оленей в центре. Они были застигнуты врасплох, так как не слышали предыдущего диалога с вождями. Они почти не оказали сопротивления испанцам, которые вслед за разрядом своих орудий бросились на них со своими мечами; и, поскольку полуобнаженные тела туземцев не представляли никакой защиты, они рубили их с такой же легкостью, с какой жнец косит спелое зерно во время жатвы. Некоторые пытались взобраться на стены, но только давали более верный прицел аркебузирам и лучникам. Другие бросились в ворота, но были встречены длинными пиками солдат, охранявших их. Некоторым повезло больше, и они спрятались под горами убитых, которыми вскоре была завалена земля.

Пока продолжалось это смертоносное дело, соплеменники убитых индейцев, привлеченные шумом резни, начали яростную атаку на испанцев извне. Но Кортес разместил свою батарею тяжелых орудий на позиции, господствовавшей над проспектами, и сметал ряды нападавших, когда они устремлялись дальше. В промежутках между обстрелами, которые при несовершенном состоянии тогдашней науки были намного длиннее, чем у нас, он оттеснил натиск, ворвавшись на лошади в самую середину. Кони, ружья, вооружение испанцев были в новинку для чолуланцев. Несмотря на новизну ужасающего зрелища, на вспышки огнестрельного оружия, смешивающиеся

с оглушительным ревом артиллерии, когда ее раскаты эхом отдавались среди зданий, отчаявшиеся индейцы бросились вперед, чтобы занять места своих павших товарищей.

Пока продолжалась эта ожесточенная борьба, тлашкальцы, услышав согласованный сигнал, быстрым шагом вошли в город. По приказу Кортеса они повязали себе на головы венки из осоки, чтобы их можно было вернее отличить от чолуланов.^[210] Подойдя в самый разгар сражения, они обрушились с тыла на беззащитных горожан, которые, растоптанные кастильской кавалерией с одной стороны и измученные своими мстительными врагами с другой, больше не могли удерживать свои позиции. Они отступили, некоторые укрылись в ближайших зданиях, которые, будучи частично деревянными, были быстро подожжены. Другие бежали в храмы. Одна сильная партия, во главе которой стояло несколько священников, завладела великим *теокалли*. Существовала вульгарная традиция, о которой уже упоминалось, что после сноса части стен бог пошлет наводнение, чтобы сокрушить своих врагов. Суеверным чолуланцам с большим трудом удалось выломать несколько камней из стен здания. Но за ними последовала пыль, а не вода. Их ложный бог покинул их в час нужды. В отчаянии они бросились в деревянные башенки, венчавшие храм, и осыпали испанцев камнями, дротиками и горящими стрелами, когда те поднимались по огромной лестнице, которая пролетом в сто двадцать ступеней закрывала фасад пирамиды. Но огненный ливень безвредно обрушился на стальные шапки христиан, в то время как они воспользовались горящими стрелами, чтобы поджечь деревянную цитадель, которая быстро была охвачена пламенем. Тем не менее гарнизон выстоял, и хотя, *как говорят*, была предложена четверть, только один чолулан воспользовался ею. Остальные бросились очертя голову с парапета или с треском погибли в огне.^[211]

Теперь в прекрасном городе, который еще так недавно пребывал в безопасности и покое, царили смятение и суматоха. Стоны умирающих, неистовые мольбы побежденных о пощаде смешивались с громкими боевыми кличами испанцев, когда они повергали своего врага, и с пронзительным свистом тлашкаланцев, которые дали полный простор давней злобе древнего соперничества. Суматоха еще больше усилилась из-за непрекращающегося грохота ружей и треска падающих бревен, от которых взметнулся столб пламени, затмивший багровый свет утра, создав в целом отвратительную путаницу зрелищ и звуков, превратившую Священный Город в Столпотворение. Когда сопротивление ослабло, победители ворвались в дома и священные места, разграбив их, забрав все ценности, которые в них были, столовую утварь, драгоценности, которые были найдены в некотором количестве, верхнюю одежду и провизию, две последние были желанны простыми тлашкальцам даже больше, чем первая, что облегчило раздел добычи к большому удовлетворению их христианских союзников. Среди этой всеобщей вседозволенности следует отметить, что приказы Кортеса соблюдались настолько, что не применялось никакого насилия к женщинам или детям, хотя они, как и многие мужчины, были взяты в плен, чтобы быть обращенными в рабство тлашкальцами.^[212] Эти сцены насилия продолжались несколько часов, когда Кортес, тронутый мольбами некоторых вождей чолулана, которые воздержались от резни, поддержанный молитвами мексиканских посланников, согласился из уважения, как он сказал, к последним, представителям Монтесумы, отозвать солдат и, насколько мог, положить конец дальнейшим беспорядкам.*} Двум касикам также было разрешено отправиться к своим соотечественникам с заверениями в прощении и защите всех, кто вернется к их повиновению.

*} [Андрес де Тапия, участвовавший в резне, говорит, что работа по разрушению города (“el trabajar por destruir la cibdad”) продолжалась в течение двух дней, прежде чем Кортес отдал приказ прекратить ее, и что только два или три дня спустя жители, многие из которых бежали в горы и на соседнюю территорию, получили помилование и разрешение вернуться. Полковник . de Doc. para la Hist. de México, publicada por Joaquín García Icazbalceta, tom. ii.—K.]

Эти меры возымели свое действие. Совместными усилиями Кортеса и касиков беспорядки были с большим трудом подавлены. Нападавшие, испанцы и индейцы, собрались под своими

знаменами, и чолуланцы, полагаясь на заверения своих вождей, постепенно вернулись в свои дома.

Первым актом Кортеса было убедить тлашкальских вождей освободить своих пленников.^[213] Таково было их почтение к испанскому командующему, что они подчинились, хотя и не без ропота, довольствуясь, насколько могли, богатой добычей, награбленной у чолуланов, состоящей из различных предметов роскоши, давно неизвестных в Тлашкале. Следующей его заботой было очистить город от отвратительной нечистоты, особенно от мертвых тел, которые горами лежали на улицах и большой площади и гноились. Генерал в своем письме Карлу Пятому признает три тысячи убитых, большинство отчетов говорят о шести, а некоторые раздувают цифру еще больше. Поскольку среди них был самый старший и принципиальный касик, Кортес помог чолулянам назначить преемника на его место.^[214] Благодаря этим мирным мерам доверие было постепенно восстановлено. Люди в окрестностях, успокоенные, стекались в столицу, чтобы занять место уменьшившегося населения. Рынки снова открылись; и возобновились обычные занятия упорядоченного, трудолюбивого сообщества. И все же длинные груды черных и тлеющих руин свидетельствовали об урагане, который совсем недавно пронесся над городом, а стены, окружающие место резни на большой площади, которые простояли более пятидесяти лет после этого события, рассказывали печальную историю Резни в Чолуле.^[215]

Этот эпизод в их истории - один из тех, которые оставили темное пятно на памяти Завоевателей. И по сей день мы не можем без содрогания созерцать состояние этой прекрасной и процветающей столицы, вторгшейся таким образом в ее уединение и отданной на растерзание грубым и безжалостным солдатам. Но, чтобы справедливо оценить действие, мы должны перенестись в эпоху, когда это произошло. Трудность, с которой мы сталкиваемся в самом начале, заключается в том, чтобы вообще найти оправдание праву завоевания. Но следует помнить, что религиозная неверность в этот период и гораздо позже рассматривалась — независимо от того, основана ли она на невежестве или образовании, наследственная или приобретенная, еретическая или языческая — как грех, подлежащий наказанию огнем и хворостом в этом мире и вечными страданиями в следующем. Это учение, каким бы чудовищным оно ни было, было кредо римлян, другими словами, христианской церкви, — основой инквизиции и тех других видов религиозных преследований, которые в то или иное время запятнали анналы почти каждой нации христианского мира.^[216] Согласно этому кодексу, территория язычников, где бы она ни находилась, рассматривалась как своего рода религиозный пустырь, на который, при отсутствии законного владельца, заявлял права Святой Престол и которым он владел, и как таковой глава Церкви свободно передавал его любому временному властителю, кому ему заблагорассудится, который возьмет на себя бремя завоевания.^[217] Таким образом, Александр Шестой щедро подарил большую часть Западного полушария испанцам, а Восточного - португальцам. Эти высокие притязания преемников скромного рыбака из Галилеи, далеко не номинальные, были признаны и к ним апеллировали как к решающим в спорах между нациями.^[218]

Вместе с предоставленным таким образом правом завоевания пришло и обязательство, на котором, можно сказать, оно было основано, - выволить народы, пребывающие во тьме, из вечной гибели. Эта обязанность была признана лучшими и храбрейшими, мастерами своего дела, миссионерами и воинами крестового похода. Как бы сильно она ни была искажена мирскими мотивами и смешана с мирскими соображениями честолюбия и алчности, она все еще была активна в сознании христианского завоевателя. Мы видели, насколько первостепенное значение это имело для каждого расчета личной заинтересованности в груди Кортеса. Таким образом, уступка папы римского, основанная на императивной обязанности обращения в веру и обеспечивающая ее выполнение,^[219] была предполагаемой основой — и, по представлениям того времени, прочной — права завоевания.^[220]

Это право, действительно, не могло быть истолковано как разрешающее какой-либо ненужный акт насилия по отношению к туземцам. Нынешняя экспедиция, вплоть до того периода ее истории,

к которому мы сейчас подошли, вероятно, была запятнана меньшим количеством подобных деяний, чем почти любое аналогичное предприятие испанских первооткрывателей Нового Света. На протяжении всех кампаний Кортес запрещал нанесение любых бессмысленных телесных повреждений местным жителям лично или имуществу и наказывал виновных с образцовой суровостью. Он был верен своим друзьям и, возможно, за единственным исключением, не был безжалостен к своим врагам. Будь то политика или принцип, это следует отдать ему должное; хотя, как всякий проницательный ум, он, возможно, чувствовал, что принцип и политика идут рука об руку.

Он прибыл в Чолулу как друг по приглашению индийского императора, который обладал реальным, если не признанным, контролем над государством. Его приняли как друга, со всеми проявлениями доброй воли; когда, не нанеся никакого оскорбления ни ему самому, ни его последователям, он обнаружил, что они стали жертвами коварного заговора, что они стояли на мине, которая могла взорваться в любой момент и похоронить их всех под своими руинами. Его безопасность, как он искренне считал, не оставляла иного выбора, кроме как предвидеть удар своих врагов. И все же кто может сомневаться в том, что назначенное таким образом наказание было чрезмерным, что той же цели можно было бы достичь, направив удар против виновных вождей, вместо того чтобы позволить ему пасть на невежественный сброд, который всего лишь подчинялся приказам своих хозяев? Но когда это было замечено, чтобы страх, вооруженный властью, был скрупулезен в ее применении? или что страсти свирепых солдат, воспламененные сознательными травмами, можно было обуздать в момент взрыва?

Мы, возможно, будем более беспристрастно судить о поведении Завоевателей, если сравним его с поведением наших современников при несколько сходных обстоятельствах. Зверства в Чолуле были не так ужасны, как те, что были совершены над потомками этих самых испанцев в последней войне на полуострове самыми утонченными нациями нашего времени; британцами в Бадахосе, например, — в Таррагоне и в сотне других мест - французами. Бессмысленная резня, разорение собственности и, прежде всего, те бесчинства, которые хуже смерти, от которых была защищена женская часть населения в Чолуле, являют собой перечень чудовищ, столь же черных, как те, что вменяются испанцам, и без тех же извинений за негодование, — на самом деле, без извинений, но благодаря храброму и патриотическому сопротивлению. Рассмотрение этих событий, которые из-за своей привычности производят мало впечатления на наши чувства, должно было бы сделать нас более снисходительными в наших суждениях о прошлом, показывая, что человек в состоянии возбуждения, дикий или цивилизованный, во многом одинаков в любую эпоху. Это может научить нас — и это один из лучших уроков истории, — что, поскольку таковы *неизбежные* пороки войны, даже среди самых образованных людей те, кто держит в своих руках судьбы наций, будь то правители или законодатели, должны пойти на любые жертвы, кроме чести, прежде чем санкционировать призыв к оружию. Крайняя забота о том, чтобы избежать этих бедствий с помощью мирных конгрессов и беспристрастного посредничества, в целом является самым веским доказательством, более веским, чем прогресс науки и искусства, нашего хваленного прогресса в цивилизации.

Я далек от намерения оправдывать жестокие деяния старых Завоевателей. Пусть они падут тяжким грузом на их головы. Это была железная раса, которая рисковала жизнью и состоянием ради общего дела; и поскольку они мало обращали внимания на опасность и страдания для самих себя, у них было мало сочувствия к своим несчастным врагам. Но, чтобы судить о них справедливо, мы не должны делать это в свете нашего времени. Мы должны вернуться к их эпохе и принять точку зрения, предложенную цивилизацией их времени. Только так мы можем прийти к беспристрастной критике, рассматривая ушедшие поколения. Мы должны проявить к ним ту же справедливость, о которой у нас будет случай просить потомство, когда в свете более высокой цивилизации оно рассмотрит темные или сомнительные моменты нашей собственной истории, которые едва ли привлекут внимание современника.

{*} [“Резня” в Чолуле была военной необходимостью для такого воюющего, каким был Кортес. Обнаружив существование заговора с целью уничтожения его войск, он просто нанес удар первым. Чолуланцы приняли меры по уничтожению захватчиков, которые, должно быть, оказались успешными против обычных врагов. Об этом свидетельствуют не только испанские историки, но и местные хронисты. Мексиканская история рассказана на индейских рисунках, которые до сих пор хранятся в Сан-Хуан-Куаутлаутцинко. Чолуланцы не считали испанцев богами. Они взялись за работу, чтобы заманить их в ловушку и уморить голодом, как обычных людей. Они перекрыли им поставки. Они заперли их в великом Текпане. Тлашкаланцы все это время знали, что планировалось предательство. Они также знали (чего испанцы не знали из-за своего незнания государственных институтов индейцев), что любые клятвы, которые могли принести вожди чолулов, были обязательны для племени только в том случае, если племя поручило своим представителям принести их. Посольство было всего лишь приманкой. Испанцы считали, что благоухание ладаном указывает на подчинение им самим. Они не знали, что военнопленных, предназначенных для жертвоприношения, надушивали таким же образом. Но резня ни в коем случае не могла быть такой масштабной, как обычно предполагают. Во-первых, в городе было не так много жителей, как предполагал Кортес; и, во-вторых, три городских прихода не были замешаны ни в заговоре, ни в убийстве. Огромная толпа, сопровождавшая испанцев, когда они проходили по улицам, всегда была одной и той же толпой. Она производила чудовищный шум, и захватчики, естественно, вообразили, что это свидетельствует об огромном населении. Но оценка Банделье в 30 000 жителей, вероятно, верна. Кортес в своем первом отчете с явным самодовольством пишет, что “3000 мурьеро в дос хорас”. Это означало бы поразительную смертоносную способность менее чем 500 испанцев и их союзников. Огнестрельное оружие, конечно, производило ужасный хаос, но мы должны помнить, что заряжать и стрелять из мушкетов и пушек того времени было вопросом времени. Ни одна женщина и дети не были убиты не только потому, что солдатам было приказано щадить всех женщин и детей, но и потому, что все некомбатанты были отосланы некоторое время назад. Вооруженные люди сражались и убивали вооруженных людей. Более того, союзники-тлашкаланцы больше стремились грабить и захватывать пленных, чем убивать. Банделье, напоминая о том факте, что битва велась на пространстве менее четверти мили в длину, сомневается, что пало более пятисот человек. Его оценка, вероятно, слишком мала. Убийство было остановлено Кортесом через пять часов после первого выстрела. Андрес де Тапия, который написал спустя некоторое время после случившегося, говорит, что грабежи и т.д. Продолжались в течение двух дней. Берналь Диас, писавший пятьдесят лет спустя, говорит, что это положило конец второму «лежанию». Но Кортес, писавший в следующем году, говорит, что на следующий день место было полно женщин и детей. “Дымящиеся руины” следует отбросить как плод воображения. Глинобитные и каменные стены, а также бревна крыши, покрытые толстым слоем земли, не являются хорошим материалом для пожара. 20 000 воинов из Мексики, упомянутых на стр. 194, не могли там присутствовать. Отправить из этого города такой большой отряд было бы невозможно, и Кортес узнал бы о его приближении через своих тлашкальских союзников задолго до этого. Банделье очень доходчиво описывает эту резню в своем “Позолоченном человеке”, стр. 258-282.—М.]

Но, что бы ни думали об этой сделке с моральной точки зрения, как политический ход она была бесспорна. Народы Анауака с восхищением, смешанным с благоговением, наблюдали за маленьким отрядом христианских воинов, неуклонно продвигавшихся по плато, невзирая на все препятствия, опрокидывая армию за армией с такой же легкостью, по-видимому, как хороший корабль сбрасывает с носа яростные волны, или, скорее, как лава, которая, катясь из их собственных вулканов, продолжает свой путь, не встречая препятствий, будь то скалы, деревья или здания, увлекая их за собой или сокрушая и поглощая на своем огненном пути. Доблесть испанцев — “белых богов”, как их часто называли^[221] — сделала их непобедимыми. Но только по прибытии в Чолулу туземцы узнали, сколь ужасна была их месть, и они затрепетали!

Никто не дрожал сильнее, чем император ацтеков на своем троне среди гор. Он прочел в этих событиях темные знаки, начертанные перстом Судьбы.^[222] Он почувствовал, что его империя тает, как утренний туман. Он вполне мог бы так чувствовать. Некоторые из наиболее важных городов по соседству с Чолулой, напуганные судьбой этой столицы, вновь отправили своих послов в кастильский лагерь, выражая свою преданность и умиливляя чужеземцев богатыми подарками в виде золота и рабов.^[223] Монтесума, встревоженный этими признаками отступничества, снова обратился за советом к своим бессильным божествам; но, хотя алтари дымились от свежих гекатомбов человеческих жертв, он не получил одобрительного ответа. Поэтому он решил отправить к испанцам еще одно посольство, отрекшись от какого-либо участия в заговоре Чолулы.

Тем временем Кортес коротал время в этой столице. Он считал, что впечатление, произведенное последними сценами, и нынешнее восстановление спокойствия открывают прекрасную возможность для хорошей работы по обращению. Соответственно, Он призвал граждан принять Крест и отказаться от ложных опекунов, которые бросили их в безвыходной ситуации. Но многовековые традиции сохранялись в Священном городе, создавая вокруг него ореол славы как “святилища богов”, религиозной столицы Анауака. Было бы чересчур ожидать, что люди добровольно откажутся от этого превосходства и опустятся до уровня обычного сообщества. И все же Кортес мог бы настаивать на решении этого вопроса, каким бы неприятным оно ни было, если бы не нововмешательство мудрого Ольмедо, который убедил его отложить его до тех пор, пока не будет восстановлена вся страна.^[224]

Однако испанский генерал с удовлетворением взломал клетки, в которых содержались жертвы для принесения в жертву, и отпустил дрожащих заключенных на свободу. Он также захватил великий *теокалли* и посвятил ту часть здания, которая, будучи каменной, избежала ярости пламени, под христианскую церковь; в то время как гигантских размеров распятие из камня и извести, простиравшее свои руки над городом, возвещало, что население внизу находится под защитой Креста. На том же месте сейчас стоит храм, осененный темными кипарисами неизвестной древности, посвященный Богоматери *де лос Ремедиос*. Над ним возвышается изображение Богородицы, *говорят*, что его оставил сам Завоеватель;^[225] и индийский священнослужитель, потомок древних чолуланов, совершает мирные службы римско-католического причастия на месте, где его предки совершали кровавые обряды мистика Кецалькоатля.^[226]

Во время этих событий прибыли посланники из Мексики. Им, как обычно, преподнесли богатый подарок из золотой посуды и украшений, среди прочего, искусственных птиц, имитирующих индеек, с перьями из того же драгоценного металла. К ним были добавлены полторы тысячи хлопчатобумажных платьев из тонкой ткани. Император даже выразил сожаление по поводу катастрофы при Чолуле, отрекся от какого-либо участия в заговоре, который, по его словам, навлек заслуженное возмездие на головы его организаторов, и объяснил существование ацтекских войск по соседству необходимостью подавления некоторых беспорядков там.^[227]

Нельзя смотреть на это малодушное поведение Монтесумы без смешанного чувства жалости и презрения. Нелегко согласовать его предполагаемую непричастность к заговору со многими обстоятельствами, связанными с ним. Но здесь и всегда следует помнить, что его историю следует собирать исключительно из испанских авторов и тех туземцев, которые процветали после завоевания, когда страна стала колонией Испании. Не сохранилось ни одной записи ацтеков о первобытной эпохе в форме, поддающейся интерпретации.^[228] Нелегкая судьба этого несчастного монарха заключается в том, что он полностью обязан своим портретом карандашу своих врагов.

Со времени вступления испанцев в Чолулу прошло более двух недель, и теперь Кортес решил, не теряя времени, возобновить свой поход на столицу. Его жестокие репрессии до такой степени запугали чолуланцев, что он был уверен, что больше не должен оставлять активного врага у себя в тылу, чтобы досаждать ему в случае отступления. Перед своим отъездом он имел удовольствие покончить с враждой — по крайней мере, внешне, — которая так долго существовала между

Святым Городом и Тласкалой и которая после революции, так быстро изменившей судьбы страны, так и не возродилась.

Теперь он с некоторым беспокойством воспринял просьбу своих сempoallанских союзников разрешить ему выйти из экспедиции и вернуться в свои дома. Они навлекли на себя слишком сильное негодование императора ацтеков своими оскорблениями в адрес его коллекционеров и сотрудничеством с испанцами, чтобы доверять себе его столицу. Тщетно Кортес пытался успокоить их, обещая свою защиту. Их обычное недоверие и страх перед “великим Монтесумой” было невозможно преодолеть. Генерал с сожалением узнал об их решимости, поскольку они оказали бесконечную услугу общему делу своей непоколебимой верностью и мужеством. Все это делало для него еще более трудным сопротивляться их разумным требованиям. Поэтому, щедро вознаградив их за услуги из богатого гардероба и сокровищ императора, он простился со своими верными последователями перед своим собственным отъездом из Чолулы. Он воспользовался их возвращением, чтобы отправить письма Хуану де Эскаланте, своему лейтенанту в Вера-Крус, информируя его об успешном ходе экспедиции. Он приказал этому офицеру укрепить укрепления этого места, чтобы лучше противостоять любому враждебному вмешательству с Кубы, — событие, за которым Кортес всегда следил, — и подавить восстание среди местных жителей. Он особенно поблагодарил тотонаков за их покровительство как союзников, чья верность испанцам в немалой степени подвергала их мести ацтеков. ^[229]

ГЛАВА VIII

МАРШ ВОЗОБНОВЛЕН—ВОСХОЖДЕНИЕ НА ВЕЛИКИЙ ВУЛКАН—ДОЛИНА МЕХИКО— ВПЕЧАТЛЕНИЕ НА ИСПАНЦЕВ—ПОВЕДЕНИЕ МОНТЕСУМЫ—ОНИ СПУСКАЮТСЯ В ДОЛИНУ

1519

ЕТеперь, когда в чолуле воцарилось спокойствие, союзная армия испанцев и тласкаланцев в приподнятом настроении двинулась вперед и возобновила марш на Мексику. Дорога пролегла через прекрасные саванны и пышные плантации, простиравшиеся на несколько лиг во всех направлениях. На марше их время от времени встречали посольства из соседних мест, стремившиеся заручиться защитой белых людей и задобрить их подарками, особенно золотом, об их пристрастии к которому было известно по всей стране.

Некоторые из этих мест были союзниками тласкаланцев, и все они выражали большое недовольство деспотическим правлением Монтесумы. Местные жители предостерегали испанцев от того, чтобы они попадали в его власть, вторгаясь в его столицу; и они заявили, в качестве доказательства его враждебного расположения, что он перекрыл прямую дорогу к ней, чтобы чужеземцы были вынуждены выбрать другую, которая из-за узких проходов и сильных позиций позволила бы ему взять их в очень невыгодных условиях.

Эта информация не ускользнула от Кортеса, который внимательно следил за передвижениями мексиканских посланников и удвоил свои собственные меры предосторожности на случай внезапности. ^[230] Жизнерадостный и активный, он всегда был там, где требовалось его присутствие, иногда в авангарде, иногда в тылу, подбадривая слабых, стимулируя вялых и стремясь разжечь в груди других тот же мужественный дух, который светился в его собственной. Ночью он никогда не забывал совершать обход, чтобы убедиться, что каждый человек на своем посту. Однажды его бдительность чуть не оказалась для него роковой. Он подошел к часовому так близко, что тот, не в силах разглядеть его в темноте, направил на него свой арбалет, когда, к счастью, восклицание генерала, произнесшего ночной лозунг, остановило движение, которое в противном случае могло бы завершить кампанию и дать империи Монтесумы передышку еще на некоторое время.

Наконец армия подошла к месту, указанному дружелюбными индейцами, где дорога разветвлялась, и один ее рукав, как они и предсказывали, был перегорожен большими стволами

деревьев и огромными камнями, которые были разбросаны поперек нее. Кортес поинтересовался значением этого у мексиканских послов. Они сказали, что это было сделано по приказу эмперора, чтобы помешать им избрать маршрут, который, пройдя некоторое расстояние, они сочли бы практически невыполнимым для кавалерии. Однако они признали, что это была самая прямая дорога; и Кортес, заявив, что этого достаточно, чтобы решить в его пользу, поскольку испанцы не обращают внимания на препятствия, приказал убрать мусор. По словам Берналя Диаса, много лет спустя на обочине дороги все еще можно было увидеть часть древесины. Это событие не оставило у генерала особых сомнений в преднамеренном предательстве мексиканцев. Но он был слишком тактичен, чтобы выдать свои подозрения.^[231]

Теперь они покидали прелестную страну Шампейн, поскольку дорога вилась вверх по крутой сьерра, разделяющей огромные плато Мексики и Пуэблы. Воздух, по мере того как они поднимались, становился пронизывающим; и порывы ветра, пронесившиеся по замерзшим склонам гор, заставляли солдат дрожать в своей толстой хлопчатобумажной сбруе и немели конечности как людей, так и лошадей.

Они проезжали между двумя самыми высокими горами североамериканского континента; Попокатепетль, “холм, который дымится”, и Истачихуатль, или “белая женщина”,^[232] — название, несомненно, подсказанное ярким снежным покровом, расстилавшимся по его широкой и неровной поверхности. По ребяческому суеверию индейцев, эти знаменитые горы считались богами, а Истачихуатль — женой своего более грозного соседа.^[233] Традиция более высокого характера описывает северный вулкан как обитель ушедших духов нечестивых правителей, чьи огненные муки в их тюрьме вызвали страшный рев и конвульсии во время извержения. Это была классическая басня древности.^[234] Эти суеверные легенды внушали горе таинственный ужас, который заставлял туземцев уклоняться от попыток ее восхождения, которое, действительно, по естественным причинам было делом невероятной сложности.

Великий вулкан,^[235] как называли Попокатепетль, поднялся на огромную высоту 17 852 фута над уровнем моря; более чем на 2000 футов над “монархом гор” — высочайшей отметкой в Европе.^[236] В течение нынешнего столетия редко появлялись свидетельства его вулканического происхождения, и “холм, который курит” почти утратил свои права на название. Но во время Завоевания оно часто находилось в состоянии активности, и бушевало с необычайной яростью, пока испанцы находились в Тласкале; считалось, что это дурное предзнаменование для туземцев Анауака. Его вершина, собранная в правильный конус отложениями последовательных извержений, имела обычную форму вулканических гор, когда не была потревожена обрушением кратера. Взмывающий к небесам, покрытый серебряным покровом вечных снегов, он был виден далеко над широкими равнинами Мексики и Пуэблы, первый объект, который утреннее солнце приветствовало своим восходом, и последний, где задержались его вечерние лучи, проливая великолепное сияние над его головой, которое разительно контрастировало с разрушительной пустошью песка и лавы непосредственно под ним и густой бахромой погребальных сосен, которые окутывали его основание.

Таинственный ужас, нависший над этим местом, и дикая любовь к приключениям побудили некоторых испанских кавалеристов попытаться совершить восхождение, которое, по словам туземцев, не под силу ни одному человеку, оставшемуся в живых. Кортес поощрял их в этом предприятии, желая показать индейцам, что нет ничего лучше бесстрашной отваги его последователей. Соответственно, один из его капитанов, Диего Ордас, с девятью испанцами и несколькими тлашкальцами, воодушевленный их примером, предпринял восхождение. Это далось с большим трудом, чем можно было ожидать.

Нижняя часть была покрыта густым лесом, настолько густо заросшим, что в некоторых местах в него едва можно было пробраться. Однако по мере их продвижения он становился все реже, постепенно превращаясь в беспорядочную, чахлую растительность, пока на высоте немногим

более тринадцати тысяч футов не исчез совсем. Индейцы, которые до сих пор держались, напуганные странными подземными звуками вулкана, даже тогда находившегося в состоянии горения, теперь покинули их. Тропа начиналась на черной поверхности глазурированного вулканического песка и лавы, осколки которой, остановленные в своем кипящем движении в тысяче фантастических форм, постоянно препятствовали их продвижению. Среди них одна огромная скала, *Пико дель Фраиле*, заметный объект снизу, поднималась перпендикулярно на высоту ста пятидесяти футов, вынуждая их сделать широкий круг. Вскоре они добрались до пределов вечных снегов, где возникли новые трудности, поскольку коварный лед давал неправильную опору, и неверный шаг мог сбросить их в зияющие вокруг ледяные пропасти. Чтобы усугубить их страдания, дыхание в этих воздушных областях стало настолько затрудненным, что каждое усилие сопровождалось острой болью в голове и конечностях. Тем не менее они продвигались вперед, пока, приблизившись к кратеру, из его горящих недр не вырвались такие клубы дыма, искр и золы, которые покатались вниз по склонам горы, что они едва не задохнулись и не ослепли. Это было слишком даже для их выносливых тел, и, как ни неохотно, они были вынуждены отказаться от попытки накануне ее завершения. Они привезли несколько огромных сосулек — любопытное зрелище в этих тропических краях — в качестве трофея за свое достижение, которого, каким бы несовершенным оно ни было, было достаточно, чтобы поразить умы туземцев изумлением, показав, что для испанцев самые ужасные и таинственные опасности были всего лишь развлечением. Это предприятие было в высшей степени характерно для смелого духа кавалера того времени, который, не довольствуясь опасностями, подстерегавшими его на пути, казался, добиваясь их из простой донкихотской любви к приключениям. Отчет об этом деле был передан императору Карлу Пятому, и семье Ордас было разрешено увековечить этот подвиг, поместив на свой герб горящую гору. ^[237]

Генерал не был удовлетворен результатом. Два года спустя он послал еще один отряд под командованием Франсиско Монтаньо, кавалера решительного характера. Целью было добыть серу, которая помогла бы в изготовлении пороха для армии. В это время в горах было тихо, и экспедиция прошла с большим успехом. Испанцы в количестве пяти человек поднялись на самый край кратера, который представлял собой неправильный эллипс у своего устья, более лиги в окружности. Его глубина могла составлять от восьмисот до тысячи футов. На дне мрачно горело зловещее пламя, поднимая вверх сернистый пар, который, остывая по мере подъема, осаждался по бокам полости. Группа бросила жребий, и самому Монтаньо выпало спуститься в корзине в эту ужасную пропасть, в которую его товарищи опустили его на глубину в четыреста футов! Это повторялось несколько раз, пока предприимчивый кавалер не собрал достаточное количество серы для нужд армии. ^[238] Это отважное предприятие в то время вызвало всеобщее восхищение. Кортес завершает свой доклад императору разумным размышлением о том, что в целом было бы менее неудобно импортировать их порох из Испании. ^[239]

Но пора вернуться к нашему отступлению, которое, возможно, можно извинить, поскольку оно замечательным образом иллюстрирует химерический дух предприимчивости — не уступающий тому, что содержится в его собственных рыцарских романах, — который пылал в груди испанского кавалера в шестнадцатом веке.

Армия продолжала свой марш по запутанным ущельям сьерры. Маршрут был почти таким же, каким в наши дни следует курьер из столицы в Пуэблу, через Мекамеку. ^[240] Это было не то, что обычно воспринимается путешественниками из Вера-Крус, которые следуют более извилистой дорогой вокруг северной базы Истачихуатль, как менее утомительная, чем другая, хотя и уступающая по живописности пейзажей и романтическим точкам зрения. Ледяные ветры, которые теперь проносились по склонам гор, принесли с собой бурю из колючего мокрого снега, от которого христиане страдали даже больше, чем тлашкаланцы, выросшие с младенчества среди дикой безлюдности своих родных холмов. С наступлением ночи их страдания стали бы невыносимыми, но, к счастью, они нашли убежище в просторных каменных зданиях, которые

мексиканское правительство через определенные промежутки времени построило вдоль дорог для размещения путешественников и их собственных курьеров. Оно и не подозревало, что обеспечивает защиту своим врагам.

Войскам, освеженным ночным отдыхом, рано утром следующего дня удалось достичь вершины сьерра-де-Хуалко, которая, подобно занавесу, простирается между двумя великими горами на севере и юге. Теперь их продвижение было сравнительно легким, и они шли вперед бодрым шагом, поскольку чувствовали, что ступают по земле Монтесумы.

Они продвинулись недалеко, когда, повернув за угол сьерры, им внезапно открылся вид, который с лихвой компенсировал труды предыдущего дня. Это была долина Мехико, или Теночтитлан, как чаще называют ее местные жители; которая, с ее живописным сочетанием воды, лесов и возделанных равнин, с ее сияющими городами и тенистыми холмами, раскинулась перед ними подобно какой-то веселой и великолепной панораме. В очень разреженной атмосфере этих верхних областей даже удаленные объекты обладают яркостью окраски и четкостью очертаний, которые, кажется, уничтожают расстояние.^[241] Далеко у их ног простирались величественные леса из дуба, платана и кедра, а за ними - желтые поля кукурузы и возвышающийся магуэй, перемежающиеся фруктовыми садами и цветущими огородами; ибо цветов, пользующихся таким спросом во время религиозных праздников, в этой густонаселенной долине было даже больше, чем в других частях Анауака. В центре огромного бассейна виднелись озера, занимавшие тогда гораздо большую часть его поверхности, чем в настоящее время; их границы были густо усеяны городами и деревушками, а посреди них, подобно какой-нибудь индийской императрице в ее жемчужном венце, возвышался прекрасный город Мехико с его белыми башнями и пирамидальными храмами, покоящийся, так сказать, на лоне вод, — широко известная “Венеция ацтеков”. Высоко над всем этим возвышался королевский холм Чаполтепек, резиденция мексиканских монархов, увенчанный той же рощей гигантских кипарисов, которые и по сей день отбрасывают свои широкие тени на землю. Вдалеке, за голубыми водами озера, почти скрытая листвой, виднелась сверкающая точка, конкурирующая столица Тецкоко, а еще дальше - темный пояс порфира, опоясывающий Долину, словно богатая оправа, которую природа создала для прекраснейшей из своих драгоценностей.

Таково было прекрасное видение, возникшее перед глазами Завоевателей. И даже теперь, когда в ландшафте произошли столь печальные перемены; когда величественные леса опустели, а почва, не защищенная от яростного сияния тропического солнца, во многих местах предана забвению; когда воды отступили, оставив широкую и зловещую полосу, белую от налета солей, в то время как города и деревушки на их границах превратились в руины; — даже теперь, когда над ландшафтом нависло запустение, линии красоты, которые Природа начертала на его чертах, настолько нерушимы, что ни один путешественник, не желающий останавливаться на достигнутом. какими бы холодными они ни были, можете смотреть на них с любыми другими эмоциями, кроме изумления и восторга.^[242]

Каковы же, должно быть, были чувства испанцев, когда после их тяжелого пути в верхний мир облачная скиния расступилась перед их глазами, и они увидели эти прекрасные сцены во всем их первозданном великолепии и красоте! Это было похоже на зрелище, представшее взору Моисея с вершины Фасги, и в теплом порыве своих чувств они воскликнули: “Это земля обетованная!”^[243]

Но за этими чувствами восхищения вскоре последовали другие, совсем другого цвета лица, поскольку они увидели во всем этом свидетельства цивилизации и могущества, намного превосходящих все, с чем они до сих пор сталкивались. Более робкие, обескураженные такой перспективой, уклонились от столь неравного состязания и потребовали, как они уже делали в нескольких предыдущих случаях, чтобы их отвели обратно в Вера-Крус. Это не произвело такого эффекта на жизнерадостный дух генерала. Его алчность обострилась при виде ослепительной добычи у его ног; и, если он испытывал естественное беспокойство из-за грозного превосходства, его уверенность возродилась, когда он взглянул на ряды своих ветеранов, чьи обветренные лица и

потрепанные доспехи говорили о выигранных битвах и преодоленных трудностях, в то время как его отважные варвары, аппетиты которых разгорались при виде страны их врагов, казались орлами в горах, готовыми наброситься на свою добычу. Аргументами, мольбами и угрозами он пытался восстановить пошатнувшееся мужество солдат, убеждая их не думать об отступлении теперь, когда они достигли цели, к которой так стремились, и золотые ворота были открыты, чтобы принять их. В этих усилиях ему хорошо помогали храбрые кавалеристы, для которых честь была так же дорога, как удача; пока самые унылые умы не уловили некоторую долю энтузиазма своих лидеров, и генерал с удовлетворением не увидел, как его колеблющиеся колонны своим обычным бодрым шагом снова двинулись вниз по склонам сьерры.^[244]

С каждым шагом их продвижения леса становились все реже, участки обработанной земли - все чаще; в зеленых и защищенных уголках виднелись деревушки, жители которых, выйдя им навстречу, оказали войскам радушный прием. Повсюду они слышали жалобы на Монтесуму, особенно на бесчувственное поведение, с которым он похищал их юношей для вербовки в свои армии, а их девушек - для своего гарема. Эти симптомы недовольства были с удовлетворением замечены Кортесом, который увидел, что "горный трон" Монтесумы, как его называли, действительно стоял на вулкане, а элементы горения внутри были настолько активны, что казалось, что в любой час может произойти взрыв. Он призывал недовольных туземцев полагаться на его защиту, поскольку он пришел, чтобы исправить их ошибки. Более того, он воспользовался их благоприятным расположением, чтобы рассеять среди них такие проблески духовного света, какие могли позволить время и проповедь отца Ольмедо.

Он продвигался легкими этапами, несколько задерживаемый толпами любопытных жителей, собиравшихся на дорогах, чтобы посмотреть на незнакомцев, и останавливаясь в каждом интересном или важном месте. По дороге его встретило другое посольство из столицы. Оно состояло из нескольких ацтекских вельмож, нагруженных, как обычно, большим количеством золота и одеждами из тонких мехов и перьев. Послание императора было изложено в тех же осуждающих выражениях, что и прежде. Он даже снизошел до того, что подкупил испанцев, пообещав в этом случае четыре груза золота генералу и по одному каждому из капитанов,^[245] с ежегодной данью их суверену. Так эффективно был подавлен возвышенный и от природы мужественный дух варварского монарха под влиянием суеверия!

Но мужчину, которого не могли утратить вражеские армии, нельзя было отвлечь от его цели молитвами женщины. Он принял посольство со своей обычной вежливостью, заявив, как и прежде, что не сможет ответить на него своему собственному государю, если теперь вернется, не наведив императора в его столице. Было бы гораздо проще уладить все путем личной беседы, чем путем переговоров на расстоянии. Испанцы пришли в духе мира. Монтесума счел бы это таковым; но, если бы их присутствие оказалось для него обременительным, им было бы легко избавить его от этого.^[246]

Тем временем монарх ацтеков был охвачен самыми мрачными предчувствиями. Предполагалось, что вышеупомянутое посольство достигнет испанцев до того, как они перейдут горы. Когда он узнал, что это свершилось и что ужасные чужеземцы находятся в пути через Долину, у самого порога его столицы, последняя искра надежды угасла в его груди. Подобно человеку, который внезапно оказывается на краю какой-то темной и зияющей пропасти, он был слишком сбит с толку, чтобы собраться с мыслями или даже осознать свое положение. Он был жертвой абсолютной судьбы, против которой не могли бы помочь никакие предвидения или предосторожности. Это было так, как если бы странные существа, вторгшиеся таким образом на его берега, спустились с какой-то далекой планеты, настолько отличались они от всего, что он когда-либо видел, внешне и манерами; настолько превосходили — хотя и были всего лишь горсткой по численности — объединенные народы Анауака силой, наукой и всеми ужасными сопутствующими войнами! Теперь они были в Долине. Огромный горный заслон, который природа так любезно воздвигла вокруг него для защиты, был преодолен. Золотые видения

безопасности и покоя, которым он так долго предавался, царственная власть, унаследованная от его предков, его обширные имперские владения - все это должно было исчезнуть. Это казалось каким-то ужасным сном, от которого он теперь, увы! очнулся к еще более ужасной реальности.

В приступе отчаяния он заперся в своем дворце, отказывался от пищи и искал облегчения в молитвах и жертвоприношениях. Но оракулы были немые. Затем он избрал более разумный способ созвать совет из своих главных и старейших вельмож. Здесь было то же разделение мнений, которое преобладало и раньше. Какама, молодой король Тецкоко, его племянник, посоветовал ему вежливо принять испанцев как послов, которых они сами так называли, иностранного принца. Куитлауа, более воинственный брат Монтесумы, убеждал его немедленно собрать свои силы и изгнать захватчиков из своей столицы или умереть, защищая ее. Но монарху было трудно собраться с духом для этой последней борьбы. Опустив глаза и с удрученным видом, он воскликнул: “Что толку в сопротивлении, когда боги выступили против нас?”^[247] И все же больше всего я скорблю о стариках и немощных, о женщинах и детях, слишком слабых, чтобы сражаться или летать. Ради меня и храбрых мужчин вокруг меня, мы должны обнажить грудь навстречу буре и встретить ее так, как только сможем!” Таковы печальные и сочувственные интонации, которыми, как говорят, ацтекский император выражал горечь своего горя. Он сыграл бы более славную роль, если бы занял оборонительную позицию в своей столице и приготовился, подобно последнему из Палеологов, похоронить себя под ее развалинами.^[248]

Он сразу же приготовился отправить к испанцам последнее посольство во главе со своим племянником, сеньором Тецкоко, чтобы приветствовать их в Мексике.

Христианская армия, тем временем, продвинулась до Амаквемекана, хорошо построенного города с несколькими тысячами жителей. Касик любезно принял их, поселил в больших, удобных каменных зданиях и при отъезде подарил, среди прочего, золота на сумму в три тысячи *кастелланосов*.^[249] Остановившись там на пару дней, они спустились к озеру Чалко среди цветущих плантаций кукурузы и магуэя, последние из которых можно было бы назвать виноградниками ацтеков. Их первым местом отдыха был Аджоцинко, город значительных размеров, большая часть которого тогда стояла на сваях в воде. Это был первый образец такой морской архитектуры, который увидели испанцы. Каналы, пересекавшие город вместо улиц, представляли собой оживленную сцену из-за множества барк, которые скользили вверх и вниз, нагруженные провизией и другими предметами для жителей. Испанцы были особенно поражены стилем и просторной структурой домов, построенных в основном из камня, и общим видом богатства и даже элегантности, которые там царили.

Несмотря на то, что Кортес был принят с величайшим радушием, он нашел повод для недоверия в стремлении людей увидеть испанцев и сблизиться с ними.^[250] Не довольствуясь тем, что на них глазели на дорогах, некоторые даже тайком пробрались в их жилища, и пятнадцать или двадцать несчастных индейцев были застрелены часовыми как шпионы. Однако, насколько мы можем судить по прошествии времени, для таких подозрений, по-видимому, не было никаких реальных оснований. Неприкрытая ревность двора и предостережения, которые он получил от своих союзников, хотя они и заставили генерала быть настороже, по-видимому, придали неестественную остроту, по крайней мере в данном случае, его восприятию опасности.^[251]

Рано утром следующего дня, когда армия готовилась покинуть это место, прибыл курьер с просьбой к генералу отложить свой отъезд до прибытия короля Тецкоко, который шел ему навстречу. Прошло совсем немного времени, прежде чем он появился, его несли в паланкине или носилках, богато украшенных золотыми пластинами и драгоценными камнями, с колоннами причудливой работы, поддерживающими балдахин из зеленых перьев - любимый цвет ацтекских принцев. Его сопровождала многочисленная свита знати и низших слуг. Когда он предстал перед Кортесом, правитель Тецкоко сошел со своего паланкина, и подобострастные офицеры подметали землю перед ним, когда он приближался. На вид это был молодой человек лет двадцати пяти, с приятной осанкой, прямой и величавой осанкой. Он произнес мексиканское приветствие, обычно

адресованное лицам высокого ранга, коснувшись земли правой рукой и подняв ее к голове. Кортес обнял его, когда он вставал, когда молодой принц сообщил ему, что прибыл как представитель Монтесумы, чтобы приветствовать испанцев в его столице. Затем он подарил генералу три жемчужины необычного размера и блеска. Кортес, в свою очередь, накинул Какаме на шею цепочку из граненого стекла, которая, поскольку стекло было такой же редкостью, как бриллианты, могла иметь такую же реальную ценность, как и последние. После этого обмена любезностями и самых дружеских и уважительных заверений со стороны Кортеса индийский принц удалился, оставив испанцев под сильным впечатлением от превосходства его государства и превосходства всего, что они до сих пор видели в этой стране.^[252]

Возобновив свой марш, армия держалась вдоль южных границ озера Чалко, затененного в то время благородными лесами и фруктовыми садами, сияющими осенними фруктами неизвестных названий, но богатых и соблазнительных оттенков. Далее он проходил через возделанные поля, колышущиеся желтым урожаем и орошаемые каналами, проложенными из соседнего озера; все это свидетельствовало о тщательном и экономном ведении хозяйства, необходимом для поддержания многочисленного населения.

Покинув материковую часть, испанцы вышли на большую дамбу, или дамбу-мост, которая тянется примерно на четыре-пять миль в длину и отделяет озеро Чалко от Шочикалько на западе. В самой узкой части она была шириной с копье, а в некоторых местах достаточно широкой, чтобы восемь всадников могли ехать в ряд. Это было прочное сооружение из камня и извести, протянувшееся прямо через озеро и показавшееся испанцам одним из самых замечательных произведений, которые они видели в стране.

Проезжая мимо, они наблюдали веселое зрелище - толпы индейцев сновали взад и вперед в своих легких пирогах, стремясь хоть мельком взглянуть на чужеземцев или развозя продукты страны в соседние города. Они также были поражены видом *чинампас*, или плавающих садов, — этих блуждающих островов зелени, к которым у нас еще будет случай вернуться позже, — изобилующих цветами и овощами и плывущих по воде подобно плотам. По всему берегу, а иногда и далеко в озере, они видели маленькие городки и деревушки, которые, наполовину скрытые листвой и собравшиеся белыми гроздьями вокруг берега, издали казались стаями диких лебедей, спокойно плывущих по волнам. Сцена, столь новая и чудесная, наполнила их грубые сердца изумлением. Это казалось волшебством; и они не могли найти ничего, с чем это можно было бы сравнить, кроме волшебных картин в “Амадисе де Гола”.^[253] Действительно, немногие изображения в этой или любой другой рыцарской легенде могли бы превзойти реалии их собственного опыта. Жизнь авантюриста в Новом Свете была воплощенной в жизнь романтикой. Что же тогда удивительного, если испанец того времени, питавший свое воображение мечтами о волшебстве дома и его реалиях за границей, проявлял донкихотский энтузиазм, романтическую экзальтацию характера, недоступную более холодным духам других стран!

На полпути через озеро армия остановилась в городке Куитлауак, местечке средних размеров, но отличавшемся красотой зданий, — самом красивом, по словам Кортеса, из всех, что он когда-либо видел в стране.^[254] Немного подкрепившись в этом месте, они продолжили свой марш вдоль дамбы. Хотя эта северная часть была шире, войска оказались в большом замешательстве из-за толпы индейцев, которые, не довольствуясь тем, что глазели на них из лодок, взобрались на дамбу и выстроились по обочинам дороги. Генерал, опасавшийся, что в его рядах может возникнуть беспорядок и что слишком большая фамильярность может ослабить благотворный страх у туземцев, был вынужден прибегнуть не только к приказу, но и к угрозе, чтобы расчистить проход. Теперь, по мере продвижения вперед, он обнаружил значительную перемену в чувствах, проявляемых по отношению к правительству. Он слышал только о пышности и великолепии Монтесумы и ничего о притеснениях. Вопреки обычному факту, казалось, что уважение к суду было наибольшим в его ближайших окрестностях.

С дамбы армия спустилась на ту узкую полосу земли, которая отделяет воды Чалко от озера Тецукан, но которая в те дни была разлита на многие мили, а теперь обнажена.^[255] Пересекая этот полуостров, они вошли в королевскую резиденцию Истапалапан, место, в котором, по словам Кортеса, насчитывается двенадцать или пятнадцать тысяч домов.^[256] Им управлял Куитлауа, брат императора, который, чтобы оказать большую честь генералу, пригласил лордов некоторых соседних городов, таких же, как он, из королевского дома Мексики, присутствовать на собеседовании. Это было проведено с большой церемонией, и после обычного подарка в виде золота и изысканных изделий,^[257] в одном из больших залов дворца испанцам подали угощение. Превосходство здешней архитектуры также вызвало восхищение генерала, который в пылу своего энтузиазма без колебаний называет некоторые здания лучшими в Испании.^[258] Они были каменными, а крыши просторных апартаментов были обиты пахучим кедровым деревом, а стены обиты гобеленами из тонкого хлопка, окрашенного в яркие цвета.

Но гордостью Истапалапана, на который его хозяин щедро расточал свои заботы и доходы, были его знаменитые сады. Они занимали огромный участок земли; были разбиты правильными квадратами, а пересекающие их дорожки были окаймлены шпалерами, поддерживающими лианы и ароматические кустарники, наполнявшие воздух своими ароматами. В садах росли фруктовые деревья, привезенные из далеких мест, и безвкусное семейство цветов, принадлежащих к мексиканской флоре, научно подобранных и пышно растущих при ровной температуре плоскогорья. Естественной сухости атмосферы противодействовали с помощью акведуков и каналов, которые доставляли воду во все части территории.

В одном квартале находился вольтер, наполненный многочисленными видами птиц, замечательных в этих краях как великолепием оперения, так и пением. Сады пересекал канал, соединявшийся с озером Тецкоко и имевший достаточные размеры, чтобы из последнего могли заходить баржи. Но самым сложным произведением искусства был огромный каменный резервуар, на значительную высоту наполненный водой, в которой водились различные виды рыб. Бассейн имел тысячу шестьсот шагов в окружности и был окружен дорожкой, также выложенной камнем, достаточно широкой, чтобы четыре человека могли идти в ряд. Стены были украшены причудливой скульптурой, а лестница вела к воде внизу, которая питала акведуки, расположенные выше, или, собираясь в фонтаны, распространяла постоянную влагу.

Таковы переданные рассказы об этих знаменитых садах в период, когда подобные садоводческие хозяйства были неизвестны в Европе;^[259] и мы вполне могли бы усомниться в их существовании на этой полуцивилизированной земле, если бы в то время это не пользовалось такой дурной славой и не было так недвусмысленно засвидетельствовано захватчиками. Но едва прошло поколение после Завоевания, как в этих столь прекрасных местах произошла печальная перемена. Сам город был заброшен, а берег озера усеян обломками зданий, которые когда-то были его украшением и славой. Сад разделил судьбу города. Отступающие воды лишили нас средств к существованию, превратив цветущие равнины в грязное и неприглядное болото, пристанище отвратительных рептилий; а водоплавающая птица свила свое гнездо в том, что когда-то было дворцами принцев!^[260]

В городе Истапалапан Кортес устроился на ночь в своих покоях. Мы можем себе представить, какой поток идей, должно быть, теснился в голове Завоевателя, когда, окруженный этими свидетельствами цивилизации, он готовился со своими горсткой последователей войти в столицу монарха, который, как он имел достаточно оснований знать, относился к нему с недоверием и неприязнью. Теперь эта столица находилась всего в нескольких милях отсюда, ее было отчетливо видно из Истапалапана. И когда длинные ряды сверкающих зданий, освещенные лучами вечернего солнца, дрожали на темно-синих водах озера, оно выглядело скорее как творение фей, чем дело рук смертных. В этот волшебный город Кортес готовился въехать на следующее утро.^[321]

ГЛАВА IX

1519

С первыми слабыми лучами рассвета испанский генерал встал, собирая своих сторонников. Они собрались с бьющимися сердцами под своими знаменами, когда труба разнесла свои будоражащие дух звуки по воде и лесам, пока они не затихли далеким эхом среди гор. Священное пламя на алтарях бесчисленного *теокаллиса*, смутно видневшееся сквозь серый утренний туман, [\[261\]](#) указывало местоположение столицы, пока храм, башня и дворец не стали полностью видны в великолепном освещении, которое солнце, поднимаясь над восточным барьером, заливало прекрасную долину. Это было восьмое ноября 1519 года, знаменательный день в истории, поскольку именно в этот день нога европейца впервые ступила в столицу Западного мира.

Кортес со своим небольшим конным отрядом образовывал своего рода передовой отряд армии. Затем прибыла испанская пехота, которая за время летней кампании приобрела дисциплину и обветренный вид ветеранов. Багаж занимал середину, а заднюю часть закрывали темные папки ^[262] тлашкальских воинов. Общее число, должно быть, не дотягивало до семи тысяч, из которых менее четырехсот были испанцами. ^[263]

Некоторое время армия держалась вдоль узкой полоски суши, отделяющей Тецукан от вод Чалкана, пока не вступила на большую дамбу, которая, за исключением угла у начала, тянется совершенно прямой линией через соленые воды Тецкоко к воротам столицы. Это была та же самая дамба, или, скорее, ее основа, которая до сих пор образует великий южный проспект Мексики. [264]

У пролетариев была возможность больше, чем когда-либо, восхищаться механической наукой ацтеков, геометрической точностью, с которой была выполнена работа, а также прочностью ее конструкции. Он был сложен из огромных камней, хорошо замурованных в цемент, и достаточно широк на всем своем протяжении, чтобы десять всадников могли ехать в ряд.

Проплывая мимо, они увидели несколько больших городов, покоящихся на сваях и уходящих далеко в воду, — архитектура, которая пользовалась большим успехом у ацтеков, поскольку была имитацией архитектуры их столицы.^[265] Занятое население получало неплохие средства к существованию за счет производства соли, которую они добывали из вод великого озера. Пошлины на дорожное движение, указанные в этой статье, были значительным источником дохода короны.

Повсюду Завоеватели видели свидетельства многолюдного и процветающего населения, превосходящего все, что они когда-либо видели. Храмы и главные здания городов были покрыты твердой белой штукатуркой, которая блестела, как эмаль, в ровных лучах утреннего солнца. Окраина большого бассейна была усеяна городами и деревушками более густо, чем у Чалко. ^[266] Вода потемнела от скоплений каноэ, наполненных индейцами, ^[267] которые карабкались по краям дамбы и с любопытством и изумлением смотрели на незнакомцев. И здесь они также увидели эти сказочные островки цветов, время от времени осеняемые деревьями значительных размеров, поднимающимися и опускающимися в такт мягкому колыханию волн. На расстоянии полулиги от столицы они наткнулись на сплошное сооружение или каменную завесу, которая пересекала плотину. Он был двенадцати футов в высоту, по краям укреплен башнями, а в центре находились зубчатые ворота, которые открывали проход для войск. Он назывался фортом Шолок и впоследствии запомнился как позиция, занятая Кортесом во время знаменитой осады Мексики.

Здесь их встретили несколько сотен вождей ацтеков, которые вышли, чтобы объявить о приближении Монтесумы и поприветствовать испанцев в его столице. Они были одеты в причудливые праздничные костюмы страны, с *макстлатлем*, или хлопчатобумажным поясом, опоясывающим их чресла, и широкой мантией из того же материала или с блестящей вышивкой из

перьев, изящно ниспадающей на плечи. На шеях и руках у них были ошейники и браслеты из бирюзовой мозаики, с которой причудливо сочеталось изящное оперение,^[268] в то время как их уши, нижняя губа, а иногда и носы были украшены подвесками из драгоценных камней или полумесяцами из чистого золота. Поскольку каждый касик отдельно отдавал обычное официальное приветствие страны генералу, утомительная церемония задержала шествие более чем на час. После этого армия больше не испытывала никаких помех, пока не достигла моста у городских ворот. Он был построен из дерева, впоследствии замененного каменным, и был перекинут через отверстие в дамбе, которая служила выходом для воды, когда ее волновали ветры или вздувала от внезапного притока в сезон дождей. Это был подъемный мост, и испанцы, переходя по нему, почувствовали, насколько искренне они отдают себя на милость Монтесумы, который, перерезав таким образом их сообщение со страной, мог держать их пленниками в своей столице.^[269]

В разгар этих неприятных размышлений они увидели сверкающую свиту императора, выходящую с большой улицы, которая тогда, как и сейчас, проходила через сердце города.^[270] Среди толпы индийской знати, перед которой шли три государственных чиновника с золотыми жезлами,^[271] они увидели королевский паланкин, сверкающий полированным золотом. Его несли на плечах вельможи, а над ним четверо слуг того же ранга поддерживали балдахин из ярких перьев, усыпанный драгоценными камнями и отороченный серебром. Они были босы и шли медленным, размеренным шагом, опустив глаза в землю. Когда кортеж приблизился на достаточное расстояние, он остановился, и Монтесума, сойдя со своих носилок, вышел вперед, опираясь на руки правителей Тецкоко и Истапалапана, своего племянника и брата, оба из которых, как мы видели, уже были известны испанцам. Когда монарх прошел под навес, подобострастные слуги устлали землю хлопчатобумажным гобеленом, чтобы его императорские ноги не запачкались грубой почвой. Его подданные высокого и низкого звания, выстроившиеся по бокам дамбы, наклонились вперед, не отрывая глаз от земли, когда он проходил мимо, а некоторые из более скромного сословия пали ниц перед ним.^[272] Таково было почитание индийского деспота, показывающее, что рабские формы восточного преклонения были распространены среди грубых обитателей Западного мира.

Монтесума носил пояс и просторный квадратный плащ, *тильматли*, свойственный его народу. Оно было сшито из тончайшего хлопка, с вышитыми концами, собранными в узел на шее. Его ноги защищали сандалии с золотой подошвой, а кожаные ремешки, которыми они были привязаны к лодыжкам, были украшены тиснением из того же металла. И плащ, и сандалии были усыпаны жемчугом и драгоценными камнями, среди которых бросались в глаза изумруд и *чалчивитль* — зеленый камень, ценившийся у ацтеков выше любого другого. На голове у него не было никакого другого украшения, кроме *цегольства* в виде перьев королевского зеленого цвета, которые ниспадали ему на спину - знака скорее военного, чем королевского ранга.

В то время ему было около сорока лет. Он был высоким и худощавым, но неплохо сложенным. Его волосы, черные и прямые, были не очень длинными; носить их коротко считалось неприличным лицам высокого положения. У него была жидкая борода; цвет лица был несколько бледнее, чем это часто бывает у представителей его смуглой или, скорее, меднокожей расы. Черты его лица, хотя и имели серьезное выражение, не носили того выражения меланхолии, более того, уныния, которое характеризует его портрет и которое вполне могло закрепиться на них в более поздний период. Он двигался с достоинством, и все его поведение, смягченное выражением великодушия, которого нельзя было ожидать из распространявшихся слухов о его характере, было достойно великого князя. Таков портрет, оставленный нам знаменитым индийским императором в его первой беседе с белыми людьми.^[273]

Армия остановилась, когда он приблизился. Кортес спешил, бросил поводья пажу и, поддерживаемый несколькими высокопоставленными кавалерами, двинулся ему навстречу. Беседа, должно быть, вызвала необычайный интерес у обоих. В Монтесуме Кортес увидел владыку обширных царств, которые он пересек, чье величие и могущество были бременем для каждого языка. С другой стороны, в испанце ацтекский принц видел странное существо, история которого, казалось, была так таинственно связана с его собственной; предсказанное одним из его оракулов; чьи достижения провозгласили его чем-то большим, чем просто человеком. Но, какими бы ни были чувства монарха, он настолько подавил их, что принял своего гостя с царственной учтивостью и выразил удовлетворение от того, что лично видит его в своей столице.^[274] Кортес ответил самым глубоким выражением уважения, в то же время он выразил широкую признательность за существенные доказательства, которые император предоставил испанцам в подтверждение своей щедрости. Затем он повесил Монтесуме на шею сверкающую цепочку из цветного хрусталя, сопроводив это движением, как бы собираясь обнять его, когда его удержали два ацтекских владыки, потрясенные угрозой осквернения священной личности их господина.^[275] После обмена этими любезностями Монтесума поручил своему брату проводить

испанцев в их резиденцию в столице и, снова сев в свои носилки, был унесен среди распростертой толпы в том же состоянии, в каком он пришел. Испанцы быстро последовали за ними и вскоре под развевающиеся флаги и музыку вошли в южный квартал Теночтитлана. [\[276\]](#)

Здесь они снова нашли новый повод для восхищения величием города и превосходным стилем его архитектуры. Жилища бедняков действительно были построены в основном из тростника и глины. Но вдоль большого проспекта, по которому они сейчас маршировали, стояли дома знати, которых император побудил сделать столицу своей резиденцией. Они были построены из красного пористого камня, добытого в карьерах по соседству, и, хотя редко поднимались на второй этаж, часто занимали большое пространство. Плоские крыши, *азотеи*, были защищены каменными парапетами, так что каждый дом представлял собой крепость. Иногда эти крыши напоминали цветочные партеры, настолько густо они были покрыты, но чаще их выращивали в широких террасных садах, разбитых между зданиями. [\[277\]](#) Иногда вмещивалась большая площадь или рыночная площадь, окруженная каменными портиками и лепниной; или пирамидальный храм возвышал свою колоссальную громаду, увенчанный сужающимися святилищами и алтарями, пылающими неугасимым огнем. Большая улица, выходящая на южную дамбу, в отличие от большинства других в этом месте, была широкой и тянулась на несколько миль почти по прямой линии, как уже было замечено, через центр города. Зритель, стоящий на одном конце его, когда его взгляд скользит по широкой панораме храмов, террас и садов, мог бы ясно различить другой, с голубыми горами вдалеке, которые в прозрачной атмосфере плоскогорья, казалось, почти соприкасаются со зданиями.

Но что больше всего поразило испанцев, так это толпы людей, которые кишели на улицах и каналах, заполняя все дверные проемы и окна и скапливаясь на крышах зданий. “Я хорошо помню это зрелище”, - восклицает Берналь Диас. “Сейчас, по прошествии стольких лет, оно предстает передо мной так, словно это было только вчера”. [\[278\]](#) Но каково, должно быть, было ощущение самих ацтеков, когда они смотрели на это грандиозное зрелище! когда они слышали, теперь уже в первый раз, как хорошо зацементированная мостовая звенит под железным топотом лошадей — странных животных, которых страх облек в такие сверхъестественные ужасы; когда они смотрели на детей Востока, обнаруживающих свое небесное происхождение в их прекрасном цвете лиц; увидели яркие фальшоны и головные уборы из стали, неизвестного им металла, сверкающие, как метеоры на солнце, в то время как звуки неземной музыки — по крайней мере, такой, какую никогда не пробуждали их грубые инструменты, — плыли в воздухе! Но все остальные эмоции уступили место смертельной ненависти, когда они увидели своего ненавистного врага - тлашкаланца, который, так сказать, с вызовом крался по их улицам и озирался по сторонам со свирепостью и удивлением, как какой-нибудь лесной зверь, случайно забредший из родных мест в приют цивилизации. [\[279\]](#)

Проходя по просторной улице, солдаты неоднократно пересекали мосты, подвешенные над каналами, по которым они видели быстро скользящие индийские барки со своими небольшими грузами фруктов и овощей для рынков Теночтитлана. [\[280\]](#) Наконец они остановились перед обширной площадью недалеко от центра города, где возвышалось огромное пирамидальное сооружение, посвященное богу войны-покровителю ацтеков, уступающее только храму Чолула по размерам и святости и занимающее ту же территорию, которая сейчас частично занята великим собором Мексики. [\[281\]](#)

Лицом к западным воротам ограды храма стоял невысокий ряд каменных зданий, раскинувшихся на обширной территории, - дворец Аксаякатля, отца Монтесумы, построенный этим монархом около пятидесяти лет назад. [\[282\]](#) Оно было отведено под казармы испанцев. Сам император находился во дворе, ожидая их приема. Подойдя к Кортесу, он взял из вазы с цветами, которую нес один из его рабов, массивный ошейник, в который был вставлен панцирь одного из видов раков, очень ценимых индейцами, оправленный в золото и соединенный тяжелыми звеньями из того же металла. С этой цепочки свисали восемь украшений, также золотых,

сделанных по подобию тех же моллюсков, каждое длиной в пядь и тонкой работы,^[283] ибо ацтекские ювелиры, по общему признанию, демонстрировали мастерство в своем ремесле, не уступающее их европейским собратьям.^[284] Монтесума, надевая великолепный ошейник на шею генерала, сказал: “Этот дворец принадлежит тебе, Малинче”^[285] (эпитет, которым он всегда обращался к генералу) “и твоим братьям. Отдохни после своей усталости, ибо тебе очень нужно это сделать, и через некоторое время я снова навещу тебя”. С этими словами он удалился со своими слугами, проявив этим поступком деликатную осмотрительность, которой нельзя было ожидать от варвара.

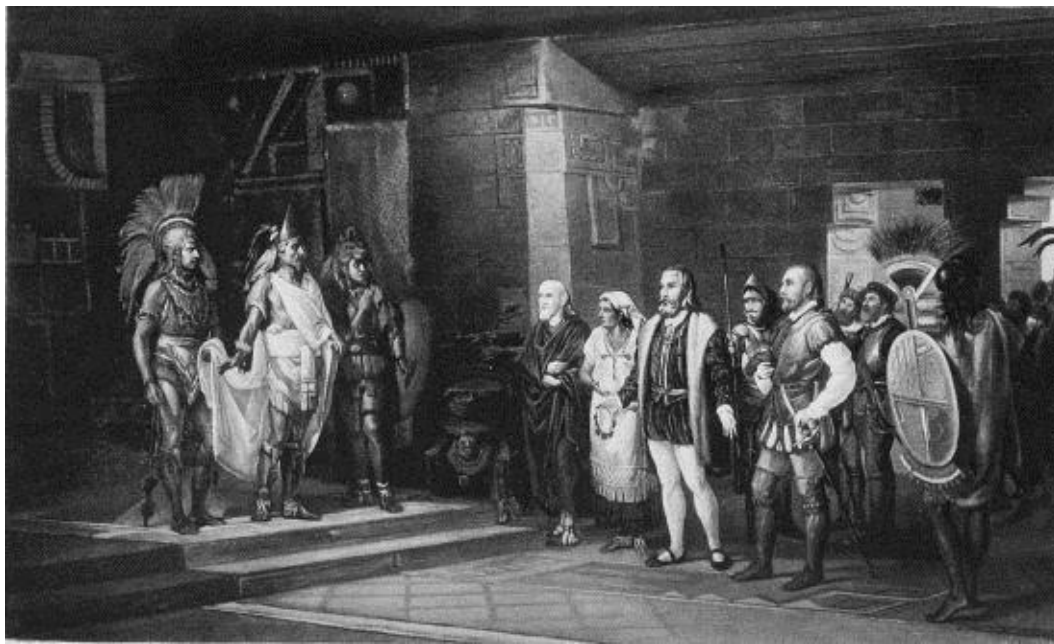
Первой заботой Кортеса было осмотреть свое новое жилище. Здание, хотя и просторное, было низким и состояло из одного этажа, за исключением, правда, центра, где оно поднималось на дополнительный этаж. Апартаменты были огромных размеров и, по свидетельству самих Победителей, позволяли разместить целую армию!^[286] Выносливые горцы Тласкалы, вероятно, были не очень привередливы и могли легко найти убежище во внешних постройках или под временными навесами в просторных дворах. Лучшие апартаменты были завешены яркими хлопчатобумажными драпировками, полы устланы циновками или тростником. Были также низкие табуретки, сделанные из цельных кусков дерева с искусной резьбой, а в большинстве квартир - кровати из пальмовых листьев, сплетенные в толстую циновку, с покрывалами, а иногда и балдахинами из хлопка. Эти циновки были единственными кроватями, которыми пользовались туземцы, как высокого, так и низкого уровня.^[287]

Быстро осмотрев это гигантское сооружение, генерал распределил свои войска по соответствующим квартирам и принял такие бдительные меры предосторожности для обеспечения безопасности, как если бы он ожидал осады, а не дружеского развлечения. Это место было окружено каменной стеной значительной толщины, с башнями или тяжелыми контрфорсами через равные промежутки, что служило хорошим средством обороны. Он установил свою пушку таким образом, чтобы контролировать подходы, расставил своих часовых вдоль укреплений и, короче говоря, во всех отношениях соблюдал такую строгую военную дисциплину, какая соблюдалась на любой части марша. Он хорошо знал, как важно для его маленького отряда, по крайней мере на данный момент, заручиться доброй волей граждан; и, чтобы избежать любой возможности столкновения, он запретил любому солдату покидать свои квартиры без приказа, под страхом смерти. Приняв эти меры предосторожности, он позволил своим людям отведать обильного угощения, которое было приготовлено для них.

Они пробыли в этой стране достаточно долго, чтобы привыкнуть, если не насладиться, к своеобразной кухне ацтеков. Аппетит солдата не часто бывает изысканным, и в данном случае можно не сомневаться, что испанцы отдали должное вкусным блюдам королевской кухни. Во время трапезы им прислуживали многочисленные мексиканские рабы, которые действительно были распределены по дворцу, стремясь выполнять приказы незнакомцев. После того как трапеза была закончена и они устроили *сиесту*, не менее важную для испанца, чем сама еда, было снова объявлено о присутствии императора.

Монтесуму сопровождали несколько его главных вельмож. Кортес принял его с большим почтением; и после того, как собеседники заняли свои места, между ними с помощью доньи Марины завязался разговор, в то время как кавалеры и вожди ацтеков стояли вокруг в почтительном молчании.

Монтесума много расспрашивал о стране испанцев, их правителе, характере его правления и особенно об их собственных мотивах посещения Анауака. Кортес объяснил эти мотивы желанием увидеть столь выдающегося монарха и объявить ему об истинной вере, исповедуемой христианами. С

АУДИЕНЦИЯ КОРТЕСА У МОНТЕСУМЫ

Гупиль и Др., Париж

проявляя редкую осмотрительность, он ограничился тем, что пока опустил этот намек, позволив ему созреть в сознании императора до будущей конференции. Последний спросил, были ли те белые люди, которые в предыдущем году высадились на восточных берегах его империи, их соотечественниками. Он показал себя хорошо осведомленным о действиях испанцев с момента их прибытия в Табаско до настоящего времени, информация о которых регулярно передавалась в виде иероглифических рисунков. Ему также было любопытно узнать о ранге своих гостей в их собственной стране; он спрашивал, не являются ли они родственниками государя. Кортес ответил, что они были родственниками друг друга и подданными своего великого монарха, который всех их по-особому ценил. Перед своим отъездом Монтесума ознакомился с именами главных кавалеров и положением, которое они занимали в армии.

В завершение беседы принц ацтеков приказал своим слугам принести подарки, приготовленные для его гостей. Они состояли из хлопчатобумажных платьев, которых, как говорят, хватило бы, чтобы снабдить костюмом каждого мужчину, включая союзников!^[288] И он не преминул добавить обычный набор золотых цепочек и других украшений, которые он в изобилии распространял среди испанцев. Затем он удалился с той же церемонией, с какой вошел, оставив всех глубоко впечатленными его щедростью и приветливостью, столь непохожими на то, чего их учили ожидать от того, что они теперь считали выдумкой врага.^[289]

В тот вечер испанцы отпраздновали свое прибытие в столицу Мексики артиллерийским залпом. Грохот артиллерийских орудий, отдававшийся эхом среди зданий и сотрясавший их до основания, зловоние сернистых паров, которые клубами поднимались над стенами лагеря, напоминая жителям о взрывах великого *вулкана*, наполнили сердца суеверных ацтеков тревогой. Это возвещало им, что в их городе обитают те ужасные существа, чей путь был отмечен опустошением, и которые могли призвать молнии, чтобы истребить своих врагов! Несомненно, политика Кортеса заключалась в том, чтобы усилить это суеверное чувство, насколько это возможно, и с самого начала внушить туземцам благотворный страх перед сверхъестественными способностями испанцев.^[290]

На следующее утро генерал попросил разрешения нанести ответный визит императору, посетив его во дворце. Это было с готовностью принято, и Монтесума послал своих офицеров проводить испанцев к нему. Кортес облачился в свое самое богатое одеяние и покинул покои в

сопровождении Альварадо, Сандовала, Веласкеса и Ордаса, а также пяти или шести человек из общей свиты.

Королевское жилище находилось недалеко. Он стоял на земле, к юго-западу от собора, с тех пор частично перекрытый *Каса дель Эстадо*, дворцом герцогов Монтелеоне, потомков Кортеса.^[291] Это было обширное, неправильной формы нагромождение низких каменных зданий, похожих на те, что стояли гарнизоном у испанцев.^[292] Действительно, он был настолько просторен, что, как уверяет нас один из Завоевателей, хотя он посещал его не раз с определенной целью, он был слишком утомлен каждый раз блужданием по комнатам, чтобы увидеть все это целиком.^[293] Он был построен из местного красного пористого камня, *тецонтли*, украшен мрамором, а на фасаде над главным входом были изваяны гербы Монтесумы, {*} орел, держащий в когтях оцелота.^[294]

{*} [Тотем или “символ зверя” клана, к которому он принадлежал.—М.]

Во дворах, через которые проходили испанцы, били фонтаны с кристально чистой водой, питавшиеся из обширного водохранилища на далеком холме Чаполтепек и, в свою очередь, снабжавшие более сотни ванн во внутренних помещениях дворца. Толпы знати ацтеков прогуливались взад и вперед по этим площадям и во внешних залах, бездельничая в ожидании суда. Покои были огромных размеров, хотя и не высоких. Потолки были сделаны из различных сортов пахучего дерева с искусной резьбой; полы устилали циновки из пальмовых листьев. Стены были завешены хлопчатобумажными тканями с богатыми пятнами, шкурами диких животных или великолепными драпировками из перьев, имитирующими птиц, насекомых и цветы, с прекрасным искусством и ярким сиянием красок, которые могли бы сравниться с гобеленами Фландрии. Облака благовоний поднимались из кадилок и распространяли по комнатам опьяняющие запахи. Испанцы вполне могли бы воображать себя в сладострастных пределах восточного гарема, вместо того чтобы разгуливать по залам дикого варварского вождя в Западном мире.^[295]

Войдя в зал аудиенций, мексиканские офицеры сняли сандалии и накинули на свои яркие одежды накидки из *некуэна*, грубой ткани из волокон магуэя, которую носили только беднейшие слои населения. Этот акт унижения был применен ко всем, кроме членов его собственной семьи, которые приближались к государю.^[296] Таким образом, босые, с опущенными глазами и формальным почтением, они проводили испанцев в королевское присутствие.

Они нашли Монтесуму сидящим в дальнем конце просторного салона в окружении нескольких своих любимых вождей. Он принял их любезно, и очень скоро Кортес без особых церемоний перешел к теме, которая занимала его больше всего. Он полностью осознавал важность привлечения новообращенного члена королевской семьи, чей пример оказал бы такое влияние на обращение его народа. Поэтому генерал приготовился продемонстрировать весь запас своей теологической науки самым подкупающим искусством риторики, которым только мог владеть, в то время как интерпретация передавалась серебристыми интонациями Марины, столь же неотделимой от него в этих случаях, как и его тень.

Он изложил, насколько мог, идеи, которых придерживалась Церковь относительно святых тайн Троицы, Воплощения и Искупления. От этого он вознесся к происхождению вещей, сотворению мира, первой паре, раю и грехопадению человека. Он заверил Монтесуму, что идолы, которым он поклонялся, были сатаной в разных обликах. Достаточным доказательством этого были кровавые жертвоприношения, которые они приносили, которые он противопоставлял чистому и незатейливому обряду мессы. Их поклонение привело бы его к гибели. Христиане пришли на его землю для того, чтобы вырвать его душу и души его народа из пламени вечного огня, открыв им более чистую веру. И он горячо умолял его не пренебрегать случаем, но обеспечить свое спасение, приняв Крест, великое знамение человеческого искупления.

Красноречие проповедника было напрасно потрачено на бесчувственное сердце его королевского аудитора. Она, несомненно, в некоторой степени утратила свою эффективность из-за несовершенной интерпретации столь недавнего неопита, как индийская девица. Но доктрины

были слишком сложны сами по себе, чтобы быть понятыми с первого взгляда грубым интеллектом варвара. И Монтесума, возможно, считал, что питаться плотью ближнего не более чудовищно, чем плотью самого Создателя.^[297] Кроме того, он был пропитан суевериями своей страны с колыбели. Он получил образование в самой строгой секте ее религии, сам был священником до своего избрания на трон, а теперь был главой как религии, так и государства. Было мало вероятности, что такой человек был бы открыт для споров или убеждения, даже из уст более опытного полемиста, чем испанский командующий. Как он мог отречься от веры, которая была переплетена с самыми дорогими привязанностями его сердца и с самими элементами его существа? Как он мог лгать богам, которые возвысили его до такого процветания и почестей, и чьи святилища были доверены его особому хранению?

Однако он слушал с молчаливым вниманием, пока генерал не закончил свою проповедь. Затем он ответил, что ему известно, что испанцы проводили эту беседу везде, где они были. Он не сомневался, что их Бог, как они говорили, был добрым существом. Его боги тоже были добры к нему. И все же то, что сказал его посетитель о сотворении мира, было похоже на то, во что его учили верить.^[298] Не стоило дальше обсуждать этот вопрос. Его предки, сказал он, не были первоначальными окончательными собственниками этой земли. Они жили там всего несколько веков, и их привело туда великое Существо, которое, дав им законы и некоторое время правя нацией, удалилось в те края, где восходит солнце. Перед своим отъездом он заявил, что он или его потомки снова посетят их и восстановят свою империю.^[299] Замечательные подвиги испанцев, их светлый цвет лица и район, откуда они прибыли, - все указывало на то, что они были его потомками. Если Монтесума воспротивился их визиту в его столицу, то только потому, что он слышал такие рассказы об их жестокости, о том, что они посылали молнии, чтобы уничтожить его народ, или раздавливали их на куски твердыми копытами свирепых животных, на которых они ехали. Теперь он был убежден, что все это пустые рассказы; что испанцы были добры и великодушны по своей природе; они были смертными, действительно другой расы, чем ацтеки, более мудрой и доблестной, — и за это он чтит их.

- Вам тоже, - добавил он с улыбкой, - возможно, говорили, что я бог и живу во дворцах из золота и серебра.^[300] Но вы видите, что это false. Мои дома, хотя и большие, построены из камня и дерева, как и у других; а что касается моего тела, - сказал он, обнажая свою загорелую руку, - ты видишь, оно из плоти и костей, как у тебя. Это правда, у меня великая империя, унаследованная от моих предков: земли, золото и серебро. Но я знаю, что ваш повелитель за водами - законный повелитель всего. Я правлю от его имени. Ты, Малинче, его посол; ты и твои братья должны поделиться этим со мной. Теперь отдохни от своих трудов. Ты здесь, в своих собственных жилищах, и все будет предоставлено для твоего существования. Я позабочусь о том, чтобы ваши желания выполнялись так же, как и мои собственные.^[301] Когда монарх закончил эти слова, несколько естественных слез навернулись ему на глаза, в то время как образ древней независимости, возможно, промелькнул в его сознании.^[302]

Кортес, хотя и поощрял идею о том, что его собственный государь был великим Существом, указанным Монтесумой, пытался утешить монарха заверением, что его господин не имел желания вмешиваться в его власть, иначе как из чистой заботы о его благополучии осуществить обращение его самого и его народа в христианство. Прежде чем император отпустил своих посетителей, он, как обычно, посоветовался со своей щедростью, раздав им богатые вещи и золотые безделушки, так что самый бедный солдат, по словам Берналя Диаса, одного из участников отряда, получил на свою долю по меньшей мере два тяжелых ошейника из драгоценного металла. Железные сердца испанцев были тронуты эмоциями, проявленными Монтесумой, а также его царственным духом щедрости. Проходя мимо него, кавалеры со шляпами в руках отвесили ему самый глубокий поклон, и “по дороге домой, - продолжает тот же хронист, - мы не могли говорить ни о чем, кроме мягкого воспитания и учтивости индийского монарха и того уважения, которое мы к нему питали”.^[303]

Предположения более серьезного характера, должно быть, давили на ум генерала, поскольку он видел вокруг себя свидетельства цивилизации и, следовательно, могущества, к которому даже преувеличенные отчеты туземцев — дискредитированные их очевидным преувеличением — не подготовили его. В пышности и обременительном церемониале двора он увидел ту прекрасную систему подчинения и глубокого почтения к монарху, которые характеризуют полувелицизованные империи Азии. Во внешнем виде столицы, ее массивной, но элегантно архитектуры, роскошных общественных помещениях, торговой активности он увидел доказательства интеллектуального прогресса, механических навыков и увеличения ресурсов старого и богатого сообщества; в то время как толпы на улицах свидетельствовали о существовании населения, способного использовать эти ресурсы наилучшим образом.

В аптеках он видел существо, непохожее ни на грубого республиканца Тлашкалана, ни на женоподобного чолулана, но сочетающее в себе мужество первого и образованность другого. Он находился в самом сердце великой столицы, которая казалась обширным укреплением, с ее дамбами и подъемными мостами, где каждый дом можно было легко превратить в замок. Островное положение удаляло его от континента, с которого по простому кивку государя могло быть прервано всякое сообщение и все воинственное население немедленно обрушилось бы на него и его горстку сторонников. Что могла бы сделать передовая наука в таких условиях?^[304]

Что касается подрыва империи Монтесумы, то теперь, когда он увидел его в своей столице, это, должно быть, казалось более сомнительным предприятием, чем когда-либо. Признание, которое ацтекский принц сделал феодальному господству, если можно так выразиться, испанского монарха, не следует понимать слишком буквально. Какое бы проявление почтения он ни был склонен оказывать последнему под влиянием своего нынешнего — возможно, временного — заблуждения, не следовало предполагать, что он так легко откажется от своей действительной власти и имущества или что его народ согласится на это. Действительно, его чуткиеразмышления по этому самому поводу, о приходе испанцев, были достаточным доказательством того упорства, с которым он цеплялся за свой авторитет. Это правда, что у Кортеса был мощный рычаг для будущих операций в виде суеверного почтения, которое испытывали к нему как принц, так и народ. Несомненно, его политикой было поддерживать это чувство неизменным в обоих, насколько это возможно.^[305] Но, прежде чем разрабатывать какой-либо план операций, было необходимо лично ознакомиться с топографией и местными преимуществами столицы, характером ее населения, а также реальной природой и объемом ее ресурсов. С этой целью он попросил разрешения императора посетить главные общественные здания.

Антонио де Эррера, знаменитый летописец Индии, родился в 1549 году в уважаемой семье в Куэльяе, в Старой Испании. Пройдя обычный курс академической дисциплины в своей стране, он отправился в Италию, страну искусства и литературы, к которой испанская молодежь того времени часто прибегала для завершения своего образования. Там он познакомился с Веспасианом Гонзагой, братом герцога Мантуанского, и поступил к нему на службу. Он продолжал работать с этим принцем и после того, как тот стал вице-королем Наварры, и пользовался у него таким высоким уважением, что на смертном одре Гонзага искренне поручил его покровительству Филиппа Второго. Этот проницательный монарх вскоре разглядел превосходные качества Эрреры и возвел его на пост историографа Индии — должность, которой Испания обязана Филиппу. Таким образом, обеспеченный щедрым жалованьем и всеми возможностями для проведения исторических исследований, к которым его привела склонность, Эррера мирно провел дни в размеренных, но безмолвных занятиях литератора. Он продолжал занимать должность историка колоний во время правления Филиппа Второго и при его преемниках Филиппе Третьем и Четвертом; пока в 1625 году он не умер в преклонном возрасте семидесяти шести лет, оставив после себя высокие интеллектуальные и моральные качества.

Эррера написал несколько работ, в основном исторических. Самое важное, на чем зиждется его репутация, — это его *Общая история Западной Индии*. Она простирается с 1492 года, времени открытия Америки, по 1554 год и разделена на восемь десятилетий. Четыре из них были опубликованы в 1601 году, а остальные четыре — в 1615 году, составив всего пять томов in folio. Впоследствии эта работа была переиздана в 1730 году и переведена на большинство языков Европы. Английский переводчик Стивенс позволил себе большую вольность в обращении со своим оригиналом в плане сокращений и пропусков, но исполнение его работы в целом превосходит большинство староанглийских версий "Кастильских хронистов".

Обширная тема работы Эрреры охватывает всю колониальную империю Испании в Новом Свете. Работа облечена в форму анналов, и разнообразные события в отдаленных регионах, о которых он рассказывает, упорядочены исключительно в соответствии с их хронологией и приведены в соответствие *pari passu*. Благодаря такому безвкусному расположению нить, представляющая интерес, постоянно обрывается, читателя переносят от одной сцены к другой, не имея возможности завершить свой обзор ни одной. Его терпение истощено, а разум сбит с толку частичными и разрозненными проблесками, вместо того чтобы проливать новый свет по мере того, как он продвигается вперед в результате умелого развития непрерывного и хорошо усвоенного повествования. В этом большой недостаток плана, основанного на рабском следовании хронологии. Недостаток становится более серьезным, когда работа, как в данном случае, обширна и включает в себя большое разнообразие деталей, имеющих мало отношения друг к другу. В такой работе мы чувствуем превосходство плана, подобного тому, которого Робертсон придерживался в своей “Истории Америки”, где каждому предмету позволено занимать свое собственное независимое место, пропорциональное его важности, и таким образом производить отчетливое и индивидуальное впечатление на читателя.

Должность Эрреры давала ему доступ к официальным отчетам из колоний, государственным бумагам и любым документам, имевшимся в государственных учреждениях для иллюстрации колониальной истории. Среди этих источников информации были некоторые рукописи, с которыми сейчас нелегко познакомиться; как, например, мемориал Алонсо де Охеды, одного из последователей Кортеса, который ускользнул от моих исследований как в Испании, так и в Мексике. Другие труды, такие как труды отца Саагуна, имеющие большое значение в истории индийской цивилизации, были неизвестны историку. Из тех рукописей, которые попали к нему в руки, Эррера пользовался наиболее свободно. В частности, он без церемоний заимствовал из трудов Лас Касаса. Епископ распорядился, чтобы его “История Индии” была опубликована не ранее, чем через сорок лет после его смерти. Еще до истечения этого срока Эррера приступил к своим трудам, и, поскольку у него был доступ к бумагам Лас Касаса, он воспользовался этим, чтобы самым бессовестным образом перенести целые страницы, нет, главы своего повествования в свою собственную работу. При этом он решительно улучшил манеру своего оригинала, свел громоздкие и запутанные предложения к чистому кастильскому, опустил напыщенную декламацию и необоснованные инвективы. Но в то же время он также исключил отрывки, которые сильнее всего влияли на поведение его соотечественников, и те вспышки негодующего красноречия, которые свидетельствовали о моральной восприимчивости епископа Чьяпы, которая возвышала его намного над своим возрастом. Благодаря такого рода метемпсихозу, если можно так выразиться, благодаря которому буква, а не дух доброго миссионера была перенесена на страницы Эрреры, он сделал публикацию истории Лас Касаса в некоторой степени излишней; и это обстоятельство, без сомнения, было одной из причин того, что она так долго оставалась в рукописи.

Тем не менее, со всеми оговорками, связанными с быстрой композицией, и педантичной хронологической системой, которой придерживался Эррера, следует признать, что его работа обладает исключительными достоинствами. В ней читателю показан весь ход испанских завоеваний и колонизации Нового Света за первые шестьдесят лет после открытия. Отдельные действия его сложной истории, хотя и неумело сгруппированные вместе, разворачиваются в чистом и простом стиле, хорошо соответствующем серьезности его предмета. Если на первый взгляд может показаться, что он чересчур склонен преувеличивать заслуги первых первооткрывателей и набрасывать завесу на их эксцессы, это можно простить, поскольку проистекает не из моральной нечувствительности, а из патриотического чувства, которое заставило его желать, насколько это возможно, стереть все пятна с герба своей нации в гордый период ее славы. Естественно, что испанец, описывающий этот период, должен быть слишком ослеплен демонстрацией ее гигантских усилий, чтобы скрупулезно взвесить их моральный облик или заслуги дела, ради которого они были приложены. И все же национальные пристрастия Эрреры никогда не делают его апологетом преступности; и, если честно признать, он может иметь право на столь часто восхваляемые им честность и откровенность.

Не следует забывать, что в дополнение к рассказу о ранних открытиях испанцев Эррера собрал огромное количество информации об учреждениях и обычаях индейских народов, почерпнутой из самых достоверных источников. Это придает его работе завершенность, превосходящую ту, которую можно найти в любой другой работе на ту же тему. Это, действительно, благородный памятник проницательности и эрудиции; и изучающий историю, а тем более исторический составитель, окажется неспособным продвинуться ни на шаг среди ранних колониальных поселений Нового Света без обращения к страницам Эрреры.

Другим автором о Мексике, к которому часто обращаются в ходе настоящего повествования, является Торибио де Бенавенте, или *Мотилиня*, как его все еще чаще называют по его индейской фамилии. Он был одним из двенадцати францисканских миссионеров, которые по просьбе Кортеса были отправлены в Новую Испанию сразу после Завоевания, в 1523 году. Скромная одежда Торибио, его босые ноги и, короче говоря, бедный вид, присущий его ордену, часто вызывали у туземцев восклицание *Мотилиня*, или “бедняк”. Это было первое ацтекское слово, значение которого узнал миссионер, и оно ему так понравилось, как намек на его собственное состояние, что с тех пор он взял его в качестве своего имени. Торибио вместе со своими братьями

ревностно выполнял великую цель их миссии. Он путешествовал пешком по различным частям Мексики, Гватемалы и Никарагуа. Куда бы он ни шел, он не жалел сил, чтобы отучить туземцев от их мрачного идолопоклонства и влить в их умы свет откровения. Он проявлял даже нежное уважение к их мирским и духовным нуждам, и Берналь Диас свидетельствует, что он знал, как он отдавал свою одежду, чтобы одеть обездоленного и страждущего индейца. И все же этот милосердный монах, такой кроткий и добросовестный в исполнении своих христианских обязанностей, был одним из самых яростных противников Лас Каса и направил домой протест против епископа Чиапы, составленный в самых оскорбительных и саркастичных выражениях. Это навело биографа епископа Кинтану на мысль, что поношенная ряса монаха, возможно, в какой-то степени прикрывала мирскую гордыню и зависть. Может быть, это и так. Однако это также может заставить нас усомниться в благоразумии самого Лас Каса, который мог провести мероприятия столь грубой рукой, что спровоцировал столь беспощадную враждебную реакцию со стороны своих товарищей по работе на винограднике.

Торибио был назначен настоятелем францисканского монастыря в Тецкоко. В этой ситуации он продолжал активно заниматься добрыми делами, и утверждает, что в этом месте и во время его различных паломничеств он крестил более четырехсот тысяч местных жителей. Его действительное благочестие было засвидетельствовано различными чудесами. Одно из самых замечательных произошло, когда индейцы страдали от сильной засухи, которая угрожала уничтожить приближающийся урожай. Добрый отец порекомендовал устроить торжественное шествие туземцев к церкви Санта-Крус с молитвами и энергичным бичеванием. Эффект вскоре проявился в таких обильных дождях, которые полностью избавили людей от их опасений и, в конце концов, сделали сезон необычайно урожайным. Аналог этому чуду был предоставлен несколькими годами позже, когда страна страдала от чрезмерных дождей; когда с помощью аналогичного средства зло было остановлено и на сезон оказано такое же благоприятное влияние, как и раньше. Демонстрация таких чудес сильно назидала людей, говорит его биограф, и твердо утверждала их в Вере. Вероятно, образцовая жизнь и беседы Торибио, столь прекрасно иллюстрирующие принципы, которым он учил, принесли благому делу не меньше пользы, чем его чудеса.

Так проводя свои дни в мирных и благочестивых занятиях христианского миссионера, достойный священнослужитель был наконец отозван с места своего земного паломничества, в каком году точно неизвестно, но в преклонном возрасте, поскольку он пережил всю небольшую группу миссионеров, сопровождавших его в Новую Испанию. Он умер в монастыре Сан-Франциско в Мексике, и его панегирик так выразительно произнес Торквемада, брат его собственного ордена: "Он был истинно апостольским мужем, великим учителем христианства, прекрасным украшением всех добродетелей, ревнителем славы Божьей, другом евангельской бедности, самым верным в соблюдении своих монашеских правил и ревнивым в обращении язычников".

Долгое личное общение отца Торибио с мексиканцами и знание их языка, которое он с большим трудом приобрел, открыли ему все источники информации о них и их институтах, существовавшие во времена завоевания. Результаты, которые он тщательно проанализировал в работе, столь часто цитируемой на этих страницах, - *"Истории индейцев Новой Испании"*, составившей рукописный том in folio. Она разделена на три части. 1. Религия, обряды и жертвоприношения ацтеков. 2. Их обращение в христианство и их манера отмечать церковные праздники. 3. Гений и характер нации, их хронология и астрология, а также объявления о главных городах и основных производствах страны. Несмотря на методичную организацию работы, она написана в бессвязной манере заурядной книги, в которую автор наугад набросал свои заметки о тех вопросах, которые больше всего интересовали его при изучении страны. Его собственная миссия всегда перед его глазами, и непосредственная тема для обсуждения, какого бы характера она ни была, сразу же уходит в сторону от рассказа о событии или анекдоте, которые могут проиллюстрировать его церковные труды. Самые поразительные события описаны со всей доверчивой серьезностью, которая, вероятно, привлечет доверие простонародья; и историк должным образом засвидетельствовал ряд чудес, более чем достаточных для удовлетворения потребностей зарождающихся религиозных общин Новой Испании.

Однако среди этой массы благочестивых *невероятностей* исследователь древностей ацтеков найдет много любопытной и существенной информации. Длительные и близкие отношения Торибио с туземцами позволили ему овладеть всем их запасом теологии и естественных наук; и поскольку его манера, хотя и несколько дискурсивная, ясна и незатронута, в передаче его идей нет ничего неясного. Его выводы, окрашенные суевериями того времени и своеобразием его профессии, часто могут быть восприняты с недоверием. Но, поскольку его честность и средства получения информации были неоспоримы, его работа становится первым авторитетом в отношении древностей страны и ее состояния в период завоевания. Как образованный человек, он был способен проникать глубже, чем неграмотные солдаты Кортеса, люди, склонные к действию, а не к спекуляциям. Однако рукопись Торибио, какой бы ценной она ни была для историка, никогда не печаталась, и в ней, вероятно, слишком мало того, что представляет общественный интерес, чтобы когда-либо быть напечатанной. Многое из того, что в нем содержится, в различных формах нашло свое отражение в последующих сборниках. Саму работу можно найти очень редко. У доктора Робертсона был экземпляр, судя по

всему, из каталога MSS. опубликованный вместе с его "Историей Америки";, хотя имя автора не стоит перед ним. Насколько я понимаю, в библиотеке Исторической академии в Мадриде такого экземпляра нет; и за то, что он оказался в моем распоряжении, я обязан доброте этого любопытного библиографа, мистера О. Рича, ныне консула Соединенных Штатов на Менорке.

Пьетро Мартине де Англерия, или Питер Мученик, как его называют английские писатели, принадлежал к древней и весьма уважаемой семье из Ароны на севере Италии. В 1487 году граф Тендилля, испанский посол в Риме, уговорил его вернуться вместе с ним в Кастилию. Он был милостиво принят королевой Изабеллой, всегда стремившейся привлечь к себе просвещенных иностранцев, которые могли бы оказать благотворное влияние на грубую и воинственную знать Кастилии. Мученик, получивший церковное образование, был уговорен королевой взять на себя обучение молодых дворян при дворе. Таким образом, у него сложились близкие отношения с некоторыми из самых выдающихся людей нации, которые, похоже, питали к нему теплое личное уважение на протяжении всей его оставшейся жизни. Он работал на католических монархов в различных делах, представляющих общественный интерес, был отправлен с миссией в Египет и впоследствии был повышен до выдающегося поста в кафедральном соборе Гранады. Но он продолжал проводить большую часть своего времени при дворе, где пользовался доверием Фердинанда и Изабеллы, а также их преемника Карла Пятого, пока в 1525 году не умер в возрасте семидесяти лет.

Характер мученика сочетал в себе качества, не часто встречающиеся в одном и том же человеке, — пылкую любовь к литературе и практическую проницательность, которая может быть результатом только знакомства с людьми и делами. Хотя он проводил свои дни в веселом и ослепительном столичном обществе, он сохранил простые вкусы и достойный нрав философа. Его переписка, а также его более сложные сочинения, если термин "сложные" можно применить к какому-либо из его произведений, демонстрируют просвещенный и часто независимый дух; хотя человек был бы более доволен, будь он достаточно независимым, чтобы осудить религиозную нетерпимость правительства. Но Мученик, хотя и был философом, был достаточно придворным, чтобы снисходительно смотреть на ошибки принцев. Хотя он был глубоко проникнут знаниями древности и в душе был ученым, у него не было ни одного из чувств отшельника, но он проявлял самый живой интерес к событиям, происходившим вокруг него. По этой причине его различные труды, включая обширную переписку, являются лучшим отражением эпохи, в которую он жил.

Его пылкий ум особенно интересовали открытия, происходившие в Новом Свете. Ему было разрешено присутствовать на заседаниях Совета Индии, когда на него поступало какое-либо важное сообщение; и впоследствии он был назначен членом этого органа. Все, что касалось колоний, проходило через его руки. Ему была представлена для ознакомления переписка Колумба, Кортеса и других первооткрывателей с кастильским двором. Он лично познакомился с этими выдающимися людьми по их возвращении домой и часто, как мы узнаем из его писем, угощал их за своим столом. Благодаря этим преимуществам его показания всего на одну ступень отдаляются от показаний самих действующих лиц великой драмы. В одном отношении она более высокого рода, поскольку свободна от предрассудков и страсти, которые склонны порождать личный интерес к событиям. Свидетельство Мученика — это свидетельство философа, проводящего ясный и всесторонний обзор местности, руководствуясь таким светом предшествующих знаний, на который не мог претендовать ни один из настоящих первооткрывателей и завоевателей. Правда, это не мешает ему время от времени впадать в ошибки; ошибки доверчивости, — однако не той доверчивости, которая основана на суеверии, а той, которая проистекает из неопределенной природы предмета, когда явления, столь непохожие на все, с чем он был знаком, теперь впервые были раскрыты благодаря открытию неизвестного мира.

Его можно было бы более справедливо обвинить в неточностях другого описания, проистекающих из поспешности и небрежности композиции. Но даже здесь мы должны быть милосердны. Ибо он исповедует свои грехи с искренностью, которая обезоруживает критиков. По правде говоря, он писал быстро и под влиянием момента, когда представлялся случай. Он отказался от публикации своих трудов, когда к нему обратились с настоятельной просьбой, и его "Десятилетия *новой жизни*", в которых он воплотил результаты своих исследований в связи с американскими открытиями, были опубликованы полностью только после его смерти. Наиболее ценным и полным изданием этого труда, о котором идет речь на настоящих страницах, является издание Хаклюта, опубликованное в Париже в 1587 году.

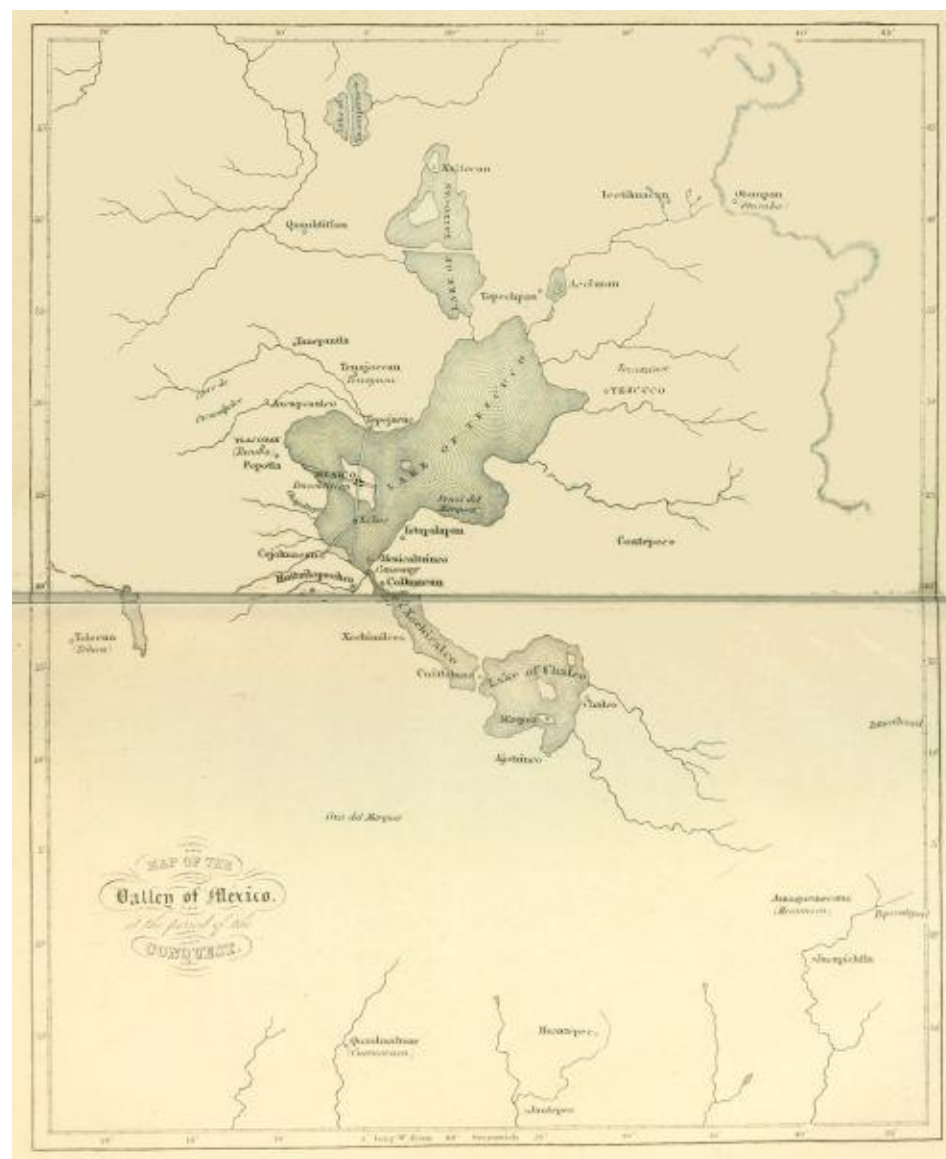
Все сочинения Мученика написаны на латыни, и то не на самой чистой; обстоятельство довольно странное, учитывая его знакомство с классическими образцами античности. И все же он, очевидно, обращался с мертвыми языками с той же легкостью, что и с живыми. Какие бы недостатки ни приписывали его манере, в выборе тем и изложении их он демонстрирует превосходство своего гения. Он опускает тривиальные детали, которые так часто загромождают буквальные повествования испанских путешественников, и сосредоточивает свое внимание на великих результатах их открытий — продуктах страны, истории и институтах народов, их характере и прогрессе цивилизации. В одном отношении его труды представляют особую ценность. Они показывают состояние чувств, царившее при кастильском дворе в период открытия. Короче говоря, они представляют собой обратную сторону картины; и когда мы проследили за испанскими завоевателями в их удивительном приключенческом пути в

Новом Свете, нам стоит только обратиться к страницам "Мученика", чтобы узнать, какое впечатление производили они на просвещенные умы Старины. Такой взгляд необходим для полноты исторической картины.

Если читателю интересно узнать больше об этом уважаемом ученом, он найдет подробности, приведенные в "Истории Фердинанда и Изабеллы" (Часть I. глава 14, Постскрипtum и глава 19), для иллюстрации правления которого его обширная переписка содержит самые достоверные материалы.

КНИГА IV

ПРЕБЫВАНИЕ В МЕКСИКЕ

ГЛАВА I

ОЗЕРО ТЕЦКУКАН—ОПИСАНИЕ СТОЛИЦЫ—ДВОРЦЫ И МУЗЕИ—КОРОЛЕВСКАЯ СЕМЬЯ—ОБРАЗ ЖИЗНИ МОНТЕСУМЫ

1519

Древний город Мексики располагался на том же месте, что и современная столица. Большие дамбы соприкасались с ним в тех же местах; улицы тянулись почти в том же направлении, почти с севера на юг и с востока на запад; собор на *пласа майор* стоит на той же земле, на которой когда-то располагался храм ацтекского бога войны; и четыре главных квартала города до сих пор известны индейцам под своими древними названиями. И все же ацтек времен Монтесумы, если бы он увидел современный мегаполис, который с таким фениксовидным великолепием восстал из пепла прошлого, не узнал бы на его месте свой собственный Теночтитлан. Ибо последний был покрыт солеными водами Тецкоко, которые текли по обширным каналам через каждую часть города, в то время как Мексика наших дней стоит высоко и сухо на материке, почти на расстоянии лиги в своем центре от воды. Причиной этого очевидного изменения его положения является уменьшение площади озера, которое из-за скорости испарения в этих возвышенных районах стало

заметным еще до Завоевания, но с тех пор значительно ускорилось из-за искусственных причин.^[306]

Средний уровень озера Тецукан в настоящее время всего на четыре фута ниже, чем на большой площади Мексики.^[307] Это значительно ниже, чем другие большие водоемы, которые находятся в долине. При сильном волнении, иногда вызываемом продолжительными и обильными дождями, эти последние водохранилища в древности выходили из берегов и впадали в Тецкоко, который, поднимаясь вместе с накопившимся объемом воды, прорывался через дамбы и, вылившись на улицы столицы, погребал под потоком нижнюю часть зданий. Это было сравнительно легким злом, когда дома стояли на сваях, настолько возвышенных, что под ними могли проходить лодки; когда улицы представляли собой каналы, а обычным способом сообщения был водный. Но это стало еще более катастрофичным по мере того, как эти каналы, заполненные мусором разрушенного индийского города, были заменены улицами из твердой земли, и фундаменты столицы постепенно освобождались от водной стихии. Чтобы предотвратить это вызывающее тревогу зло, в начале семнадцатого века за огромные деньги был открыт знаменитый водосток Уэуэтока, и Мексика после неоднократных наводнений наконец оказалась вне досягаемости наводнения.^[308] Но то, что было приобретено ради полезного, в этом случае, как и в некоторых других, было приобретено за счет прекрасного. Из-за этого спада воды яркие города и деревушки, когда-то омываемые ею, были удалены на несколько миль вглубь страны, в то время как бесплодная полоса земли, отвратительного вида из-за отложений солей, образовавшихся на поверхности, заняла место сверкающей растительности, которая когда-то покрывала границы озера, и темных дубовых, кедровых и платановых рощ, которые отбрасывали свои широкие тени на его дно.

The *чинампа*, архипелаг блуждающих островов, на который наше внимание было обращено в предыдущей главе, также почти исчез. Они происходили из оторвавшихся масс земли, которые, отрываясь от берегов, все еще удерживались вместе волокнистыми корнями, которыми они были пронизаны. Первобытные ацтеки, в своей бедности земель, воспользовались подсказкой, данной им природой. Они соорудили плоты из тростника, камыша и других волокнистых материалов, которые, будучи плотно сшитыми вместе, образовали достаточную основу для осадка, который они подняли со дна озера. Постепенно образовались острова длиной в двести-триста футов и глубиной в три-четыре фута с богатой плодородной почвой, на которой экономный индеец выращивал свои овощи и цветы для рынков Теночтитлана. Некоторые из этих *чинампа* были даже достаточно прочными, чтобы позволить расти небольшим деревьям и поддерживать хижину для проживания человека, который за ней присматривал, который с помощью длинного шеста, упирающегося в стенки или дно неглубокого бассейна, мог по своему усмотрению изменять положение своей маленькой территории, которая с ее богатым запасом овощей двигалась, как какой-нибудь заколдованный остров над водой.^[309]

Древних дамб было три. Дамба Истапалапана, по которой испанцы вошли в город, приближаясь к нему с юга. Улица Тепеакак на севере, которая, продолжая главную улицу, также может рассматриваться как продолжение первой дамбы. Наконец, дамба Тлакопан, соединяющая остров-город с континентом на западе. Эта последняя дамба, памятная по катастрофическому отступлению испанцев, имела около двух миль в длину. Все они были построены одинаково прочно, из извести и камня, были защищены подъемными мостами и были достаточно широкими, чтобы десять или двенадцать всадников могли ехать в ряд.^[310]

Грубые основатели Теночтитлана построили свои хрупкие жилища из тростника на группе небольших островов в западной части озера. Со временем они были вытеснены более солидными зданиями. По соседству был открыт карьер красного пористого миндалевидного тела *тецонтли*, из которого был извлечен легкий, хрупкий камень, обработанный без особых трудностей. Из этого были построены их здания с некоторой отсылкой к архитектурной солидности, если не элегантности. Мексика, как уже отмечалось, была резиденцией великих вождей, которых государь

поощрял или, скорее, вынуждал из очевидных политических соображений проводить часть года в столице. Это также была временная резиденция великих лордов Тецкоко и Тлакопана, которые разделяли, по крайней мере номинально, суверенитет империи.^[311] Особняки этих сановников и высшей знати отличались грубым великолепием, соответствующим их состоянию. Они действительно были низкими — редко больше одного этажа, никогда не выше двух. Но они занимали обширную территорию, имели четырехугольную форму с внутренним двором в центре и были окружены портиками, украшенными порфиром и яшмой, которые легко найти по соседству, в то время как нередко фонтан с кристально чистой водой в центре разливал в воздухе приятную прохладу. Жилища простых людей также строились на каменных фундаментах, которые поднимались на высоту нескольких футов, а затем сменялись рядами необожженных кирпичей, иногда пересекаемых деревянными стропилами.^[312] Большинство улиц были убогими и узкими. Некоторые из них, однако, были широкими и имели большую длину. Главная улица, отходящая от большой южной дамбы, пронизывала по прямой всю длину города и открывала величественный вид, в котором длинные ряды низких каменных зданий время от времени прерывались садами, поднимавшимися террасами и демонстрировавшими все великолепие ацтекского садоводства.

Большие улицы, покрытые твердым цементом, пересекались многочисленными каналами. Некоторые из них были окружены прочным настилом, который служил пешеходной дорожкой для пассажиров и пристанью, где лодки могли выгружать свои грузы. Через определенные промежутки времени были возведены небольшие здания в качестве постов для налоговых инспекторов, которые собирали пошлины с различных товаров. Каналы были пересечены многочисленными мостами, многие из которых можно было поднять, что позволяло перекрыть сообщение между различными частями города.^[313]

Рассказы о древней столице напоминают о тех водных городах Старого Света, расположение которых было выбрано из сходных соображений экономии и обороны; прежде всего, о Венеции,^[314] — если не опрометчиво сравнивать грубую архитектуру американских индейцев с мраморными дворцами и храмами — увы, как лишенными своего великолепия! — которые венчали некогда гордую владычицу Адриатики.^[315] Примеру мегаполиса вскоре последовали другие города поблизости. Вместо того чтобы опираться своими фундаментами на *твердую землю*, они были замечены далеко заходящими в озеро, глубина мелководья которого в некоторых местах не превышает четырех футов.^[316] Таким образом, было открыто простое средство связи, и поверхность этого внутреннего “моря”, как называет его Кортес, была затемнена тысячами каноэ^[317] — вдианском смысле — усердно занятых перевозками между этими маленькими общинами. Каким веселым и живописным, должно быть, был вид озера в те дни с его сверкающими городами и цветущими островками, как бы покачивающимися на якоре на прекрасной глади его вод!

Численность населения Теночтитлана на момент Завоевания указывается по-разному. Ни один современный автор не оценивает его менее чем в шестьдесят тысяч домов, что по обычным правилам подсчета {*} дало бы триста тысяч душ.^[318] Если бы в жилище часто проживало, как утверждается, несколько семей, это привело бы к значительному увеличению суммы.^[319] Нет ничего более неопределенного, чем оценки численности среди варварских сообществ, которые неизбежно живут более запутанно и беспорядочно, чем цивилизованные, и среди которых не принято регулярной системы определения численности населения. Одновременные свидетельства завоевателей; протяженность города, который, как говорили, составлял почти три лиги в окружности;^[320] огромные размеры его большой рыночной площади; длинные ряды зданий, остатки руин которых все еще можно найти в пригородах, в милях от современного города;^[321] слава метрополии во всем мире Анауак, который, однако, мог похвастаться множеством больших и густонаселенных мест; наконец, экономное земледелие и хитроумные приспособления для извлечения пропитания из самых неперспективных источников,^[322] — все это свидетельствует о многочисленном населении, намного превосходящем население нынешней столицы.^[323]

{*} [Эта оценка, конечно, ошибочна. "Обычные правила счета" не могут быть применены к людям, живущим так, как жили мексиканцы. Слово *vecinos* означает не только домовладельцев, как указано в примечании автора, но и жителей. Переводчик, переведший "Анонимного завоевателя" на итальянский, не допустил ошибки, употребив слово *habitatori*. Морган ("Древнее общество", стр. 195) считает, что население составляло не более 30 000 человек, и спрашивает, "как варварский народ без стад и без полевого земледелия мог содержать на равных территориях большее количество жителей, чем цивилизованный народ, вооруженный этими преимуществами". (В Лондоне в то время могло проживать 145 000 человек.) Но оценка Моргана, без сомнения, слишком низкая. Зуазо и Анонимный Завоеватель были почти правы, определив, что население города составляет 60 000 человек. В городе, окружность которого составляла менее трех лиг, вряд ли хватило бы места для шестидесяти тысяч ацтекских домов. (Никому никогда не удавалось установить, что расстояние в окружности превышает четыре лиги.) Дома, в которых жили высшие чиновники, были разбросаны на большом пространстве, были низкими, "редко более чем в один этаж, никогда не выше двух". (*Ante*, стр. 285.) Общественные здания и площадки для развлечений занимали много места. Большая рыночная площадь, *Тиангуэс*, была "в три раза больше знаменитой площади Саламанки" (стр. 312). Никто не называет количество посетителей менее 40 000 (стр. 317). (Согласно Ford, "Справочнику по Испании", площадь в Саламанке была самой большой площадью в Испании. На боях быков, которые там проходили, могли разместиться от 16 000 до 20 000 зрителей.) Территория храма также была огромной. На карте города Мехико в издании "Писем Кортеса", опубликованном в Нюрнберге в 1524 году, площадь храма в двадцать раз больше площади рынка. Большое количество посетителей Площади в базарные дни легко объяснить, если сравнить заполненные народом улицы днем в торговых районах любого крупного города с теми же улицами, пустынными ночью, когда посетители возвращаются по домам. В столице ацтеков не было магазинов, и все покупки производились в *тиангуэсе*.—М.]

Заботливая полиция следила за здоровьем и чистотой города. Говорят, что тысяча человек ежедневно поливали и подметали улицы,^[324] так что человек, позаимствовав язык старого испанца, "мог пройти по ним с такой же опасностью запачкать ноги, как и руки".^[325] Вода в городе, омываемом со всех сторон солеными паводками, была чрезвычайно солоноватой. Однако обильные запасы чистого элемента были доставлены из Чаполтепека, "холма кузнечиков", расположенного менее чем в лиге отсюда. Его провели по земляной трубе вдоль дамбы, сооруженной специально для этой цели. Чтобы во время ремонта столь важный предмет не вышел из строя, был проложен двойной ряд труб. Таким образом, столб воды размером с человеческое тело был направлен в сердце столицы, где он питал фонтаны и резервуары главных особняков. В акведуке, пересекавшем мосты, были сделаны отверстия, и таким образом запасы были доставлены на каноэ вниз, с помощью которых они доставлялись во все части города.^[326]

В то время как Монтесума поощрял вкус своей знати к архитектурному великолепию, он внес свою лепту в украшение города. Именно в его правление знаменитый календарный камень, весивший, вероятно, в своем первобытном состоянии около пятидесяти тонн, был перевезен из своей родной каменоломни, расположенной за много лиг отсюда, в столицу, где он до сих пор является одним из самых любопытных памятников науки ацтеков. В самом деле, когда мы размышляем о трудностях вырубki такой колоссальной массы из твердого базальтового слоя без помощи железных инструментов и транспортировки ее на такое расстояние по суше и воде без помощи животных, мы вполне можем проникнуться восхищением перед механическим мастерством, тонкостью и предприимчивостью людей, которые это сделали.^[327]

Не довольствуясь просторной резиденцией своего отца, Монтесума воздвиг другую, еще более величественную. Он занимал, как упоминалось ранее, территорию, частично покрытую частными жилыми домами, на одной стороне *пласа майор* современного города. Это здание, или, как его правильнее было бы называть, куча построек, раскинулась на такой обширной территории, что, как

уверяет нас один из Завоевателей, ее крыша с террасами могла бы предоставить достаточно места тридцати рыцарям для участия в обычном турнире.^[328] Я уже обратил внимание на его внутреннее убранство, причудливые драпировки, крыши, инкрустированные кедром и другими пахучими породами дерева, скрепленные без единого гвоздя и, вероятно, без знания арки.^[329] его многочисленные и просторные апартаменты, которые Кортес с восторженной гиперболой, не колеблясь, заявляет, что они превосходят все подобное в Испании.^[330]

К основному зданию примыкали другие, принадлежащие различным объектам. Одним из них был оружейный склад, заполненный оружием и военной одеждой, которые носили ацтеки, все содержалось в самом идеальном порядке, готовое к немедленному использованию. Император сам был очень опытен в обращении с *макуахуитлем*, или индийским мечом, и получал огромное удовольствие, наблюдая за атлетическими упражнениями и имитацией войны своей молодой знатью. Другое здание использовалось как зернохранилище, а другие - как склады для различных продуктов питания и одежды, предоставленных округами, отвечающими за содержание королевского двора.

Существовали также здания, предназначенные для объектов совершенно другого рода. Одним из них был огромный вольер, в котором были собраны птицы с великолепным оперением со всех концов империи. Здесь были алый кардинал, золотой фазан, бесчисленное племя попугаев с их радужными оттенками (преобладает королевский зеленый) и то миниатюрное чудо природы, колибри, которое обожает гулять в зарослях жимолости в Мексике.^[331] За этим вольером присматривали триста слуг, которые ознакомились с подходящей пищей для его обитателей, часто добываемой за большие деньги, и в сезон линьки тщательно собирали красивое оперение, которое своими разноцветными переливами послужило материалом для ацтекского художника.

Отдельное здание было отведено для свирепых хищных птиц; ненасытных стервятников и орлов огромных размеров, чей дом находился в заснеженных пустынях Анд. Этим тиранам пернатой расы разрешалось ежедневно употреблять в пищу не менее пяти сотен индеек, {*} самое дешевое мясо в Мексике.

{*} [Индейка была завезена в Европу из Мексики, как уже говорилось ранее.—М.]

К этому вольеру примыкал зверинец диких животных, собранных в горных лесах и даже на отдаленных болотах *огненной земли*. Сходство различных видов с обитавшими в Старом Свете, с которыми, однако, ни один из них не был идентичен, привело к постоянной путанице в номенклатуре испанцев, как это с тех пор произошло в терминологии более образованных натуралистов. Коллекция пополнилась еще большим количеством рептилий и змей, замечательных своими размерами и ядовитыми качествами, среди которых испанцы увидели маленького огненного зверька “с кастаньетами в хвосте”, наводящего ужас на американскую дикость.^[332] Змей держали в длинных клетках, выстланных пухом или перьями, или в корытах с грязью и водой. Хищным зверям и птицам были предоставлены помещения, достаточно большие, чтобы они могли передвигаться, и защищенные прочной решеткой, через которую свободно поступали свет и воздух. Все это было передано под опеку многочисленных надзирателей, которые знакомились с привычками своих заключенных и заботились об их комфорте и чистоте. С каким глубоким интересом просвещенный натуралист того времени — например, овьеда или Мученик — осмотрел бы эту великолепную коллекцию, в которой различные племена, кочевавшие по западной пустыне, неизвестные расы неведомого мира были собраны воедино! С каким удовольствием они изучили бы особенности этих новых видов по сравнению с обитателями их собственного полушария и, таким образом, достигли бы некоторого понимания общих законов, по которым Природа действует во всех своих произведениях! Грубые последователи Кортеса не утруждали себя такими утонченными рассуждениями. Они взирали на это зрелище со смутным любопытством, не без примеси благоговения, и, слушая дикие крики свирепых животных и шипение змей, им почти казалось, что они находятся в преисподней.^[333]

Я не должен упускать из виду странное собрание человеческих монстров, карликов и других несчастных личностей, в организации которых Природа капризным образом отклонилась от своих обычных законов. Такие отвратительные аномалии рассматривались ацтеками как подходящий придасток государства. Говорят даже, что в некоторых случаях они были результатом искусственных средств, использованных неестественными родителями, желающими обеспечить пропитание своим отпрыскам, получив таким образом право на место в королевском музее!^[334]

Вокруг этих зданий были разбиты обширные сады, наполненные благоухающими кустарниками и цветами, и особенно лекарственными растениями.^[335] Ни в одной стране не было более многочисленных видов этих последних, чем в Новой Испании; и их достоинства были прекрасно поняты ацтеками, у которых медицинская ботаника, можно сказать, изучалась как наука. Среди этого лабиринта благоухающих рощ и кустарников можно было увидеть фонтаны чистой воды, выбрасывающие свои сверкающие струи и осыпающие цветы освежающей росой. Десять больших водоемов, хорошо заполненных рыбой, служили убежищем на их окраинах для различных племен водоплавающих птиц, чьи привычки были настолько тщательно изучены, что некоторые из этих прудов были с соленой водой, как те, которые они больше всего любили посещать. Выложенный мозаикой мраморный пол окружал просторные бассейны, над которыми нависали легкие и причудливые павильоны, впускавшие ароматный ветерок из садов и служившие благодарным убежищем монарху и его любовницам в летнюю жару.^[336]

Но самой роскошной резиденцией ацтекского монарха в то время года был королевский холм Чаполтепек — место, более того, освященное прахом его предков. Он находился к западу от столицы, и в его времена его основание омывалось водами Тецкоко. На высоком гребне порфировой скалы сейчас стоит великолепный, хотя и заброшенный замок, возведенный молодым вице-королем Гальвесом в конце семнадцатого века.^[337] Вид из его окон — один из лучших в окрестностях Мексики. Пейзаж здесь не обезображен, как во многих других местах, белыми и бесплодными участками, столь неприятными для зрения; но взгляд блуждает по бескрайним лугам и возделанным полям, колышущимся от богатых урожаев европейского зерна. Сады Монтесумы простирались на многие мили вокруг подножия холма. Две статуи этого монарха и его отца, вырезанные барельефом из порфира, сохранились до середины прошлого века,^[338] а территория все еще затенена гигантскими кипарисами, более пятидесяти футов в окружности, которым на момент Завоевания было несколько столетий.^[339] Сейчас это место представляет собой заросли диких кустарников, где мирт смешивает свои темные глянцевые листья с красными ягодами и нежной листвой перечного дерева. Несомненно, нет места, более подходящего для пробуждения размышлений о прошлом; нигде путешественник, сидящий под этими величественными кипарисами, седыми от векового мха, не может так уместно поразмышлять о печальных судьбах индийских народов и монарха, который когда-то устраивал свои придворные пирушки в тени их ветвей.

Домашнее хозяйство Монтесумы отличалось таким же варварским великолепием, как и все остальное вокруг него. Он мог похвастаться таким количеством жен, сколько найдется в гареме восточного султана.^[340] Их поселили в их собственных квартирах и предоставили все необходимое, в соответствии с их представлениями, для личного комфорта и чистоты. Они проводили свои часы за обычными женскими занятиями ткачеством и вышивкой, особенно за изящной работой из перьев, для которой королевские вольеры были снабжены такими богатыми материалами. Они вели себя со строгим соблюдением приличий под присмотром определенных пожилых женщин, которые выступали в качестве респектабельных дуэней, точно так же, как в религиозных домах, пристроенных к *теокаллису*. Дворец был снабжен многочисленными банями, и Монтесума лично подавал пример частых омовений. Говорят, он принимал ванну по крайней мере один раз и менял платье четыре раза в день.^[341] Он никогда не надевал ту же одежду во второй раз, а раздавал ее своим слугам. Королева Елизавета, с таким же вкусом к костюмам,

проявила менее царственный дух, собирая свои выброшенные костюмы. Ее гардероб, вероятно, был несколько дороже, чем у индийского императора.

Помимо его многочисленной женской свиты, залы и прихожие были заполнены дворянами, постоянно сопровождавшими его особу, которые также выполняли роль своего рода телохранителей. Для достойных плебеев было обычным делом занимать определенные должности во дворце. Но надменный Монтесума отказывался, чтобы ему прислуживали кто-либо, кроме людей благородного происхождения. Нередко они были сыновьями великих вождей и оставались заложниками в отсутствие своих отцов, служа таким образом двойной цели - безопасности и государству.^[342]

Трапезы император принимал в одиночестве. Устланный циновками пол большого зала был уставлен сотнями блюд.^[343] Иногда сам Монтесума, но чаще его стюард, указывал те, которые он предпочитал, и которые поддерживались горячими с помощью жаровен.^[344] Королевский список блюд включал, помимо домашних животных, дичь из дальних лесов и рыбу, которая накануне плавала в Мексиканском заливе! Их готовили по-разному, поскольку ацтекские *мастера*, как мы уже имели случай заметить, глубоко проникли в тайны кулинарной науки.^[345]

Мясо подавали сопровождавшие его дворяне, которые затем уступили обязанности прислуживать монарху девицам, выбранным за их личное изящество и красоту. Вокруг него была задернута ширма из богато позолоченного и резного дерева, чтобы скрыть его от посторонних глаз во время трапезы. Его усадили на подушку, а обед был подан на низком столике, покрытом тонкой хлопчатобумажной скатертью. Блюда были из лучшей посуды Чолулы. У него был золотой сервиз, который приберегался для религиозных торжеств. В самом деле, даже при его княжеских доходах вряд ли было бы уместно пользоваться им в обычных случаях, когда его столовому снаряжению не разрешалось появляться во второй раз, а его раздавали слугам. Салон был освещен факелами, сделанными из смолистого дерева, от которых исходил сладкий запах и, вероятно, немалый дым, когда они горели. За трапезой его сопровождали пять или шесть его старинных советников, которые стояли на почтительном расстоянии, отвечая на его вопросы, и иногда радовались некоторым яствам, которыми он угощал их со своего стола.

За этим блюдом из твердых продуктов последовало другое, состоящее из сладостей и сдобы, которыми славились повара-ацтеки, получавшие из кукурузной муки, яиц и богатого сахаром алоэ важные ингредиенты. Во время ужина две девушки в дальнем конце комнаты были заняты приготовлением прекрасных булочек и вафель, которыми они время от времени украшали стол. Император не пил никакого другого напитка, кроме *шокоадля*, напитка из шоколада, приправленного ванилью и другими специями и приготовленного таким образом, чтобы получалась пена консистенции меда, которая постепенно растворялась во рту. Этот напиток, если его можно было так назвать, подавался в золотых кубках с ложками из того же металла или из тонко выкованного черепахового панциря. Император чрезвычайно любил его, судя по количеству — не менее пятидесяти кувшинов — приготовленных для его собственного ежедневного употребления.^[346] Еще две тысячи были разрешены для его семьи.^[347]

Общая организация трапезы, по-видимому, не слишком отличалась от европейской. Но ни один принц в Европе не мог похвастаться десертом, который мог бы сравниться с десертом императора ацтеков. Ибо он был собран свежим в самых противоположных краях; и на его столе были представлены продукты его собственного умеренного региона и сочные тропические плоды, сорванные накануне в зеленых рощах *огненной земли* доставленные со скоростью пара с помощью курьеров в столицу. Как будто какая-то добрая фея должна была украсить наши банкеты пряными продуктами, которые еще вчера росли на солнечном острове в далеких индийских морях!{*}

{*} [Это описание, как замечает сеньор Аламан, по-видимому, имеет оттенок романтики, поскольку многие из фруктов, которые сейчас в таком изобилии выращиваются в Мексике, были неизвестны там до завоевания. Conquista de Méjico, trad. de Vega, том. i. стр. 373.—К.]

После того, как аппетит императора был утолен, служанки подали ему воду в серебряном тазу точно так же, как это делалось перед началом трапезы; ибо ацтеки были столь же постоянны в своих омовениях в это время, как и любой другой народ Востока. Затем принесли трубки, сделанные из покрытого лаком и богато позолоченного дерева, из которых он вдыхал, иногда через нос, иногда через рот, пары дурманящей травы, “называемой *табаком*”, ^[348], смешанные с жидким янтарем. Пока продолжался этот успокаивающий процесс окуривания, император наслаждался выступлениями своих шута и жонглеров, к дворцу был прикреплен постоянный корпус. Ни один народ, даже в Китае или Индостане, не превзошел ацтеков в ловкости и хитрости. ^[349]

Иногда он забавлялся со своим шутком, ибо в те дни у индийского монарха были свои шуты, так же как и у его более утонченных собратьев в Европе. Действительно, он часто говорил, что от них можно почерпнуть больше наставлений, чем от более мудрых людей, ибо они осмеливались говорить правду. В другое время он наблюдал за грациозными танцами своих женщин или получал удовольствие, слушая музыку, — если грубоватые мексиканские менестрели заслуживают такого названия, — сопровождаемую медленным и торжественным пением, прославляющим героические подвиги великих воинов-ацтеков или его собственного княжеского рода.

Когда эти развлечения достаточно освежили его настроение, он приготовился ко сну, ибо в свою *сиесту* он был непоколебим, как испанец. Проснувшись, он давал аудиенцию послам иностранных государств или подвластных ему городов, а также тем касикам, которые предпочитали ему костюмы.

МОНТЕСУМА

Гупиль и Др., Париж

Присутствовавшие молодые дворяне представили их друг другу, и, каким бы ни было их звание, если только они не принадлежали к королевской крови, они были вынуждены смириться с унижением, скрыв свои богатые одежды под грубой мантией некуэна, и войти в зал босиком, с опущенными глазами. Император обратился к женихам с несколькими краткими замечаниями, отвечая на которые, как правило, через своих секретарей; и собеседники удалились с тем же почтительным поклоном, стараясь держать лица повернутыми к монарху. Кортес мог бы воскликнуть, что ни один двор, будь то двор великого сеньора или любого другого неверного, никогда не демонстрировал столь помпезного и изощренного церемониала!^[350]

Помимо уже замеченной толпы слуг, королевский двор не был полным без множества ремесленников, постоянно занятых возведением или ремонтом зданий, помимо большого количества ювелиров и специалистов по обработке металлов, которые находили большой спрос на свои безделушки среди темноглазых красавиц гарема. Императорские ряженные и жонглеры также были очень многочисленны, а танцоры, принадлежащие дворцу, занимали особый район города, предназначенный исключительно для них.

Содержание этого небольшого воинства, насчитывавшего несколько тысяч человек, требовало больших расходов, требующих учета сложного и, как вполне могло быть, смущающего простых людей характера. Все, однако, было приведено в идеальный порядок; и все различные поступления и выплаты были зафиксированы в графическом описании страны. Арифметические знаки были

более утонченными и условными, чем те, что использовались для повествовательных целей; а отдельная комната была заполнена иероглифическими письменами, демонстрирующими полное представление об экономике дворца. Забота обо всем этом была возложена на казначея, который выступал в качестве своего рода мажордома в домашнем хозяйстве, осуществляя общее руководство всеми его делами. Эта ответственная должность по прибытии испанцев находилась в руках надежного касика по имени Тапиа.^[351]{*}

{*} [Имя, которое является испанским, а не ацтекским, было дано ему Завоевателями, возможно, с некоторой отсылкой к одному из них, Андресу де Тапиа.—К.]

Такова картина домашнего устройства Монтесумы {**} и образа жизни, описанная Завоевателями и их непосредственными последователями, у которых были лучшие средства получения информации;^[352] возможно, слишком приукрашенная склонностью к преувеличениям, которая была естественной для тех, кто впервые стал свидетелем зрелища, столь поражающего воображение, такого нового и неожиданного. Я счел за лучшее изложить все подробности, какими бы тривиальными они ни показались читателю, поскольку они дают любопытную картину нравов, столь превосходящих по утонченности нравы других аборигенных племен североамериканского континента. И на самом деле они не так уж тривиальны, если мы подумаем, что в этих деталях частной жизни мы обладаем большей степенью цивилизованности, чем в деталях общественного характера.

{**} [Картина Прескотта домашнего устройства и образа жизни Монтесумы составлена без увеличения по наброскам, предоставленным Кортесом и Берналем Диасом — двумя людьми, которые *видели* состояние, в котором жил вождь ацтеков. Их наблюдения продолжались всего пять дней, поскольку по истечении этого срока Кортес сделал Монтесуму своим пленником. Последующие историки, уточнив детали, на которые лишь намекнули два очевидца, дали волю воображению. Последний важный вклад в эту тему принадлежит перу Х. Х. Бэнкрофта, "Коренные народы", том ii. глава. iv (Дворцы и домашние хозяйства королей науа). Именно его блестящий отчет, в который были включены детали, указанные более поздними испанскими историками, вызвал такое негодование Льюиса Х. Моргана, что побудил этого ученого опубликовать свое знаменитое эссе "Ужин Монтесумы". Это эссе произвело огромное впечатление при первом появлении, но внимательное изучение продемонстрирует тот факт, что в нем содержится почти столько же искажений, сколько и на страницах Bancroft. Г-н Морган начинает с того, что говорит, что истории Испанской Америки можно доверять во всем, что касается "действий и личных характеристик индейцев: во всем, что касается их оружия, орудий труда и утвари, тканей, *пищи*, одежды и вещей подобного характера", а затем полностью игнорирует тот факт, что Кортес и Берналь Диас действительно *видели* то, что они впоследствии описали. Он указывает на то, с чем сразу согласится большинство людей, что обеды, описанные Завоевателями, не были трапезами, приготовленными для одного короля, но что они представляли собой повседневную пищу большого общего дома. Блюда, приготовленные почти с таким же размахом, подавались и в других больших общественных домах Мексики. На самом деле, все обеды, подаваемые в городе, были общими, поскольку все власти сходятся во мнении, что даже в самых маленьких домах проживало несколько семей. Но когда он с изрядным презрением возражает против выражения "винные погреба" и утверждает, что, во-первых, погреба были невозможны в городе, где уровень улиц и дворов был всего на четыре фута выше уровня воды окружающего озера, и, во-вторых, что ацтеки ничего не знали о вине, мы чувствуем, что он чересчур критичен. Когда он продолжает говорить, что "хотя кислое пиво, пульке, было распространенным напитком ацтеков, все же *вряд ли можно предположить, что даже его употребляли за ужином*", неизбежно напрашивается вывод, что мистер Морган мало знал об обеденных привычках некоторых своих современников в городах западного Нью-Йорка. Нет ничего невероятного в том, что даже в его родном городе Рочестере можно найти семьи, которые употребляют пиво во время основного приема пищи.—М.]

Рассматривая их, мы сильно напоминаем цивилизацию Востока; не того более высокого интеллектуального типа, который принадлежал более утонченным арабам и персам, но той полумцивилизации, которая отличала, например, татарские расы, среди которых искусство и даже наука, действительно, достигли некоторого прогресса в приспособлении к материальным потребностям и чувственному удовлетворению, но мало в отношении высших и более облагораживающих интересов человечества. Для такого народа характерно находить ребяческое удовольствие в ослепительном и показном великолепии; принимать показуху за значимость, напрасную помпезность за власть; окружать сам трон пустым и обременительным церемониалом, подделкой под истинное величие.

Однако даже это было шагом вперед в утонченности по сравнению с грубыми манерами ранних ацтеков. Перемена, несомненно, может быть в некоторой степени отнесена к личному влиянию Монтесумы. В молодости он умерял свирепые привычки солдата более мягким исповеданием религии. В более позднем возрасте он еще больше отдалился от жестоких занятий войной, и его манеры приобрели утонченность, можно добавить, с примесью изнеженности, неведомой его воинственным предшественникам.

Состояние империи при его правлении также благоприятствовало этим переменам. Распад королевства Тецукан после смерти великого Несауальпилли оставил монархию ацтеков без соперника, и вскоре она простерла свои колоссальные руки до самых дальних пределов Анауака. Устремленный ум Монтесумы поднялся с приобретением богатства и власти; и он продемонстрировал сознание новой важности, приняв беспрецедентное положение. Он проявил сдержанность, неведомую его предшественникам, скрыл свою персону от посторонних глаз и окружил себя тщательно продуманным придворным этикетом. Когда он отправлялся за границу, это было торжественно, по какому-нибудь общественному поводу, обычно в большой храм, чтобы принять участие в религиозных службах; и, проходя мимо, он требовал от своего народа, как мы видели, почтения, достойного восточного деспота.^[353] Его надменное поведение задело гордость его более могущественных вассалов, особенно тех, кто на расстоянии чувствовал себя почти независимым от его власти. Его взыскания, вызванные обильными расходами на содержание его дворца, посеяли семена недовольства; и, хотя империя, казалось, находилась в самом благоденствующем состоянии, язва глубоко проникла в ее сердце.

ГЛАВА II

РЫНОК МЕКСИКИ—ВЕЛИКИЙ ХРАМ—ВНУТРЕННИЕ СВАТИЛИЩА—ИСПАНСКИЕ КВАРТАЛЫ

1519

Прошло четыре дня с тех пор, как испанцы вторглись в Мексику. Какие бы планы ни крутились в голове их командира, он чувствовал, что не сможет определиться ни с каким планом операций, пока не увидит побольше столицы и не убедится в характере ее ресурсов путем собственной инспекции. Соответственно, как было замечено в конце предыдущей книги, он послал к Монтесуме с просьбой разрешить посетить великий *теокалли* и некоторые другие места в городе.

Дружественный монарх согласился без труда. Он даже приготовился лично отправиться в великий храм, чтобы принять там своих гостей, — возможно, чтобы защитить святилище своего божества-покровителя от любых попыток осквернения. Как мы уже видели, он был знаком с действиями испанцев в подобных случаях во время их похода. Кортес, как обычно, встал во главе своего небольшого кавалерийского отряда и почти всей испанской пехоты и последовал за касиками, посланными Монтесумой проводить его. Сначала они предложили провести его на большой рынок Тлателолко, в западной части города.

По дороге испанцы были поражены, так же как и при въезде в столицу, внешним видом жителей и их огромным превосходством в стиле и качестве одежды над жителями нижних стран.^[354] *тильматли*, или плащ, наброшенный на плечи и завязанный вокруг шеи, из хлопка

разной степени тонкости, в зависимости от состояния владельца, и широкий пояс вокруг бедер, часто выполнялся с богатыми и элегантными рисунками и окаймлялся глубокой бахромой или кисточкой. Поскольку погода становилась прохладной, иногда ее заменяли накидками из меха или великолепной работы из перьев. Последние сочетали в себе преимущество отличного тепла и красоты.^[355] Мексиканцы владели также искусством прядения тонкой нити из шерсти кролика и других животных, которую они вплетали в тонкую паутину, для которой требовалась стойкая краска.

Женщины, как и в других частях страны, казалось, разгуливали так же свободно, как и мужчины. Они носили несколько юбок или подъюбников разной длины с сильно орнаментированной каймой, а иногда поверх них свободные ниспадающие одежды, доходившие до лодыжек. Они также были сделаны из хлопка для более состоятельных слоев населения, тонкой текстуры, с красивой вышивкой.^[356] Здесь не носили вуалей, как в некоторых других частях Анауака, где их делали из нити алоэ или из светлой паутинки волос, как указано выше. Лица ацтекских женщин были открыты, и их темные, цвета воронова крыла, локоны пышно рассыпались по плечам, открывая черты, которые, хотя и имели смуглый или, скорее, коричневый оттенок, нередко были приятными, хотя и с серьезным, даже печальным выражением, характерным для национальной физиономии.^[357]

Приблизившись к *тиангуэсу*, или большому рынку, испанцы были поражены толпой людей, устремившихся к нему, а при входе на место их удивление еще больше усилилось при виде множества собравшихся там людей и размеров ограды, в три раза превышающей знаменитую площадь Саламанки.^[358] Здесь собрались торговцы со всех концов с товарами и мануфактурами, характерными для их стран; ювелиры из Аскапосалько, гончары и ювелиры из Чолулы, художники из Тецкоко, камнерезы из Тенахокана, охотники из Ксилотепека, рыбаки из Куитлауака, производители фруктов из теплых стран, изготовители циновок и кресел из Куаутитлан и флористы Сочимилько - все они деловито рекомендуют свои товары и ведут переговоры с покупателями.^[359]

{*} [Ante, p. 288, note.—M.]

Рыночная площадь была окружена глубокими портиками, и каждому из нескольких предметов был отведен отдельный квартал. Здесь можно было увидеть хлопок, сложенный в тюки или изготовленный из платьев и предметов домашнего обихода, таких как гобелены, занавески, покрывала и тому подобное. Богато окрашенные и красивые ткани напомнили Кортесу о *алькайсерии*, или шелковом рынке Гранады. Там был квартал, отведенный ювелирам, где покупатель мог найти различные украшения или предметы обихода, сделанные из драгоценных металлов, или любопытные игрушки, такие, как мы уже имели случай заметить, сделанные в подражание птицам и рыбам, с чешуей и перьями попеременно из золота и серебра, с подвижными головами и телами. Эти фантастические маленькие безделушки часто украшались драгоценными камнями и демонстрировали терпеливую, ребяческую изобретательность в изготовлении, подобную китайской.^[360]

В соседнем квартале были собраны образцы керамики грубой и тонкой работы, деревянные вазы с искусной резьбой, покрытые лаком или позолотой, причудливых, а иногда и изящных форм. Были также топорики, сделанные из меди, сплавленной с оловом, заменителем железа, и, как оказалось, неплохим. Солдат нашел здесь все орудия своего ремесла: шлем, сделанный в виде головы какого-то дикого животного с оскаленными зубами и щетинистым гребнем, окрашенным в насыщенный оттенок кошенили;^[361] *эскаутиль*, или стеганный дублет из хлопка, богатая кольчуга из перьев и всевозможное оружие, копья и стрелы с медными наконечниками и широкие *макауитль*, мексиканский меч с острыми лезвиями из *ицтли*. Здесь были бритвы и зеркала из того же твердого и полированного минерала, который у ацтеков служил для изготовления стали.^[362] На площади также можно было найти кабинки, занятые парикмахерами, которые использовали эти же бритвы по своему призванию. Ибо мексиканцы, вопреки распространенным и ошибочным

представлениям об аборигенах Нового Света, носили бороды, хотя и скудные. Другие лавки или киоски арендовали аптекари, хорошо обеспеченные лекарствами, кореньями и различными лекарственными препаратами. В других местах, опять же, можно было увидеть чистые книги или карты для иероглифического письма, сложенные веером и сделанные из хлопка, кожи или, чаще, волокон агавы, ацтекского папируса.

Под некоторыми портиками они увидели необработанные и выделанные шкуры, а также различные изделия из них для домашнего или личного пользования. Животные, как дикие, так и ручные, были выставлены на продажу, и рядом с ними, возможно, стояла банда рабов с ошейниками на шеях, намекавшими на то, что они также выставлены на продажу, — зрелище, к несчастью, не ограничивающееся варварскими рынками Мексики, хотя зло их положения усугублялось там сознанием того, что деградационная жизнь в любой момент может завершиться ужасной гибелью в виде жертвоприношения.

Более тяжелые строительные материалы, такие как камень, известь, древесина, считались слишком громоздкими, чтобы их можно было разместить на площади, и складировались на прилегающих улицах по краям каналов. Было бы утомительно перечислять все различные предметы роскоши или повседневного обихода, которые были собраны со всех сторон на этом огромном базаре. Однако я не должен упустить из виду изобилие провизии, одну из самых привлекательных особенностей *тиангуэса*: мясо всех видов, домашняя птица, дичь с соседних гор, рыба из озер и ручьев, фрукты во всем восхитительном изобилии этих регионов с умеренным климатом, зеленые вегетарианскиестолы и неизменная кукуруза. Было также много готовых блюд, от которых поднимался пикантный пар, возбуждающий аппетит праздного пассажира; сдобные изделия, хлеб из индийской кукурузы, пирожные и кондитерские изделия.^[363] Наряду с ними можно было увидеть охлаждающие или стимулирующие напитки, пряный пенящийся *шоколад* с нежным ароматом ванили и опьяняющий *пульке*, ферментированный сок алоэ. Все эти товары, а также каждый прилавок и портик были уставлены или, скорее, завалены цветами, демонстрируя — в гораздо большем масштабе, на самом деле — вкус, сходный с тем, что демонстрируется на рынках современной Мексики. Цветы, по-видимому, самопроизвольно произрастают на этой роскошной почве, которая вместо вредных сорняков, как в других регионах, всегда готова без помощи человека прикрыть свою наготу этим богатым и пестрым убранством Природы.^[364]

Я избавлю читателя от повторения всех подробностей, перечисленных сбитыми с толку испанцами, которые представляют некоторый интерес как свидетельствующие о различных механических навыках и утонченных потребностях, напоминающих скорее об утонченном сообществе, чем о нации дикарей. Это была *материальная* цивилизация, которая не принадлежит ни к той, ни к другой. Ацтеки явно достигли этого среднего положения, стоя настолько же выше грубых рас Нового Света, насколько ниже культурных сообществ Старого.

Что касается количества, собранного на рынке, оценки, как обычно, расходятся. Испанцы часто посещали это место, и никто не называет сумму меньше сорока тысяч! Некоторые поднимают его гораздо выше.^[365] Не слишком полагаясь на арифметику Завоевателей, можно с уверенностью сказать, что в этот раз, который происходил каждый пятый день, город заполонила пестрая толпа незнакомцев не только из окрестностей, но и со многих лиг вокруг; дамбы были забиты, а озеро затемнено каноэ, наполненными торговцами, стекавшимися к великому *тиангуэсу*. Это действительно напоминало периодические ярмарки в Европе, но не в том виде, в каком они существуют сейчас, а в том, в каком они существовали в средние века, когда из-за трудностей взаимодействия они служили большими центральными рынками для коммерческих взаимодействий, оказывая наиболее важное и благотворное влияние на общество.

Обмены осуществлялись частично по бартеру, но чаще всего в валюте страны. Он состоял из кусочков жести, на которых был оттиснут знак, похожий на **T**, пакетиков какао, стоимость которых регулировалась их размером, и, наконец, перьев, наполненных золотой пылью.^[366]

Золото, похоже, было частью обычной валюты в обоих полушариях. В их действиях странно то, что они ничего не знали о весах. Количество определялось мерой и числом.^[367]

Во всем этом огромном собрании царил самый совершенный порядок. Площадь патрулировали полицейские, в обязанности которых входило поддерживать мир, взимать пошлины, налагаемые на различные товары, следить за тем, чтобы не применялись ложные меры или мошенничество любого рода, и немедленно привлекать нарушителей к ответственности. В одной части *тиангуэса* заседал суд из двенадцати судей, облеченных теми широкими и краткими полномочиями, которые в деспотических странах часто делегируются даже мелким трибуналам. Крайняя строгость, с которой они осуществляли эти полномочия более чем в одном случае, доказывает, что они не были пустой буквой.^[368]

Мексиканский *тиангуэс*, естественно, был объектом большого интереса и удивления для испанцев. Ибо в нем они видели, так сказать, сошедшиеся в одном фокусе все лучи цивилизации, рассеянные по всей земле. Здесь они увидели различные свидетельства механического мастерства, домашней промышленности, умноженные ресурсы любого рода, имевшиеся в распоряжении туземцев. Это не могло не произвести на них впечатления высокими представлениями о величине этих ресурсов, а также о коммерческой деятельности и социальном подчинении, которыми было спаяно все сообщество; и их восхищение в полной мере подтверждается подробностью и энергией их описаний.^[369]

Покинув эту шумную сцену, испанцы направились к большому *теокалли*, расположенному по соседству с их собственным кварталом. Как читатель уже видел, он охватывал вместе с второстепенными зданиями большой участок земли, ныне занимаемый собором, часть рыночной площади и несколько прилегающих улиц.^[370] Это было место, которое было посвящено одному и тому же объекту, вероятно, с момента основания города. Нынешнее здание, однако, не отличалось большой древностью, поскольку было построено Авицотлем, который отпраздновал его освящение в 1486 году той гекатомбой жертв, о которой в хрониках можно найти такие невероятные сообщения.^[371]

Он стоял посреди обширной площади, окруженной стеной из камня и извести высотой около восьми футов, украшенной с внешней стороны рельефными фигурами змей, что дало ему название *коатепантли*, или “стена змей”. Эта эмблема была распространена в священной скульптуре Анауака, а также в Египте. Четырехугольная стена была прорезана огромными зубчатыми воротами, выходившими на четыре главные улицы столицы. Над каждым воротами находилось что-то вроде арсенала, заполненного оружием и воинским снаряжением; и, если мы можем поверить рассказам Завоевателей, к ним примыкали казармы с гарнизоном в десять тысяч солдат, которые служили своего рода военной полицией столицы, снабжая императора сильной рукой на случай беспорядков или мятежа.^[372]

Сам *теокалли* представлял собой прочное пирамидальное сооружение из земли и гальки, снаружи покрытое тесаными камнями, вероятно, из тех легких и пористых, которые использовались в городских зданиях.^[373] Вероятно, он был квадратным, со сторонами, обращенными по сторонам света.^[374] Он был разделен на пять корпусов или этажей, каждый из которых отступал так, чтобы иметь меньшие размеры, чем тот, что непосредственно под ним, — обычная форма ацтекского *теокаллиса*, как уже описано, и имел очевидное сходство с некоторыми примитивными пирамидальными сооружениями Старого Света.^[375] Подъем осуществлялся по лестнице снаружи, которая вела на узкую террасу или платформу у основания второго этажа, огибая здание полностью, когда вторая лестница вела на аналогичную площадку у основания третьего. Ширина этой дорожки составляла ровно столько места, сколько оставлял отступающий этаж над ней. От этого сооружения посетителю приходилось четыре раза обходить все здание, чтобы добраться до верха. Это производило наиболее впечатляющий эффект во время религиозных церемоний, когда помпезная процессия жрецов со своими дикими менестрелями

огибала огромные стены пирамиды, поднимаясь все выше и выше на глазах у глазающих толп к вершине.

Размеры храма нельзя назвать с какой-либо уверенностью. Завоеватели судили на глаз, редко утруждая себя чем-либо подобным точному измерению. Это было, вероятно, не намного меньше трехсот квадратных футов у основания:^[376] и, поскольку испанцы насчитали сто четырнадцать ступеней, было, вероятно, меньше ста футов в высоту.^[377]

Когда Кортес прибыл к *теокалли*, он обнаружил двух священников и нескольких касиков, нанятых Монтесумой, чтобы избавить его от усталости во время восхождения, неся его на своих плечах точно так же, как это было сделано с императором. Но генерал отклонил комплимент, предпочтя подняться во главе своих людей. Достигнув вершины, они обнаружили обширную площадку, вымощенную широкими плоскими камнями. Первым предметом, попавшимся им на глаза, была большая глыба яшмы, своеобразная форма которой свидетельствовала о том, что это был камень, на котором были растянуты тела несчастных жертв для принесения в жертву. Его выпуклая поверхность, приподнимая грудь, позволяла священнику легче выполнять свою дьявольскую задачу - извлекать сердце. На другом конце площади находились две башни или святилища, состоящие из трех этажей: нижний - из камня и штукатурки, два верхних - из дерева с искусной резьбой. В нижнем отделении стояли изображения их богов; покои наверху были заполнены посудой для их религиозных служб и прахом некоторых из их ацтекских принцев, которым приглянулась эта просторная гробница. Перед каждым святилищем стоял алтарь с горящим на нем неугасимым огнем, угасание которого предвещало империи столько же зла, сколько погасло бы пламя весталок в Древнем Риме. Здесь же находился огромный цилиндрический барабан, сделанный из змеиной кожи, в который ударяли только в исключительных случаях, когда он издавал печальный звук, который можно было услышать за многие мили, — звук, впоследствии принесший испанцам горе.

Монтесума в сопровождении верховного жреца вышел вперед, чтобы встретить Кортеса, когда тот поднимался на площадь. “Ты устал, Малинче, “ сказал он ему, - взбираясь на наш великий храм”. Но Кортес, хвастаясь политикой, заверил его, что “испанцы никогда не устают”! Затем, взяв его за руку, император указал на населенные пункты по соседству. Храм, на котором они стояли, возвышаясь высоко над всеми другими зданиями столицы, представлял собой самую возвышенную и центральную точку обзора. Под ними раскинулся город, похожий на карту, с его улицами и каналами, пересекающимися друг с другом под прямым углом, его террасные крыши цвели, как многочисленные цветочные клумбы. Каждое место, казалось, было оживлено делами и суетой; каноэ скользили вверх и вниз по каналам, улицы были запружены людьми в их веселых, живописных костюмах, в то время как с рыночной площади, которую они так недавно покинули, доносился беспорядочный гул множества звуков и голосов.^[378] Они могли отчетливо проследить симметричный план города, с его главными проспектами, отходящими, так сказать, от четырех ворот *коатепантли* и соединяющимися с дамбами, которые образовывали парадные въезды в столицу. Этому правильному и красивому расположению подражали во многих городах низшего уровня, где большие дороги сходились к главному *теокалли*, или собору, как к общему центру.^[379] Они могли различить островное положение мегаполиса, омываемого со всех сторон солеными водами Тецкоко, а вдалеке - чистыми пресными водами Чалко; далеко за ними простиралась широкая перспектива полей и колышущихся лесов, с полированными стенами множества величественных храмов, возвышающихся высоко над деревьями и венчающих отдаленные вершины холмов.^[380] Вид тянулся непрерывной линией до самого основания круглой горной цепи, чьи морозные вершины блестели, словно тронутые огнем в утренних лучах; в то время как длинные темные клубы пара, поднимавшиеся от седой вершины Попокатепетля, говорили о том, что разрушительная стихия действительно действовала в недрах прекрасной долины.

Кортес был преисполнен восхищения этим грандиозным и великолепнейшим зрелищем и живо выразил свои чувства императору, повелителю этих процветающих владений. Его мысли, однако,

вскоре приняли другое направление; и, повернувшись к отцу Ольмедо, стоявшему рядом с ним, он предположил, что этот район мог бы стать самым заметным местом для христианского креста, если бы Монтесума только позволил установить его там. Но благоразумный священнослужитель, обладавший здравым смыслом, которого в этих случаях, по-видимому, так прискорбно не хватало его командиру, напомнил ему, что подобная просьба в настоящее время была бы крайне несвоевременной, поскольку индийский монарх пока не проявил склонности, благоприятствующей христианству.^[381]

Затем Кортес попросил Монтесуму разрешить ему войти в святилища и узреть святилища его богов. На это последний, после короткого совещания со священниками, согласился и провел испанцев в здание. Они оказались в просторном помещении, инкрустированном по бокам лепниной, на которой были изваяны различные фигуры, возможно, представляющие мексиканский календарь или жреческий ритуал. В одном конце салона было углубление с деревянной крышей, богато украшенной резьбой и позолотой. Перед алтарем в этом святилище стояло колоссальное изображение Уицилопочтли, божества-покровителя и бога войны ацтеков. Его лицо было искажено в отвратительные черты, имеющие символическое значение. В правой руке он держал лук, а в левой - связку золотых стрел, которые мистическая легенда связывала с победами его народа. Огромные складки змеи, состоящей из жемчуга и драгоценных камней, обвивались вокруг его талии, и такими же богатыми материалами было обильно усыпано его тело. На левой ноге у него были изящные перья колибри, которая, как ни странно, дала свое имя ужасному божеству.^[382] Самым заметным украшением была цепочка из чередующихся золотых и серебряных сердечек, висевшая у него на шее, символизирующая жертвоприношение, которому он больше всего радовался. Более недвусмысленным доказательством этого были три человеческих сердца, дымящихся и почти трепещущих, словно недавно вырванных у жертв и теперь лежащих перед ним на алтаре!

Соседнее святилище было посвящено более мягкому божеству. Это был Тецкатлипока, следующий по чести после того невидимого Существа, Верховного Бога, который не был представлен никаким изображением и не был ограничен никаким храмом. Именно Тецкатлипока создал мир и наблюдал за ним с провиденциальной заботой. Он был изображен молодым человеком, и его изображение из полированного черного камня было богато украшено золотыми пластинами и орнаментами, среди которых щит, отполированный как зеркало, был самой характерной эмблемой, поскольку в нем он видел отражение всех событий мира. Но почитание этого бога не всегда носило более утонченный или милосердный характер, чем почитание его плотоядного брата; на золотом блюде на его алтаре также были видны пять истекающих кровью сердец.

Стены обеих этих часовен были испачканы человеческой запекшейся кровью. “Зловоние было более невыносимым, - восклицает Диас, - чем на бойнях в Кастилии!” А обезумевшие фигуры священников в их темных одеждах, запекшихся от крови, когда они метались взад и вперед, казались испанцам самими служителями сатаны!^[383]

Из этого зловонного жилища они с радостью выбрались на свежий воздух; Кортес, повернувшись к Монтесуме, сказал с улыбкой: “Я не понимаю, как такой великий и мудрый принц, как ты, может верить в таких злых духов, как эти идолы, представители дьявола! Если вы только позволите нам воздвигнуть здесь истинный Крест и поместить изображения Пресвятой Девы и ее Сына в ваших святилищах, вы скоро увидите, как ваши ложные боги будут трепетать перед ними!”

Монтесума был сильно шокирован этим сакральным обращением. “Это боги, ” ответил он, “которые вели ацтеков к победе с тех пор, как они были нацией, и которые посылают время посева и сбора урожая в свое время. Если бы я думал, что ты устроишь им такое безобразие, я бы не допустил тебя к ним.

Кортес, выразив некоторое беспокойство по поводу того, что он задел чувства императора, откланялся. Монтесума остался, сказав, что он должен искупить, если возможно, преступление, заключающееся в том, что чужеземцы подвергли святилища божеств такой профанации. [\[384\]](#)

Спустившись во двор, испанцы неторопливо осмотрели другие постройки на территории. Площадь была защищена гладкой каменной мостовой, настолько отполированной, что лошади с трудом удерживались на ногах. Существовало несколько других *теокаллисов*, построенных в основном по образцу великого, хотя и гораздо меньших размеров, посвященных различным ацтекским божествам.^[385] На их вершинах были алтари, увенчанные вечным огнем, который, как и в многочисленных храмах в других кварталах столицы, проливал яркое освещение на ее улицы долгими ночами.^[386]

Среди *теокаллисов* в ограде был один, посвященный Кецалькоатлю, круглый по форме и имеющий вход в виде пасти дракона, ошетилившийся острыми клыками и истекающий кровью. Когда испанцы украдкой заглянули в глотку этого ужасного чудовища, они увидели собранные там орудия жертвоприношения и другие мерзости устрашающего значения. Их смелые сердца содрогнулись при виде этого зрелища, и они неуместно называли это место “Адом”.^[387]

Можно отметить еще одну структуру, характерную для грубой природы их религии. Это был пирамидальный курган со сложным деревянным каркасом на широкой вершине. На нем было нанизано огромное количество человеческих черепов, принадлежавших жертвам, в основном военнопленным, погибшим на проклятом жертвенном камне. У двух солдат хватило терпения подсчитать количество этих ужасных трофеев, и они сообщили, что их было сто тридцать шесть тысяч!^[388] Вера вполне могла бы быть поколеблена, если бы Старый Свет не представил достойного аналога пирамидальной Голгофы, увековечивающей триумфы Тамерлана.^[389]

На территории ограды располагались длинные ряды зданий, предназначенных для проживания священников и других лиц, занимающихся религиозными делами. Говорили, что общее их число составляло несколько тысяч. Здесь также находились основные семинарии для обучения молодежи обоего пола, набираемой в основном из высших и состоятельных классов. Девочек обучали пожилые женщины, которые исполняли обязанности жриц в храмах - обычай, знакомый и Египту. Испанцы признают, что в этих учреждениях соблюдалась величайшая забота о нравственности и самые безупречные манеры поведения. Время учеников было в основном занято, как и в большинстве монастырских заведений, мелким и обременительным церемониалом их принятия в монашество. Мальчиков также обучали тем азам науки, которые были известны их учителям, а девочек посвящали в тайны вышивания и ткачества, которые они использовали при украшении храмов. В подходящем возрасте они обычно отправлялись в мир, чтобы заняться профессиями, соответствующими их положению, хотя некоторые оставались навсегда преданными служению религии.^[390]

Это место также было покрыто зданиями совсем другого характера. Там были зернохранилища, наполненные богатыми продуктами церковных земель, а также первыми плодами и другими приношениями верующих. Один большой особняк был отведен для знатных людей, совершавших паломничество к великому *теокалли*. Территория была украшена садами, затененными вековыми деревьями и орошаемыми фонтанами и водохранилищами из обильных ручьев Чаполтепека. Таким образом, маленькая община была обеспечена почти всем необходимым для собственного содержания и обслуживания храма.^[391]

Это был сам по себе микрокосм, город в городе, и, по утверждению Кортеса, занимал участок земли, достаточно большой для пятисот домов.^[392] В их кратком изложении были представлены крайности варварства, смешанные с определенной цивилизацией, в целом характерной для ацтеков. Грубые Завоеватели видели только свидетельство первого. В фантастических и символических чертах божеств они видели буквальные черты сатаны; в обрядах и легкомысленном церемониале - его особый кодекс проклятия; а в скромном поведении и бережном воспитании воспитанников семинарий - ловушки, которыми он должен был заманивать своих введенных в заблуждение жертв!^[393] Не прошло и столетия, как потомки тех же испанцев разглядели в тайнах религии ацтеков черты, действительно затемненные и искаженные, еврейских и христианских откровений!^[394] Таковы были противоположные выводы неграмотного солдата и

ученого. Философ, не тронутый суевериями, вполне мог бы усомниться, кто из них двоих более необычен.

Вид индейской мерзости, по-видимому, пробудил в испанцах более живое чувство к своей собственной религии, поскольку на следующий день они попросили разрешения Монтесумы переоборудовать один из залов в их резиденции в часовню, чтобы они могли совершать там церковные службы. Монарх, в чьей груди, по-видимому, вскоре улеглось чувство обиды, легко удовлетворил их просьбу и послал нескольких своих ремесленников помочь им в работе.

Пока это происходило, кто-то из испанцев заметил нечто, похожее на недавно обклеенную дверь. Ходили слухи, что Монтесума до сих пор хранит сокровища своего отца, короля Аксаякатля, в этом древнем дворце. Испанцы, узнав об этом факте, без колебаний удовлетворили свое любопытство, сняв штукатурку. Как и ожидалось, за ней скрывалась дверь. Убедившись в этом, они обнаружили, что слухи не были преувеличением. Они увидели большой зал, наполненный богатыми и прекрасными тканями, всевозможными изделиями удивительной работы, золотом и серебром в слитках и в руде, а также множеством ценных драгоценностей. Это были личные сокровища Монтесумы, возможно, пожертвования городов-данников, а когда-то принадлежавшие его отцу. “Я был молодым человеком, - говорит Диас, который был одним из тех, кто увидел это, - и мне казалось, что в этой комнате собраны все богатства мира!”^[395] Испанцы, несмотря на свой восторг по поводу открытия этого драгоценного месторождения, по-видимому, испытывали некоторые похвальные сомнения относительно использования его в своих целях, по крайней мере в настоящее время. И Кортес, после того как закрыл стену, как это было раньше, дал строгие указания, чтобы об этом ничего не говорилось, не желая, чтобы сведения о ее существовании от его гостей достигли ушей Монтесумы.

Трех дней хватило, чтобы завершить строительство часовни; и христиане с удовлетворением увидели, что у них есть храм, где они могут поклоняться Богу по-своему, под защитой Креста и пресвятой Девы. Мессу регулярно совершали отцы Ольмедо и Диас в присутствии собравшейся армии, которые были самыми искренними и образцовыми в своем богослужении, отчасти, как говорит цитированный выше хронист, из соображений приличия, а отчасти из-за ее назидательного влияния на невежественных язычников.^[396]

ГЛАВА III

ТРЕВОГА КОРТЕСА—ЗАХВАТ МОНТЕСУМЫ—ОБРАЩЕНИЕ С НИМ ИСПАНЦЕВ—КАЗНЬ ЕГО ОФИЦЕРОВ—МОНТЕСУМА В КАНДАЛАХ—РАЗМЫШЛЕНИЯ

1519

Испанцы уже неделю находились в Мексике. За это время император проявил к ним самое дружелюбное отношение. Но на душе у Кортеса было далеко не легко. Он чувствовал, что совершенно неясно, как долго продлится это дружелюбное настроение. Могла произойти сотня обстоятельств, которые изменили бы его. Монтесума, вполне естественно, мог счесть содержание такого большого отряда слишком обременительным для своей казны. Жители столицы могли быть недовольны присутствием столь многочисленной вооруженной силы в своих стенах. Между солдатами и гражданами может возникнуть множество причин для отвращения. В самом деле, едва ли было возможно, чтобы такую грубую, распущенную солдатню, как испанцы, можно было долго держать в подчинении без активной работы.^[397] Опасность была еще больше, когда речь шла о тлашкальцах, жестокой расе, которая теперь ежедневно контактировала с нацией, которая питала к ним отвращение. Среди союзников уже ходили слухи, обоснованные или нет, о ропоте среди мексиканцев, сопровождавшемся угрозами наведения мостов.^[398]

Даже если бы испанцам позволили беспрепятственно занять их нынешние помещения, это не способствовало бы достижению главной цели экспедиции. Кортес ни на йоту не приблизился к завоеванию столицы, столь необходимой для задуманного им покорения страны; и в любой день он мог получить известие, что корона или, чего он больше всего боялся, губернатор Кубы послали

превосходящие силы, чтобы вырвать у него завоевание, которое было наполовину достигнуто. Встревоженный этими тревожными размышлениями, он решил выпутаться из своего затруднительного положения одним смелым ударом. Но сначала он передал дело на рассмотрение совета офицеров, которым больше всего доверял, желая разделить с ними ответственность за этот поступок и, без сомнения, более искренне заинтересовать их в его исполнении, сделав его в какой-то мере результатом их совместных суждений.

Когда генерал кратко изложил затруднительность их положения, мнения членов совета разделились. Все признали необходимость немедленных действий. Одна партия выступала за то, чтобы тайно покинуть город и уйти за дамбы, прежде чем их марш сможет быть перехвачен. Другой советовал сделать это открыто, с ведома императора, доброй воли которого у них было так много доказательств. Но обе эти меры казались одинаково неполитичными. Отступление при таких обстоятельствах, да еще столь внезапно предпринятое, походило бы на бегство. Это было бы истолковано как недоверие к самим себе; и что-либо подобное робости с их стороны наверняка навлекло бы на них не только мексиканцев, но и презрение их союзников, которые, несомненно, присоединились бы к общему крику.

Что касается Монтесумы, то могли ли они полагаться на защиту принца, который так недавно был их врагом и который, изменив свое поведение, должно быть, прислушался к его страхам, а не склонностям?

Даже если бы им удалось достичь побережья, их положение было бы немногим лучше. Это означало бы заявить всему миру, что, несмотря на все их высокие похвалы, они не справились с этим предприятием. Их единственная надежда на благосклонность своего государя и на прощение за их незаконные действия была основана на успехе. До сих пор они только открыли Мексику; отступить означало бы предоставить завоевание и его плоды другому. Короче говоря, оставаться и отступать казалось одинаково губительным.

В своем замешательстве Кортес предложил средство, которое не пришло бы в голову никому, кроме самых отважных людей, находящихся в самой отчаянной крайности. Они должны были направиться к королевскому дворцу и доставить Монтесуму в испанские покои честными средствами, если им удастся убедить его, или силой, если потребуется,— во всяком случае, завладеть его персоной.{*} Получив такое обещание, испанцы были бы защищены от нападения мексиканцев, боявшихся актами насилия поставить под угрозу безопасность своего принца. Если бы он пришел по собственному согласию, они были бы лишены всяких извинений за это. Пока император оставался среди испанцев, было бы легко, позволив ему продемонстрировать свою суверенность, править от его имени, пока они не примут меры для обеспечения своей безопасности и успеха своего предприятия. Идея использовать монарха в качестве инструмента управления своим собственным королевством, пусть и новым в эпоху Кортесов, определенно не соответствует нашей.^[399]

{*} [“Беспрецедентная сделка. Я полагаю, ничего подобного нет в анналах мира”. Помогает испанскому завоеванию, ii. 351.—М.]

Благовидный предлог для ареста жалостливого монарха — ибо самое неприкрытое действие стремится прикрыться какой-нибудь демонстрацией благопристойности — было предоставлено обстоятельством, о котором Кортес узнал в Чолуле.^[400] Как мы видели, он оставил верного офицера Хуана де Эскаланте со ста пятьюдесятью солдатами в гарнизоне в Вера-Крус, когда уезжал в столицу. Он отсутствовал недолго, когда его помощник получил послание от вождя ацтеков по имени Квоухпопока, губернатора округа к северу от испанского поселения, в котором говорилось о его желании лично прибыть и принести присягу испанским властям в Вера-Крус. Он попросил прислать четырех белых людей для защиты от некоторых недружественных племен, через которые пролегал его путь. Это была обычная просьба, и она не вызвала у Эскаланте никаких подозрений. Были посланы четверо солдат; и по прибытии двое из них были убиты фальшивым ацтеком. Двое других вернулись в гарнизон.^[401]

Командир немедленно выступил в поход с пятьюдесятью своими людьми и несколькими тысячами союзников-индейцев, чтобы отомстить касику. Последовало ожесточенное сражение. Союзники бежали из укрепленных мексиканских банок. Немногочисленные испанцы держались стойко, и с помощью своего огнестрельного оружия и пресвятой Девы, которая отчетливо виднелась над их рядами в авангарде, они отвоевали поле боя у врага. Однако это дорого им обошлось, поскольку было убито семь или восемь христиан, и среди них сам доблестный Эскаланте, который скончался от полученных ран вскоре после возвращения в форт. Пленные индейцы, захваченные в битве, говорили о том, что все это произошло по наущению Монтесумы.^[402]

Один из испанцев попал в руки туземцев, но вскоре скончался от полученных ран. Его голова была отрублена и отправлена императору ацтеков. Оно было необычайно большим и покрыто волосами; и когда Монтесума вглядывался в свирепые черты лица, ставшие еще более ужасными после смерти, ему казалось, что он читает в них темные черты обреченных разрушителей его дома. Он с содроганием отвернулся от него и приказал, чтобы его вынесли из города и не приносили в жертву ни одному из его богов.

Хотя Кортес получил известие об этой катастрофе при Чолуле, он скрыл это от себя или сообщил лишь очень немногим из своих самых верных офицеров из опасения, какое дурное воздействие это могло оказать на дух простых солдат.

Кавалеры, которых Кортес вызвал на совет, были людьми того же склада характера, что и их предводитель. Их смелый, рыцарский дух, казалось, вызывал опасность ради нее самой. Если один или двое, менее предприимчивых, были поражены сделанным им предложением, они вскоре были отвергнуты остальными, которые, без сомнения, считали, что отчаянная болезнь требует столь же отчаянного средства.

В ту ночь было слышно, как Кортес расхаживал по своей квартире взад и вперед, как человек, угнетенный мыслями или взволнованный сильным чувством. Возможно, в его голове зрел дерзкий план на завтра.^[403] Утром солдаты, как обычно, отслужили мессу, и отец Ольмедо призвал благословение Небес на их опасное предприятие. Какой бы ни была причина, по которой он был брошен на произвол судьбы, сердце испанца возрадовалось уверенности в том, что святые на его стороне!^[404]

Попросив аудиенции у Монтесумы, которая была с готовностью предоставлена, генерал предпринял необходимые приготовления для своего предприятия. Основная часть его войск была сосредоточена во дворе, и он разместил значительный отряд на аллеях, ведущих ко дворцу, чтобы пресечь любые попытки населения к спасению. Он приказал двадцати пяти или тридцати солдатам заходить во дворец, как бы случайно, группами по три-четыре человека за раз, пока продолжалось совещание с Монтесумой. Он выбрал пятерых кавалеров, чьему мужеству и хладнокровию он больше всего доверял, составить ему компанию: Педро де Альварадо, Гонсало де Сандовалья, Франсиско де Лухо, Веласкеса де Леона и Алонсо де Авилу — блестящие имена в анналах Завоевания. Все они, как и обычные солдаты, были облачены в полные доспехи - обстоятельство слишком знакомое, чтобы вызывать подозрения.

Маленькая компания была любезно принята императором, который вскоре с помощью переводчиков увлекся непринужденной беседой с испанцами, одновременно проявляя свою природную щедрость, преподнося им подарки из золота и драгоценных камней. Он оказал испанскому генералу особый комплимент, предложив ему в жены одну из своих дочерей; честь, от которой последний почтительно отказался на том основании, что у него уже была одна дочь на Кубе и что его религия запрещает многоженство.

Когда Кортес увидел, что собрано достаточное количество его солдат, он изменил свою шутовскую манеру и серьезным тоном кратко ознакомил Монтесуму с предательскими действиями на *огненной земле* обвинениями, выдвинутыми против него как против их автора. Император с удивлением выслушал обвинение и отверг этот поступок, который, по его словам, могли

приписать ему только его враги. Кортес выразил свою веру в это заявление, но добавил, что для доказательства его истинности необходимо было бы послать за Квоупопокой и его помощниками, чтобы их допросили и поступили с ними по заслугам. На это Монтесума не возразил. Сняв со своего запястья, к которому он был прикреплен, драгоценный камень, королевскую печать, на которой была вырезана фигура Бога войны,^[405] он отдал ее одному из своих вельмож с приказом показать ее губернатору ацтеков и потребовать его немедленного присутствия в столице вместе со всеми теми, кто был соучастником убийства испанцев. Если он оказывал сопротивление, офицер был уполномочен призвать на помощь соседние города для приведения в исполнение приказа.

Когда гонец ушел, Кортес заверил монарха, что такое быстрое выполнение его просьбы убедило его в своей невинности. Но было важно, чтобы его собственный суверен был в равной степени убежден в этом. Ничто так не способствовало бы этому, как перенос Монтесумой своей резиденции во дворец, занятый испанцами, до тех пор, пока по прибытии Квоупопоки дело не будет полностью расследовано. Такой акт снисхождения сам по себе продемонстрировал бы личное уважение к испанцам, несовместимое с низменным поведением, в котором его обвиняют, и полностью снял бы с него все подозрения!^[406]

Монтесума выслушал это предложение и неубедительные доводы, которыми оно было прикрыто, с выражением глубокого изумления на лицах. Он побледнел как смерть; но через мгновение его лицо вспыхнуло от негодования, когда с гордостью оскорбленного достоинства он воскликнул: “Когда это слышано, чтобы такой великий принц, как я, добровольно покинул свой дворец, чтобы стать пленником в руках чужаков!”

Кортес заверил его, что он не поедет туда в качестве пленника. Испанцы не будут относиться к нему с уважением, он будет окружен своими домочадцами и будет общаться со своим народом, как обычно. Короче говоря, это была бы всего лишь смена места жительства, из одного из его дворцов в другой, обстоятельство, часто встречающееся у него. Все было напрасно. “Если бы я согласился на такое унижение, - ответил он, - мои подданные никогда бы этого не сделали”.^[407] При дальнейшем давлении он предложил отдать одного из своих сыновей и двух дочерей испанцам в качестве заложников, чтобы избежать этого позора.

В этой бесплодной дискуссии прошло два часа, пока пылкий кавалерист Веласкес де Леон, раздраженный долгой задержкой и видящий, что попытка, если не дело, погубит их, не закричал: “Зачем мы тратим слова на этого варвара? Мы зашли слишком далеко, чтобы отступать. Давайте схватим его и, если он будет сопротивляться, вонзим наши мечи в его тело!”^[408] Свирепый тон и угрожающие жесты, с которыми это было произнесено, встревожили монарха, который поинтересовался у Марины, что сказал разгневанный испанец. Переводчица объяснила это настолько мягко, насколько могла, умоляя его “сопроводить белых людей в их жилище, где к нему будут относиться со всем уважением и добротой, в то время как отказать им значило бы лишь подвергнуть себя насилию, возможно, смерти”. Марина, несомненно, говорила со своим сувереном так, как думала, и ни у кого не было лучшей возможности узнать правду, чем у нее.

Этот последний призыв поколебал решимость Монтесумы. Напрасно несчастный принц оглядывался вокруг в поисках сочувствия или поддержки. Когда его взгляд скользнул по суровым лицам и железным фигурам испанцев, он почувствовал, что его час действительно пробил; и голосом, едва слышным от волнения, он согласился сопровождать незнакомцев, покинуть дворец, куда ему больше никогда не суждено было вернуться. Если бы он обладал духом первого Монтесумы, он скорее созвал бы вокруг себя стражу и оставил бы свою кровь на пороге, чем потащил бы через него обесчещенного пленника. Но в сложившихся обстоятельствах его мужество пошатнулось. Он чувствовал себя орудием неодолимой Судьбы!^[409]

Как только испанцы получили его согласие, были отданы распоряжения о королевских носилках. Дворяне, которые несли их и сопровождали, едва могли поверить своим чувствам, когда узнали о намерениях своего господина. Но теперь гордость пришла на помощь Монтесуме, и, поскольку он должен был уйти, он предпочел, чтобы это произошло по его собственной воле.

Когда королевская свита в сопровождении испанцев маршировала по улице с опущенными глазами и удрученным видом, люди собирались толпами, и среди них разнесся слух, что императора силой увезли в кварталы белых людей. Вскоре поднялась бы суматоха, если бы не вмешательство самого Монтесумы, который призвал народ разойтись, поскольку он по собственной воле навещал своих друзей; таким образом, он закрепил свой позор заявлением, которое лишило его подданных единственного предлога для сопротивления.{*} Добравшись до кварталов, он разослал своих дворян с аналогичными заверениями толпе и повторил приказ возвращаться по домам.^[410]

{*} [Авторы школы Моргана и Банделье справедливо придают большое значение обстоятельствам, связанным с пленением Монтесумы, как стремящимся доказать, что так называемый “император” не обладал реальной властью, а был всего лишь представителем племени. Система правления ацтеков разительно отличалась от обычного общинного типа и в следующем столетии могла бы развиться в монархическую систему, но, тем не менее, это все еще была военная демократия. Кортес был расквартирован в Текпане племени, который текпан Монтесума освободил, чтобы предоставить жилье своим гостям. Поэтому не было ничего удивительного в том, что вождь вернулся в свои старые покои. Королевских гвардейцев, которые могли бы защитить его особу, не было. Когда он попал во власть испанцев, его влияние было утрачено. Но люди, чьим главным офицером он был, оказались в затруднительном положении. Имея дело с другими племенами, испанцы убедились, что индейцы деморализованы и неспособны сражаться, когда их касики были взяты в плен. (*Сисике* - так обычно называли Монтесуму в первых посланиях Кортеса.) Согласно обычаям аборигенов, военнопленные были убиты, а их должности возвращены племени. Кортес, взяв Монтесуму в плен, захватил и этого человека, и его офис. При обычных обстоятельствах в должности не могло быть вакансии до тех пор, пока ее обладатель не умрет. Позже мы отметим огромную ошибку, допущенную Кортесом из—за его незнания институтов ацтеков.-М.]

Испанцы приняли его с показным уважением, и он выбрал апартаменты, которые ему больше всего понравились. Вскоре они были украшены прекрасными хлопчатобумажными гобеленами, вышивкой из перьев и всеми изысками индийской обивки мебели. Его сопровождали те из его домочадцев, кого он выбирал, его жены и пажи, и за трапезой ему прислуживали с обычной для него помпой и роскошью.{*} Он давал аудиенции, как в своем собственном дворце, своим подданным, которые допускались к нему, правда, по несколько человек за раз, под предлогом соблюдения большего порядка и благопристойности. Со стороны самих испанцев он встретил формальное почтение. Никто, даже сам генерал, не приближался к нему, не сняв каску и не оказав подобающего его званию поклона. И они никогда не садились в его присутствии без его приглашения.^[411]

{*} [По словам Тапи, его слуги приносили ему за каждым приемом пищи более четырехсот блюд из мяса, дичи и рыбы, смешанных с овощами и фруктами: “*é debajo de cada plato de los que ás servidores les parecia que él comerie, venia un brasero con lumbre; ... siempre le traian platos nuevos en que comie, é jamas comie en cada plato mas du una vez, ni se vistie ropa mas de una vez; é lavábase el cuerpo cada dia dos veces.*” Икасбалсета, полковник . de Doc. para la Hist. de México, tom. ii.—К.]

При всей этой тщательно продуманной церемонии и демонстрации почтения было одно обстоятельство, которое слишком ясно говорило его народу о том, что их государь - пленник. Перед дворцом был установлен патруль из шестидесяти человек, и столько же - в тылу. Двадцать человек из каждого корпуса сразу же поднялись в караул, неся бдительное наблюдение днем и ночью.^[412] Другой отряд под командованием Веласкеса де Леона был размещен в королевской приемной. Кортес со всей строгостью наказывал этих часовых за любое отступление от службы или ослабление бдительности.^[413] Он чувствовал, как, впрочем, и каждый испанец, что бегство императора теперь приведет их к гибели. И все же эта непрерывная вахта значительно усилила их утомление. “Пусть лучше этот королевский пес умрет, - воскликнул однажды солдат, - чем мы

будем так изматывать свои жизни”. Эти слова были произнесены в присутствии Монтесумы, который кое-что понял из их значения, и нарушитель был сурово наказан по приказу генерала.^[414] Однако такие случаи неуважения были очень редки. Действительно, любезное поведение монарха, который, казалось, получал удовольствие от общества своих тюремщиков и который никогда не позволял, чтобы благосклонность или внимание самого подлого солдата оставались безответными, внушало испанцам такую привязанность, на какую они были способны, — к варвару.^[415]

Так обстояли дела, когда было объявлено о прибытии Квоупопоки с побережья. Его сопровождали его сын и пятнадцать вождей ацтеков. Он проделал весь этот путь, несомый, как и подобало его высокому сану, на носилках. Войдя к Монтесуме, он накинул поверх своей одежды грубую мантию *некуэнаи* совершил обычные унижительные поклоны. Убогий парад придворных церемоний был тем более поразителен, что контрастировал с действительным состоянием сторон.

Правитель ацтеков был холодно принят своим хозяином, который передал это дело (имел ли он право поступить иначе?) на рассмотрение Кортеса. Несомненно, оно было проведено в достаточно сжатой форме. На вопрос генерала, был ли касик подданным Монтесумы, он ответил: “А какому другому государю я мог бы служить?” подразумевая, что его влияние было всеобщим.^[416] Он не отрицал своей доли в сделке и не пытался укрыться под королевской властью, пока ему и его последователям не был вынесен смертный приговор, когда все они возложили вину за свои действия на Монтесуму.^[417] Они были приговорены к сожжению заживо на площади перед дворцом. Погребальные кучи были сложены из куч стрел, дротиков и другого оружия, извлеченного с разрешения императора из арсеналов вокруг великого *теокалли*, где они хранились для обеспечения средств защиты во времена гражданских беспорядков или восстаний. Этой политической мерой предосторожности Кортес предложил устранить готовое средство раздражения на случай военных действий с гражданами.

В довершение всего этого экстраординарного действия Кортес, пока шли приготовления к казни, вошел в апартаменты императора в сопровождении солдата с оковами в руках. С суровым видом он обвинил монарха в том, что тот был первоначальным организатором насилия, совершенного против испанцев, что теперь было доказано декларацией его собственных документов. Такое преступление, которое заслуживало смертной казни для подданного, не могло быть искуплено даже государем без какого-либо наказания. С этими словами он приказал солдату застегнуть кандалы на лодыжках Монтесумы. Он хладнокровно подождал, пока это будет сделано, затем, повернувшись спиной к монарху, вышел из комнаты.

Монтесума потерял дар речи от нанесенного ему последнего оскорбления. Он был подобен человеку, сраженному тяжелым ударом, который лишил его всех способностей. Он не оказывал сопротивления. Но, хотя он не произносил ни слова, время от времени тихие, плохо подавляемые стоны свидетельствовали о душевных муках. Его слуги, обливаясь слезами, предлагали ему свои утешения. Они нежно держали его ноги в своих объятиях и пытались, надев свои шали и накидки, освободить их от давления железа. Но они не могли дотянуться до железа, которое проникло в его душу. Он чувствовал, что больше не является королем.

Тем временем исполнение ужасного приговора продолжалось. Все испанские силы были вооружены, чтобы предотвратить любое вмешательство, которое могли предложить мексиканцы. Но ни одна попытка не была предпринята. Население смотрело в безмолвном изумлении, расценив это как приговор императора. Способ казни также вызвал меньшее удивление, поскольку они были знакомы с подобными зрелищами, усугубленными, по сути, дополнительными ужасами их собственных дьявольских жертвоприношений. Повелитель ацтеков и его спутники, привязанные по рукам и ногам к пылающим столбам, без крика и жалобы покорились своей ужасной участи. Пассивная стойкость - добродетель индейского воина; и славой ацтеков, как и других рас североамериканского континента, было показать, как дух храбреца может восторжествовать над пытками и агонией смерти.

Когда ужасная трагедия закончилась, Кортес снова вошел в квартиру Монтесумы. Опустившись на колени, он собственноручно расстегнул кандалы, выражая в то же время свое сожаление по поводу того, что на него была возложена столь неприятная обязанность, как подвергнуть его такому наказанию. Это последнее унижение совершенно сокрушило дух Монтесумы; и монарх, чей хмурый взгляд всего неделю назад заставил бы трепетать народы Анауака до самых отдаленных границ, теперь был достаточно труслив, чтобы поблагодарить своего избавителя за свою свободу, как за великое и незаслуженное благо!^[418]

Вскоре после этого испанский генерал, решив, что его царственный пленник достаточно унижен, выразил готовность вернуться, если тот пожелает, в свой собственный дворец. Монтесума отклонил это предложение, утверждая, как говорят, что его вельможи не раз приставали к нему, чтобы он возместил нанесенный ему ущерб, подняв оружие против испанцев, и что, оказись он среди них, было бы трудно избежать этого или спасти свою столицу от кровопролития и анархии.^[419] Причина сделала честь его сердцу, если это была та, которая повлияла на него. Вероятно, он не хотел доверять свою безопасность этим надменным и свирепым вождям, которые были свидетелями унижения своего господина и, должно быть, презирали его малодушие, как нечто беспрецедентное для ацтекского монарха. Также говорят, что, когда Марина передала ему разрешение Кортеса, другой переводчик, Агилар, дал ему понять, что испанские офицеры никогда не согласятся, чтобы он им воспользовался.^[420]

Каковы бы ни были его причины, несомненно, что он отклонил предложение; и генерал в хорошо притворном или настоящем экстазе обнял его, заявив, “что любит его как брата и что каждый испанец будет ревностно предан его интересам, поскольку он показал, что так заботится об их!” Сладкие слова, “которым, - говорит проникательный старый хронист, присутствовавший при этом, - Монтесума был достаточно мудр, чтобы знать цену”.

События, описанные в этой главе, безусловно, являются одними из самых экстраординарных на страницах истории. Что небольшая группа людей, вроде испанцев, проникла во дворец могущественного принца, схватила его среди его вассалов, увела пленником в свои покои, — что они предали позорной смерти на его глазах своих высших офицеров за то, что они выполняли, вероятно, его собственные приказы, и увенчали все это, заковав монарха в кандалы, как обычного преступника, — что это должно было быть сделано не по отношению к слабоумному маразматiku в упадке его состояния, а по отношению к целому племени. гордый монарх в расцвете своей власти, в самом сердце своей столицы, окруженный тысячами и десятками тысяч людей, которые трепетали по его знаку и пролили бы свою кровь, как воду, в его защиту, — то, что все это было сделано всего лишь горсткой авантюристов, слишком экстравагантно, в целом слишком невероятно для страниц романа! Тем не менее, это буквально правда. И все же мы не будем готовы согласиться с суждениями современников, которые относились к этим действиям с восхищением. Мы вполне можем не доверять любым основаниям, на которых пытаются оправдать похищение дружественного монарха, причем теми самыми людьми, которые в полной мере воспользовались его милостями.

Чтобы взглянуть на дело иначе, мы должны занять позицию Завоевателей и принять вместе с ними первоначальное право завоевания. Если рассматривать его с этой точки зрения, многие трудности исчезают. Если бы завоевание было долгом, все, что было необходимо для его осуществления, также было правильным. Правильное и целесообразное становятся взаимозаменяемыми понятиями. И вряд ли можно отрицать, что захват монарха был целесообразен, если бы испанцы сохранили свою власть над империей.^[421]

Казнь правителя ацтеков наводит на другие размышления. Если он действительно был виновен в вероломном поступке, вменяемом ему Кортесом, и если Монтесума отрекся от него, губернатор заслуживал смерти, и генерал был оправдан международным правом в ее совершении.^[422] Однако далеко не так ясно, почему он привлек к этому предложению стольких людей; большинство, возможно, все, из которых, должно быть, действовали под его руководством. Жестокий способ

смерти меньше поразит тех, кто знаком с установленными уголовными кодексами большинства цивилизованных стран шестнадцатого века.

Но, если губернатор заслуживал смерти, какой был повод для надругательства над личностью Монтесумы? Если первый был виновен, то второй, безусловно, нет. Но, если касик действовал только во исполнение приказов, ответственность возлагалась на суверена, который отдавал приказы. Они не могли относиться к одной категории.

Однако тщетно рассуждать по этому поводу на основе каких-либо абстрактных принципов добра и зла или предполагать, что Завоеватели утруждали себя изощренной казуистикой. Их стандарты добра и зла по отношению к туземцам были очень простыми. Презирая их как расу, объявленную вне закона, лишенную Бога в мире, они, как и их эпоха, считали своей “миссией” (позаимствуем расхожее выражение наших дней) завоевывать и обращать. Принятые ими меры, несомненно, способствовали первому крупному завоевательному делу. Казнив касиков, они посеяли ужас не только в столице, но и по всей стране. В нем провозглашалось, что ни один волос испанца не должен быть тронут безнаказанно! Сделав Монтесуму презренным в своих собственных глазах и глазах своих подданных, Кортес лишил его поддержки своего народа и вынудил опереться на руку незнакомца. Это был политический ход, на который могли бы равняться немногие люди, в чьей натуре была хоть капля человечности.

Хорошим критерием морального чувства действующих лиц этих событий являются размышления Берналя Диаса, сделанные, как мы помним, примерно через пятьдесят лет после самих событий, когда огонь юности угас и глаз, оглядывающийся назад через перспективу полувека, может показаться, что он не затуманен страстями и предрассудками, которые окутывают туманом настоящее. “Теперь, когда я стар, - говорит ветеран, - я часто развлекаю себя тем, что вспоминаю героические подвиги прежних дней, пока они не станут такими же свежими, как вчерашние события. Я думаю о захвате индийского монарха, его заточении в кандалы и казни его офицеров, пока мне не начинает казаться, что все это действительно проходит передо мной. И когда я размышляю о наших подвигах, я чувствую, что мы совершили их не сами по себе, а по провидению Божьему, которое направляло нас. Здесь много пищи для медитации!”^[423] Это действительно так, и для размышления не лишено смысла, поскольку мы размышляем о прогрессе, по крайней мере в спекулятивной морали, которого девятнадцатый век достиг по сравнению с шестнадцатым. Но не должно ли сознание этого научить нас милосердию? Не должно ли это сделать нас более недоверчивыми к применению стандарта настоящего для оценки действий в прошлом?

ГЛАВА IV

ПОВЕДЕНИЕ МОНТЕСУМЫ —ЕГО ЖИЗНЬ В ИСПАНСКИХ КВАРТАЛАХ— ЗАМЫШЛЯВШЕЕСЯ ВОССТАНИЕ—АРЕСТ СЕНЬОРА ТЕЦКОКО—ДАЛЬНЕЙШИЕ МЕРЫ КОРТЕСА

1520

Поселение Ла-Вилья-Рика-де-Вера-Крус имело для испанцев последнее значение. Это был порт, через который они должны были сообщаться с Испанией; опорный пункт, на который они должны были отступить в случае катастрофы и который должен был обуздать своих врагов и обеспечить безопасность своим союзникам; *point d'appui* для всех их операций в стране. Поэтому было очень важно, чтобы забота о нем была доверена надлежащим рукам.

Кавалер по имени Алонсо де Градо был послан Кортесом занять место, освободившееся после смерти Эскаланте. Он был человеком, пользующимся большей репутацией в гражданских, чем в военных делах, и считалось, что он с большей вероятностью будет поддерживать мирные отношения с туземцами, чем человек с более воинственным духом. Кортес сделал — что с ним было редкостью — неудачный выбор. Вскоре он получил такие сообщения о проблемах в поселении из-за взыскательности и халатности нового губернатора, что решил заменить его.

Теперь он передал командование Гонсало де Сандовалю, молодому кавалеру, который на протяжении всей кампании проявлял исключительную отвагу в сочетании с проницательностью и осмотрительностью; а хорошее настроение, с которым он переносил все лишения, и его приветливые манеры сделали его любимцем всех, как рядовых, так и офицеров. Сандовал соответственно покинул лагерь и направился к побережью. Кортес не ошибся в своем человеке во второй раз.

Несмотря на фактический контроль, осуществляемый испанцами через своего королевского пленника, Кортес почувствовал некоторое беспокойство, когда подумал, что во власти индейцев было в любой момент прервать его связь с окружающей страной и держать его пленником в столице. Поэтому он предложил построить два судна достаточного размера, чтобы переправить свои войска через озеро и таким образом сделать себя независимым от дамб. Монтесума был доволен идеей увидеть эти чудесные “дома на воде”, о которых он так много слышал, и с готовностью дал разрешение на вырубку древесины в королевских лесах для этой цели. Работа велась под руководством Мартина Лопеса, опытного судостроителя. Сандовалю также был отдан приказ прислать с побережья запас снастей, парусов, железа и других необходимых материалов, которые были благоразумно сэкономлены при уничтожении флота.^[424]

Тем временем император ацтеков проводил свои дни в испанских покоях не слишком отличаясь от того, к чему он привык в своем собственном дворце. Его надзиратели были слишком хорошо осведомлены о ценности своей добычи, чтобы не сделать все, что могло сделать его пребывание в плену комфортным и скрыть это от него самого. Но цепь будет желчной, хотя и увитой розами. После завтрака Монтесумы, который представлял собой легкое блюдо из фруктов или овощей, Кортес или кто-нибудь из его офицеров обычно прислуживали ему, чтобы узнать, нет ли у него для них каких-либо распоряжений. Затем он посвящал некоторое время делам. Он давал аудиенции тем из своих подданных, у кого были петиции, которые нужно было рассмотреть, или иски, которые нужно было урегулировать. Заявление стороны было составлено на иероглифических свитках, которые были переданы ряду советников или судей, которые помогали ему своими советами в этих случаях. Также допускались посланники из иностранных государств или его собственных отдаленных провинций и городов, и испанцы следили за тем, чтобы по отношению к королевской марионетке соблюдался тот же точный и педантичный этикет, что и при всей полноте его власти.

После того, как с делами было покончено, Монтесума часто забавлялся, наблюдая, как кастильские войска выполняют свои военные упражнения. Он тоже был солдатом и в свои лучшие дни руководил армиями в полевых условиях. Было вполне естественно, что он заинтересовался новым проявлением европейской тактики и дисциплины. В другое время он вызывал Кортеса или его офицеров поиграть в какие-нибудь национальные игры. Любимой была игра под названием *totoloque*, в которую играли золотыми шарами, нацеленными в мишень или метку из того же металла. Монтесума обычно ставил на кон что-нибудь ценное - драгоценные камни или слитки золота. Он проиграл с честью; на самом деле, не имело большого значения, выигрывал он или проигрывал, поскольку обычно он раздавал свой выигрыш своим слугам.^[425] По правде говоря, у него был самый щедрый дух. Враги обвиняли его в жадности. Но если бы он был жадным, это могло быть только для того, чтобы ему было что отдать.

У каждого из испанцев было несколько мексиканцев, мужчин и женщин, которые занимались его приготовлением пищи и различными другими личными делами. Кортес, считая, что содержание этого множества слуг было тяжелым налогом для королевской казны, приказал уволить их, за исключением одного, который должен был быть оставлен для каждого солдата. Монтесума, узнав об этом, вежливо упрекнул генерала в его тщательной экономии, как неподобающей королевскому заведению, и, отменив приказ, распорядился предоставить дополнительные помещения для прислуги и удвоить их жалованье.

В другом случае солдат похитил несколько золотых безделушек из сокровищницы, хранившейся в комнате, которая с момента прибытия Монтесумы в испанские кварталы была вновь открыта. Кортес хотел наказать этого человека за кражу, но император вмешался и сказал ему: “Твои соотечественники могут забрать золото и другие предметы, если ты только пощадишь те, что принадлежат богам”. Некоторые солдаты, воспользовавшись его разрешением, унесли в свои квартиры несколько сотен тюков тонкого хлопка. Когда это было представлено Монтесуме, он только ответил: “То, что я однажды отдал, я никогда больше не заберу обратно”.^[426]

Будучи таким безразличным к своим сокровищам, он был остро чувствителен к личному пренебрежению или оскорблению. Когда простой солдат однажды гневно заговорил с ним, на глазах монарха выступили слезы, поскольку это заставило его почувствовать истинный характер своего бессильного состояния. Кортес, узнав об этом, пришел в такую ярость, что приказал повесить солдата, но, по заступничеству Монтесумы, заменил этот суровый приговор поркой. Генерал не желал, чтобы кто-то, кроме него самого, обращался с его царственным пленником недостойно. Монтесуме было предложено добиться дальнейшего смягчения наказания. Но он отказался, сказав, “что, если бы кто-либо из его подданных нанес подобное оскорбление Малинче, он бы отреагировал подобным же образом”.^[427]

Такие случаи неуважения были очень редки. Дружелюбные и безобидные манеры Монтесумы вкупе с его щедростью, самой популярной добродетелью среди простолюдинов, сделали его всеобщим любимцем испанцев.^[428] Высокомерие, которым он так отличался в дни своего процветания, покинуло его после падения состояния. Его характер в неволе, кажется, претерпел что-то вроде тех изменений, которые происходят с дикими животными в лесу, когда они заключены в клетку в стенах зверинца.

Индийский монарх знал по имени каждого солдата в армии и тщательно следил за тем, чтобы ему соответствовало звание.^[429] К некоторым он проявлял сильное пристрастие. Он получил от генерала любимого пажа по имени Ортегиля, который, находясь при нем постоянно, вскоре достаточно выучил мексиканский язык, чтобы быть полезным своим соотечественникам. Монтесума также получал большое удовольствие от общества Веласкеса де Леона, капитана его гвардии, и Педро де Альварадо, *Тонатиуха*, или “Солнца”, как его называли ацтеки за его желтые волосы и солнечное выражение лица. Солнечный свет, как показали последующие события, иногда мог быть прелюдией к ужасной буре.

Несмотря на все старания избавить его от скуки заточения, царственный узник время от времени бросал задумчивый взгляд за стены своей резиденции, на древние места работы или развлечений. Он намекнул на желание совершить свои богослужения в великом храме, где он когда-то был так постоянен в своем богослужении. Предложение поразило Кортеса. Однако это было слишком разумно для него, чтобы возражать против этого, не полностью отбрасывая видимость, которую он желал поддерживать. Но он обеспечил возвращение Монтесумы, отправив с ним эскорт из ста пятидесяти солдат под командованием тех же решительных кавалеристов, которые помогали в его захвате. Он также сказал ему, что в случае хотя бы попытки сбежать он немедленно заплатит неустойку за свою жизнь. Охраняемый таким образом, индийский принц посетил *теокалли*, где его приняли как обычно, и, совершив свои религиозные обряды, он снова вернулся в свои покои.^[430]

Вполне можно полагать, что испанцы не пренебрегли возможностью, предоставленной его пребыванием у них, привить ему некоторые представления о христианской доктрине. Отцы Диас и Ольмедо исчерпали весь свой запас логики и убеждения, чтобы поколебать его веру в своих кумиров, но тщетно. Он, действительно, уделял самое назидательное внимание, которое давало надежду на лучшее. Но конференции всегда заканчивались заявлением, что “Бог христиан был добр, но боги его собственной страны были для него истинными богами”.^[431] Однако говорят, что они вымогали у него обещание, что он больше не будет принимать участия в человеческих жертвоприношениях. И все же такие жертвоприношения были обычным делом в больших храмах

столицы; и люди были слишком слепо привязаны к их кровавым злодеяниям, чтобы испанцы сочли безопасным, по крайней мере в настоящее время, открыто вмешиваться.

Монтесума проявлял также склонность к удовольствиям охоты, которые он когда-то безмерно любил. Для этой цели у него были зарезервированы большие леса на другой стороне озера. Поскольку испанские бригадины были уже построены, Кортес предложил перевезти его и его свиту через воду на них. Они были хорошего роста, крепкого телосложения. На самом крупном были установлены четыре фальконета, или небольших ружья. Он был защищен ярко раскрашенным тентом, натянутым над палубой, а на мачте гордо развевался королевский флаг Кастилии. На борту этого судна Монтесума, обрадованный возможностью стать свидетелем мореходного мастерства белых людей, поднялся на борт со свитой ацтекской знати и многочисленной гвардией испанцев. Свежий бриз играл на воде, и вскоре судно оставило позади себя стаи легких пирог, которые затемняли их поверхность. Она казалась живым существом в глазах изумленных туземцев, которые видели, как она, словно пренебрегая человеческой волей, проносится мимо на снежных крыльях, словно на крыльях ветра, в то время как раскаты грома с ее бортов, теперь впервые нарушившие тишину этого “внутреннего моря”, показывали, что прекрасный призрак был облачен в ужас.^[432]

Королевская охота была богата дичью; некоторых император подстрелил стрелами, а других многочисленные слуги загнали в сети.^[433] Во время этих лесных упражнений, пока он бродил по своим диким владениям, Монтесума, казалось, снова наслаждался сладостями свободы. Однако это была всего лишь тень свободы; как и в своих покоях, дома, он наслаждался лишь тенью королевской власти. Дома или за границей испанец всегда был прикован к нему.

Но, хотя он без борьбы смирился со своей бесславной участью, были и другие, которые смотрели на это с совершенно иными эмоциями. Среди них был его племянник Какама, сеньор Тецкоко, молодой человек не старше двадцати пяти лет, но пользовавшийся большим уважением благодаря своим высоким личным качествам, особенно бесстрашию характера. Это был тот самый принц, которого Монтесума послал приветствовать испанцев при их вступлении в Долину; и когда вопрос об их приеме впервые обсуждался на совете, он посоветовал принять их с честью как послов иностранного принца, и, если они окажутся не такими, какими притворяются, тогда будет достаточно времени поднять против них оружие. Это время, подумал он, теперь пришло.

В предыдущей части этой работы читатель познакомился с древней историей монархии аколхуан, или тецкукан, некогда гордой соперницы ацтеков по могуществу и значительно превосходившей их по цивилизации.^[434] Говорят, что при его последнем правителе, Несауальпилли, его территория была сильно урезана коварными действиями Монтесумы, который разжигал раздоры и неподчинение среди своих подданных. После смерти тецкуканского принца вопрос о престолонаследии был оспорен, и завязалась кровопролитная война между его старшим сыном, Какамой, и амбициозным младшим братом, Икстлильшочитлем. За этим последовал раздел королевства, в ходе которого последний вождь удерживал горные районы к северу от столицы, оставив остаток Какаме. Несмотря на то, что город был лишен значительной части своих наследственных владений, он сам по себе был настолько важен, что правитель Тецкоко все еще занимал высокое положение среди мелких князьков Долины. Его столица на момент завоевания насчитывала, по словам Кортеса, сто пятьдесят тысяч жителей.^[435] Он был украшен благородными зданиями, соперничающими с таковыми в самой Мексике, а руины, которые до сих пор можно встретить на его древнем месте, свидетельствуют о том, что когда-то это была резиденция принцев.^[436]

Молодой вождь тецкуканцев с негодованием и немалым презрением взирал на жалкое положение своего дяди. Он пытался пробудить его к мужественному усилию, но тщетно. Затем он приступил к созданию союза с несколькими соседними касиками, чтобы спасти своего родственника и сбросить ненавистное иго чужеземцев. Он обратился к правителю Истапалапана,

брату Монтесумы, правителю Тлакопана и некоторым другим наиболее авторитетным лицам, все они искренне разделяли его взгляды. Затем он призвал знатных ацтеков присоединиться к ним, но они выразили нежелание предпринимать какие-либо шаги, не санкционированные императором.^[437] Они, несомненно, испытывали глубокое почтение к своему хозяину; но представляется вероятным, что зависть к личным взглядам Какамы повлияла на их решимость. Каковы бы ни были их мотивы, несомненно, что этим отказом они упустили лучшую из когда-либо представлявшихся возможностей для восстановления независимости своего суверена и своей собственной.

Эти интриги не могли вестись настолько тайно, чтобы не достичь ушей Кортеса, который со свойственной ему оперативностью немедленно двинулся бы маршем на Тецкоко и затоптал искру “восстания”^[438] прежде, чем она успела разразиться пламенем. Но от этого его отговорил Монтесума, который заявил, что Какама был человеком решительным, опирающимся на могущественную силу, и его нельзя было свергнуть без отчаянной борьбы. Поэтому он согласился на переговоры и отправил касику послание с дружеским упреком. В ответ он получил надменный ответ. Кортес ответил более угрожающим тоном, утверждая верховенство своего собственного суверена, императора Кастилии. На это Какама ответил: “Он не признавал такой власти; он ничего не знал об испанском монархе или его народе и не хотел ничего знать о них”.^[439] Монтесума не добился большого успеха в своем обращении к Какаме с просьбой приехать в Мексику и позволить ему выступить посредником в его разногласиях с испанцами, с которыми, как он заверил принца, он живет как друг. Но молодого лорда Тецкоко так просто не проведешь. Он понял позицию своего дяди и ответил, “что когда он действительно посетит его столицу, то сделает это для того, чтобы спасти ее, а также самого императора и их общих богов от рабства. Он должен прийти, но не с рукой за пазухой, а с мечом, чтобы изгнать ненавистных чужеземцев, которые навлекли такое бесчестие на их страну!”^[440]

Кортес, разгневанный таким вызывающим тоном, снова пустился бы в ход, чтобы наказать его, но Монтесума вмешался со своими более искусными политиками. По его словам, у него на жалованье были несколько дворян Тецкукана,^[441] и с их помощью было бы легко обезопасить Какаму и, таким образом, разогнать конфедерацию сразу, без кровопролития. Содержание корпуса стипендиатов при дворах соседних князей было изысканностью, которая показывала, что западный варвар разбирался в науке политических интриг не хуже некоторых своих царственных собратьев по ту сторону океана.

Благодаря ухищрениям этих вероломных дворян, Какама был вынужден провести совещание по поводу предполагаемого вторжения на вилле, которая нависала над озером Тецкукан, недалеко от его столицы. Как и большинство главных зданий, оно было приподнято так, чтобы под ним могли заходить лодки. В разгар конференции Какама был схвачен заговорщиками, поспешно поднят на борт приготовленного для этой цели барка и перевезен в Мексику. Оказавшись в присутствии Монтесумы, пылкий вождь несколько не утратил своей гордости и возвышенности. Он обвинял своего дядю в вероломстве и малодушии, столь недостойных его прежнего характера и королевского дома, из которого он происходил. Император передал его Кортесу, который, цenia королевскую власть, но не придавая большого значения индийскому принцу, заковал его в кандалы.^[442]

В то время в Мексике жил брат Какамы, юноша намного моложе его самого. По наущению Кортеса Монтесума, притворившись, что его племянник утратил суверенитет из-за своего позднего *восстания*, объявил его низложенным и назначил на его место Куикуицку. Правителям ацтеков всегда предоставлялась высшая власть в вопросах, связанных с престолонаследием. Но это было самое непозволительное ее проявление. Однако тецкуканцы согласились с готовностью и уступчивостью, свидетельствовавшей о том, что их преданность мало зависела от них, или, что более вероятно, о том, что они испытывали благоговейный страх перед испанцами; и нового принца приветствовали в его столице одобрительными возгласами.^[443]

Кортес все еще хотел прибрать к рукам других вождей, вступивших в союз с Какамой. Это было несложно. Власть Монтесумы была абсолютной везде, кроме его собственного дворца. По его приказу касики были схвачены, каждый в своем городе, и в цепях доставлены в Мексику, где Кортес поместил их в строгое заточение вместе с их лидером.^[444]

Теперь он одержал победу над всеми своими врагами. Он наступил на шею принцам, и великий вождь империи ацтеков был всего лишь удобным инструментом в его руках для достижения его целей. Его первым применением этой власти было определение реальных ресурсов монархии. Он отправил несколько отрядов испанцев под руководством местных жителей исследовать регионы, где добывалось золото. В основном его добывали в руслах рек, расположенных в нескольких сотнях миль от столицы.

Его следующей целью было выяснить, существует ли на атлантическом побережье какая-либо хорошая естественная гавань для судоходства, поскольку дорога в Вера-Крус не оставляла защиты от штормов, которые в определенное время года проносились над этими морями. Монтесума показал ему карту, на которой берега Мексиканского залива были нанесены с приемлемой точностью.^[445] Кортес, тщательно осмотрев его, отправил комиссию, состоящую из десяти испанцев, нескольких лоцманов и нескольких ацтеков, которые спустились в Вера—Крус и произвели тщательное обследование побережья почти в шестидесяти лигах к югу от этого поселения, вплоть до великой реки Коацакуалько, которая, казалось, предлагала лучшее — фактически, единственное - жилье для безопасной и подходящей гавани. Было выбрано место для укрепленного поста, и генерал послал отряд из ста пятидесяти человек под командованием Веласкеса де Леона основать там колонию.

Он также получил в дар обширный участок земли в плодородной провинции Оахака, где предложил разбить плантацию для короны. Он снабдил его различными видами домашних животных, характерных для этой страны, а также такими местными зерновыми и растениями, которые могли бы стать лучшими товарами для экспорта. Вскоре он так возделал поместье, что заверил своего хозяина, императора Карла Пятого, что оно стоит двадцать тысяч унций золота.^[446]

СНОСКИ:

[1] Его имя соответствовало его натуре; Монтесума, по словам Лас Касаса, по-мексикански означает “печальный или суровый человек”. История. де лас Индиас, СР., библиотека 3, глава 120.—Икстлильшочитль, История. Чич., ср., глава 70.—Acosta, lib. 7, глава 20.—Кол. де Мендоса, стр. 13-16; Codex Tel.-Rem., стр. 143, ар. Antiq. о Мексике, том vi.

[2] Полный отчет об этом принце см. в Книге I, глава 6.

[3] Адрес полностью указан Торквемадой (монарх. Ind., lib. 3, cap. 68), который прибыл в страну немногим более чем через полвека после его выпуска. Недавно он был переиздан Бустаманте. Tezcucos en los últimos Tiempos (México, 1826), pp. 256-258.

[4] Acosta, библиотека 7, загл. 22.—Саагун, История. de Nueva-España, lib. 8, Prólogo, et cap. 1. Торквемада, монарх. Ind., lib. 3, cap. 73, 74, 81. —Полковник де Мендоса, стр. 14, 85, ар. Antiq. о Мексике, том vi.

[5] Клавиджеро, Стор. дель Мессико, том i. Стр. 267, 274, 275. —Икстлильшочитль, История. Чич., ср., главы 70-76.—Акоста, библиотека 7, глава 21.

[6] Ante, Книга I, глава 3, стр. 71, 72 и примечание 6.

[7] Тезозомок, Крона. Мексикана, ср., глава 107.—Икстлильшочитль, Хист. Чич., СР., глава 1.—Торквемада, Монарх. Ind., lib. 4, cap. 14; lib. 6, cap. 24.—Ватиканский кодекс, ар. Antiq. Мексики, том vi.—Саагун, История. новая Испания, библиотека 8, глава 7.—Там же, ср., библиотека 12, главы 3, 4.

[8] “Tenia por cierto,” says Las Casas of Montezuma, “segun sus prophetas ó agoreros le avian certificado, que su estado é rriquezas y prosperidad avia de perezer dentro de pocos años por ciertas gentes que avian de venir en sus días, que de su felicidad lo derrocasse, y por esto vivia siempre con temor y en tristeza y sobresaltado.” Hist. де лас Индиас, СР., библиотека 3, глава 120.

[9] Камарго, История. де Тлашкала, СР.—Переводчик Кодекса Тел.-Прим. намекает, что это сверкающее явление, вероятно, было не чем иным, как извержением одного из величайших вулканов Мексики. Antiq. Мексики, том vi. стр. 144.

[10] Саагун, История. Нуэва-Испания, ср., библиотека 12, глава 1.—Камарго, История. де Тласкала, СР.—Акоста, библиотека 7, глава 23.—Эррера, История. общие сведения, 2 декабря, библиотека 5, глава 5.—Икстлильшочитль, История. Чич., ср., глава 74.

[11] Я опускаю самое экстраординарное чудо из всех, хотя юридические подтверждения его истинности были предоставлены римскому суду (см. Clavigero, Stor. дель Мессико, том i., стр. 289), а именно воскрешение сестры Монтесумы, Папанцины, через четыре дня после ее похорон, чтобы предупредить монарха о приближающемся крушении его империи. Это заслуга, по крайней мере, одного писателя в девятнадцатом веке! Смотрите заметку мексиканского редактора Саагуна, Бустаманте, Hist. новая Испания, том ii, стр. 270.

[12] Лукан приводит прекрасный перечень таких чудес, свидетелями которых была римская столица в подобном волнении. (Фарсалия, lib. 1, v. 523 и далее.) Бедная человеческая природа почти везде одинакова. Макиавелли счел этот предмет достойным отдельной главы в своих Рассуждениях. Философ даже намекает на веру в существование благодетельных разумных существ, которые посылают эти знамения как своего рода *предзнаменования*, чтобы предупредить человечество о надвигающейся буре. Discorsi sopra Tito Livio, lib. 1, cap. 56.

[13] Лас Касас, История. де лас Индиас, СР., библиотека 3, глава 120.—Икстлильшочитль, История. Чич., ср., глава 80.—Там же, родственники, ср.—Саагун, История. Нуэва-Испания, СР., библиотека 12, главы 3, 4.—Тезозомок, Крона. Мексиканка, МИСС, глава 108.

[14] Тезозомок, Крона. Мексикана, СР., лок. чит.—Камарго, истор. де Тлашкала, СР.—Икстлильшочитль, истор. Чич., ср., глава 80.

[15] Берналь Диас, Hist. de la Conquista, cap. 39. Гомара, Крона, глава 27, ап. Барсия, том ii.

[16] Ante, Книга I, глава 2, стр. 44.

[17] По клетчатому рисунку некоторых из этих цветных хлопчатобумажных тканей Питер Мартир делает вывод, что индейцы были знакомы с шахматами! Он замечает любопытную ткань, сделанную из шерсти животных, перьев и хлопчатобумажных ниток, переплетенных вместе. “Plumas illas et concinnant inter cuniculorum villos interque gosampij stamina ordiuntur, et intexunt operose adeo, ut quo pacto id faciant non bene intellexerimus.” De Orbe Novo (Parisii, 1587), dec. 5, cap. 10.

[18] Берналь Диас, Hist. de la Conquista, cap. 39.—Овьедо, История. де лас Индж., СР., библиотека 33, глава 1.—Лас Касас, История. де лас Индиас, СР., библиотека 3, глава 120.—Гомара, Крона, глава 27, ап. Барсия, том ii.—Карта де Вера Крус, СР.—Эррера, История. general, декабрь 2, библиотека 5, глава 5. — Робертсон цитирует Берналя Диаса, который оценивает стоимость серебряной тарелки в 20 000 *песо*, или около 5000 фунтов стерлингов. (История Америки, том ii. примечание 75.) Но Берналь Диас

говорит только о стоимости золотой пластины, которую он оценивает в 20 000 *песо де оро*, что отличается от *песо*, долларов или унций серебра, с которыми историк их путает. Поскольку на этих страницах часто будет встречаться упоминание о *песо де оро*, было бы неплохо познакомить читателя с его вероятной стоимостью. Нет ничего более трудного, чем установить действительную стоимость валюты отдаленной эпохи; возникает так много обстоятельств, затрудняющих расчеты, помимо общего обесценивания драгоценных металлов, таких как фальсификация определенных монет и тому подобное. Сеньор Клеменсен, секретарь Королевской академии истории, в шестом томе ее *Воспоминаний* с большой точностью вычислил стоимость различных номиналов испанской валюты в конце пятнадцатого века, периода, непосредственно предшествовавшего завоеванию Мексики. Он не упоминает о *песо де оро* в своих таблицах. Но он устанавливает точную стоимость золотого дуката, что также соответствует нашей цели. (*Memorias de la Real Academia de Historia* (Madrid, 1821), tom. vi. Ilust. 20.) Овьедо, современник завоевателей, сообщает нам, что *песо де оро* и *кастельяно* имели одинаковую стоимость, и это было равно на треть больше стоимости дуката. (*Hist. del Ind.*, lib. 6, cap. 8, ap. Рамузио, "Навигация и Виаджи" (Венеция, 1565), том iii.) Итак, дукат, как следует из Клеменсина, переведенный в нашу валюту, был бы равен восьми долларам семидесяти пяти центам. Следовательно, *песо де оро* равнялось одиннадцати долларам и шестидесяти семи центам, или двум фунтам, двенадцати шиллингам и шести пенсам стерлингов. Помня об этом, читателю будет легко определить фактическую стоимость в *песо де оро* любой суммы, которая может быть упомянута ниже. {*}

{*} [Но Рамирес, комментируя это заявление, оценивает *кастеллано* в 2,93 доллара.—М.]

[19] "Сьер козас де вер!" - восклицает Лас Касас, который видел их с императором Карлом V. в Севилье в 1520 году. "Quedaron todos los que vieron aquestas cosas tan ricas y tan bien artificadas y hermosas como de cosas nunca vistas," etc. (История. де лас Индиас, СР., библиотека 3, глава 120.) "Muy hermosas", - говорит Овьедо, который видел их в Вальядолиде, и описывает большие колеса более подробно. "todo era mucho de ver!" (История. де лас Индиас, MS., loc. cit.) Пытливый Мученик, внимательно изучивший их, замечает еще более решительно: "Si quid unquam honoris humana ingenia in huiusmodi artibus sunt adepta, principatum jure merito ista consequentur. Aurum, gemmasque non admiror quidem, quâ industriâ, quôve studio superet opus materiam, stupeo. Mille figuras et facies mille prospexi quâ scribere nequeo. Quid oculos hominum suâ pulchritudine æque possit allicere meo iudicio vidi nunquam." *De Orbe Novo*, dec. 4, cap. 9.

[20] Лас Касас, История. де лас Индиас, СР., библиотека 3, глава 121.—Берналь Диас, история. de la Conquista, cap. 39. Икстлильшочитль, История. Чич., ср., глава 80.—Гомара, Крона, глава 27, ап. Барсия, том ii.

[21] Берналь Диас, Hist. де ла Конкиста, глава 40. — Отец Саагун так описывает эти камни, настолько драгоценные в Мексике, что их использование было запрещено кому бы то ни было, кроме знати: "*Чальчуиты* зеленого цвета, смешанного с белым, и непрозрачны. Их часто носят высокопоставленные лица, и, прикрепленные к запястью ниткой, они являются знаком благородства владельца". История. новая Испания, библиотека 11, глава 8.

[22] Камарго, История. де Тлашкала, СР. —Лас Касас, История. де лас Индиас, СР., библиотека 3, глава 121.—Берналь Диас, История. де ла Конкиста, главы 40, 41.—Эррера, История. генерал, 2 декабря, библиотека 5, глава 6.—Гомара, Крона, глава 29, ап. Барсия, том ii.

[23] Берналь Диас, Hist. de la Conquista, cap. 41. Лас Касас, История. de las Indias, MS., lib. 3, cap. 121.—Гомара, Crónica, cap. 28.

[24] В письме от *кабильдо* из Вера-Крус ничего не говорится об этих полуночных конференциях. Берналь Диас, который был посвящен в них, является достаточным авторитетом. См. Hist. de la Conquista, cap. 42.

[25] Гомара, Крона, глава 30.—Лас Касас, История. де лас Индиас, СР., библиотека 3, глава 121.—Икстлильшочитль, История. Чич., ср., глава 80.—Берналь Диас, там же., лок. цит. по.—Декларация Пуэртокарреро, СР.—Показания такого уважаемого человека, как Пуэртокарреро, взятые весной следующего года, после его возвращения в Испанию, являются документом настолько авторитетным, что я перенес его полностью, в оригинале, в Приложение № 7.

[26] Иногда мы находим, что испанские авторы ссылаются на "суверенов", иногда на "императора"; в первом случае имеется в виду королева Джоанна, сумасшедшая мать Карла V., а также он сам. Действительно, все публичные акты и постановления действовали от имени обоих. Титул "Высочество", который до правления Карла V. обычно — не единообразно, как воображает Робертсон (История Карла V., том ii, стр. 59) — применялся к суверену, теперь постепенно уступил место титулу "Величество", которым пользовался Карл после своего избрания на императорский трон. Тот же титул иногда встречается в переписке Великого капитана и других придворных времен правления Фердинанда и Изабеллы.

[27] По словам Робертсона, Кортес сказал своим людям, что предлагал основать колонию на побережье, прежде чем отправиться в страну; но он отказался от своего замысла по их мольбам немедленно отправиться в экспедицию. На следующей странице мы находим, что он организует ту же самую колонию. (История Америки, том ii. стр. 241, 242.) Историк был бы избавлен

от этой непоследовательности, если бы он следовал любому из авторитетов, на которых он ссылается, Берналю Диасу и Эррере, или письму из Вера-Крус, копия которого у него была. Все они согласны с утверждением, содержащимся в тексте.

[28] Лас Касас, История. de las Indias, MS., lib. 3, cap. 122.—Carta de Vera Cruz, MS.—Декларация Монтехо, MS.—Декларация Пуэртокарреро, MS. — “Наш генерал после некоторых уговоров согласился”, - говорит прямолинейный старый солдат Берналь Диас; “ибо, как гласит пословица, ”Вы просите меня сделать то, на что я уже решился”. *Tu me lo ruegas, é yo me lo quiero*. Хист. de la Conquista, cap. 42.

[29] По словам Берналя Диаса, название “Вера Крус” было задумано в честь их высадки в Страстную пятницу. Хист. de la Conquista, cap. 42.

[30] Солис, чей вкус к ораторскому искусству мог бы удовлетворить даже аббата Мабли (см. Его трактат “О манере поведения в истории”), вложил в уста своего героя по этому поводу очень цветистую речь, от которой нет и следа ни в одном из рассказов современников. (Конкиста, библиотека 2, глава. 7.) Доктор Робертсон перенес это на свои собственные красноречивые страницы, не цитируя своего автора, который, учитывая, что он пришел через полтора столетия после Завоевания, должен быть допущен к тому, чтобы быть не лучшим, особенно когда это единственное подтверждение факта.

[31] “Lo peor de todo que le otorgámos,” says Bernal Diaz, somewhat peevishly, was, “que le dariamos el quinto del oro de lo que se huuiesse, despues de sacado el Real quinto.” (Хист. de la Conquista, cap. 42.) В письме из Вера-Крус ничего не говорится об этом пятом. Читатель, желающий ознакомиться со всем описанием этой замечательной сделки в оригинале, может найти его в Приложении № 8.

[32] Карта де Вера Крус, СР.—Гомара, Крона, главы 30, 31.—Лас Касас, История. де лас Индиас, СР., библиотека 3, глава 122.—Икстлильшочитль, История. Чич., СР., глава 80.—Берналь Диас, История. de la Conquista, cap. 42. Декларация Монтехо и Пуэртокарреро, рукопись. — В процессе Нарваэса против Кортеса последний обвиняется в одержимости дьяволом, поскольку только Люцифер мог таким образом завоевать ему расположение солдат. (Деманда де Нарваес, МИСС) Солис, с другой стороны, не видит ничего, кроме добросовестности и лояльности в поведении генерала, который действовал из чувства долга! (Конкиста, библиотека 2, главы 6, 7.) Солис даже более стойкий апологет своего героя, чем его собственный капеллан Гомара или достойные магистраты Вера-Крус. Вероятно, более беспристрастное свидетельство, чем любое из них, можно получить от честного Берналя Диаса, которого так часто цитируют. Ярый поборник правого дела, он ни в коем случае не был слеп к недостаткам или достоинствам своего лидера.

[33] Это может показаться довольно безразличной логикой тем, кто считает, что Кортес назначил тот самый орган, который, в свою очередь, назначил его командующим. Но наигранность юридических форм придавала ему тонкий лоск для его действий, что служило его целям, по крайней мере в настоящее время, в войсках. В будущем он полагался на свою добрую звезду — другими словами, на успех своего предприятия — чтобы оправдать свое поведение перед императором. Он не просчитался.

[34] Название горы не приведено и, вероятно, не было известно, но подробное описание в рукописи Вера-Крус не оставляет сомнений в том, что именно она упоминается в тексте. “Entre las quales así una que excede en mucha altura á todas las otras y de ella se vee y descubre gran parte de la mar y de la tierra, y es tan alta, que si el dia no es bien claro, no se puede divisar ni ver lo alto de ella, porque de la mitad arriba está toda cubierta de nubes: y algunos veces, cuando hace muy claro dia, se vee por cima de las dichas nubes lo alto de ella, y está tan blanco que lo jusgamos por nieve.” (Карта де Вера Крус, ср.) Мексиканцы называли этот огромный вулкан *Читлальтенетль*, или “Звездная гора”, — возможно, из-за огня, который когда-то вырывался из его конической вершины, высоко над облаками. Он находится в интендантстве Вера-Крус и возвышается, согласно измерениям Гумбольдта, на огромную высоту 17 368 футов над океаном. (Essai politique, tom. i. p. 265.) Это самая высокая вершина, но единственная во всем хребте Мексиканских Кордильер.

[35] Карта де Вера Крус, МИСС—Берналь Диас, Hist. de la Conquista, cap. 44.

[36] Гомара, Крона, глава 32, ап. Барсия, том ii.—Эррера, история. генерал, декабрь. 2, библиотека. 5, глава. 1.—Овьедо, История. де лас Индж., СР., библиотека. 33, глава. 1.—“Mui hermosas vegas y riberas tales y tan hermosas que en toda España no pueden ser mejores así de apaçibles á la vista como de fructíferas.” (Карта Веры Крус, СР.) Следующий поэтический апостроф лорда Морпета к пейзажам Кубы, в равной степени применимый к пейзажам *огненной земли*, даст читателю более живую картину великолепия этих солнечных краев, чем это может сделать моя собственная проза. Стихи, которые никогда не публиковались, дышат великодушием, характерным для их благородного автора:

“Вы, тропические леса неувядающей зелени,

Где пальма сужается и светится оранжевым,

Где легкий бамбук машет своей перистой ширмой,

И ее далекую тень отбрасывает несравненная *сейба*!

“Вы, безоблачные эфиры неизменной синевы,

Спаси там , где уступают место розовым прожилкам евы

К чистому сапфиру твоего полуночного оттенка,

Сияющая лазурь вашего идеального дня!

“И все же не говори мне, что мои родные небеса унылы,

Что, залитые жидким богатством, не колышутся тростниковые поля;

Ибо Добродетель тоскует, а Мужественность не осмеливается заговорить,

И великолепие Природы сияет вокруг Раба”.

[37] “Та же любовь к цветам, - замечает один из самых очаровательных современных путешественников, - отличает туземцев и сейчас, как во времена Кортеса. И это представляет собой странную аномалию, - добавляет она со своей обычной резкостью. - эта любовь к цветам существовала наряду с их кровавым поклонением и варварскими жертвоприношениями”. Мадам Кальдерон де ла Барка, "Жизнь в Мексике", том первый, 12.

[38] “Con la imaginacion que llevaban, i buenos deseos, todo se les antojaba plata i oro lo que relucia.” Гомара, Крона, глава 32, ап. Барсия, том ii.

[39] Это оценка Лас Касаса (Hist. de las Ind., ср., lib. 3, глава 121.) Торквемада колеблется между двадцатью, пятьюдесятью и ста пятьюдесятью тысячами, каждую из которых он называет в разное время! (Клавиджеро, Стоп. del Messico, tom. iii. p. 26, nota.) После завоевания это место постепенно покинули ради других, в более выгодном положении, вероятно, для торговли. Его руины были видны в конце прошлого века. См. Lorenzana, Hist. de Nueva-España, p. 39, nota.

[40] “Porque viven mas política y rasonablemente que ninguna de las gentes que hasta oy en estas partes se ha visto.” Carta de Vera Cruz, MS.

[41] Лас Касас, История. де лас Индиас, СР., библиотека 3, глава 121.—Карта де Вера Крус, СР.-Гомара, Крона, глава 33, ап. Барсия, том ii.—Овьедо, История. де лас Индиас, СР., библиотека 33, глава 1.

[42] Вежливый титул *донья* обычно дается испанскими хронистами этому опытному индейцу.

[43] “Он пришел только для того, чтобы возместить нанесенный ущерб, защитить пленника, оказать помощь слабым и свергнуть тиранию”. (Гомара, Crónica, глава 33, ар. Varcia, том ii.) Читаем ли мы приключения — это язык — Дон Кихота или Амадиса де Гаулы?

[44] Там же, загл. 36.Кортес в своем Втором письме императору Карлу V. оценивает численность воинов в 50 000 человек. Relacion segunda, ар. Lorenzana, p. 40.

[45] Лас Касас, История. де лас Индиас, СР., библиотека. 3, глава. 121.—Икстлильшочитль, истор. Чич., СР., глава. 81.—Овьедо, истор. де лас Индиас, СР., библиотека 33, глава 1.

[46] Историк с помощью Клавиджеро, сам мексиканца, может исправить частые ошибки прежних авторов в орфографии ацтекских имен. И Робертсон, и Солис пишут название этого места по буквам *Куябислан*. Следует признать, что грубые ошибки в такой варварской терминологии вполне простительны.

[47] “Grande artífice,” exclaims Solís, “de medir lo que disponia con lo que recelaba; y prudente capitán él que sabe caminar en alcance de las contingencias”! Конкиста, библиотека 2, глава 9.

[48] Икстлильшочитль, История. Чич., ср., загл. 81.—Отв. ред. де Кортес, ап. Лоренцана, стр. 40.—Гомара, Крона, главы 34-36, ап. Барсия, том ii.—Берналь Диас, Конкиста, главы 46, 47.—Эррера, История. общие положения, декабрь 2, библиотека 5, главы 10, 11.

[49] Карта де Вера Крус, СР.—Берналь Диас, Конкиста, глава 48.—Овьедо, история. де лас Инд., ср., стр. 33, загл. 1. Декларация Монтехо, MS.—Несмотря на преимущества своего положения, Ла-Вилья-Рика была заброшена через несколько лет в пользу соседнего места на юге, недалеко от устья Антигуа. Это второе поселение было известно под названием *Вера-Крус-Вьеха*, “Старый Вера-Крус”. В начале семнадцатого века это место также было заброшено ради нынешнего города, *Нуэва-Вера-Крус*, или Нового Вера-Крус, как его еще называют. (См. *ante*, глава 5, примечание 8.) Об истинной причине этих последовательных миграций мы ничего не знаем. Если, как утверждается, это произошло из-за *воми́то*, то жители, можно было бы предположить, мало что выиграли от обмена. (См. Гумбольдт, “Очерки политики”, том ii, стр. 210.) Недостаток внимания к этим изменениям привел к большой путанице и неточности на древних картах. Лоренцана не избежал их в своей карте и топографическом описании маршрута Кортеса.

[50] “Teniendo respeto á que tiene por cierto, que somos los que sus antepassados les auian dicho, que auian de venir á sus tierras, é que deuemos de ser de sus linajes.” Берналь Диас, Хист. de la Conquista, cap. 48.

[51] Гомара, Крона, кап. 37.—Икстлильшочитль, Хист. Чич., ср., глава 82.

[52] “De buena gana recibirian las Doncellas como fuesen Christianas; porque de otra manera, no era permitido á hombres, hijos de la Iglesia de Dios, tener comercio con idólatras.” Эррера, История. общие сведения, 2 декабря, библиотека. 5, глава. 13.

[53] Эррера, Hist. генерал, 2 декабря, библиотека 5, глава. 13.—Лас Касас, История. de las Indias, ср., lib. 3, cap. 122.—Эррера вложил в уста Кортеса по этому поводу очень поучительную речь, которая гораздо больше напоминает священника, чем солдата. Разве он не путает его с отцом Ольмедо?

[54] “Esto habemos visto,” says the Letter of Vera Cruz, “algunos de nosotros, y los que lo han visto dizen que es la mas terrible y la mas espantosa cosa de ver que jamas han visto.” Еще решительнее высказывается Берналь Диас. (История. de la Conquista, cap. 51.) В Письме подсчитано, что в каждом из *теокаллис* ежегодно забивалось по пятьдесят или шестьдесят человек, что дает ежегодное потребление в странах, которые тогда посетили испанцы, трех или четырех тысяч жертв! (Карта де Вера Крус, MS.) Какой бы расплывчатой ни была эта арифметика, общий факт ужасен.

[55] Лас Касас, История. де лас Индиас, СР., библиотека 3, глава 122.—Берналь Диас, хист. de la Conquista, cap. 51, 52.—Гомара, Crónica, cap. 43.—Эррера, История. общие сведения, 2 декабря, библиотека 5, главы 13, 14.—Икстлильшочитль, История. Чич., ср., глава 83.

[56] Берналь Диас, Hist. de la Conquista, cap. 53.—Икстлильшочитль, Хист. Чич., ср., загл. 82.—Карта де Вера Крус, МИСС

Полный перечень предметов, полученных от Монтекумы, содержится в *Хартии Веры Крус*.—Ниже приведены некоторые из них.

Два ошейника из золота и драгоценных камней.

Сто унций золотой руды, чтобы их Высочества могли видеть, в каком состоянии золото добыто на рудниках.

Две птицы из зеленых перьев, с золотыми лапами, клювами и глазами, и в одном изделии с ними золотые животные, напоминающие улиток.

Большая золотая голова аллигатора.

Птица с зелеными перьями, лапами, клювом и золотыми глазами.

Две птицы, сделанные из ниток и перьев, с золотыми перьями на крыльях и хвостах, лапах, глазах и концах клюва, стоят на двух покрытых золотом тростинках, которые подняты на шариках из перьев и золотого шитья, одним белом, а другом желтом, с каждой из них свисают по семь кисточек из перьев.

Большое серебряное колесо весом в сорок восемь марок, несколько браслетов и листьев из того же металла, а также пять щитов поменьше, все вместе весом в шестьдесят две марки серебра.

Шкатулка, вышитая пером по коже, с большой золотой пластиной весом семьдесят унций посередине.

Два куска ткани, украшенные перьями; еще один - разноцветный; и еще один - с черно-белыми фигурками.

Большое золотое колесо с фигурками странных животных, украшенное пучками листьев; весом три тысячи восемьсот унций.

Веер из разноцветных перьев с тридцатью семью стержнями, покрытыми золотом.

Пять вееров из пестрых перьев, четыре из которых с десятью, а остальные с тринадцатью стержнями, тисненными золотом.

Шестнадцать щитов из драгоценных камней, с ободков которых свисают разноцветные перья.

Два куска хлопка, очень богато украшенные черно-белой вышивкой.

Шесть щитов, каждый покрыт золотой пластиной, с чем-то похожим на золотую митру в центре.

[57] "Уна моя великая хартия", - говорит Гомара в своем свободном анализе этого. *Crónica*, cap. 40.

[58] Доктор Робертсон утверждает, что по его просьбе Императорская библиотека в Вене была проверена на предмет наличия этого документа, но безуспешно. (История Америки, том ii. примечание 70.) Мне не повезло больше в исследованиях, проведенных для меня в Британском музее, Королевской библиотеке Парижа и Академии истории в Мадриде. Последний является отличным хранилищем колониальных исторических документов; но очень тщательный осмотр его бумаг позволяет убедиться, что в коллекции этого недостаточно. Поскольку император получил его накануне своего отъезда в Германию, а Письмо Веракруса, отправленное в то же время, находится в венской библиотеке, это, в конце концов, представляется наиболее вероятным местом его хранения.

[59] "На корабле, " говорит Кортес в самом первом предложении своего Второго письма императору, - которое я отправил из провинции вашего священного величества Новая Испания 16 июля 1519 года, я отправил вашему высочеству очень длинный и подробный отчет о том, что произошло с момента моего приезда сюда до того времени". (Rel. Seg. de Cortés, ap. Lorenzana, p. 38.) "Кортес написал, " говорит Берналь Диас, " как он сообщил нам, точный отчет, но мы не видели его письма". (История. de la Conquista, cap. 53.) (Также Овьедо, История. де лас Индж., СР., библиотека 33, глава 1, и Гомара, см. выше.) Если бы не эти положительные свидетельства, можно было бы предположить, что в "Хартии Веры Крус" речь шла о *воображаемом* письме Кортеса. Действительно, копия прежнего документа, принадлежащего Испанской исторической академии — и, возможно, оригинал в Вене — носит ошибочное название "Примерная связь Кортеса".{*}

{*} [Не может быть никаких сомнений в том, что "Письмо Веракруса" - это документ, на который ссылается Кортес, написанный в октябре 1520 года как "большая тайна и особое послание", которое он "отправил" императору летом предыдущего года. Этот язык не обязательно подразумевал бы, что на описанном таким образом письме стояла его собственная подпись, в то время как это был естественный способ обозначения письма, настоящим автором которого он был. Легко понять, почему, не имея пока прямого поручения от короны, он должен был меньше заботиться о том, чтобы предстать рассказчиком о своих собственных подвигах, чем придать им видимость официальной санкции и скрыть свой проступок, заключающийся в том, что он не направил свой отчет Веласкесу, официальному начальнику, от контроля которого он стремился освободиться. Принимая эту гипотезу, также нет необходимости отвергать заявление Берналя Диаса о том, что Кортес собственноручно отправил императору письмо, которое он не показал своим спутникам. По-видимому, в последующих случаях у него вошло в привычку, отправляя подробный отчет, сопровождать его более кратким и частным письмом, в котором кратко излагалось то, что содержалось в более длинном документе, иногда с добавлением других материалов, для прочтения самим императором. В одном из таких писем, цитируемом ниже (т. iii. стр. 266, примечание), упоминается "una relacion bien larga y particular", которое он отправлял под той же датой. То, что письма такого рода не всегда сохранялись, не вызывает удивления; но крайне маловероятно, чтобы та же участь постигла полный официальный отчет, первый из серии, в остальном полных и распространяемых посредством копий.—К.]

[60] Это обвинение Берналя Диаса, о котором сообщается понаслышке, поскольку он признает, что сам никогда не видел письма. Хист. de la Conquista, cap. 54.

[61] "Fingiendo mill cautelas", - вежливо говорит Лас Касас об этой части письма, - "y afirmando otras muchas falsedades é mentiras"! История. де лас Индиас, СР., библиотека. 3, глава. 122.

[62] Этот документ представляет наибольшую ценность и интерес, поскольку исходит от наиболее проинструктированных лиц в лагере. В нем представлен подробный отчет обо всех известных на тот момент странах, которые они посетили, и об основных передвижениях армии до момента основания Вилья-Рики. Авторы поддерживают нашу уверенность осмотрительным тоном своего повествования. "Querer dar," they say, "á Vuestra Magestad todas las particularidades de esta tierra y gente de ella, podria ser que en algo se errase la relacion, porque muchas de ellas no se han visto mas de por informaciones de los natureles de ella, y por esto no nos entremetemos á dar mas de aquello que por muy cierto y verdadero Vras. Reales Altezas podrán mandar tener." Рассказ, приведенный о

Веласкесе, однако, следует рассматривать как *свидетельство* ex-parte и, как таковое, принимать с большой сдержанностью. Это было важно для их собственного оправдания, для оправдания Кортеса. Письмо никогда не печаталось. Оригинал, как указывалось выше, находится в Императорской библиотеке в Вене. Находящийся в моем распоряжении экземпляр, занимающий более шестидесяти страниц, взят из архива Академии истории в Мадриде. {*}

{*} [Впоследствии письмо было напечатано с оригинала в Вене в журнале Col. de Doc. inéd. para la Hist. de España, tom. i.—K.]

[63] “A nuestra parecer se debe creer, que ai en esta tierra tanto quanto en aquella de donde se dize aver llevado Salomon el oro para el templo.” Carta de Vera Cruz, MS.

[64] Питер Мартир, выдающийся среди своих современников своими просвещенными взглядами на новые открытия, посвящает половину главы индийским рукописям, в которых он признал свидетельства цивилизации, аналогичной египетской. De Orbe Novo, 4 декабря, глава 8.

[65] Берналь Диас, Hist. de la Conquista, cap. 54-57.—Gomara, Crónica, cap. 40.—Herrera, Hist. общие сведения, декабрь 2, библиотека 5, глава. 14. —Карта де Вера Крус, МИСС. —Обширная информация Мученика была почерпнута главным образом из его бесед с Аламиносом и двумя посланниками по их прибытии ко двору. De Orbe Novo, dec. 4, cap. 6, et alibi; also Idem, Opus Epistolarum (Amstelodami, 1670), ep. 650.

[66] См. I, стр. 306.

[67] Берналь Диас, Hist. de la Conquista, cap. 57.—Овьедо, История. де лас Индж., CP., библиотека 33, глава. 2.—Лас Касас, История. de las Indias, cp., lib. 3, cap. 122.—Требование де Нарваэса, CP.—Отв. ред. де Кортес, ап. Лоренцана, стр. 41. — Это было восклицание Нерона, как сообщает Светоний. “Et cum de supplicio cujusdam capite damnati ut ex more subscriberet, admoneretur, ‘Quam vellem,’ inquit, ‘nescire literas!’” Lib. 6, cap. 10.

[68] “Y porque,” says Cortés, “demas de los que por ser criados y amigos de Diego Velasquez tenian voluntad de salir de la Tierra, habia otros, que por verla tan grande, y de tanta gente, y tal, y ver los pocos Españoles que eramos, estaban del mismo propósito; creyendo, que si allí los navíos dejasse, se me alzarían con ellos, y yéndose todos los que de esta voluntad estaban, yo quedaria casi solo.”

[69] “Mostró quando se lo dixéron mucho sentimiento Cortés, porque savia bien haçer fingimientos quando le era provechoso, y rrespondióles que mirasen vien en ello, é que si no estaban para navegar que diesen gracias á Dios por ello, pues no se podia hacer mas.” Las Casas, Hist. de лас Индиас, CP., библиотека 3, глава 122.

[70] “Decian, que los queria meter en el matadero.” Gomara, Crónica, cap. 42.

[71] “Al cavo lo ovieron de sentir la gente y ayna se le amotinaron muchos, y esta fué uno de los peligros que pasaron por Cortés de muchos que para matallo de los mismos Españoles estuvo.” Las Casas, Hist. de лас Индиас, CP., библиотека 3, глава 122.

[72] “Que ninguno seria tan cobarde y tan pusilánime que queria estimar su vida mas que la suya, ni de tan debil corazon que dudase de ir con él á México, donde tanto bien le estaba aparejado, y que si acaso se determinaba alguno de dejar de hacer este se podia ir bendito de Dios á Cuba en el navío que habia dexado, de que antes de mucho se arrepentiria, y pelaria las barbas, viendo la buena ventura que esperaba le sucederia.” Ixtlilxochitl, Hist. Чич., cp., глава 82.

[73] Возможно, самым замечательным из этих примеров является пример Юлиана, который во время своего неудачного ассирийского вторжения сжег флот, доставивший его вверх по Тигру. Эта история рассказана Гиббоном, который очень убедительно показывает, что флот оказался бы скорее помехой, чем помощью императору в его дальнейшем продвижении вперед. Смотрите “Историю упадка”, том ix, стр. 177, превосходного издания Милмана.

[74] Приведенный в тексте отчет об уничтожении флота не принадлежит Берналю Диасу, который утверждает, что это было совершено не только с ведома, но и с полного одобрения армии, хотя и по предложению Кортеса. (Hist. de la Conquista, cap. 58.) Эта версия одобрена доктором Робертсоном (“История Америки”, том ii. стр. 253, 254). Следует очень медленно отступать от честных показаний старого солдата, особенно когда они подтверждаются проницательным суждением американского историка. Но Кортес прямо заявляет в своем письме императору, что он приказал потопить суда без ведома своих людей из опасения, что, если будут открыты пути к спасению, робкие и недовольные могут когда-нибудь ими воспользоваться. (См. де Кортес, ап. Лоренцана, стр. 41.) Кавалеры Монтехо и Пуэртокарреро во время своего визита в Испанию заявили в своих показаниях, что генерал уничтожил флот на основании информации, полученной от пилотов. (Declaraciones, рукопись.) Нарваес в своем обвинении Кортеса и Лас Касаса говорит об этом акте с точки зрения безоговорочного осуждения, обвиняя его, кроме того, в подкупе пилотов, чтобы они проделали отверстия в днищах кораблей, чтобы вывести их из строя. (Требование де Нарваэса, cp.—История. де лас Индиас, CP., библиотека 3, глава 122.) Тот же рассказ о сделке, хотя и с совершенно иными комментариями относительно ее достоинств, повторяет Овьедо (Hist. de лас Индиан, cp., библиотека 33, глава 2), Гома́ра (Crónica, глава 42) и Питер Мартир (De Orbe Novo, 5

декабря, глава 1), все из которых имели доступ к лучшим источникам информации. Событие, столь примечательное, как поступок одного человека, становится абсолютно невероятным, если рассматривать его как результат стольких независимых волей. Не исключено, что Берналь Диас, благодаря своей известной преданности делу, возможно, был одним из немногих, кому Кортес доверил свою цель. Ветеран, сочиняя свой рассказ много лет спустя, мог ошибочно принять часть за целое и в своем рвении обеспечить армии полную долю славы экспедиции, слишком единолично присвоенной генералом (великая цель, как он говорит нам, его истории), возможно, распределил между своими товарищами заслугу подвига, которая, по крайней мере, в этом случае по праву принадлежала их командиру. Какова бы ни была причина расхождения, его единственное свидетельство вряд ли может быть выдержано под весом современных свидетельств из таких компетентных источников. {*}

{*} [Отчет Прескотта об обстоятельствах уничтожения флота был подробно оспорен сеньором Рамиресом, который настаивает на том, чтобы безоговорочно принять заявления Берналя Диаса и приписать армии равную с генералом долю заслуг в этом деянии. Он справедливо отмечает, что формулировка Кортеса — “Tuve manera, como so color que los dichos navíos no estaban para navegar, los eché á la costa” — не содержит *прямого заявления*, как заявил Прескотт, о том, что приказ о потоплении флота был отдан без ведома армии, но, самое большее, привел бы к такому выводу. “И даже этого нельзя допустить,” добавляет он, - поскольку, чтобы убедить солдат в непригодности кораблей для плавания, он должен был договориться с моряками, которые должны были сделать заявление, и со своими друзьями, которые должны были это подтвердить”. Это, однако, очень неэффективное рассуждение. При этом не делается вид, что у Кортеса не было доверенных лиц и агентов по этой сделке. Вопрос реальной важности заключается в том, была ли резолюция принята, как утверждает Берналь Диас, *открыто и по совету* всей армии, — “claramente, por consejo de todos los demas soldados”? — или она была составлена Кортесом и были приняты меры для ее осуществления без какого-либо общения с массой его сторонников? Недавно обнаруженный родственник Тапии цитируется сеньором Рамиресом как “полностью соответствующий показаниям Диаса и разрушающий все предположения о тайне”. Тем не менее Тапия говорит вместе с Эррерой, что Кортес приказал просверлить дыры в кораблях и доложить ему об их непригодном состоянии, после чего отдал приказ об их уничтожении; о согласии солдат на какой—либо стадии разбирательства не упоминается.-К.]

[75] “Кабра коджа но тенга сиеста”.

[76] Овьедо, История. де лас Инд., ср., стр. 33, загл. 1. —Отв. ред. де Кортес, ап. Лоренцана, стр. 42-45.—Берналь Диас, История. de la Conquista, cap. 59, 60.

[77] Гомара, Крона, кап. 44.—Икстлильшочитль, Хист. Чич., ср., загл. 83.—Берналь Диас, Хист. де ла Конкиста, глава 61. —Количество индейских вспомогательных войск, указанное в тексте, намного больше, чем разрешено Кортесом или Диасом. Но оба этих действующих лица драмы демонстрируют слишком очевидное желание возвеличить собственную доблесть, преувеличивая численность своих врагов и преуменьшая свою собственную, чтобы иметь право на большую уверенность в своих оценках.

[78] “No tenemos otro socorro, ni ayuda sino el de Dios; porque ya no tenemos nauíos para ir á Cuba, salvo nuestro buen pelear y coraçones fuertes.” Берналь Диас, Хист. de la Conquista, cap. 59.

[79] “Y todos á vna le respondimos, que haríamos lo que ordenasse, que echada estaua la suerte de la buena ó mala ventura.” Loc. cit.

[80] Халапеньо, *Вьюнок халапеньо*. *Х* и *й* являются конвертируемыми согласными в кастильском. {**}

{**} [Халапа означает “Источник на песке”. —М.]

[81] Высоты Халапы увенчаны женским монастырем, посвященным Святому Франциску, возведенным позднее Кортесом, демонстрирующим по своей прочности, как и другие постройки того периода, построенные под той же эгидой, говорит приятный путешественник, военный и религиозный замысел. Путешествия Тюдора по Северной Америке (Лондон, 1834), том ii. стр. 186.

[82] Овьедо, История. де лас Инд., ср., стр. 33, загл. 1.—Rel. Seg. de Cortés, ap. Lorenzana, p. 40.—Gomara, Crónica, cap. 44. Икстлильшочитль, История. Чич., ср., загл. 83. “Каждые сто ярдов нашего пути, ” говорит процитированный последним путешественник, говоря именно об этой местности, - были отмечены печальным воздвижением деревянного креста, обозначающего, согласно обычаю страны, совершение какого-нибудь ужасного убийства на том месте, где он был установлен”. (Путешествия по Северной Америке, том ii, стр. 188.) — [Сеньор Аламан решительно защищает своих соотечественников от этого грубого преувеличения, как он это произносит, мистера Тюдора. Ибо, хотя, к сожалению, верно, говорит он, что путешественники раньше подвергались нападениям по пути из Мехико в Вера-Крус, и что *дилижанс*, который проезжает по этой дороге, все еще часто останавливают, все же личное насилие применяется очень редко. “Иностранные туристы склонны верить всем историям о зверствах, которые с ними связаны, и, как правило, в гостиницах попадают в общество людей, которые получают удовольствие от предоставления большого запаса таких материалов. Кресты, которые можно встретить в стране, не так многочисленны, как это утверждается; и не все они являются памятниками убийствам, совершенным в тех местах, где они были установлены. Многие из них являются просто объектами поклонения, а другие указывают на место, где две дороги расходятся друг с другом. Мы должны, тем не менее, признать, что этот вопрос требует всего внимания правительства; в то время как честный иностранец, несомненно, признает, что нелегко осуществлять полицейский надзор за дорогами, на которых основные населенные пункты расположены далеко друг от друга, как в странах, подобных нашей, вместо того, чтобы быть настолько близко, чтобы с них можно было вести наблюдение за промежуточными участками, как это имеет место в большинстве стран Европы и в значительной части Соединенных Штатов”. Conquista de Méjico (trad. de Bera), том i., стр. 251.]

[83] *Эль-Пасо-дель-Обусно*. Cortés named it *Puerto del Nombre de Dios*. Виадже, ап. Лоренцана, стр. ii.

[84] Ацтекское название *Nauhcampatepetl*, от *nauhcampa*, “что-нибудь квадратное”, и *tepetl*, “гора”. —Гумбольдт, который пробирался через леса и снега к ее вершине, установил, что ее высота составляет 4089 метров, = 13 414 футов, над уровнем моря. See his *Vues des Cordillères*, p. 234, and *Essai politique*, vol. i. p. 266.

[85] То же самое, что упоминается в Письме Кортеса как *Пуэрто-де-ла-Леня*. *Viaje*, ap. Lorenzana, p. iii.

[86] Ныне известен под благозвучным индийским названием Тлатланквитепек. (Виадже, ап. Лоренцана, стр. iv.) Это *Кокотлан* Берналя Диаса. (История. de la Conquista, глава 61.) Старые завоеватели с сожалением обошлись с ацтекскими названиями как мест, так и людей, для чего у них, надо признать, было достаточно оправданий.

[87] “Puestos tantos rimeros de calaueras de muertos, que se podian bien contar, segun el concierto con que estauan puestas, que me parece que eran mas de cien mil, y digo otra vez sobre cien mil.” Ibid., ubi supra.

[88] “El qual casi admirado de lo que le preguntaba, me respondió, diciendo; ¿que quién no era vasallo de Muctezuma? queriendo decir, que allí era Señor del Mundo.” Rel. Seg. de Cortés, ap. Lorenzana, p. 47.

[89] “Tiene mas de 30 Príncipes á sí subjectos, que cada uno dellos tiene cient mill hombres é mas de pelea.” (Oviedo, Hist. de лас Инд., ср., стр. 33, загл. 1.) Эта удивительная история серьезно повторяется не одним испанским писателем в их рассказах об ацтекской монархии, но не как утверждение этого вождя, а как настоящая статистика. Смотрите, среди прочего, Herrera, Hist. general, 2 декабря, lib. 7, cap. 12. Солис, Конкиста, библиотека 3, глава 16.

[90] Берналь Диас, Hist. "де ла Конкиста", глава 61. — В рассказе капитана есть легкий налет прославления, который может вызвать улыбку, но не насмешку, поскольку к нему примешивается слишком много настоящей храбрости и простоты характера.

[91] На предыдущих страницах, помимо источников, цитируемых в курсе, см. Peter Martyr, De Orbe Novo, 5 декабря, глава 1, — Ixtlilxochitl, Hist. Чич., ср., загл. 83.—Gomara, Crónica, cap. 44.Торквемада, монарх. Изд., библиотека 4, глава 26.

[92] Генерал явно принадлежал к воинствующей церкви, упомянутой Батлером:

- Те, кто строит свою веру на

Священный текст о пике и ружье,

И доказывают ортодоксальность своих доктрин

Апостольскими ударами и стуками”.

[93] “Арбол grande, дихо *axueeme*”. (Viaje, ap. Lorenzana, p. iii.) *Cupressus disticha* Линнея. См. Гумбольдт, "Очерки политики", том ii, стр. 54, примечание.

[94] Это тот же вкус, из-за которого в Кастилии, плоскогорье полуострова, так мало леса. Однако в Новой Испании, похоже, сработали соображения благоразумия, а также вкус. Один мой друг, посетивший знатную *гасиенду*, но необычайно безлесную, был проинформирован владельцем, что их вырубили, чтобы ленивые индейцы на плантации не тратили свое время впустую, слоняясь в их тени!

[95] Это подтверждает наблюдения М. де Гумбольдта. “Sans doute lors de la première arrivée des Espagnols, toute cette côte, depuis la rivière de Papaloapan (Alvarado) jusqu’à Huastecapan, était plus habitée et mieux cultivée qu’elle ne l’est aujourd’hui. Cependant à mesure que les conquérans montèrent au plateau, ils trouvèrent les villages plus rapprochés les uns des autres, les champs divisés en portions plus petites, le peuple plus policé.” Humboldt, Essai politique, tom. ii. p. 202.

[96] Правильное индийское название города, *Истакамашитлан*, *Изтакмаститан* из Кортеса, вряд ли будет узнаваемо в *Халацинго* из Диаса. В 1601 году город был перенесен с вершины холма на равнину. На первоначальном месте до сих пор видны остатки резных камней больших размеров, свидетельствующих об эlegantности древней крепости или дворца касиков. Viaje, ap. Lorenzana, p. v.

[97] “Estas cosas y otras de gran persuasion contenia la carta, pero como no sabian leer no pudieron entender lo que contenia.” Camargo, Hist. де Тласкала, МИСС

[98] О дипломатических обычаях народа Анауака см. *ante*, стр. 57.

[99] “Mira, señores compañeros, ya veis que somos pocos, hemos de estar siempre tan apercebidos, y aparejados, como si aora viessemos venir los contrarios á pelear, y no solamente vellos venir, sino hazer cuenta que estamos ya en la batalla con ellos.” Берналь Диас, Хист. de la Conquista, cap. 62.

[100] Согласно последнему цитируемому автору, камни удерживались цементом настолько прочным, что мужчины едва могли разбить его своими пиками. (Хист. de la Conquista, cap. 62.) Но противоположное утверждение, содержащееся в письме генерала, подтверждается нынешним видом стены. Виадже, ап. Лоренцана, стр. vii.

[101] Viaje, ap. Lorenzana, стр. vii.—Попытки архиепископа определить маршрут Кортеса были очень успешными. Жаль, что его карта, иллюстрирующая маршрут, оказалась такой бесполезной.

[102] Камарго, История. de Tlascal, MS.—Gomara, Crónica, cap. 44, 45.—Ixtlilxochitl, Hist. Чич., ср., загл. 83.—Эррепа, История. генерал, 2 декабря, библиотека 6, глава. 3.—Овьедо, История. de las Ind., CP., lib. 33, глава. 2.—Петр Мученик, De Orbe Novo, 5 декабря, глава. 1.

[103] Индийский хронист Камарго считает свой народ ветвью чичимеков. (Хист. де Тласкала, ср.) Так же, как и Торквемада. (Монарх. Инд., lib. 3, глава 9.) Клавиджеро, который тщательно исследовал древности Анауака, называет его одним из семи племен наутлаков. (Стор. del Messico, tom. i. p. 153, nota.) Этот факт не имеет большого значения, поскольку все они были родственными расами, говорили на одном языке и, вероятно, мигрировали из своей страны на крайнем Севере почти в одно и то же время.

[104] Потомки этих мелких дворян придавали своим родословным такое же значение, как любой бискайец или астуриец в Старой Испании. Долгое время после Завоевания они отказывались, какими бы нуждающимися они ни были, позорить свое происхождение, прибегая к механическим или другим плебейским занятиям, *oficios viles y bajos*. “Los descendientes de estos son estimados por hombres calificados, que aunque sean pobrísimos no usan oficios mecánicos ni tratos bajos ni viles, ni jamas se permiten cargar ni cabar con coas y azadones, diciendo que son hijos Idalgos en que no han de aplicarse á estas cosas soeces y bajas, sino servir en guerras y fronteras, como Idalgos, y morir como hombres peleando.” Camargo, Hist. de Тласкала, МИСС

[105] “Cualquier Tecuhtli que formaba un Tecalli, que es casa de Mayorazgo, todas aquellas tierras que le caian en suerte de repartimiento, con montes, fuentes, rios, ó lagunas tomase para la casa principal la mayor y mejor suerte ó pagos de tierra, y luego las demas que quedaban se partian por sus soldados amigos y parientes, igualmente, y todos estos están obligados á reconocer la casa mayor y acudir á ella, á alzarla y repararla, y á ser continuos en reconocer á ella de aves, caza, flores, y ramos para el sustento de la casa del Mayorazgo, y el que lo es está obligado á sustentarlos y á regalarlos como amigos de aquella casa y parientes de ella.” Там же, ср.

[106] Камарго, История. де Тласкала, МИСС

[107] “Los grandes recibimientos que hacian á los capitanes que venian y alcanzaban victoria en las guerras, las fiestas y solenidades con que se solenizaban á manera de triunfo, que los metian en andas en su puebla, trayendo consigo á los vencidos; y por eternizar sus hazañas se las cantaban publicamente, y así quedaban memoradas y con estatuas que les ponian en los templos.” Там же, ср.

[108] Всю церемонию инаугурации, — хотя, как кажется, имеющую особое отношение к рыцарям-купцам, — смотрите в Приложении № 9, где приведен оригинал из Камарго.

[109] “Na bel paese”, - говорит Анонимный Завоеватель, говоря о Тлашкале во время вторжения, - “di pianure et motagne, et é provincia popolosa et vi si raccoglie molto pane”. От имени джентилиа хуомо, ар. Рамузио, том. iii. стр. 308.

[110] Полный отчет о нравах, обычаях и внутренней политике Тлашкалы дается национальным историком, проливая много света на другие штаты Анауака, социальные институты которых, похоже, были отлиты по той же схеме.

[111] Камарго, История. де Тласкала, СР.—Торквемада, монарх. Ind., lib. 2, cap. 70.

[112] Камарго (Hist. де Тлашкала, ср.) отмечает масштабы завоеваний Монтесумы, что является спорным основанием для историка.

[113] Торквемада, монарх. Изд., библиотека 3, загл. 16. Солис говорит: “Территория тлашкаланцев имела пятьдесят лиг в окружности, десять в длину с востока на запад и четыре в ширину с севера на юг”. (Conquista de Méjico, lib. 3, cap. 3.) Должно быть, из этого получилась любопытная геометрическая фигура!

[114] Камарго, История. де Тласкала, МИСС

[115] “Los Señores Mejicanos y Tezcucanos en tiempo que ponian treguas por algunas temporadas embiaban á los Señores de Tlaxcalla grandes presentes y dádivas de oro, ropa, y cacao, y sal, y de todas las cosas de que carecian, sin que la gente plebeya lo entendiese, y se saludaban secretamente, guardándose el decoro que se debian; mas con todos estos trabajos la órden de su república jamas se dejaba de gobernar con la rectitud de sus costumbres guardando inviolablemente el culto de sus Dioses.” Там же, ср.

[116] Тлашкальский хронист усматривает в этой глубоко укоренившейся ненависти к Мексике руку Провидения, которое создало из нее важное средство для ниспровержения империи ацтеков. История. де Тласкала, ср.

[117] “Si bien os acordais, como tenemos de nuestra antigüedad como han de venir gentes á la parte donde sale el sol, y que han de emparentar con nosotros, y que hemos de ser todos unos; y que han de ser blancos y barbudos.” Там же, ср.

[118] В зрелом возрасте ста сорока лет! если можно так выразиться, Камарго. Солис, который путает этого ветерана со своим сыном, вложил в уста последнего цветистую речь, которая была бы редкой жемчужиной индийского красноречия, не будь она кастильской. Конкиста, библиотека 2, глава 16.

[119] Камарго, История. де Тласкала, г—жа Эррера, История. генерал, 2 декабря, библиотека 6, глава. 3.—Торквемада, монарх. Изд., библиотека 4, загл. 27. В сообщениях о работе совета имеется достаточное количество противоречий, а также неясностей, которые нелегко полностью согласовать с последующими событиями.

[120] “Долус и виртус, что требуется от хоста?”

[121] “I les matáron dos caballos, de dos cuchilladas, i segun algunos, que lo viéron, cortáron á cercen de un golpe cada pescueço, con riendas, i todas.” Gomara, Crónica, cap. 45.{*}

{*} [Мексиканский меч был ужасным делом. К двум сторонам палки длиной три с половиной фута и шириной четыре дюйма были прикреплены несколько обсидиановых бритв длиной около трех дюймов и шириной один или два дюйма. Эти бритвы были

толщиной с лезвие меча. Сначала они были удивительно острыми, — настолько острыми, что однажды одним ударом обезглавили лошадь, — но вскоре потеряли свою остроту. Меч был привязан к руке веревкой, чтобы его не потеряли в бою. — М.]

[122] Отв. сег. де Кортес, ап. Лоренцана, стр. 50.—Камарго, История. де Тласкала, МИСС—Берналь Диас, истор. de la Conquista, cap. 62.—Gomara, Crónica, cap. 45. Овьедо, История. де лас Инд., ср., библиотека 33, глава 3, 41.—Саагун, История. Нуэва-Испания, СР., библиотека 12, глава 10.

[123] “Que quando rompiessemos por los esquadrones, que lleuassen las lanças por las caras, y no parassen á dar lançadas, porque no les echassen mano dellas.” Берналь Диас, Хист. de la Conquista, cap. 62.

[124] “Entonces dixo Cortés, ‘Santiago, y á ellos.’” Bernal Diaz, Hist. de la Conquista, cap. 63.

[125] “Una gentil contienda”, - говорит Гомара об этой стычке. Crónica, cap. 46.

[126] Отв. сег. де Кортес, ап. Лоренцана, стр. 51. Согласно Гомаре (Crónica, глава 46), противник собрал 80 000 человек. Также, Икстлильшочитль. (История. Чич., ср., глава 83.) Берналь Диас говорит, более 40 000. (История. de la Conquista, cap. 63.) Но Эррера (Hist. general, 2 декабря, lib. 6, глава. 5) и Торквемада (Monarch. Ind., lib. 4, cap. 20) сократите их до 30 000. С таким же успехом можно сосчитать листья в лесу, как и численность сбитой с толку толпы варваров. Поскольку это была лишь одна из нескольких пеших армий тлашкаланцев, наименьшее количество, вероятно, слишком велико. Все население штата, по словам Клавиджеро, который вряд ли стал бы его недооценивать, на момент вторжения не превышало полумиллиона человек. История. del Messico, tom. i. p. 156.

[127] “La divisa y armas de la casa y cabecera de Titcala es una garga blanca sobre un peñasco.” (Камарго, История. de Tlascal, MS.) “El capitan general,” says Bernal Diaz, “que se dezia Xicotenga, y con sus diuisas de blanco y colorado, porque aquella diuisa y librea era de aquel Xicotenga.” Хист. de la Conquista, cap. 63.

[128] “Llaman Teponaztle ques de un trozo de madero concavado y de una pieza rollizo y, como decimos, hueco por de dentro, que suena algunas veces mas de media legua y con el atambor hace estraña y suave consonancia.” (Camargo, Hist. де Тлашкала, ср.) Клавиджеро, который дает рисунок этого же барабана, говорит, что он все еще используется индейцами и его слышно за две-три мили. Рассказ. del Messico, tom. ii. p. 179.

[129] “Una illis fuit spes salutis, desperâsse de salute.” (P. Martyr, De Orbe Novo, dec. 1, cap. 1.) Это сказано с классической энергией Тацита.

[130] “Respondióle Marina, que no tuviese miedo, porque el Dios de los Christianos, que es muy poderoso, i los queria mucho, los sacaria de peligro.” Эррера, История. общие сведения, 2 декабря, библиотека 6, глава 5.

[131] Там же, ubi выше.

[132] Овьедо, История. де лас Инд., ср., lib. 33, cap. 3, 45.—Икстлильшочитль, Хист. Чич., ср., cap. 83.—Отв. ред. де Кортес, ап. Лоренцана, стр. 51.—Берналь Диас, История. de la Conquista, cap. 63.—Gomara, Crónica, cap. 40.

[133] Через де Кортеса, ап. Лоренцана, стр. ix.

[134] По словам Кортеса, ни один испанец не пал — хотя многие были ранены — в этом бою, столь фатальном для неверных! Диас допускает одно. В знаменитой битве при Навас-де-Толоса между испанцами и арабами в 1212 году, в то время равными по военному искусству, на поле боя осталось 200 000 последних; и, чтобы уравновесить этот кровавый расклад, только двадцать пять христиан! Смотрите оценку в правдивом письме Альфонсо IX, ап. Мариана (Hist. de España, lib. 2, cap. 24). Официальные возвращения старых кастильских крестоносцев, будь то в Старом или Новом Свете, едва ли заслуживают большего доверия, чем в наши дни французский *императорский* бюллетень.

[135] Отв. ред. де Кортес, А. п. Лоренцана, стр. 52.—Овьедо, который бесплатно пользовался рукописями Кортеса, пишет тридцать девять домов. (История. de las Ind., ср., lib. 33, cap. 3.) Возможно, это можно объяснить знаком тысячи в испанских обозначениях, очень похожим на цифру 9. Мученик, который также имел доступ к рукописи Завоевателя, подтверждает большее и, *априори*, менее вероятное число.

[136] “Que fuessemos á su pueblo adonde está su padre, q allá harian las pazes cõ hartarse de nuestras carnes, y honrar sus dioses con nuestros coraçones, y sangre, é que para otro dia de mañana veriamos su respuesta.” Берналь Диас, Хист. de la Conquista, cap. 64.

[137] Более чем один автор повторяет историю о том, как тлашкальский генерал в это время отправил измученной голодом армии испанцев хороший запас провизии; возможно, чтобы набить ими желудки для битвы. (Gomara, Crónica, cap. 46.—Икстлильшочитль, Хист. Чич., ср., глава 83.) Это ультра-рыцарское проявление со стороны варвара маловероятно, и собственный отчет Кортеса о его успешной вылазке может гораздо лучше объяснить изобилие, царившее в его лагере.

[138] Отв. сег. де Кортес, ап. Лоренцана, стр. 52.—Икстлильшочитль, История. Чич., ср., загл. 83.—Gomara, Crónica, cap. 46, 47.—Oviedo, Hist. de las Ind., ср., библиотека 33, глава. 3.—Берналь Диас, История. de la Conquista, cap. 64.

[139] Через увеличительную линзу Кортеса, казалось, было 150 000 человек (См. продолжение, А. П. Лоренцана, стр. 52); это число обычно предпочитают последующие писатели.

[140]

- И вполювину не такие великолепные, несмотря на их майское веселье

Все в венках и ребристых повязках, наши юноши и девушки,

Как эти суровые *тлашкаланцы* в военном облачении!

Золотой блеск и кольчуга из перьев

Более веселый, чем сверкающее золото; и вокруг шлема

Корона из высоких стоячих перьев,

Зеленый, как весенняя трава под солнечным дождем;

Или ярко-алый, как в зимнем лесу

Гроздчатый падуб; или пурпурного оттенка;

С чем это можно сравнить? с каким драгоценным камнем

Индия, какой цветок, крылышко какого насекомого?

С военными песнями и дикой музыкой они двинулись дальше;

Мы, стоя на коленях, единодушно подняли

Гимн мольбы”.

"МЭДОК"Саути, Часть 1, песнь 7.

[141] Знамена мексиканцев неслись в центре, знамена тлашкаланцев - в тылу строя. (Клавиджеро, Stor. del Messico, vol. ii. p. 145.) По словам Анонимного Завоевателя, древко знамени было прикреплено к спине прапорщика так, чтобы его невозможно было оторвать. “Ha ogni compagnia il suo Alfiere con la sua insegna in hastata, et in tal modo ligata sopra le spalle, che non gli da alcun disturbo di poter combattere ne far ciò che vuole, et la porta così ligata bene al corpo, che se no fanno del suo corpo pezzi, non se gli può sligare, ne togliela mai.” Rel. d’un gentil’ huomo, ap. Рамузио, том. iii. fol. 305.

[142] Камарго, История. де Тлашкала, г—жа Эррера, История. генеральный, 2 декабря, библиотека 6, глава 6.—Гомара, Крона, глава. 46.—Берналь Диас, История. де ла Конкиста, глава 64.—Овьедо, История. де лас Индж., СР., либр. 33, глава. 45. Два последних автора говорят об устройстве “белой птицы, подобной страусу”, как об устройстве республики. Они, очевидно, перепутали его с устройством индийского генерала. Камарго, автор геральдических эмблем четырех великих семей Тласкалы, отмечает белую цаплю как цаплю Ксикотенкатля.

[143] “Portano in testa,” says the Anonymous Conqueror, “per difesa una cosa come teste di serpeti, ò di tigri, ò di leoni, ò di lupi, che ha le mascelle, et è la testa dell’ huomo messa nella testa di qsto animale come se lo volesse diuorare: sono di legno, et sopra vi é la pena, et di piastra d’oro et di pietre preciose copte, che è cosa marauigliosa da vedere.” Rel. d’un gentil’ huomo, ap. Рамузио, том. iii. fol. 305.

[144] “Однажды я видел, как индеец нанес удар в лошадь кавалера, с которым он дрался, который пронзил ее грудь и проник так глубоко, что она тут же упала замертво; и в тот же день я видел, как другой индеец перерезал шею лошади, которая замертво упала к его ногам”. Rel. d’un gentil’ huomo, ap. Рамузио, том. iii. fol. 305.

[145] Конкретные упоминания о военной форме и назначениях американских племен на плато можно найти в Камарго, Hist. de Тласкала, ср.,—Клавиджеро, Стор. дель Мессико, том ii, стр. 101, и далее., —Акоста, библиотека 6, глава 26, —Отн. от имени джентльмена хуомо, ап. Рамузио, том iii. fol. 305 и др.

[146] “Que granizo de piedra de los honderos! Pues flechas todo el suelo hecho parva de varas todas de á dos gajos, que passan qualquiera arma, y las entrañas adonde no ay defensa.” Берналь Диас, Хист. de la Conquista, cap. 65.

[147] Так говорит Берналь Диас; который в то же время эпитетами *los muertos, los cuerpos* явно противоречит своему предыдущему хвастовству, что в бою пал только один христианин. (История. де ла Конкиста, глава 65.) У Кортеса не хватает такта признать это.

[148] Овьедо, История. де лас Инд., ср., библиотека 33, глава. 3.—Отв. ред. де Кортес, ап. Лоренцана, стр. 52.—Эррера, История. генерал, 2 декабря, библиотека 6, глава. 6.—Икстлильшочитль, Хист. Чич., ср., глава. 83.—Gomara, Crónica, cap. 46.—Торквемада, монарх. Ind., lib. 4, cap. 32.—Берналь Диас, История. de la Conquista, главы 65, 66. — Теплый, рыцарский накал чувств, который окрашивает грубую композицию the last chronicler, делает его лучшим художником, чем его более корректные и классические соперники. И, если в его письме слишком много самодовольного тона *кворума pars magna fui*, герою более сотни сражений и почти такого же количества ранений это можно простить.

[149] Анонимный Завоеватель красноречиво свидетельствует о доблести индейцев, приводя примеры, когда он видел, как один воин долгое время защищался от двух, трех и даже четырех испанцев! “Sono fra loro di valētissimi huomini et che ossano morir ostinatissimamēte. Et io ho veduto un d’ essi difendersi valetemente da duoi caualli leggieri, et un altro da tre, et quattro.” Rel. d’un gentil’ huomo, ap. Рамузио, том. iii. fol. 305.

[150] Устрашающий эффект кавалерии на туземцев напоминает о замешательстве, в которое повергли римские легионы странное появление слонов в их первых боях с Пирром, как рассказывает Плутарх в своей книге “Жизнь этого правителя”.

[151] Отв. сег. де Кортес, А. П. Лоренцана, стр. 53, 54.—Овьедо, История. de las Ind., CP., lib. 33, cap. 3.—Р. Мученик, De Orbe Novo, 2 декабря, cap. 2.—Торквемада, монарх. Ind., библиотека. 4, глава. 32.—Эррера, История. генерал, 2 декабря, библиотека. 6, глава. 8.—Берналь Диас, история. de la Conquista, cap. 66.

[152] “Хотя она каждый день слышала, как они говорили об убийстве нас и поедании нашей плоти, хотя она видела нас окруженными в прошлых битвах и знала, что теперь все мы ранены и страдаем, все же мы никогда не видели в ней слабости, но мужества, намного превосходящего женское”. Берналь Диас, Хист. de la Conquista, cap. 66.

[153] Берналь Диас, Hist. Конкиста, глава 67.—Камарго, История. де Тлашкала, CP.—Икстлильшочитль, История. Чич., ср., глава 83.

[154] Действие лекарства — хотя, по словам самого Диаса, доза была довольно высокой — было приостановлено во время активных нагрузок генерала. Гомара, однако, не считает это чудом. (Crónica, cap. 49.) Отец Сандовал знает. (История. de Cárlos Quinto, tom. i. p. 127.) Солис, после добросовестного расследования этого запутанного дела, принимает решение — каким бы странным это ни казалось — против отца! Конкиста, библиотека 2, глава 20.

[155] “Диос в истинной природе”. Отв. Сег. де Кортес, ап. Лоренцана, стр. 54.

[156] История. де ла Конкиста, глава 64. — Не таков Кортес, который смело заявляет: “Я сжег более десяти городов”. (Там же, стр. 52.) Его преподобие комментатор указывает местоположения индийских городов, разрушенных им во время его набегов. Виадже, ап. Лоренцана, стр. ix-xi.

[157] [Лоренцана говорит о двух штандартах, которые несли Кортесы во время Завоевания: на одном из них было изображение Богородицы, на другом - Креста. Возможно, именно последнее до сих пор хранится в Артиллерийском музее в Мадриде. (Rel. Seg. de Cortés, ap. Lorenzana, p. 52, nota.) В письме, написанном мне из этой столицы несколько лет назад моим другом мистером Джорджем Саммером, он отмечает: “В Мадриде, в Артиллерийском музее, находится маленькая шкатулка красного дерева, площадью около квадратного фута, запечатая и запечатанная, в которой, как гласит надпись над ней, находится *пендон*, который Эрнан Кортес взял с собой на завоевание Мексики. Когда я обратился к бригадиру Леону де Паласио, директору музея, он был так

любезен, что не только распорядился открыть это место, но и сам поехал со мной осмотреть его. Стандарт, вероятно, тот же самый, о котором Лоренцана в 1770 году говорит как о находящемся тогда в Секретариате Гобьерно. Оно из красного дамасского шелка, на нем когда-то были следы росписи, но сейчас оно полностью превратилось в лохмотья”.]

[158] “E como trayamos la Bandera de la Cruz, y puñabamos por nuestra Fe, y por servicio de Vuestra Sacra Magestad, en su muy Real ventura nos dió Dios tanta victoria, que les matámos mucha gente, sin que los nuestros recibiesen daño.” Rel. Seg. de Cortés, ap. Lorenzana, p. 52.

[159] “Было примечательно, - восклицает Эррера, - видеть, с каким смирением и преданностью все возвращались, восхваляя Бога, который даровал им такие чудесные победы, по которым было ясно видно, что им оказана божественная помощь”.

[160] “Porque entrar en México, teníamoslo por cosa de risa, á causa de sus grandes fuerças.” Берналь Диас, Хист. de la Conquista, cap. 66.

[161] Диас с возмущением отвергает идею мятежа, которую Гомара придавал этому процессу. “То, что они сказали ему, было в качестве совета и потому, что они верили, что это было хорошо сказано, а не с каким-либо другим намерением, поскольку они всегда храбро и преданно следовали за ним; и нет ничего странного в том, что в армии несколько хороших солдат дают советы своему капитану, особенно когда такие трудности выпали на долю нас”. Хист. de la Conquista, cap. 71.

[162] Об этой конференции сообщают, правда, с некоторым разнообразием, почти все историки. (Rel. Seg. de Cortés, ap. Lorenzana, p. 55.—Oviedo, Hist. de las Ind., ср., стр. 33, загл. 3.Гомара, Крона, главы 51, 52,—Икстлильшочитль, Хист. Чич., ср., глава 80.—Эррера, Хист. генерал, 2 декабря, библиотека 6, глава 9.—Р. Мученик, De Orbe Novo, 5 декабря, глава. 2.) Я сократил отчет, данный Берналем Диасом, одним из слушателей, хотя и не одной из сторон диалога, — по этой причине он является более авторитетным.

[163] Диас говорит, что только семнадцать человек лишились рук, остальные - больших пальцев. (Хист. de la Conquista, cap. 70.) Кортес не уклоняется от признания рук всей полусотни: “Я приказал, чтобы всем пятидесяти отрубили руки; и я послал их сказать их господину, что пусть он придет, когда захочет, ночью или днем, они должны увидеть, кто мы такие”. Отв. Сег. де Кортес, ап. Лоренцана, стр. 53.

[164] “De que los Tlascaltecas se admiraron, entendiendo que Cortés les entendia sus pensamientos.” Икстлильшочитль, Хист. Чич., ср., глава 83.

[165] Отв. сег. де Кортес, А. П. Лоренцана, стр. 56, 57.—Овьедо, История. де лас Инд., ср., стр. 33, загл. 3.—Gomara, Crónica, cap. 53. Берналь Диас, историк. де ла Конкиста, глава 71 и далее.—Саагун, История. Нуэва-Испания, СР., библиотека 12, глава 11.

[166] “Cortés recibió con alegría aquel presente, y dixo que se lo tenia en merced, y que él lo pagaria al señor Montezuma en buenas obras.” Берналь Диас, Хист. de la Conquista, cap. 73.

[167] Он подробно останавливается на этом в своем письме императору. “Видя разлад и раздор между ними, я испытал немалое удовольствие, ибо мне показалось, что это хорошо соответствует моему замыслу и что с помощью этого средства я мог бы легче подчинить их себе. Более того, я вспомнил текст Евангелиста, который гласит: ‘Всякое царство, разделенное само в себе, приходит в запустение’. Поэтому я вел переговоры с обеими сторонами и втайне поблагодарил каждую из них за информацию, которую она мне сообщила, заявив, что отношусь к ней с большей дружбой, чем к другой”. Отв. Сег. де Кортес, ап. Лоренцана, стр. 61.

[168] Эррера, История. генерал, 2 декабря, библиотека. 6, глава. 10.—Овьедо, История. де лас Индастриал, СР., библиотека. 33, глава. 4.—Gomara, Crónica, cap. 54.—Мученик, De Orbe Novo, 5 декабря, глава. 2.—Берналь Диас, История. Конкиста, главы 72-74.—Икстлильшочитль, Хист. Чич., СР., главы 83.

[169] “Дистанция между кварталом легуа каминандо и диха съюдад-энкуэнтра уна барранка хонда, путь к пасхе”, *путь к миру и песне боведы*, путь к традициям в пуэбло-де-Сан-Сальвадор, путь к смерти и аквеллос диас, путь ко всем кортесам в поисках пасхи”. (Виадже, ап. Лоренцана, стр. xi.) Если бы можно было установить древность этого *арочного* каменного моста, это решило бы вопрос, вызывающий много споров в отношении индийской архитектуры. Но для строительства *такого* солидного объекта за *столь* короткое время требуется ваучер получше, чем у жителей Сан-Сальвадора.

[170] Клавиджеро, Стор. дель Мессико, том iii, стр. 53.—“Recibimiento el mas solene y famoso que en el mundo se ha visto”, - восклицает восторженный историк республики. Он добавляет, что “более ста тысяч человек собрались, чтобы встретить испанцев; вещь, которая кажется невозможной”, *que parece cosa imposible!* Это действительно так. Камарго, История. де Тлашкала, МИСС

[171] Саагун, История. Нуэва-Испания, ср., библиотека. 12, глава. 11.—Отв. ред. де Кортес, ап. Лоренцана, стр. 59.—Камарго, История. de Tlascala, MS.—Gomara, Crónica, cap. 54. Эррера, История. общие положения, декабрь 2, библиотека 6, глава 11.

[172] “La qual ciudad es tan grande, y de tanta admiracion, que aunque mucho de lo, que de ella podria decir, dexe, lo poco que diré creo es casi increíble, porque es muy mayor que Granada, y muy mas fuerte, y de tan buenos Edificios, y de muy mucha mas gente, que Granada tenia al tiempo que se ganó.” Rel. Seg. de Cortés, ap. Lorenzana, p. 58.

[173] “En las Ruinas, que aun hoy se vén en Tlaxcala, se conoce, que no es ponderacion.” Rel. Seg. de Cortés, p. 58. Nota del editor, Lorenzana.

[174] “Nullum est fictile vas apud nos, quod arte superet ab illis vasa formata.” Martyr, De Orbe Novo, dec. 5, cap. 2.

[175] Камарго, История. де Тлашкала, СР.—Отв. ред. де Кортес, ап. Лоренцана, стр. 59.—Овьедо, История. де лас Инд., ср., lib. 33, cap. 4.—Икстлильшочитль, Хист. Чич., СР., cap. 83. Последний историк перечисляет такое количество современных индийских авторитетов для своего повествования, что само по себе доказывает немалую степень цивилизованности народа.

[176] Эррера, История. общие сведения, 2 декабря, библиотека 6, глава. 12. Население места, которое Кортес мог сравнить с Гранадой, сократилось к началу нынешнего столетия до 3400 жителей, из которых менее тысячи были индейцами. См. Гумбольдт, “Очерки политики”, том ii, стр. 158.

[177] Саагун, Хист. Нуэва-Испания, ср., библиотека. 12, глава. 11.—Камарго, История. de Tlascala, MS.—Gomara, Crónica, cap. 54, 55.—Herrera, Hist. общие сведения, 2 декабря, библиотека 6, глава. 13. Берналь Диас, историк. de la Conquista, cap. 75.

[178] Camargo notices this elastic property in the religions of Anahuac: “Este modo de hablar y decir que les querrá dar otro Dios, es saber que cuando estas gentes tenian noticia de algun Dios de buenas propiedades y costumbres, que le rescibiesen admitiéndole por tal, porque otras gentes advenedizas trujéron muchos ídolos que tubieron por Dioses, y á este fin y propósito decian, que Cortés les traia otro Dios.” История. де Тласкала, ср.

[179] Икстлильшочитль, История. Чич., ср., загл. 84.—Gomara, Crónica, cap. 56. Берналь Диас, историк. де ла Конкиста, главы 76, 77. — Это не рассказ Камарго. По его словам, Кортес добился своего: знать проложила путь, приняв христианство, и идолы были разбиты. (История. де Тласкала, ср.) Но Камарго сам был обращенным в христианство индейцем, который жил в следующем поколении после Завоевания, и, весьма вероятно, испытывал такое же сильное желание избавить свой народ от упреков в

неверности, как современный испанец хотел бы смыть пятно — *мала раза и манча*— еврейского или мавританского происхождения со своего герба.

[180] Об этом чуде сообщает Эррера (Hist. general, декабрь 2, библиотека 6, глава 15), и Солис *поверил* в это. Conquista de Méjico, lib. 3, cap. 5.

[181] Чтобы избежать сложностей с выбором, миссионеры обычно давали одинаковые имена всем индейцам, крещенным в один день. Таким образом, один день был отведен для Иоаннов, другой - для Питеров и так далее; остроумное соглашение, гораздо больше для удобства духовенства, чем для новообращенных. См. Камарго, История. де Тласкала, МИСС

[182] Там же, СР.—Берналь Диас. История. де ла Конкиста, главы 74, 77. — Согласно Камарго, тласкаланцы предоставили испанскому командующему триста девушек для обслуживания пристани; и доброе обращение и инструкции, которые они получили, побудили некоторых вождей отдать своих собственных дочерей, “con propósito de que si acaso algunas se emprenasen quedase entre ellos generacion de hombres tan valientes y temidos”.

[183] Берналь Диас, Hist. de la Conquista, глава 80.—Отв. ред. де Кортес, ап. Лоренцана, стр. 60. —Мученик, De Orbe Novo, 5 декабря, глава. 2. Кортес упоминает только об одной миссии ацтеков, в то время как Диас говорит о трех. Первое из-за краткости настолько не соответствует всей правде, а второе, возможно, из-за забывчивости, настолько выходит за ее рамки, что не всегда легко сделать выбор между ними. Диас составил свой рассказ примерно через пятьдесят лет после Завоевания; промежуток времени, который может извинить многие ошибки, но должен значительно подорвать нашу уверенность в мельчайшей точности его подробностей. Более близкое знакомство с его хроникой не укрепляет этой уверенности.

[184] Ante, стр. 306.

[185] “Si no viniessen, iria sobre ellos, y los destruiria, y procederia contra ellos como contra personas rebeldes; diciéndoles, como todas estas Partes, y otras muy mayores Tierras, y Señoríos eran de Vuestra Alteza.” (Rel. Seg. de Cortés, ap. Lorenzana, p. 63.) “Восстание” было очень удобным термином, который подобным же образом использовали соотечественники Кортеса на Маврах для защиты владений, которыми они владели на полуострове в течение восьми столетий. Это оправдывало очень суровые репрессии. (См. “Историю Фердинанда и Изабеллы”, часть I, глава 13, и “Алиби”).

[186] Отв. сег. де Кортес, А. П. Лоренцана, стр. 62, 63.—Овьедо, История. де лас Инд., ср., lib. 33, cap. 4.—Икстлильхочитль, Хист. Чич., СР., cap. 84.—Гомара, Крона, глава 58. —Мученик, Новое Небо, 5 декабря, глава 2.—Эррера, История. генерал, 2 декабря, библиотека 6, глава 18.—Саагун, История. Нуэва-Испания, СР., библиотека 12, глава 11.

[187] Отв. часть, А.П. Лоренцана, стр. 67.— По словам Лас Касаса, в этом месте проживало 30 000 *векино*, или около 150 000 жителей. (Brevissima Relatione della Distruttione dell’ Indie Occidentale (Venetia, 1643)). Последнее, поскольку оценка меньше, *априори* более достоверно; особенно — что случается редко — на страницах доброго епископа Чьяпы.

[188] Humboldt, Essai politique, tom. iii, p. 159.

[189] Вейтия относит основание города к ульмекам, народу, предшествовавшему тольтекам. (История. антиг., том. i. глава 13, 20.) Поскольку последние, прожив на этой земле несколько столетий, вероятно, не оставили ни единого письменного свидетельства о своем существовании, будет трудно опровергнуть утверждение лиценциата, а доказать его еще труднее.

[190] Эррера, История. общие сведения, 2 декабря, библиотека 7, глава. 2. {*}

{*} [“Мы обнаруживаем, что, согласно традиции, территория Чолулы до 1519 года обязательно была занята по крайней мере тремя различными племенами. Способы погребения, насколько это установлено, обнаруживают равное количество различных обычаев. Архитектура, насколько это возможно исследовать, демонстрирует по крайней мере два отдельных типа.... Наконец, мы можем спросить, не указывают ли факты о том, что саманные кирпичи большого кургана содержат керамику и обсидиан, и что черепа были найдены под его выступающим западным краем, на еще более древнее население, возможно, с другим стилем архитектуры”. Банделье, Археологический тур, стр. 261.—М.]

[191] Камарго, История. de Tlascala, MS.—Gomara, Crónica, cap. 58.—Torquemada, Monarch. Изд., библиотека 3, глава 19.

[192] Вейтия, История. антиг., том. i. глава. 15 и последующие.—Саагун, История. новая Испания, библиотека 1, глава 5; библиотека 3.

[193] Более поздние богословы обнаружили в этих учениях толтекского бога, или верховного жреца, зародыши некоторых великих тайн христианской веры, таких как, например, тайны Воплощения и Троицы.

[194] Таково, в целом, суждение М. де Гумбольдта, который исследовал этот интересный памятник со своей обычной тщательностью. (Vues des Cordillères, p. 27, et seq.—Essai politique, tom. ii. p. 150, et seq.) Это мнение находит убедительное

подтверждение в том факте, что дорога, проложенная несколько лет назад через курган, открыла большую его часть, на которой отчетливо видны чередующиеся слои кирпича и глины. (Там же, лок. цит.) Нынешний вид этого памятника, покрытого вековой зеленью и растительной плесенью, оправдывает скептицизм более поверхностного путешественника.

[195] Некоторые египетские пирамиды и руины Вавилона, как хорошо известно, построены из кирпича. Надпись на одном из первых, действительно, превозносит этот материал как превосходящий камень. (Геродот, Эвтерпа, с. 136.) —Гумбольдт дает удачную иллюстрацию размеров мексиканского *теокалли*, сравнивая его с массой кирпичей, покрывающих площадь, в четыре раза превышающую Вандомскую площадь и в два раза превышающую высоту Лувра. *Essai politique*, tom. ii. p. 152.

[196] Подробный отчет о костюме и знаках отличия Кецалькоатля дает отец Саагун, который увидел ацтекских богов до того, как рука новообращенного христианина сбросила их с “их почетного места”. Смотрите Историю. новая Испания, библиотека 1, глава 3.

[197] Они пришли с расстояния в двести лиг, говорит Торквемада. *Монарх. Ind., lib. 3, cap. 19.*

[198] “Hay mucha gente pobre, y que piden entre los Ricos por las Calles, y por las Casas, y Mercados, como hacen los Pobres en España, y en otras partes que hay *Gente de razon*.” *Rel. Seg., ap. Lorenzana*, pp. 67, 68.

[199] Торквемада, монарх. Инд., библиотека 3, глава 19.—Гомара, Крона, глава 61.—Камарго, История. де Тлашкала, СР.

[200] Эррера, Hist. генерал, 2 декабря, библиотека 7, глава. 2. —Торквемада, монарх. Ind., *ubi supra*.

[201] “E certifico á Vuestra Alteza, que yo conté desde una Mezquita quatrocientas, y tantas Torres en la dicha Ciudad, y todas son de Mezquitas.” *Rel. Seg., ap. Lorenzana*, p. 67.

[202] Город Пуэбла-де-лос-Анхелес был основан испанцами вскоре после Завоевания на месте незначительной деревни на территории Чолулы, в нескольких милях к востоку от этой столицы. Это, пожалуй, самый значительный город в Новой Испании после самой Мексики, с которой он соперничает по красоте. По-видимому, он унаследовал религиозное превосходство древней Чолулы, отличаясь, как и она, количеством и великолепием своих церквей, многочисленностью своего духовенства и великолепием своих церемоний и праздников. Они полностью отображены на страницах путешественников, которые проезжали через это место по обычному маршруту из Вера-Крус в столицу. (См., в частности, “Мексику Буллока”, том i, глава II. 6.) Окрестности Чолулы, все еще орошаемые, как во времена ацтеков, не менее примечательны плодородием почвы. Лучшие пшеничные угодья, по утверждению очень уважаемого авторитета, дают урожай в пропорции восемьдесят на одно. Мексика Уорда, том ii. с. 270.—См. также Гумбольдт, “Очерки политики”, том ii. с. 158; том iv. с. 330.

[203] По словам Кортеса, сто тысяч человек предложили свои услуги по этому случаю! “И хотя я запретил это и просил, чтобы они не уходили, поскольку в этом не было необходимости, все же за мной последовало до ста тысяч человек, хорошо подготовленных к войне, которые прошли со мной расстояние почти в две лиги от города, а затем благодаря моим настоятельным просьбам были вынуждены вернуться, за исключением пяти или шести тысяч, которые остались со мной”. (Отв. раздел., ап. Лоренцана, стр. 64.) Это, должно быть, была почти вся боевая сила республики, не пугает Овьедо (История. де лас инд., ср., загл. 4) пог Gomara, Crónica, cap. 58.

[204] Слова *Конкистадора* еще сильнее. “Нет на ширину ладони земли, которая не обрабатывалась”. Отв. Разд., А. П. Лоренцана, стр. 67.

[205] “Все жители ранка носят, помимо прочей одежды, *альборноки*, отличающиеся от африканских тем, что у них есть карманы, но очень похожие по форме, материалу и окантовке”. Отв. Сег. де Кортес, ап. Лоренцана, стр. 67.

[206] Отв. сег. де Кортес, ап. Лоренцана, стр. 67.—Икстлильшочитль, История. Чич., ср., загл. 84.—Овьедо, История. де лас Инд., СР., библиотека 33, загл. 4.—Берналь Диас, История. de la Conquista, cap. 82.—Испанцы сравнивали Чолулу с прекрасным Вальядолидом, по словам Эрреры, чье описание записи очень оживленное: “Салиеронле отро диа рекибир мас де дис мил сыюдаданос в разнообразных тропах, кон росас, флорес, пан, авес, и фрутас, и муха мусика. Llegaba vn esquadron á dar la bien llegada á Hernando Cortés, i con buena órden se iba apartando, dando lugar á que otro llegase.... En llegando á la ciudad, que pareció mucho á los Castellanos, en el asiento, i perspectiva, á Valladolid, salió la demas gente, quedando mui espantada de ver las figuras, talles, i armas de los Castellanos. Saliéron los sacerdotes con vestiduras blancas, como sobrepellices, i algunas cerradas por delante, los braços defuera, con fluecos de algodón en las orillas. Unos llevaban figuras de ídolos en las manos, otros sahumeros; otros tocaban cornetas, atabalejos, i diversas músicas, i todos iban cantando, i llegaban á encensar á los Castellanos. Con esta pompa entráron en Chulula.” История. общие сведения, 2 декабря, библиотека 7, глава 1.

[207] Кортес, действительно, заметил те же самые тревожные явления при въезде в город, что наводит на мысль о преднамеренном предательстве. “По дороге мы заметили много признаков, подобных тем, о которых рассказывали нам уроженцы

этой провинции; ибо мы обнаружили, что королевская дорога заграждена, а другая открыта, и вырыто несколько ям, — хотя и не так много, — и некоторые улицы города забаррикадированы, и много камней на крышах; это еще больше насторожило нас и заставило проявлять большую осторожность”. Отв. Сегмент., ап. Лоренцана, стр. 64.

[208] Берналь Диас, Hist. de la Conquista, cap. 83.—Gomara, Crónica, cap. 59.—Rel. Seg. de Cortés, ap. Lorenzana, p. 65.—Torquemada, Monarch. Изд., lib. 4, cap. 39.—Овьедо, История. де лас Инд., СР., lib. 83, cap. 4.—Мученик, De Orbe Novo, 5 декабря, глава. 2.—Эррера, История. генерал, 2 декабря, библиотека. 7, глава. 1.Аргенсола, Аналитес, библиотека 1, глава 85.

[209] “Las horas de la noche las regulaban por las estrellas, y tocaban los ministros del templo que estaban destinados para este fin, ciertos instrumentos como vocinas, con que hacian conocer al pueblo el tiempo.” Gama, Descripcion, Parte 1, p. 14.

[210] “Usáron los de Tlaxcalla de un aviso muy bueno y les dió Hernando Cortés porque fueran conocidos y no morir entre los enemigos por yerro, porque sus armas y divisas eran casi de una manera; ... y así se pusieron en las cabezas unas guirnaldas de esparto á manera de torzales, y con esto eran conocidos los de nuestra parcialidad que no fué pequeño aviso.” Камарго, Хист. де Тласкала, ср.

[211] Камарго, История. де Тласкала, ср.—Овьедо, История. де лас Индиан, СР., библиотека 33, глава 4, 45.—Торквемада, монарх. Ind., lib. 4, cap. 40.—Икстлильхочитль, Хист. Чич., ср., cap. 84.—Gomara, Crónica, cap. 60.

[212] “Они убили почти шесть тысяч человек, но не тронули ни женщин, ни детей, ибо так было приказано”. Эррера, История. общие сведения, 2 декабря, библиотека 7, глава 2.

[213] Берналь Диас, Hist. de la Conquista, cap. 83.—Икстлильшочитль, Хист. Чич., ср., ubi выше.

[214] Берналь Диас, Hist. de la Conquista, cap. 83.—По словам Бустаманте, потомки главного касика Чолулана по сей день живут в Пуэбле. See Gomara, Crónica, trad. de Chimalpain (México, 1820), tom. i. p. 98, nota.

[215] Отв. сег. де Кортес, ап. Лоренцана, стр. 66.—Камарго, История. де Тласкала, СР.—Икстлильшочитль, Хист. Чич., СР., глава. 84.—Овьедо, Хист. де Лас Инд., ср., библиотека 33, глава 4, 45.—Берналь Диас, хист. de la Conquista, cap. 83.—Gomara, Crónica, cap. 60.—Sahagun, Hist. Нуэва-Испания, ср., либр. 12, загл. 11.Лас Касас в своем печатном трактате "О разрушении Индии" дополняет свой отчет об этих операциях некоторыми дополнительными и довольно поразительными подробностями. По его словам, Кортес приказал посадить на кол или поджарить на костре сотню или более касиков! Он добавляет отчет о том, что во время резни во дворе испанский генерал повторил отрывок из старого романа, в котором описывается, как Нерон радовался горящим руинам Рима:

“Mira Nero de Tarpeya,

A Roma como se ardia.

Gritos dan ninos y viejos,

Y él de nada se dolia.”

(Brevisima Relacion, p. 46.)

Я подозреваю, что это первый случай, когда какой-либо человек стремится найти себе параллель в этом императоре! Берналь Диас, который видел "нескончаемое повествование", как он это называет, о Лас Касасе, относится к нему с большим презрением. Его собственная версия — одна из тех, которым в основном следуют в тексте, — была подтверждена отчетом миссионеров, которые после завоевания посетили Чолулу и расследовали это дело с помощью священников и нескольких выживших стариков, которые были свидетелями этого. Это подтверждается в существенных деталях другими рассказами современников. Превосходный епископ Чьяпы писал с общепризнанной целью возбудить симпатии своих соотечественников в пользу угнетенных туземцев; цель, безусловно, благородная, но слишком часто отклонявшая его суждения от строгой линии исторической беспристрастности. Он не был очевидцем событий в Новой Испании и был слишком готов выслушать все, что могло бы послужить аргументацией в его пользу, и “приукрасить”, если можно так выразиться, свою аргументацию такими подробностями крови и резни, которые из-за самой их экстравагантности несут в себе собственное опровержение.

[216] Для иллюстрации приведенного выше замечания читателя отсылают к заключительным страницам главы 7, части II. “Истории Фердинанда и Изабеллы”, где я приложил некоторые усилия, чтобы показать, насколько глубоко укоренились эти убеждения в Испании в тот период, которым мы сейчас занимаемся. Мир мало что приобрел в щедрости со времен Данте, который мог хладнокровно распоряжаться великими и добрыми людьми древности в одном из кругов Ада, потому что — разумеется, не по их вине — они пришли в мир слишком рано. Запоминающиеся стихи, как и многие другие из произведений бессмертного барда, являются доказательством одновременно силы и слабости человеческого понимания. На них можно сослаться как на справедливых выразителей народных настроений начала шестнадцатого века:

“Ch’ ei non peccaro, e, s’egli hanno mercedi,

Non basta, perchè *non ebber battesimo*,

Ch’ è parte della fede che tu credi.

E, se furon dinanzi al Cristianesimo,

Non adorar debitamente Dio;

E di questi cotai son io medesimo

Per tai difetti, e non per altro rio,

Semo perduti, e sol di tanto offesi

Che senza speme vivemo in disio.”

INFERNO, canto 4.

[217] В том же духе законы Олерона, морской кодекс, пользовавшийся столь высоким авторитетом в средние века, оставляют собственность неверных, как и собственность пиратов, в качестве справедливой добычи для истинно верующих! “S’ilz sont pyrates, pilleurs, ou escumeurs de mer, ou Tures, et autres contraires et ennemis de nostredicte foy catholique, chascun peut prendre sur telles manieres de gens, *comme sur chiens, si peut l’on les desrober et spoiler de leurs biens sans pugnition*. C’est le jugement.” “Юргемсн д’Олерон”, ст. 45, ап. “Коллекция приморской Луи”, параграф Дж. М. Пардессуса (изд. Париж, 1828), том i, стр. 351.

[218] Знаменитая булла о разделе стала основой Тордесильяского мирного договора, по которому правительства Кастилии и Португалии определили линию границы своих соответствующих открытий; линия, которая закрепила за последней обширную бразильскую империю, которая с точки зрения приоритета оккупации должна была принадлежать их соперникам. Смотрите “Историю Фердинанда и Изабеллы”, часть I. глава 18; Часть II. глава 9, — заключительные страницы каждой.

[219] Это условие, недвусмысленно выраженное и повторенное, на котором Александр VI в своих знаменитых буллах от 3 и 4 мая 1493 года передает Фердинанду и Изабелле полное и абсолютное право на все такие территории в Западном мире, которые, возможно, ранее не были заняты христианскими князьями. Ознакомьтесь с этими драгоценными документами *in extenso*, apud Navarrete, Coleccion de los Viages y Descubrimientos (Мадрид, 1825), том ii. Nos. 17, 18.

[220] Основания, на которых протестантские нации отстаивают естественное право на плоды своих открытий в Новом Свете, сильно отличаются. Они считают, что земля была предназначена для возделывания и что Провидение никогда не предусматривало, чтобы орды кочующих дикарей занимали территорию, гораздо большую, чем необходимо для их собственного существования, исключая цивилизованного человека. И все же можно подумать, что в том, что касается улучшения почвы, этот аргумент предоставил бы нам лишь безразличное владение большей частью нашей собственной незанятой и необработанной территории,

намного превышающее то, что требуется для нашей нынешней или будущей поддержки. Что касается права, основанного на различии цивилизаций, то это, очевидно, еще более неопределенный критерий. К чести наших пуританских предков, они не воспользовались каким-либо подобным толкованием закона природы и еще меньше полагались на полномочия, предоставляемые патентом короля Якова, утверждая права, почти такие же абсолютные, как те, на которые претендовал Римский престол. Напротив, они установили свое право собственности на землю путем честной покупки аборигенов, составляя таким образом достойный контраст политике, проводимой слишком многими поселенцами на американских континентах. Следует отметить, что, какие бы разногласия ни существовали между римско-католической — или, скорее, испанской и португальской — нациями и остальной Европой относительно истинного морального обоснования своих титулов, в своих спорах друг с другом они всегда довольствовались тем, что основывали их исключительно на приоритете открытий. Для краткого ознакомления с обсуждением см. Ваттеля ("Право на закон", раздел 209) и особенно Кента ("Комментарии к американскому праву", том iii. лекция. 51), где это изложено с большой проницательностью и красноречием. Аргумент, основанный на международном праве, можно найти в знаменитом деле Джонсон против Макинтош. (Уитон, Отчеты о делах в Верховном суде Соединенных Штатов, том iii. стр. 543 и далее.) Если бы я не относился к серьезному обсуждению слишком легкомысленно, я попросил бы разрешения отослать читателя к книге знаменитого Дидриха Никербокера "История Нью-Йорка" (книга 1, глава ii). 5) за яркое обсуждение этого запутанного вопроса. Во всяком случае, он найдет там популярные аргументы, подвергнутые проверке насмешками; проверка, показывающая больше, чем любое рассуждение, как много или, скорее, как мало они на самом деле стоят.

[221] *Лос Диос бланкос*.—Камарго, История. де Тласкала, СР.—Торквемада, монарх. Инд., lib. 4, cap. 40.

[222] Саагун, История. Нуэва-Испания, ср., либр. 12, загл. 11. В старинной речи ацтеков, произнесенной для проформы при вступлении на престол принца, мы находим следующее замечательное предсказание: "Возможно, вы встревожены перспективой ужасных бедствий, которые однажды обрушатся на нас, бедствий, предвиденных, хотя и не ощущенных нашими отцами!... когда наступит разрушение и опустошение империи, когда все погрузится во тьму, когда настанет час, когда они сделают нас рабами по всей стране, и мы будем обречены на самые низкие и унижительные должности!" (Там же, библиотека 6, глава. 16.) Этот случайный фрагмент пророчества, который я передал буквально, показывает, насколько сильным и устойчивым было предчувствие какой-то надвигающейся революции.

[223] Эррера, Общая история, раздел 2, книга 7, глава 3.

[224] Бернал Диас, История завоевания, гл. 83.

[225] Вейтия, Hist. antig., том I, глава 13.

[226] Гумбольдт, Vues des Cordillères, стр. 32.

[227] Rel. Seg. de Cortés, ap. Lorenzana, стр. 69.—Gomara, Crónica, гл. 63.—Oviedo, Hist. de las Ind., MS., lib. 33, гл. 5.—Ixtlilxochitl, Hist. Chich., MS., гл. 84.

[228] Формулировки текста могут показаться несколько слишком категоричными, учитывая, что существуют три ацтекских кодекса с интерпретациями. (См. выше, т. I, стр. 117-119.) Но они содержат очень мало и общие упоминания о Монтесуме, и эти упоминания пропущены через призму комментариев испанских монахов, зачастую явно несовместимых с подлинными ацтекскими представлениями. Даже такие писатели, как Икстильксочитль и Камарго, от которых, учитывая их индейское происхождение, мы могли бы ожидать большей независимости, кажутся менее заинтересованными в том, чтобы показать это, чем в своей лояльности к новой вере и стране, которую они приняли. Возможно, наиболее честные ацтекские записи того периода можно найти в томах, особенно в двенадцатой книге, отца Саагуна, воплощающих традиции коренных жителей вскоре после завоевания. Эта часть его великого труда была переписана автором, и в более поздний период его жизни в нее были внесены значительные изменения. Однако можно усомниться в том, что исправленная версия отражает традиции страны так же точно, как и оригинал, который до сих пор хранится в рукописном виде и которым я в основном и руководствовался.

[229] Бернал Диас, Hist. de la Conquista, гл. 84, 85.—Rel. Seg. de Cortés, ap. Lorenzana, стр. 67.—Гомара, Crónica, гл. 60.—Овьедо, Hist. de las Ind., MS., lib. 33, гл. 5.

[230] «Мы шли, — говорит Диас, используя простую, но выразительную испанскую пословицу, — с бородами на плечах» — *la barba sobre el ombro*. Hist. de la Conquista, cap. 86.

[231] Бернал Диас, Hist. de la Conquista, гл. 86.—Rel. Seg. de Cortés, ap. Lorenzana, стр. 70.—Торкемада, Monarch. Ind., lib. 4, гл. 41.

[232] «Они называли вулкан Попокатепетль, а заснеженную горную цепь Истаксиуатль, что означает «дымящаяся горная цепь» и «белая женщина». Камарго, Hist. de Tlascala, MS.

[233] «Снежную гору и вулкан они считали богами; и что вулкан и снежная гора были мужем и женой». Там же, рукопись.

[234] Гомара, Crónica, гл. 62.

«Этна Гигантеос никогда не умолкает, торжествуя,

Enceladi bustum, qui saucia terga revinctus

Spirat inexhaustum flagranti pectore sulphur».

КЛАВДИАН, De Rapt. Pros., lib. 1, v. 152.

[235] Старые испанцы называли этим именем любую высокую гору, даже если она никогда не давала признаков возгорания. Так, Чимборасо называли *volcan de nieve*, или «снежный вулкан» (Гумбольдт, Essai politique, tom. i. p. 162); а предприимчивый путешественник Стивенс отмечает *volcan de agua*, «водный вулкан», в окрестностях Антигуа-Гватемалы. Incidents of Travel in Chiapas, Central America, and Yucatan (Нью-Йорк, 1841), т. i, гл. 13.

[236] Монблан, по данным М. де Соссюра, имеет высоту 15 670 футов. Оценку высоты Попокатепетля см. в подробном сообщении в «Revista Mexicana», т. II, № 4.

[237] Rel. Seg. de Cortés, ap. Lorenzana, стр. 70.—Oviedo, Hist. de las Ind., MS., lib. 33, cap. 5.—Bernal Diaz, Hist. de la Conquista, cap. 78.—Последний автор говорит о восхождении, совершенном, когда армия находилась в Тласкале, и о том, что попытка была полностью успешной. Письмо генерала, написанное вскоре после события, без каких-либо мотивов для искажения фактов, является более достоверным источником. См. также Эррепа, Hist. general, dec. 2, lib. 6, cap. 18.—Rel. d'un gentil' homme, ap. Ramusio, tom. iii. p. 308.—Гомара, Crónica, cap. 62.

[238] [Семья Монтаньо осталась в Мексике после завоевания, и его дочь получала пенсию от правительства. Аламан, Disertaciones históricas, том i. apénd. 2.]

[239] Rel. Ter. y Quarta de Cortés, ap. Lorenzana, стр. 318, 380.—Herrera, Hist. general, декабрь 3, книга 3, глава 1.—Oviedo, Hist. de las Ind., MS., книга 33, глава 41.—М. де Гумбольдт сомневается в том, что Монтаньо спустился в кратер, считая более вероятным, что он добыл серу через какую-то боковую расщелину в горе. (Essai politique, tom. i. p. 164.){*} До настоящего века не было предпринято ни одной попытки — по крайней мере, успешной — подняться на вершину Попокатепетля, кроме попытки Монтаньо. В 1827 году она была достигнута в ходе двух экспедиций, а затем снова в 1833 и 1834 годах. Очень полный отчет о последней экспедиции, содержащий много интересных подробностей и научных наблюдений, был написан Федерико де Герольтом, одним из участников экспедиции, и опубликован в уже упомянутом периодическом издании. (Revista Mexicana, том I, стр. 461–482.) Участники экспедиции, поднявшиеся на самую высокую вершину, с которой открывался полный вид на менее высокую Истаксиуатль, не увидели на этой горе никаких следов кратера, вопреки общепринятому мнению.

{*} [Похоже, что сомнения, высказанные Гумбольдтом, были необоснованными, поскольку серу сейчас почти полностью добыли индейские рабочие, спускавшиеся в кратер с помощью веревки из кожи, прикрепленной к лебедке. Тайлор, Анауак, стр. 269.—К.]

[240] Гумбольдт, Essai politique, т. IV, стр. 17.

[241] Озеро Тецкуко, на берегу которого стояла столица Мексики, находится на высоте 2277 метров — почти 7500 футов — над уровнем моря. Гумбольдт, Essai politique, т. II, с. 45.

[242] Нет необходимости ссылаться на страницы современных путешественников, которые, как бы ни различались их вкусы, таланты или чувства, все сходятся во мнениях о впечатлениях, произведенных на них видом этой прекрасной долины. {*}

{*} [По мнению Банделиера, современная цивилизация сделала Мексику гораздо красивее, чем она была во времена Монтесумы. Он говорит: «Город Мехико с его куполами и шпилями, сверкающими в полуденном солнце, безусловно, представляет собой более прекрасное зрелище, чем старый пуэбло, расположенный на мутных водах лагуны, как участок из сырцового кирпича, увенчанный неуклюжими курганами для поклонения». Однако он забывает, что глинобитные дома были оштукатурены гипсом, и что «стены были так хорошо отбелены, отполированы и блестели, что испанцам, смотревшим на них издали, казалось, что они сделаны из серебра». Клавигеро, Мексика, ii. стр. 232.—М.]

[243] Торквемада, Monarch. Ind., lib. 4, cap. 41.—Это может напомнить читателю о памятном виде прекрасных равнин Италии, который Ганнибал показал своим голодным варварам после подобного похода через дикие перевалы Альп, как сообщает принц исторических художников. Ливий, Hist., lib. 21, cap. 35.

[244] Торквемада, Monarch. Ind., ubi supra.—Эрпера, Hist. general, dec. 2, lib. 7, cap. 3.—Гомара, Crónica, cap. 64.—Овьедо, Hist. de las Ind., MS., lib. 33, cap. 5.

[245] Груз для мексиканского *тамане* составлял около пятидесяти фунтов, или восьмисот унций. Клавигеро, Stor. del Messico, том II, стр. 69, примечание.

[246] Саагун, История Новой Испании, рукопись, кн. 12, гл. 12. — Rel. Seg. de Cortés, ap. Lorenzana, стр. 73.—Эрпера, Hist. general, dec. 2, lib. 7, cap. 3.—Гомара, Crónica, cap. 64.—Овьедо, Hist. de las Ind., MS., lib. 33, cap. 5.—Бернал Диас, Hist. de la Conquista, cap. 87.

[247] Это не было мнением римского героя:

«Victrix causa Diis placuit, sed victa Catoni!»

ЛУКАН, кн. 1, ст. 128.

[248] Саагун, «История Новой Испании», рукопись, кн. 12, гл. 13. — Торквемада, «Монархия индейцев», кн. 4, гл. 44. — Гомара, «Хроника», гл. 63.

[249] «Господин этой провинции и деревни подарил мне сорок рабынь и три тысячи кастильских песо; и за два дня, что я там пробыл, он очень щедро снабдил нас всем необходимым для пропитания». Rel. Seg. de Cortés, ap. Lorenzana, стр. 74.

[250] «Со всех сторон стекались бесконечные толпы людей, чтобы посмотреть на испанцев, и они были очень удивлены, увидев их. Они уделяли большое внимание лошадям и говорили: «Это теулес», что означает «демоны». Овьедо, Hist. de las Ind., MS., lib. 33, cap. 45.

[251] Кортес достаточно хладнокровно рассказывает об этом случае императору. «И в ту ночь я держал такую стражу, что шпионов — как тех, кто приплыл на каноэ, так и тех, кто спустился с гор, чтобы выждать удобного случая для осуществления своего замысла, — утром было обнаружено пятнадцать или двадцать убитых нашими людьми, так что лишь немногие вернулись с информацией, за которой пришли». Rel. Seg. de Cortés, ap. Lorenzana, стр. 74. {*}

{*} [Кортеса нельзя винить за то, что он принял такие меры предосторожности, которые любой хороший полководец счел бы преступлением пренебречь; а его неоднократные предупреждения туземцам не приближаться к лагерю после захода солнца показывают его стремление внушить им чувство опасности. «Знайте, — сказал он вождям, — что те, кто пришел со мной, не спят ночью, а если и спят, то только немного днем; ночью они находятся со своим оружием, и любого, кого они увидят стоящим или входящим туда, где они находятся, они сразу же убьют; и я не в силах этому противостоять; поэтому сообщите об этом всем своим людям и скажите им, что после захода солнца никто не должен приближаться к нам, потому что умрет, и мне будет жаль тех, кто умрет». Отчет, составленный сеньором Андресом де Тапия о завоевании Мексики. — К.]

[252] Rel. Seg. de Cortés, ap. Lorenzana, p. 75.—Гомара, Crónica, cap. 64.—Ixtilxochitl, Hist. Chich., MS., cap. 85.—Oviedo, Hist. de las Ind., MS., lib. 33, cap. 5.—«Мы сочли это важным событием и сказали между собой: «Если этот касике появился в таком великолепии, то каким же должно быть величие великого Монтесумы?» Бернал Диас, Hist. de la Conquista, гл. 87.

[253] «Nos quedámos admirados», — восклицает Диас с простым удивлением, — «y dezíamos que parecia á las casas de encantamento, que cuentan en el libro de Amadis!» Hist. de la Conquista, cap. 87. Издание этого знаменитого романа на кастильском языке появилось еще до этого времени, так как в прологе ко второму изданию 1521 года говорится о более раннем издании, выпущенном во время правления «католических монархов». См. Сервантес, Дон Кихот, изд. Пеллисер (Мадрид, 1797), т. i., Discurso preliminar.

[254] «Una ciudad, la mas hermosa, aunque pequeña, que hasta entonces habíamos visto, assí de muy bien obradas Casas, y Torres, como de la buena orden, que en el fundamento de ella habia por ser armada toda sobre Agua». (Rel. Seg. de Cortés, ap. Lorenzana, стр. 76.) Испанцы дали этому водному городу название Венесуэла, или Маленькая Венеция. Торибио, Hist. de los Indios, MS., Parte 2, cap. 4.

[255] М. де Гумбольдт обозначил *предполагаемые* границы древнего озера на своей замечательной карте Мексиканской долины. (Atlas géographique et physique de la Nouvelle-Espagne (Париж, 1811), карта 3.) Несмотря на его большую тщательность, не всегда легко согласовать его топографию с маршрутами завоевателей, настолько изменился облик страны под воздействием природных и искусственных факторов. Еще менее возможно сопоставить их рассказы с картами Клавигеро, Лопеса, Робертсона и других, которые опровергают как топографию, так и историю.

[256] Несколько авторов отмечают посещение испанцами Тецкуко по пути в столицу. (Торквемада, Monarch. Ind., lib. 4, cap. 42.—Солис, Conquista, lib. 3, cap. 9.—Эррера, Hist. general, dec. 2, lib. 7, cap. 4.—Клавигеро, Stor. del Messico, том II, стр. 74.) Этот невероятный эпизод, который, как можно заметить, привел этих авторов к некоторым географическим затруднениям, если не сказать ошибкам, слишком примечателен, чтобы быть пропущенным в подробных рассказах Бернала Диаса и Кортеса, ни один из которых не упоминает о нем.

[257] «E me diéron», — говорит Кортес, — «hasta tres, ó quatro mil Castellanos, y algunas Esclavas, y Ropa, é me hiciéron muy buen acogimiento». Rel. Seg., ap. Lorenzana, стр. 76.

[258] «Tiene el Señor de ella unas Casas nuevas, que aun no están acabadas, que son tan buenas como las mejores de España, digo de grandes y bien labradas». Там же, стр. 77.

[259] Самый ранний пример сада растений в Европе, как говорят, был в Падуе в 1545 году. Carli, Lettres Américaines, tom. i. let. 21.

[260] Rel. Seg. de Cortés, ubi supra.—Herrera, Hist. general, dec. 2, lib. 7, cap. 44.—Sahagun, Hist. de Nueva-España, MS., lib. 12, cap. 13.—Овьедо, Hist. de las Ind., MS., lib. 33, cap. 5.—Бернал Диас, Hist. de la Conquista, cap. 87.

«Там, на другом берегу, стоял Ацтлан;

Среди тени деревьев возвышались его жилища,

Их плоские крыши с башенками вокруг,

И зубцами, все отполированными до белизны, которые сияли

Как серебро в лучах солнца. Я смотрел

Имперский город, его далекие окружающие стены,

Его садовые рощи и величественные дворцы,

Ее храмы размером с гору, ее тысячи крыш;

И когда я увидел ее могущество и величие,

Мой разум тогда смутился».

Мадок САУТИ, часть 1, песнь 6.

[261] [Аламан возражает против того, что я говорю о «серых утренних туманах» в связи со столицей ацтеков. «В начале ноября, — говорит он, — в долине Мехико, где погода необычайно ясная и прекрасная, не бывает туманов ни утром, ни в любое другое время суток. Историк, — добавляет он, — перепутал климат Мексики с климатом Англии или Соединенных Штатов». Conquista de Méjico (trad. de Vega), tom. i. p. 337.]

[262] [Испанский переводчик неверно переводит слова «dark files» как *indisciplinadas filas*, «недисциплинированные ряды». Сеньор Аламан, исправляя, по крайней мере в этом случае, перевод вместо оригинала, возражает против такого выражения. Мы можем говорить, говорит критик, о различном виде дисциплины, свойственном тласкальцам, но не об их недисциплинированности, недостатке, который вряд ли можно вменить самому воинственному народу Анауака. *Conquista de Méjico* (trad. de Vega), tom. i. p. 337.]

[263] Он взял с собой около 6000 воинов из Тласкалы; и несколько воинов из Чempoаллана и других индейских союзников продолжили с ним путь. Испанские войска, покидавшие Веракрус, насчитывали около 400 пехотинцев и 15 всадников. В протесте недовольных солдат после кровопролитных сражений с тласкальцами они говорят о том, что с начала кампании потеряли пятьдесят человек. *Ante*, т. II, с. 150.

[264] «Ла-Кальсада-д'Истапалапан основана на той же самой древней дамбе, на которой Кортес совершил чудеса доблести в своих столкновениях с осажденными». (Гумбольдт, *Essai politique*, т. II, с. 57.) [В настоящее время дорога Тлаплан, или Святой Августин Пещер (*San Augustin de las Cuevas*). *Conquista de Méjico* (trad. de Vega), т. I, с. 338.]

[265] Среди этих городов было несколько, насчитывающих от трех до пяти или шести тысяч жилищ, по словам Кортеса, чья варварская орфография в собственных именах нелегко распознается мексиканцами или испанцами. *Rel. Seg.*, ap. Lorenzana, стр. 78.

[266] Отец Торибио Бенаvente не скупится на похвалы, говоря о окрестностях столицы, которую он видел в ее великолепии. «Creo, que en toda nuestra Europa hay pocas ciudades que tengan tal asiento y tal comarca, con tantos pueblos á la redonda de sí y tan bien asentados». *Hist. de los Indios*, MS., Parte 3, cap. 7.

[267] Однако не стоит принимать на веру рассказ Эрреры о 50 000 каноэ, которые, по его словам, постоянно использовались для снабжения столицы продовольствием! (*Hist. general*, dec. 2, lib. 7, cap. 14.) Поэт-летописец Сааведра более скромнее в своих оценках:

«Dos mil y mas canoas cada dia

Bastecen el gran pueblo Mexicano

De la mas y la menos niñería

Que es necesario al alimento humano.

EL PEREGRINO INDIANO, песнь 11.

[268] «Они носили браслеты из мозаики, сделанные из бирюзы с богатыми перьями, которые выходили из них, которые были выше головы, и вышиты богатыми перьями и золотом, и золотыми лентами, которые поднимались вместе с перьями». Саагун, *История Новой Испании*, книга 8, глава 9.

[269] Гонсало де лас Касас, *Defensa*, MS., Parte 1, cap. 24.—Гомара, *Crónica*, cap. 65.—Бернал Диас, *Hist. de la Conquista*, cap. 88.—Овьедо, *Hist. de las Ind.*, MS., lib. 33, cap. 5.—*Rel. Seg. de Cortés*, ap. Lorenzana, pp. 78, 79.—Икстильшочитль, *Hist. Chich.*, MS., cap. 85.

[270] Кардинал Лоренсана говорит, что речь, вероятно, идет об улице, пересекающей город от больницы Сан-Антонио. (*Rel. Seg. de Cortés*, стр. 79, примечание.) Это подтверждает Саагун. «И так, на том участке, который находится от церкви Сан-Антонио (которую они называют Хулуско) и проходит мимо домов Альварado, в сторону больницы Консепсьон, вышел Моктесума, чтобы принять мир от Д. Эрнандо Кортеса». *Hist. de Nueva-España*, MS., lib. 12, cap. 16. [Нынешняя улица *Calle del Rastro*, которая под разными названиями проходит от сторожевого домика Сан-Антонио-Абад до площади. Согласно ранней традиции, Монтесума и Кортес встретились перед местом, где сейчас стоит больница Иисуса, и место для здания было выбрано именно по этой причине. *Conquista de Méjico* (trad. de Vega), tom. i. p. 339.]

[271] *Carta del Lic. Zuazo*, MS.

[272] «Все люди, которые были на улицах, смирялись перед ним и выражали ему глубокое почтение и великое уважение, не поднимая глаз, чтобы посмотреть на него, но все стояли, пока он не прошел, *склонившись, как монахи в Gloria Patri*». Торибио, Hist. de los Indios, MS., Часть 3, гл. 7.

[273] Предыдущее описание экипажа и внешности Монтесумы см. в: Бернал Диас, «История завоевания», гл. 88, — «Письмо Суасо», рукопись, — Икстильшочитль, «История Чича», рукопись, гл. 85, — Гомара, «Хроника», гл. 65, — Овьедо, «История Индии», рукопись, *ubi supra*, и гл. 45, — Акоста, кн. 7, гл. 22, — Саагун, «История Новой Испании», рукопись, кн. 12, гл. 16, — Торибио, «История индейцев», рукопись, часть 3, гл. 7.—Благородный кастильский, или, вернее, мексиканский бард Сааведра, принадлежавший к поколению после завоевания, включил большинство подробностей в свою рифмованную хронику. Следующий отрывок, вероятно, будет достаточным для читателя:

«Y va el gran Moteçuma ataiado

De manta azul y blanca con gran falda,

De algodon muy sutil y delicado,

Y al remate vna concha de esmeralda;

En la parte que el nudo tiene dado,

Y una tiara á modo de guirnalda,

Zapatos que de oro son las suelas

Asidos con muy ricas correhuelas.

EL PEREGRINO INDIANO, песнь 11.

[274] «Satis vultu læto», — говорит Мартир, — «an stomacho sedatus, et an hospites per vim quis unquam libens suscepit, experti loquantur». De Orbe Novo, dec. 5, cap. 3.

[275] Rel. Seg. de Cortés, ap. Lorenzana, p. 79.

[276] «Entráron en la ciudad de Méjico á punto de guerra, tocando los atambores, y con banderas desplegadas», и т. д. Саагун, Hist. de Nueva-España, MS., lib. 12, cap. 15.

[277] «Et giardini alti et bassi, che era cosa maravigliosa da vedere». Rel. d'un gentil' huomo, ap. Ramusio, tom. iii. fol. 309.

[278] «Кто сможет, — восклицает старый солдат, — описать множество мужчин, женщин и мальчиков, которые стояли на улицах, на мостах и в каноэ на тех каналах, чтобы посмотреть на нас? Стоит отметить, что сейчас, когда я пишу об этом, все это предстает передо мной, как будто это произошло вчера». Hist. de la Conquista, cap. 88.

[279] «Ad spectaculum», — говорит проницательный Мартир, — «tandem Hispanis placidum, quia diu optatum, Tenustiatanis prudentibus forte aliter, quia verentur fore, vt hi hospites quietem suam Elysiam veniant perturbaturi; de populo secus, qui nil sentit æque delectabile, quàm res novas ante oculos in presentiarum habere, de futuro nihil anxius». De Orbe Novo, dec. 5, cap. 3.

[280] Мелодичное название *Теночтитлан* обычно происходит от ацтекских слов, означающих «*тунец* или кактус на скале», появление которого, как читатель, возможно, помнит, должно было определить место будущей столицы. (Торибио, Hist. de los Indios, Parte 3, cap. 7.—Esplic. de la Coleccion de Mendoza, ap. Antiq. of Mexico, vol. iv.) Другая этимология происходит от слова *Tenoch*, имени одного из основателей монархии.

[281] [«По некоторым рукописям, с которыми я ознакомился, и исследованиям, которые я провел, я склонен полагать, что храм простирался от угла улиц *Платерос* и *Эмпедраильо* до улицы *Кордобанес*; и с востока на запад, от трети или четверти площади

Эмпедрадильо до нескольких ярдов на запад, внутри тротуаров, выходящих на восток и образующих улицы *Семинарио* и *Релокс*». Рамирес, *Notas y Esclarecimientos*, стр. 103.]

[282] Клавигеро, *Stor. del Messico*, т. iii. с. 78.—Он занимал место, которое сейчас находится на углу улиц «Дель Индио Тристи» и «Такуба». {*} Гумбольдт, *Vues des Cordillères*, с. 7 и далее.

{*} [Следовательно, говорит Аламан, он должен был быть обращен к восточным, а не к западным воротам храма. *Conquista de Méjico*, том i, стр. 343.—К.]

[283] *Rel. Seg. de Cortés*, ap. Lorenzana, стр. 88.—Гонсало де лас Касас, *Defensa*, MS., Parte 1, cap. 24.

[284] Ботурини говорит, что они были более великолепны, по признанию самих ювелиров. «Los plateros de Madrid, viendo algunas Piezas, y Brazaletes de oro, con que se armaban en guerra los Reyes, y Capitanes Indianos, confessaron, que eran inimitables en Europa» (*Idea*, стр. 78). А Овьедо, говоря об их работе в ювелирном деле, замечает: «Я видел некоторые камни яспис, халцидония, гиацинт, сердолик, изумрудные пластины и другие виды, вырезанные и обработанные, головы птиц, другие фигуры животных и другие фигуры, которые, я сомневаюсь, что в Испании или Италии кто-то умеет делать с таким совершенством». *Hist. de las Ind.*, MS., lib. 33, cap. 11.

[285] *Ante*, т. II, с. 175.

[286] Бернал Диас, *Hist. de la Conquista*, cap. 88.—*Rel. Seg. de Cortés*, ap. Lorenzana, p. 80.

[287] Бернал Диас, там же, loc. cit.—Овьедо, *Hist. de las Ind.*, MS., lib. 83, cap. 5.—Саагун, *Hist. de Nueva-España*, MS., lib. 12, cap. 16.

[288] «Многочисленные и разнообразные драгоценности из золота и серебра, перья, а также около пяти или шести тысяч предметов одежды из хлопка, очень богатых, с различными узорами и вышивкой» (*Rel. Seg. de Cortés*, ap. Lorenzana, стр. 80). По мнению Диаса, даже это не соответствует действительности. «Tenia apercebido el gran Montecuma muy ricas joyas de oro, y de muchas hechuras, que dió á nuestro Capitan, é assí mismo á cada vno de nuestros Capitanes dió cositas de oro, y tres cargas de mantas de labores ricas de pluma, y entre todos los soldados tambien nos dió á cada vno á dos cargas de mantas, con alegría, y en todo parecia gran señor.» (*Hist. de la Conquista*, гл. 89.) «Sex millia vestium, aiunt qui eas vidère.» Мартин, *De Orbe Novo*, дек. 5, гл. 3.

[289] Икстильшочитль, *Hist. Chich.*, MS., гл. 85.—Гомара, *Crónica*, гл. 66.—Эрпера, *Hist. general*, dec. 2, lib. 7, гл. 6.—Бернал Диас, «Историческое повествование о завоевании», гл. 88.—Овьедо, «Историческое повествование об Индиях», рукопись, кн. 33, гл. 5.

[290] «На следующую ночь они разыграли артиллерийский салют в честь торжественного прибытия без потерь в желаемое место; но индейцы, не привыкшие к грому артиллерии и зловонию пороха, всю ночь были в сильном волнении и страхе». Саагун, *Hist. de Nueva-España*, MS., lib. 12, cap. 17.

[291] «C'est là que la famille construisit le bel édifice dans lequel se trouvent les archives del Estado, et qui est passé avec tout l'héritage au duc Napolitain de Monteleone». (Гумбольдт, *Essai politique*, т. II, с. 72.) Жители современного Мексики обязаны этому любознательному путешественнику за то, что он с такой тщательностью определил памятные места их столицы. Нечасто философский трактат является также хорошим *путеводителем*.

[292] [Дворец Монтесумы, по словам Рамиреса, «занимал место, где сейчас стоит национальный дворец, включая университет и прилегающие дома, и простирался до Пласа-дель-Воладор, или новой рыночной площади. Это была обычная резиденция последнего Монтесумы и место, где он был фактически взят в плен». *Notas y Esclarecimientos*, стр. 103.]

[293] «Et io entrai più di quattro volte in una casa del gran Signor non per altro effetto che per vederla, et ogni volta vi camminauo tanto che mi stancauo, et mai la fini di vedere tutta». *Rel. d'un gentil' huomo*, ap. Ramusio, том. iii. fol. 309.

[294] Gomara, *Crónica*, cap. 71.—Herrera, *Hist. general*, dec. 2, lib. 7, cap. 9.—Власти называют его «тигром», животным, неизвестным в Америке. Я осмелился заменить его «оцелотом», *tlalocelotl* из Мексики, местным животным, которое, будучи из того же семейства, могло быть легко спутано испанцами с тигром Старого Света.

[295] Торибио, *Hist. de los Indios*, MS., Parte 3, cap. 7.—Эрпера, *Hist. general*, dec. 2, lib. 7, cap. 9.—Гомара, *Crónica*, cap. 71.—Бернал Диас, *Hist. de la Conquista*, cap. 91.—Овьедо, *Hist. de las Ind.*, MS., lib. 33, cap. 5, 46.—*Rel. Seg. de Cortés*, ap. Lorenzana, pp. 111-114.

[296] «Чтобы войти в его дворец, который они называют Текпа, все снимали обувь, а те, кто входил, чтобы вести с ним переговоры, должны были надевать на себя грубые одеяла, а если они были великими господами или в холодное время года, то поверх хороших одеял, которые они носили, надевали грубое и плохое одеяло; и чтобы говорить с ним, они были очень смиренны и

не поднимали глаз». (Торибио, «История индейцев», рукопись, часть 3, глава 7). Нет лучшего авторитета, чем этот достойный миссионер, в вопросах обычаев древних ацтеков, о которых он имел столь обширные личные знания.

[297] Нелепый эффект — если тема не слишком серьезна, чтобы оправдать такое выражение — буквальной веры в доктрину пресуществления в метрополии, даже в наши дни, хорошо иллюстрируется Бланко Уайтом в «Письмах из Испании» (Лондон, 1822), письмо 1.

[298] «Y en ello de la creacion del mundo assí lo tenemos nosotros creido muchos tiempos passados» (Бернал Диас, «История завоевания», гл. 90). Некоторые сходства между ацтекскими и еврейскими традициями см. в книге 1, гл. 3, и в эссе «Происхождение мексиканской цивилизации» в конце первой книги этой «Истории».

[299] «E siempre hemos tenido, que de los que de él descendiesen habian de venir á sojuzgar esta tierra, y á nosotros como á sus Vasallos.» Rel. Seg. de Cortés, ap. Lorenzana, p. 81.

[300] «Y luego el Montezuma dixo riendo, porque en todo era muy regozijado en su hablar de gran señor: Malinche, bien sé que te han dicho essos de Tlascala, con quien tanta amistad aueis tomado, que yo que soy como Dios, ó Teule, que cuanto ay en mis casas es todo oro, é plata, y piedras ricas». Бернал Диас, «История завоевания», гл. 90.

[301] «И поэтому будьте уверены, что мы будем повиноваться вам и будем считать вас господином вместо того великого господина, о котором вы говорите, и в этом нет никакой ошибки или обмана; и вы можете по всей земле, то есть на той, которой я владею в своем господстве, повелевать по своему желанию, потому что вам будут повиноваться и исполнять, и все, что у нас есть, — для того, чтобы вы распоряжались им по своему усмотрению». Rel. Seg. de Cortés, ubi supra.

[302] Martyr, De Orbe Novo, dec. 5, cap. 3.—Gomara, Crónica, cap. 66.—Oviedo, Hist. de las Ind., MS., lib. 33, cap. 5.—Гонсало де лас Касас, MS., Parte 1, cap. 24.—Кортес в своих кратких заметках об этом событии говорит только о встрече с Монтесумой в испанских кварталах, которую он делает местом действия предыдущего диалога. Бернал Диас переносит это на последующую встречу во дворце. В единственном важном факте, самом диалоге, оба в основном согласны.

[303] «Assí nos despedimos con grandes cortesías dél, y nos fuímos á nuestros aposentos, é ibamos platicando de la buena manera é criança que en todo tenia, é que nosotros en todo le tuuiessemos mucho acato, é con las gorras de armas colchadas quitadas, quando delante dél passassemos». Бернал Диас, Hist. de la Conquista, гл. 90.

[304] «И так», — говорит Торибио де Бенавенте, — «этот город был настолько силен, что казалось, что человеческих сил недостаточно, чтобы его завоевать; потому что, помимо своей силы и боеприпасов, он был главой и господином всей земли, и его господин (Мотекузма) гордился своим тронem, крепостью своего города и множеством своих вассалов». Hist. de los Indios, MS., Parte 3, cap. 8.

[305] «Многие считают, — говорит отец Акоста, — что, если бы испанцы продолжили начатое, они могли бы легко избавиться от Монтесумы и его королевства и ввести закон Христа без большого кровопролития». Lib. 7, cap. 25.

[306] Судя по свидетельству Мотолитли, который прибыл в эту страну вскоре после завоевания, озеро, по-видимому, заметно уменьшилось в размерах. Торибио, «История индейцев», рукопись, часть 3, глава 6.

[307] Гумбольдт, Essai politique, том II, стр. 95. — Кортес предполагал, что в этом озере были регулярные приливы и отливы. (Rel. Seg., ap. Lorenzana, стр. 101.) Это сильно озадачивает ученого Мартира (De Orbe Novo, dec. 5, cap. 3), как и многих других философов, которые с тех пор выдвигают гипотезы о подземном сообщении с океаном! То, что генерал называл «приливами», вероятно, было периодическими волнами, вызванными преобладанием определенных регулярных ветров.

[308] Гумбольдт дал подробное описание этого туннеля, который он называет одним из самых грандиозных гидротехнических сооружений, существующих на сегодняшний день, и строительство которого в его нынешнем виде датируется не ранее второй половины XVIII века. См. его Essai politique, том II, стр. 105 и далее.

[309] Гумбольдт, Essai politique, т. II, с. 87 и далее — Клавигеро, Stor. del Messico, т. II, с. 153.

[310] Торибио, «Историка индейцев», рукопись, часть 3, глава 8. — Кортес действительно упоминает о четырех дамбах (Rel. Seg., ap. Lorenzana, стр. 102). Возможно, он учитывал южную дамбу, ведущую к Кохоуакану, или, возможно, большой акведук Чапольтепек.

[311] Ante, т. i, с. 23.

[312] Мартир дает подробное описание этих жилищ, из которого следует, что даже бедные слои населения жили в комфортных условиях. «Populares vero domus cingulo virili tenus lapideæ sunt et ipsæ, ob lacunæ incrementum per fluxum aut fluviorum in ea labentium alluvies. Super fundamentis illis magnis, lateribus tum coctis, tum æstivo sole siccatis, immixtis trabibus reliquam molem

construunt; uno sunt communes domus contentæ tabulato. В земле они живут из-за влажности, крыши покрывают не черепицей, а каким-то земляным битумом; этот способ удобнее для удержания тепла, и, по-видимому, он должен изнашиваться быстрее». De Orbe Novo, dec. 5, cap. 10.

[313] Торибио, Hist. de los Indios, MS., Parte 3, cap. 8.—Rel. Seg. de Cortés, ap. Lorenzana, p. 108.—Овьедо, Hist. de las Ind., MS., lib. 33, cap. 10, 11.—Rel. d'un gentil' huomo, ap. Ramusio, tom. iii. fol. 309.

[314] Мартир был поражен сходством. «Uti de illustrissima civitate Venetiarum legitur, ad tumulum in ea sinus Adriatici parte visum, fuisse constructam». Мартир, De Orbe Novo, dec. 5, cap. 10.

[315] Можно ли без особого натяжки применить к столице ацтеков энергичный сонет Джованни делла Каза, в котором он противопоставляет происхождение Венеции ее зениту славы?

«Questi Palazzi e queste logge or colte

Оксамитом, мрамором и избранными фигурами,

Fur poche e basse case insieme accolte

Пустынные берега и бедные островки.

Ma genti ardite d'ogni vizio sciolte

Премеано иль мар с пиччоле бароккетте,

Che qui non per domar provincie molte,

Ma fuggir servitù s' eran ristrette

Non era ambizion ne' petti loro;

Но они ненавидели ложь больше, чем смерть,

Nè vi regnava ingorda fame d'oro.

Se 'l Ciel v' ha dato piu beata sorte,

Non sien quelle virtù che tanto onoro,

Dalle nuove ricchezze oppresse e morte.

[316] «Озеро Тецкуко имеет глубину обычно от трех до пяти метров. В некоторых местах глубина составляет менее одного метра». Гумбольдт, «Политический очерк», т. II, с. 49.

[317] «И каждый день прибывает большое количество индейцев, груженных провизией и данью, как по суше, так и по воде, в лодках или каноэ, которые на языке островов называются каноас». Торибио, «История индейцев», рукопись, часть 3, глава 6.

[318] «Это город Мехико или Тенестутан, в котором проживает около шестидесяти тысяч жителей». (Письмо Лиценциата Суазо, рукопись). «Tenustitanam ipsam inquit sexaginta circiter esse millium domorum». (Мартир, De Orbe Novo, декабрь 5, глава 3.) «Мехико, когда в него вошел Кортес, был городом с шестьюдесятью тысячами домов». (Гомара, Crónica, глава 78.) Торибио

говорит неопределенно: «Жителей и людей было бесчисленное множество». (Hist. de los Indios, MS., Parte 3, cap. 8.) Итальянский перевод «Анонимного завоевателя», который сохранился только в переводе, действительно гласит: «meglio di sessanta mila habitatori» (Rel. d'un gentil' huomo, ap. Ramusio, том III, лист 309); вероятно, из-за ошибки в переводе слова *vecinos*, обычного термина в испанской статистике, который означает *домовладельцев* и соответствует итальянскому *fuochi*. См. также Клавигеро. (Stor. del Messico, том III, стр. 86, примечание.) Робертсон основывает свою оценку *исключительно* на этом итальянском переводе. (History of America, vol. ii. p. 281.) Он действительно цитирует двух других авторитетов по этому же вопросу: Кортеса, который ничего не говорит о населении, и Эрреру, который подтверждает популярное утверждение «sesenta mil casas» (Hist. general, dec. 2, lib. 7, cap. 13). Этот факт имеет некоторое значение.

[319] «В самых маленьких домах, за редким исключением, проживали две, четыре и даже шесть семей». Эррера, Hist. general, dec. 2, lib. 7, cap. 13.

[320] Rel. d'un gentil' huomo, ap. Ramusio, tom. iii. fol. 309.

[321] «На пути, ведущем в Танепантлу и Ауауэте, можно более часа идти среди руин древнего города. Здесь, как и на дороге в Такубу и Истапалапан, можно увидеть, насколько Мехико, перестроенный Кортесом, меньше, чем был Теночтитлан при последнем из Монтесумов. Огромные размеры рынка Тлателолко, границы которого еще можно разглядеть, доказывают, насколько значительным должно было быть население древнего города». Гумбольдт, «Политический очерк», т. II, с. 43.

[322] Обычной пищей для низших классов была клейкая пленка, которую они находили на озерах и из которой делали своего рода лепешки, по вкусу напоминавшие сыр. (Бернал Диас, «История завоевания», гл. 92.) — [Эта «пленка» на самом деле состоит из яиц водных насекомых, из которых готовят лепешки, так же как и из икры рыб. «Завоевание Мексики» (перевод Веги), т. I, с. 366.{*}]

{*} [Из использования *ахуахутле*, как называются эти лепешки, мало что можно заключить о разнице в численности населения, поскольку они по-прежнему являются любимым продуктом питания в Тецкуко, где яйца встречаются в большом количестве и продаются на рынке как в готовом виде, так и в виде комков, собранных на берегу озера. «Мухи, которые производят эти яйца, мексиканцы называют *ахуахуатль*, или «водяное лицо», — *Corixa femorata* и *Notonecta unifasciata*, согласно М. Меневиллю и Вирле д'Осту». Тайлор, Анауак, стр. 156.—К.]

[323] Это предположение подтверждается сравнением двух карт в конце первого издания книги Буллока «Мексика»: одна из них — современного города, другая — древнего, взятая из музея Ботурини и показывающая регулярное расположение улиц и каналов, действительно такое же регулярное, как квадраты на шахматной доске. {**}

{**} [Сомнения, которые так часто вызывали описания древнего Мехико в отчетах испанских первооткрывателей, подобно неверию, которое ранее вызывали рассказы Геродота, развеяны критическим исследованием в сочетании с результатами современных исследований. Среди недавних путешественников особое доверие заслуживает г-н Эдвард Б. Тайлор, чья эрудиция и проницательность проявились в различных этнологических исследованиях. Вместе с г-ном Кристи, известным коллекционером, он исследовал вспаханные поля в окрестностях Мехико, неоднократно проверяя, возможно ли найти место, где не было бы никаких следов прежнего населения. «Но это, — говорит он, — нам не удалось. Повсюду земля была полна неглазурованной керамики и обсидиана». «Мы заметили по бокам дороги и в местах, где были вырыты канавы, множество старых мексиканских каменных полов, покрытых штукатуркой. Земля накопилась над ними на глубину двух-трех футов, так что их положение похоже на положение римских мостовых, которые так часто встречаются в Европе; и мы можем догадаться, судя по тому, что мы видели, как велико должно быть количество таких останков, которые все еще остаются скрытыми, и как огромно должно было быть население, когда-то населявшее эту равнину, которая сейчас почти опустела». «Когда мы покидали Англию, — добавляет он, — мы оба сомневались в рассказах историков о завоевании, полагая, что они преувеличили численность населения и размеры городов из естественного желания преувеличить свои победы и написать как можно более чудесную историю, как это часто делают историки. Но наше изучение мексиканских останков вскоре заставило нас отказаться от этого обвинения и даже склонило нас к тому, чтобы упрекнуть летописцев в том, что они не замечали удивительных вещей, которые их окружали. Я не имею в виду, что мы были склонны поверить в чудовищные преувеличения Солиса, Гомары и других испанских летописцев, которые, казалось, считали, что сказать «тысяча» так же легко, как «сто», и что это звучит гораздо лучше. Но если отбросить в сторону эту категорию писателей и подвергнуть строгой критике более авторитетные источники, то нам не кажется, что история, извлеченная из этих источников, менее достоверна, чем европейская история того же периода. Возможно, нет лучшего способа выразить это мнение, чем сказать, что то, что мы видели в Мексике, в целом подтверждало «Историю завоевания» Прескотта и лишь в редких случаях заставляло нас считать его утверждения невероятными». Анауак, стр. 147. — К.]

[324] Клавигеро, Stor. del Messico, т. i, с. 274.

[325] «Era tan barrido y el suelo tan asentado y liso, que aunque la planta del pie fuera tan delicada como la de la mano no recibiera el pie detrimento ninguno en andar descalzo». Торибио, «История индейцев», рукопись, часть 3, глава 7.

[326] Rel. Seg. de Cortés, ap. Lorenzana, стр. 108.—Carta del Lic. Zuazo, MS.—Rel. d'un gentil' huomo, ap. Ramusio, том III, лист 309.

[327] Эти огромные глыбы, по словам Мартира, который собирал информацию от очевидцев, переносились с помощью длинных цепочек людей, которые тянули их с помощью веревок по огромным деревянным каткам. (De Orbe Novo, dec. 5, cap. 10.) Именно таким образом египтяне переносили свои огромные гранитные глыбы, как видно из многочисленных рельефов, высеченных на их зданиях.

[328] Rel. d'un gentil' huomo, ap. Ramusio, том III, лист 309.

[329] «Ricos edificios», — говорит лицензиат Суазо, говоря о зданиях в Анауаке в целом, — «esepto que no se halla alguno con bóveda» (Carta, MS.). Автор сделал обширные и тщательные наблюдения через год после завоевания. Его утверждение, если оно будет принято, решит вопрос, который долго обсуждался среди антикваров.

[330] «Его резиденция в городе была настолько удивительна своей красотой и обширностью, что мне кажется почти невозможным описать ее. Поэтому я скажу только, что в Испании нет ничего подобного». Rel. Seg., ap. Lorenzana, p. 111.

[331] Описание Эррерой этих пернатых насекомых, если их можно так назвать, показывает, к каким причудливым заблуждениям приводили даже ученые в отношении новых видов животных, обнаруженных в Америке: «В этой стране есть птицы размером с бабочек, с длинными клювами и ярким оперением, которые очень ценятся за любопытные изделия, изготовленные из них. Как и пчелы, они питаются нектаром цветов и росой, которая оседает на них; а когда заканчивается сезон дождей и наступает засушливая погода, они прикрепляются клювами к деревьям и вскоре умирают. Но в следующем году, когда приходят новые дожди, они снова оживают!» Hist. general, dec. 2, lib. 10, cap. 21.

[332] «Pues mas tenian», — говорит честный капитан Диас, — «en aquella maldita casa muchas Víboras, y Culebras emponçoñadas, que traen en las colas vnos que suenan como cascabeles; estas son las peores Víboras de todas». Hist. de la Conquista, cap. 91.

[333] «Digamos aora», — восклицает капитан Диас, — «las cosas infernales que hazian, quando bramauan los Tigres y Leones, y aullauan los Adiués y Zorros, y silbauan las Sierpes, era grima oirlo, y parecia infierno». Hist. de la Conquista, cap. 91.

[334] Там же, ubi supra.—Rel. Seg. de Cortés, ap. Lorenzana, стр. 111-113.—Carta del Lic. Zuazo, MS.—Торибио, Hist. de los Indios, MS., Parte 3, гл. 7.—Oviedo, Hist. de las Ind., MS., lib. 33, гл. 11, 46.

[335] По словам Гомары, Монтесума не разрешал сажать фруктовые деревья, считая их неподходящими для парков развлечений. (Crónica, гл. 75.) Торибио говорит в том же духе: «Los Indios Señores no procuran árboles de fruta, porque se la traen sus vasallos, sino árboles de floresta, de donde cojan rosas, y adonde se crien aves, así para gozar del canto, como para las tirar con Cerbatana, de la cual son grandes tiradores» (Историки индейцев, рукопись, часть 3, глава 6).

[336] Торибио, Hist. de los Indios, MS., Parte 3, cap. 6.—Rel. Seg. de Cortés, ubi supra.—Овьедо, Hist. de las Ind., MS., lib. 33, cap. 11.

[337] [В настоящее время используется для военной школы. Conquista de Méjico (trad. de Vega), tom. i. p. 370.]

[338] Гомара, компетентный критик, который видел их незадолго до их разрушения, хвалит их исполнение. Гама, Descripcion, Parte 2, стр. 81-83.—Также, ante, т. i. стр. 157.

[339] [Однако весь этот прекрасный роща не была пощажена. Топоры завоевателей срубили деревья, росли вокруг фонтана Чапольтепек, и их опавшие листья упали в воду. Приказ муниципалитета от 28 февраля 1527 года цитируется Аламаном в «Disertaciones históricas», том II, стр. 290.]

[340] Не менее тысячи, если верить Гомаре, который добавляет поучительную информацию: «que hubo vez, que tuvo ciento i cincuenta preñadas á un tiempo!»

[341] «Каждый день она надевала четыре наряда, все новые, и никогда больше их не надевала». Rel. Seg. de Cortés, ap. Lorenzana, стр. 114.

[342] Бернал Диас, Hist. de la Conquista, cap. 91.—Гомара, Crónica, cap. 67, 71, 76.—Rel. Seg. de Cortés, ap. Lorenzana, pp. 113, 114.—Торибио, История индейцев, рукопись, часть 3, глава 7.—«У дверей зала был очень большой двор, в котором было сто комнат длиной 25 или 30 футов каждая, расположенных одна над другой вокруг этого двора, и там находились главные господа, размещенные как обычные стражи дворца, и эти комнаты называются гаражами, которые постоянно занимают более 600 человек,

которые никогда не уходили оттуда, и у каждого из них было более 30 слуг, так что, по крайней мере, никогда не было недостатка в 3000 воинов в этой ежедневной страже дворца». (Овьедо, «История Индий», рукопись, книга 33, глава 46.) Этот автор дает очень любопытное и полное описание дома Монтесумы, которое он собрал от испанцев, видевших его во всем великолепии. Поскольку история Овьедо до сих пор остается в рукописном виде, я перенес эту главу в оригинальном кастильском языке в Приложение № 10.

[343] Бернал Диас, «История завоевания», гл. 91. — Rel. Seg. de Cortés, ubi supra.

[344] «Y porque la Tierra es fria trahian debaxo de cada plato y escudilla de manjar un brasero con brasa, porque no se enfriasse.» Rel. Seg. de Cortés, ap. Lorenzana, p. 113.

[345] Бернал Диас приводит несколько блюд из королевского меню. Первое блюдо довольно шокирующее — фрикассе или рагу из маленьких детей! «*carnes de muchachos de poca edad*».* Однако он признает, что это в некоторой степени апокрифическое. Там же, ubi supra.

* [История Бернала Диаса вовсе не является невероятной. Маленьких детей часто приносили в жертву, чтобы получить благосклонность богов. Поскольку плоть человеческих жертв всегда съедалась, само собой разумеется, что «блюда из нежных детей» иногда появлялись на столах. Банкрофт (Native Races, т. II. стр. 176, примечание) объясняет, что Торквемада (Monarqu. Ind.) «сожалеет о том, что некоторые люди, из-за своей злобы к мексиканцам, ложно обвинили Монтесуму в преступлении поедания человеческой плоти без хорошей приправы, но он признает, что, когда она была правильно приготовлена и замаскирована, плоть тех, кто был принесен в жертву богам, появлялась на королевском столе». — М.]

[346] «*Lo que yo ví*», — говорит Диас, опираясь на собственные наблюдения, — «que traian sobre cincuenta jarros grandes hechos de buen cacao con su espuma, y de lo que bebia». Hist. de la Conquista, cap. 91.

[347] Там же, ubi supra.—Rel. Seg. de Cortés, ap. Lorenzana, стр. 113, 114.—Oviedo, Hist. de las Ind., MS., lib. 33, cap. 11, 46.—Gomara, Crónica, cap. 67.

[348] «Tambien le ponian en la mesa tres cañutos muy pintados, y dorados, y dentro traian liquidámbar, rebuelto con vnas yervas que se dize tabaco». Бернал Диас, «История завоевания», гл. 91.

[349] Как сообщает сэр Джон Маундевилль, выступления жонглеров и акробатов были любимым развлечением великого хана Китая. (Voyage and Travaille, гл. 22.) Ацтекские шарлатаны пользовались такой репутацией, что Кортес послал двух из них в Рим, чтобы развлечь Его Святейшество Климента VII. Клавигеро, Stor. del Messico, т. II, с. 186.

[350] «Ни один из султанов, ни один другой неверный господин, о которых до сих пор известно, не имеет, как я полагаю, столько и таких церемоний в своей службе». Rel. Seg. de Cortés, ap. Lorenzana, стр. 115.

[351] Бернал Диас, Hist. de la Conquista, cap. 91.—Carta del Lic. Zuazo, MS.—Овьедо, Hist. de las Ind., MS., ubi supra.—Торибио, Hist. de los Indios, MS., Parte 3, cap. 7.—Rel. Seg. de Cortés, ap. Lorenzana, pp. 110-115.—Rel. d'un gentil' uomo, ap. Ramusio, tom. iii. fol. 306.

[352] Если историк опустится на одно поколение ниже в поисках источников, он найдет материал для главы, не уступающей по качеству главам из книг сэра Джона Маундевилля или «Арабских ночей».

[353] «Referre in tanto rege piget superbam mutationem vestis, et desideratas humi jacentium adulationes» (Ливий, История, кн. 9, гл. 18). Замечания римского историка об Александре, после того как он был заражен нравами Персии, в равной степени подходят и к ацтекскому императору.

[354] «La Gente de esta Ciudad es de mas manera y primor en su vestido, y servicio, que no la otra de estas otras Provincias, y Ciudades; porque como allí estaba siempre este Señor Mutezcuma, y todos los Señores sus Vasallos ocurrían siempre á la Ciudad, había en ella mas manera, y policía en todas las cosas.» Rel. Seg., ap. Lorenzana, p. 109.

[355] Зуазо, говоря о красоте и теплоте этой национальной ткани, говорит: «Я видел много одеял из двух слоев, вышитых перьями птиц, настолько мягких, что, проводя рукой по ворсу и подворсу, я чувствовал, что это не что иное, как очень хорошо обработанное одеяло из зебеллины: я взвесил одно из них; оно весило не более шести унций. Говорят, что в зимнее время одного покрывала достаточно, чтобы накрыться сверху рубашки, без дополнительного покрывала или другой одежды на кровати». Письмо, рукопись.

[356] «Они длинные и широкие, украшенные прекрасными и очень изящными узорами, рассыпанными по всей длине, с хорошо обработанными бахромой и каймой, которые выглядят очень красиво». Rel. d'un gentil' uomo, ap. Ramusio, tom. iii. fol. 305.

[357] Там же, fol. 305.

[358] Там же, fol. 309.

[359] «Quivi concorrevano i Pentolai ed i Giojellieri di Cholulla, gli Orefici d' Azcapozalco, i Pittori di Tezcucio, gli Scarpellini di Tenajocan, i Cacciatori di Xilotepec, i Pescatori di Cuitlahuac, i fruttajuoli de' paesi caldi, gli artefici di stuoje, e di scanne di Quauhtitlan ed i coltivatori de' fiori di Xochimilco». Клавигеро, Stor. del Messico, т. II, с. 165.

[360] «Золото и серебро, драгоценные камни, с другими перьями и чудесными серебряными украшениями, изготовленные с таким изяществом, что превосходят всякое человеческое воображение, чтобы понять и достичь их». (Письмо лиценциата Суазо, MS.) Затем лицензиат перечисляет несколько из этих элегантных механизмов. Кортес не менее категоричен в своем восхищении: «Сделанные из золота, серебра, камней и перьев, настолько естественные в золоте и серебре, что нет в мире серебряника, который сделал бы их лучше, и в камнях, что не хватает разума, чтобы понять, с помощью каких инструментов они были сделаны так совершенны, и в перьях, что ни из воска, ни из какого-либо другого материала нельзя было бы сделать их так чудесно». (Rel. Seg., ap. Lorenzana, p. 110.) Петр Мученик, менее предвзятый критик, чем Кортес, который видел и исследовал многие из этих золотых украшений позже в Кастилии, дает такое же свидетельство о изысканном характере изготовления, которое, по его словам, намного превосходило стоимость материала. De Orbe Novo, dec. 5, cap. 10.

[361] Эррера делает несанкционированное утверждение, повторенное Солисом, что мексиканцы не знали о ценности кошенили, пока испанцы не научили их этому. (Эррера, Hist. general, dec. 4, lib. 8, cap. 11.) Напротив, туземцы прилагали огромные усилия, чтобы разводить насекомое на плантациях кактуса, и оно составляло одну из основных даней короне от определенных районов. См. списки дани, ap. Lorenzana, № 23, 24.—Hernandez, Hist. Plantarum, lib. 6, cap. 116.—Также Clavigero, Stor. del Messico, tom. i. p. 114, nota.

[362] Ante, т. i. с. 155.

[363] Суазо, который, по-видимому, был хорош в этих вопросах, завершает абзац о деликатесах следующей данью уважения ацтекской кухне: «Vendense huebos asados, crudos, en tortilla, é diversidad de guisados que se suelen guisar, con otras cazuelas y pasteles, que en el mal cocinado de Medina, ni en otros lugares de Tlamecos dicen que hai ni se pueden hallar tales trujamanes». Carta, MS.

[364] Подробные сведения — гораздо более подробные, чем я счел необходимым привести — об ацтекском рынке Тлателолко можно найти в сочинениях всех старых испанцев, посетивших столицу. См., в частности, Rel. Seg. de Cortés, ap. Lorenzana, стр. 103–105.—Торибио, Hist. de los Indios, MS., Parte 3, cap. 7.—Carta del Lic. Zuazo, MS.—Rel. d'un gentil' huomo, ap. Ramusio, tom. iii. fol. 309.—Бернал Диас, Hist. de la Conquista, cap. 92.

[365] Суасо увеличивает эту цифру до 80 000! (Письмо, рукопись.) Кортес — до 60 000. (Rel. Seg., ubi supra.) Самый скромный расчет принадлежит «Анонимному завоевателю», который говорит о 40 000–50 000. «Et il giorno del mercato, che si fa di cinque in cinque giorni, vi, sono da quaranta ò cinquanta mila persone» (Rel. d'un gentil' huomo, ap. Ramusio, tom. iii. fol. 309); это, кстати, подтверждает предположение, что оценка населения столицы, приведенная в итальянской версии этого автора, является опечаткой. (См. предыдущую главу, примечание 13.) Вряд ли он смог бы собрать на рынке количество людей, равное всему населению. {*}

{*} [И все же даже сейчас количество «persone», то есть покупателей или временных посетителей, на мексиканской или перуанской площади в день большой ярмарки нередко равняется количеству «habitori», или постоянных жителей города. — М.]

[366] [Из описания монеты Рамирес делает вывод, что она не была отчеканена, а вырезана в форме, упомянутой в тексте. Это подтверждается одним или двумя экземплярами такого рода, которые до сих пор хранятся в Национальном музее Мексики. Рамирес, Notas y Esclarecimientos, стр. 102.]

[367] Ante, т. i, с. 161.

[368] Торибио, Hist. de los Indios, MS., Parte 3, cap. 7.—Rel. Seg., ap. Lorenzana, стр. 104.—Овьедо, Hist. de las Ind., MS., lib. 33, cap. 10.—Бернал Диас, Hist. de la Conquista, loc. cit.

[369] «Среди нас были солдаты, — говорит Диас, — которые побывали во многих частях света — в Константинополе, Риме и по всей Италии — и которые говорили, что никогда не видели такого большого, хорошо организованного и регулируемого рынка, настолько заполненного людьми». Hist. de la Conquista, loc. cit.

[370] Клавигеро, Stor. del Messico, т. II, с. 27.

[371] Ante, т. i, с. 94. — [Подробное описание местоположения и площади, занимаемой великим храмом, дает Аламан (Disertaciones históricas, т. ii, с. 246–248). Мексиканцы в значительной степени обязаны этому выдающемуся ученому за его тщательные исследования топографии и древностей столицы ацтеков].

[372] «Et di più v' hauea vna guarnigione di dieci mila huomini di guerra, tutti eletti per huomini valenti, & questi accompagnauano & guardauano la sua persona, & quando si facea qualche rumore ò ribellione nella città ò nel paese circumuicino, andauano questi, ò parte d' essi per Capitani». Rel. d'un gentil' huomo, ap. Ramusio, tom. iii. fol. 309.

[373] Гумбольдт, *Essai politique*, т. II, с. 40. — Недавно, при мощении площади вокруг современного собора, были найдены большие блоки резного камня, закопанные на глубине от тридцати до сорока футов. Там же, loc. cit.

[374] Клавигеро называет его продолговатым, ссылаясь на мнимую авторитетность «Анонимного завоевателя». (*Stor. del Messico*, том II, стр. 27, примечание.) Но последний не говорит ни слова о форме, а его презренная гравюра на дереве слишком явно лишена всякой пропорции, чтобы можно было сделать какие-либо выводы. (*Comp. Rel. d'un gentil' huomo*, ap. Ramusio, том III, фолиант 307.) Торквемада и Гомара оба говорят, что он был квадратным (*Monarch. Ind.*, lib. 8, cap. 11;—*Crónica*, cap. 80); а Торибио де Бенаvente, говоря в общем о мексиканских храмах, говорит, что они имели такую форму. *Hist. de los Ind.*, MS., Parte 1, cap. 12.

[375] См. эссе «Происхождение мексиканской цивилизации». *Ante*.

[376] Клавигеро, называя его продолговатым, принимает оценку Торквемады — а не Саагуна, как он утверждает, которого он никогда не видел и который не дает никаких измерений здания — для длины, и оценку Гомары, которая несколько меньше, для ширины. (*Stor. del Messico*, том. ii. p. 28, nota.) Поскольку оба его источника описывают здание как квадратное, такая интерпретация выглядит довольно причудливой. Торибио, который измерил *теокалли* обычной конструкции в городе Тенаюка, обнаружил, что его площадь составляет сорок *браса*, или двести сорок футов, в квадрате. (*Hist. de los Ind.*, MS., Parte 1, cap. 12.) Великий храм Мехико был, несомненно, больше, и, в отсутствие более надежных источников, можно согласиться с Торквемадой, который считает его размером чуть более трехсот шестидесяти толедских, что равно тремстам восьми французским футам в квадрате. (*Monarch. Ind.*, lib. 8, cap. 11.) Как может М. де Гумбольдт говорить о «большом совпадении свидетельств» в отношении размеров храма? (*Essai politique*, том. ii. p. 41.) Ни один из двух авторитетных источников не совпадает.

[377] Бернал Диас говорит, что он насчитал сто четырнадцать ступеней (*Hist. de la Conquista*, гл. 92). Торибио говорит, что более чем один человек, который их насчитал, сказал ему, что их было больше ста (*Hist. de los Indios*, MS., Parte 1, гл. 12). Высота ступеней вряд ли могла быть меньше восьми или десяти дюймов каждая; Клавигеро предполагает, что они были по футу, и что, следовательно, здание было ровно сто четырнадцать футов в высоту. (*Stor. del Messico*, том II, стр. 28, 29.) В истории редко можно с уверенностью использовать что-либо более сильное, чем «вероятно».

[378] «Мы вернулись, чтобы посмотреть на большую площадь и толпу людей, которые там находились, одни покупали, другие продавали, и только шум и гул голосов и слов, которые там были, слышались дальше, чем на одну легу!» Бернал Диас, *Hist. de la Conquista*, cap. 92.

[379] «Y por honrar mas sus templos sacaban los caminos muy derechos por cordel de una y de dos leguas que era cosa harto de ver, desde lo Alto del principal templo, como veniam de todos los pueblos menores y barrios; salian los caminos muy derechos y iban á dar al patio de los teocallis.» Торибио, «История индейцев», рукопись, часть 1, глава 12.

[380] «Демон не довольствовался уже упомянутыми [теукалес], но в каждом селении, в каждом квартале и в четверти лиги от них были другие небольшие дворы, где находилось три или четыре теокалли, а в некоторых больше, в других местах только один, и в каждом моготе или серрехоне один или два, а по дорогам и между кукурузными полями было еще много других маленьких, и все они были белые и побеленные, что казалось и выделялось очень сильно, так что в густонаселенной местности казалось, что все было заполнено домами, особенно дворами Дьявола, которые были очень заметны». Торибио, «История индейцев», рукопись, ubi supra.

[381] Бернал Диас, «История завоевания», ubi supra.

[382] *Ante*, т. i, с. 70.

[383] «И на стенах было столько засохшей крови, а пол весь был в ней, что даже на скотобойнях Кастилии не было такого зловония». Бернал Диас, «История завоевания», ubi supra.—Rel. Seg. de Cortés, ap. Lorenzana, стр. 105, 106.—Carta del Lic. Zuazo, MS.—См. также упоминания об этих божествах в Sahagun, lib. 3, cap. 1, et seq.—Torquemada, *Monarch. Ind.*, lib. 6, cap. 20, 21.—Acosta, lib. 5, cap. 9.

[384] Бернал Диас, там же, ubi supra.—Тот, кто изучит великое письмо Кортеса Карлу V, будет удивлен, обнаружив, что вместо благодарности Монтесуме он сбросил его идолов и воздвиг на их месте христианские символы. (Rel. Seg., ap. Lorenzana, p. 106.) Это событие произошло гораздо позже. *Конкистадор* писал свои донесения слишком быстро и лаконично, чтобы всегда обращать внимание на точное время и обстоятельства. Скорее всего, мы найдем их в длинной, сплетнической, но бесценной хронике Диаса.

[385] «Quarenta torres muy altas y bien obradas». Rel. Seg. de Cortés, ap. Lorenzana, p. 105.

[386] «Delante de todos estos altares habia braçeros que toda la noche hardian, y en las salas tambien tenian sus fuegos». Торибио, Hist. de los Indios, MS., Parte 1, cap. 12.

[387] Бернал Диас, там же, *ubi supra*.—Торибио также упоминает этот храм с тем же лестным эпитетом. «Устье было сделано как адское, и на нем была нарисована пасть страшного змея с ужасными клыками и зубами, а на некоторых из них клыки были объемными, что, глядя на них и входя внутрь, вызывало большой страх и отвращение, особенно ад, который был в Мексике, который казался перенесенным из настоящего ада». Hist. de los Indios, MS., Parte 1, cap. 4.

[388] Бернал Диас, *ubi supra*.—«Андрес де Тапия, *который рассказал мне об этом*, и Гонсало де Умбрия однажды подсчитали и нашли сто тридцать шесть тысяч черепов в балки и лестницы». Гомара, Crónica, гл. 82.{*}

{*} [Гомара так часто обвиняют в преувеличении и лжи, что приятно обнаружить его точность в данном случае, подтвержденную свидетельством самого Тапия, который так описывает способ, которым была сделана оценка: «И тот, кто пишет это, и Гонсало де Умбреа сосчитали палки, которые там были, и, умножив на пять голов каждую палку, которая находилась между балками, ... мы обнаружили сто тридцать шесть тысяч голов, *не считая тех, что были на баинях*». (Иказбальсета, Col. de Doc. para la Hist. de México, т. III.) Оригинал этой «Relacion», недавно обнаруженный, хранится в библиотеке Академии истории в Мадриде. Это незавершенное повествование, ценное как произведение одного из главных спутников Кортеса и как подтверждение других современных рассказов о завоевании. — К.]

[389] «Три коллекции, так причудливо расположенные, этих ухмыляющихся ужасов — всего 230 000 — отмечены Гиббоном!» (Упадок и падение, изд. Милман, т. i, с. 52; т. xii, с. 45.) *Европейский* ученый хвалит «набожность завоевателя, его умеренность и справедливость»! Посвящение Роу к «Тамерлану».

[390] *Ante*, т. i, стр. 83, 84. — Желание представить читателю полную картину фактического состояния столицы во время ее оккупации испанцами заставило меня в этой и предыдущей главах несколько повторить замечания об ацтекских институтах, содержащиеся во вводной книге этой истории.

[391] Торибио, «История индейцев», рукопись, часть 1, глава 12. — Гомара, «Хроника», глава 80. — Rel. d'un gentil' huomo, ap. Ramusio, том III, лист 309.

[392] «Она настолько велика, что внутри ее ограды, которая полностью окружена очень высокой стеной, вполне можно было бы построить деревню на пятьсот жителей». Rel. Seg., ap. Lorenzana, p. 105.

[393] «Todas estas mugeres», — говорит отец Торибио, — «estaban aquí sirviendo al demonio por sus propios intereses; las unas porque el Demonio las hiciese modestas», и т. д. Hist. de los Indios, MS., Parte 1, cap. 9.

[394] См. эссе о происхождении мексиканской цивилизации. *Ante*.

[395] «И потом мы узнали об этом все остальные капитаны и солдаты, и мы пошли посмотреть на это в тайне, и когда я это увидел, я был поражен, и поскольку в то время я был молодым человеком и никогда в жизни не видел таких богатств, я был уверен, что в мире не может быть столько же!» Hist. de la Conquista, cap. 93.

[396] Там же, loc. cit.

[397] «Мы, испанцы, — откровенно говорит Кортес, — склонны быть несколько неуправляемыми и проблемными». Rel. Seg., ap. Lorenzana, стр. 84.

[398] Гомара, Хроника, гл. 83. — Есть основания сомневаться в правдивости этих рассказов. «Согласно оригинальному письму, которое находится в моем распоряжении, подписанному тремя главами Новой Испании, в котором они пишут Его Величеству Императору, нашему Господу (да хранит его Бог в Своем Святом Царстве), они оправдывают Мотекуцому и мексиканцев в этом, и всего остального, в чем их обвиняли, что на самом деле это было выдумкой тласкальцев и некоторых испанцев, которые хотели покинуть город из страха и забрать с собой бесчисленные богатства, которые попали в их руки». Икстильшочитль, Hist. Chich., MS., гл. 85.

[399] Rel. Seg. de Cortés, ap. Lorenzana, p. 84.—Икстильшочитль, Hist. Chich., MS., cap. 85.—П. Мартир, De Orbe Novo, dec. 5, cap. 3.—Овьедо, Hist. de las Ind., MS., lib. 33, cap. 6.—Бернал Диас дает совершенно иное описание этого события. По его словам, ряд офицеров и солдат, в число которых входил и он сам, предложили генералу захватить Монтесуму, и тот с некоторой нерешительностью согласился с этим планом. (Hist. de la Conquista, cap. 93.) Это противоречит характеру Кортеса, который был человеком, способным вести за собой, а не следовать за другими в таких ситуациях. Это противоречит общему мнению историков, хотя, следует признать, оно в основном основано на рассказе генерала. Это противоречит предшествующей вероятности, поскольку, если эта идея кажется слишком отчаянной, чтобы серьезно прийти в голову кому-либо, то насколько более невероятно, что она могла возникнуть у нескольких человек! Наконец, это противоречит положительному письменному заявлению Кортеса

императору, публично известному и распространенному, подтвержденному в печати его капелланом Гомарой, и все это в то время, когда событие было свежим, а заинтересованные стороны были живы, чтобы опровергнуть его. Мы не можем не думать, что капитан здесь, как и в случае со сжиганием кораблей, приписывает себе и своим товарищам больше, чем это строго оправдывают факты; упущение, за которое прошествие полувека — не говоря уже о его явном стремлении доказать правоту последних — может служить неким оправданием.

[400] Даже Гомара имеет честность назвать это «предлогом» — *achaque*. Crónica, cap. 83.

[401] Бернал Диас также описывает это событие по-другому. По его словам, ацтекский губернатор принуждал тотонаков к уплате обычной дани, когда Эскаланте, вмешавшись, чтобы защитить своих союзников, теперь подданных Испании, был убит в бою с врагом. (Hist. de la Conquista, гл. 93.) Кортес имел лучшие возможности узнать факты и написал об этом в то время. Обычно он не стесняется признаваться в своей политике, какой бы суровой она ни была, по отношению к туземцам, и я счел справедливым привести его собственную версию этой истории.

[402] Овьедо, Hist. de las Ind., MS., lib. 33, cap. 5.—Rel. Seg. de Cortés, ap. Lorenzana, pp. 83, 84. Явление Девы было видно только ацтекам, которые, правда, должны были как можно лучше оправдать свое поражение перед Монтесумой; это подозрительное обстоятельство, однако, не смутило испанцев. «Безусловно, все мы, солдаты, сопровождавшие Кортеса, верили, что божественное милосердие и Дева Мария всегда были с нами, и это была правда». Бернал Диас, Hist. de la Conquista, cap. 94.

[403] «Он долго бродил в одиночестве, обдумывая то великое дело, которое он предпринимал и которое даже ему самому казалось безрассудным, но необходимым для достижения его цели». Гомара, Crónica, гл. 83.

[404] Диас говорит: «Всю ту ночь мы провели в молитве, умоляя Отца Милосердия, чтобы он так направил дело, чтобы оно способствовало его святому служению». Hist. de la Conquista, cap. 95.

[405] По словам Икстильшочитля, это был его собственный портрет. «Он снял с руки драгоценный камень, на котором было высечено его лицо (что было равносильно королевской печати)». Hist. Chich., MS., гл. 85.

[406] Rel. Seg. de Cortés, ap. Lorenzana, стр. 86.

[407] «Когда я соглашусь, мои люди не будут этим заниматься». Икстильшочитль, Hist. Chich., MS., гл. 85.

[408] «¿Que haze v. m. ya con tantas palabras? O le lleemos preso, ó le darémos de estocadas, por ello tornadle á dezir, que si da voces, ó haze alboroto, que le mataréis, porque mas vale que desta vez asseguemos nuestras vidas, ó las perdamos». Бернал Диас, Hist. de la Conquista, гл. 95.

[409] Овьедо сомневается, следует ли считать поведение Монтесумы малодушным или благоразумным. «Коронатору кажется, судя по тому, что можно заключить из этого вопроса, что Монтесума был либо очень малодушным, либо малодушным, либо очень осторожным, хотя во многих вещах те, кто его видел, хвалят его как очень великодушного и очень щедрого; и в своих рассуждениях он показывал, что обладает здравым смыслом». Однако он склоняется в пользу малодушия. «Такой великий принц, как Монтесума, не должен был допускать подобных действий, ни соглашаться на то, чтобы его задержало столь малое число испанцев или представителей какой-либо другой расы; но поскольку Бог предначертал то, что должно быть, никто не может уйти от его суда». Hist. de las Ind., MS., lib. 33, cap. 6.

[410] История захвата Монтесумы с обычными неточностями в деталях можно найти в Rel. Seg. de Cortés, ap. Lorenzana, стр. 84-86, — Бернал Диас, Hist. de la Conquista, cap. 95, — Икстильшочитль, Hist. Chich., MS., cap. 85,—Oviedo, Hist. de las Ind., MS., lib. 33, cap. 6,—Gomara, Crónica, cap. 83,—Herrera, Hist. general, dec. 2, lib. 8, cap. 2, 3,—Martyr, De Orbe Novo, dec. 5, cap. 3.

[411] «Всякий раз, когда мы проходили мимо него, даже если это был Кортес, мы снимали с него шлемы или каски, поскольку мы всегда были вооружены, и он оказывал нам большую честь и почитал всех... Я говорю, что ни Кортес, ни какой-либо другой капитан не садились, пока Монтесума не приказывал им дать свои богатые сиденья и не приказывал им сесть». Бернал Диас, Hist. de la Conquista, cap. 95, 100.

[412] Эррера, «Общая история», раздел 2, книга 8, глава 3.

[413] Однажды трое солдат, покинувшие свои посты без приказа, были приговорены к прохождению через шпалеру — наказанию, мало чем отличавшемуся от смертной казни. Там же, *ubi supra*.

[414] Бернал Диас, «История завоевания», гл. 97.

[415] [Патриотические чувства сеньора Рамиреса несколько возмущены тем, что я применяю термин «варвары» к его соотечественникам-ацтекам. {*} Это слово, наряду с соответствующим эпитетом «дикари», по-видимому, является, по его мнению, ключом к моему описанию древних мексиканцев. «С этой точки зрения, — говорит он, — поразительные примеры героизма и самоотверженности, столь редко встречающиеся в истории мира, интерпретируются не как добровольное самопожертвование, вдохновленное святой любовью к родине и свободе, а как результат зверской ненависти и глупой жестокости». Возможно, эти критические замечания имеют под собой некоторое основание, хотя и несколько преувеличены. И нельзя отрицать, что, размышляя о прогрессе, достигнутом ацтеками в области полезных искусств и, в определенной степени, науки, он должен признать их право на более высокое место в шкале цивилизации, чем то, которое занимают варвары, — место, которое, по правде говоря, занимают полудивилизованные расы Китая и Индостана. Но есть и другая сторона картины, не представленная восточными народами, в тех отвратительных злодеяниях, которые унизили характер ацтеков до уровня низших стадий человечества и делают даже термин «варвар» недостаточным для выражения жестокости их природы.

{*} [Эта чувствительность тем более естественна, что сеньор Рамирес утверждает, что он происходит не от завоевателей, а от завоеванной расы, — факт, который также может объяснить его строгие суждения о поступках и характере Кортеса. — К.]

[416] «И после того, как они признались в смерти испанцев, я спросил их, были ли они вассалами Мотекусомы? И упомянутый Кальпопока ответил, что есть ли другой господин, которому они могли бы служить? почти говоря, что другого нет, и что они были его вассалами». Rel. Seg. de Cortés, ap. Lorenzana, p. 87.

[417] «И также я спросил их, было ли то, что там было сделано, по их приказу? И они ответили, что нет, хотя позже, когда над ними был приведен в исполнение приговор, чтобы их сожгли, все в один голос сказали, что это правда, что упомянутый Мотекузма послал их, чтобы они это сделали, и что по его приказу они это сделали». Rel. Seg. de Cortés, ap. Lorenzana, loc. cit.

[418] Gomara, Crónica, cap. 89.—Oviedo, Hist. de las Ind., MS., lib. 33, cap. 6.—Bernal Diaz, Hist. de la Conquista, cap. 95.—Можно усомниться, что в описании этого события Мартиром преобладает сострадание или презрение. «Несчастный Мотекузма, потрясенный столь новым событием, охваченный страхом, утратил мужество и не смеет поднять голову, ни просить помощи у своих. Ille vero pœnam se meruisse fassus est, vti agnus mitis. Æquo animo pati videtur has regulas grammaticalibus duriores, imberbibus pueris dictatas, omnia placide fert, ne seditio ciuium et procerum oriatur». De Orbe Novo, dec. 5, cap. 3.

[419] Rel. Seg. de Cortés, ap. Lorenzana, p. 18.

[420] Бернал Диас, Hist. de la Conquista, *ubi supra*.

[421] Архиепископ Лоренсана еще в конце прошлого века находит в Священном Писании оправдание действиям испанцев. «Fué grande prudencia, y Arte militar haber asegurado á el Emperador, porque sino quedaban expuestos Hernan Cortés, y sus soldados á perecer á traycion, y teniendo seguro á el Emperador se aseguraba á sí mismo, pues los Españoles no se confían ligeramente: Ионафан был убит и застигнут врасплох за то, что доверился Трифону». Rel. Seg. de Cortés, стр. 84, примечание.

[422] См. Пуффендорф, De Jure Naturæ et Gentium, lib. 8, cap. 6, sec. 10.—Ваттель, Закон народов, книга 3, глава 8, раздел 141.

[423] «Осмелиться сжечь своих капитанов перед их дворцами и наделить их кандалами, пока вершилось правосудие, что теперь, когда я стар, я часто останавливаюсь, чтобы поразмыслить о героических деяниях, которые мы совершили в то время, и мне кажется, что я вижу их перед собой: и я говорю, что наши деяния, которые мы совершали не сами, а все были направлены Богом... Потому что в этом есть многое, что стоит обдумать». История завоевания, гл. 95.

[424] Бернал Диас, «История завоевания», гл. 96.

[425] Бернал Диас, «История завоевания», гл. 97.

[426] Гомара, Хроника, гл. 84.—Эррера, Общая история, раздел 2, книга 8, гл. 4.

[427] Эррера, Общая история, раздел 2, книга 8, глава 5.

[428] «В этом он был так хорош, что все мы любили его большой любовью, потому что он действительно был великим господином во всем, что мы видели, как он делал». Бернал Диас, «История завоевания», гл. 100.

[429] «И он хорошо знал всех, знал наши имена и даже наши качества, и был настолько добр, что дарил всем нам драгоценности, а другим — одеяла и красивые индийские ткани». Там же, гл. 97.

[430] Бернал Диас, «История завоевания», гл. 98.

[431] По словам Солиса, дьявол закрыл свое сердце от этих добрых людей; хотя, по мнению историка, нет никаких доказательств того, что этот злой советник действительно появился и беседовал с Монтесумой после того, как испанцы продемонстрировали крест в Мексике. Conquista, lib. 3, cap. 20.

[432] Бернал Диас, «История завоевания», гл. 99. — Rel. Seg. de Cortés, ap. Lorenzana, стр. 88.

[433] Иногда он убивал дичь с помощью трубки, своего рода пневматического ружья, из которого он стрелял маленькими шариками в птиц и кроликов. «La Caça á que Moteçuma iba por la Laguna, era á tirar á Pájaros, á Conejos, con Cerbatana, de la qual era diestro». Эрпера, Hist. general, dec. 2, lib. 8, cap. 4.

[434] Ante, книга I, глава 6.

[435] «E llámase esta Ciudad Tezcucuo, y será de hasta treinta mil Vecinos.» (Rel. Seg., ap. Lorenzana, p. 94.) По словам лиценциата Суазо, в два раза больше — *sesenta mil Vecinos*. (Carta, MS.) Маловероятно, так как в Мексике не было больше. Торибио говорит, что он занимает одну лигу в одну сторону и шесть в другую! (Hist. de los Indios, MS., Parte 3, cap. 7.) Это должно включать в себя значительную часть окрестностей. Язык старых летописцев не самый точный.

[436] Описание столицы в ее великолепии дает очевидец. «Эта город был вторым по значимости в стране, и поэтому в Тецкуко были очень большие здания храмов демона, а также очень красивые дома и покои господ, среди которых было очень интересно посмотреть на дом главного господина, а также старый дом с огородом, окруженным более чем тысячей очень больших и очень красивых кедров, из которых сегодня большинство стоит, хотя сам дом разрушен, был еще один дом, в котором могла разместиться целая армия, с множеством садов и очень большим прудом, в который под землей можно было попасть на лодках» (Торибио, «История индейцев», рукопись, часть 3, глава 7). Последние остатки этого дворца были использованы для укрепления города во время революционной войны 1810 года. (Икстильшочитль, Venida de los Esp., стр. 78, примечание.) Тецкуко сейчас — незначительное маленькое местечко с населением в несколько тысяч человек. Его архитектурные остатки, которые все еще можно разглядеть, похоже, произвели на г-на Баллока более сильное впечатление, чем на большинство путешественников. Шесть месяцев в Мексике, гл. 27.

[437] «Какама строго отчитал мексиканскую знать за то, что она допустила подобное неуважение к четырем иностранцам и не убила их; они оправдывались, говоря, что они были у них в руках, но они не позволили им взять оружие, чтобы освободить его, и таким образом понесли столь большую позор, как тот, который нанесли им иностранцы, арестовав их господина и сожгли Куаупокацин, остальных своих сыновей и родственников, не виновных ни в чем, с помощью оружия и боеприпасов, которые были у них для защиты и охраны города, и своей власти, чтобы захватить сокровища короля и богов, а также другие свободы и бесстыдства, которые происходили каждый день, и хотя они все это видели, они скрывали это, чтобы не раздражать Мотекуцому, который был их другом и женился на одной из них. Икстильшочитль, Hist. Chich., MS., cap. 86.

[438] Это слова Кортеса. «И этот господин *восстал* как против службы Вашему Высочеству, которому он предложил свои услуги, так и против упомянутого Мотекузма». Rel. Seg., ap. Lorenzana, p. 95.—Вольтер, с его быстрым глазом на смешное, замечает эту аттоганси́а в своей трагедии «Альзира»:

«Ты видишь деспотическую ярость этих тиранов:

Они думают, что для них Небеса создали Америку,

Что они родились королями; и Заморе в их глазах,

Несмотря на всю его власть, всего лишь мятежником».

АЛЬЗИРА, акт 4, сцена 3.

[439] Гомара, Хроника, гл. 91.

[440] «Я, чтобы восстановить религию, вернуть богов, сохранить королевство, вернуть славу и свободу ему и Мексике, пошел бы с большой охотой, но не с руками на груди, а с мечом, чтобы убить испанцев, которые нанесли столько ущерба и оскорбления народу кульхуа». Там же, гл. 91.

[441] «Но у него в его земле Какамазин было много важных людей, которые жили с ним, и он давал им жалованье». Rel. Seg. de Cortés, ap. Lorenzana, стр. 95.

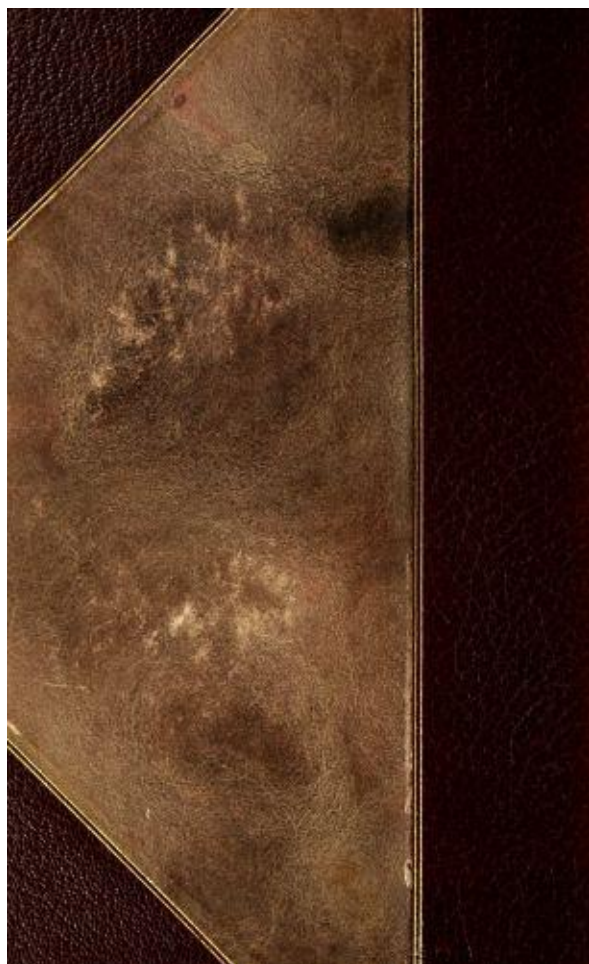
[442] Rel. Seg. de Cortés, ap. Lorenzana, стр. 95, 96.—Oviedo, Hist. de las Ind., MS., lib. 33, cap. 8.—Икстильшочитль, Hist. Chich., MS., cap. 86.—Последний автор отмахивается от захвата Какамы утешительной мыслью, «что это избавило испанцев от многих затруднений и значительно облегчило внедрение католической веры».

[443] Кортес называет этого принца Кукуцкой (Rel. Seg., ap. Lorenzana, p. 96). В написании ацтекских слов генерал полагался на свой слух и в девяти случаях из десяти ошибался. — Бустаманте в своем каталоге монархов Тецкукана вообще не упоминает его. Вероятно, он считает его самозванцем, не имеющим права быть причисленным к законным правителям этой земли. (Galería de antiguos Príncipes (Пуэбла, 1821), стр. 21.) Саагун также исключил его имя из королевского списка Тецкуко. Hist. de Nueva-España, lib. 8, cap. 3.

[444] Чрезвычайная мягкость испанского полководца в этом случае вызвала, если верить Солису, всеобщее восхищение во всей империи ацтеков! «Tuvo notable aplauso en todo el imperio este género de castigo sin sangre, que se atribuyó al superior juicio de los Españoles, porque no esperaban de Montezuma semejante moderacion». Conquista, lib. 4, cap. 2.

[445] Rel. Seg. de Cortés, ap. Lorenzana, стр. 91.

[446] «Damus quæ dant», — кратко говорит Мартир, комментируя эту оценку. (De Orbe Novo, dec. 5, cap. 3.) Кортес обращает внимание на сообщения своих людей о больших и красивых зданиях в провинции Оахака. (Rel. Seg., ap. Lorenzana, p. 89.) Именно здесь, в руинах Митлы, до сих пор можно увидеть некоторые из самых сложных образцов индейской архитектуры.

[back](#)

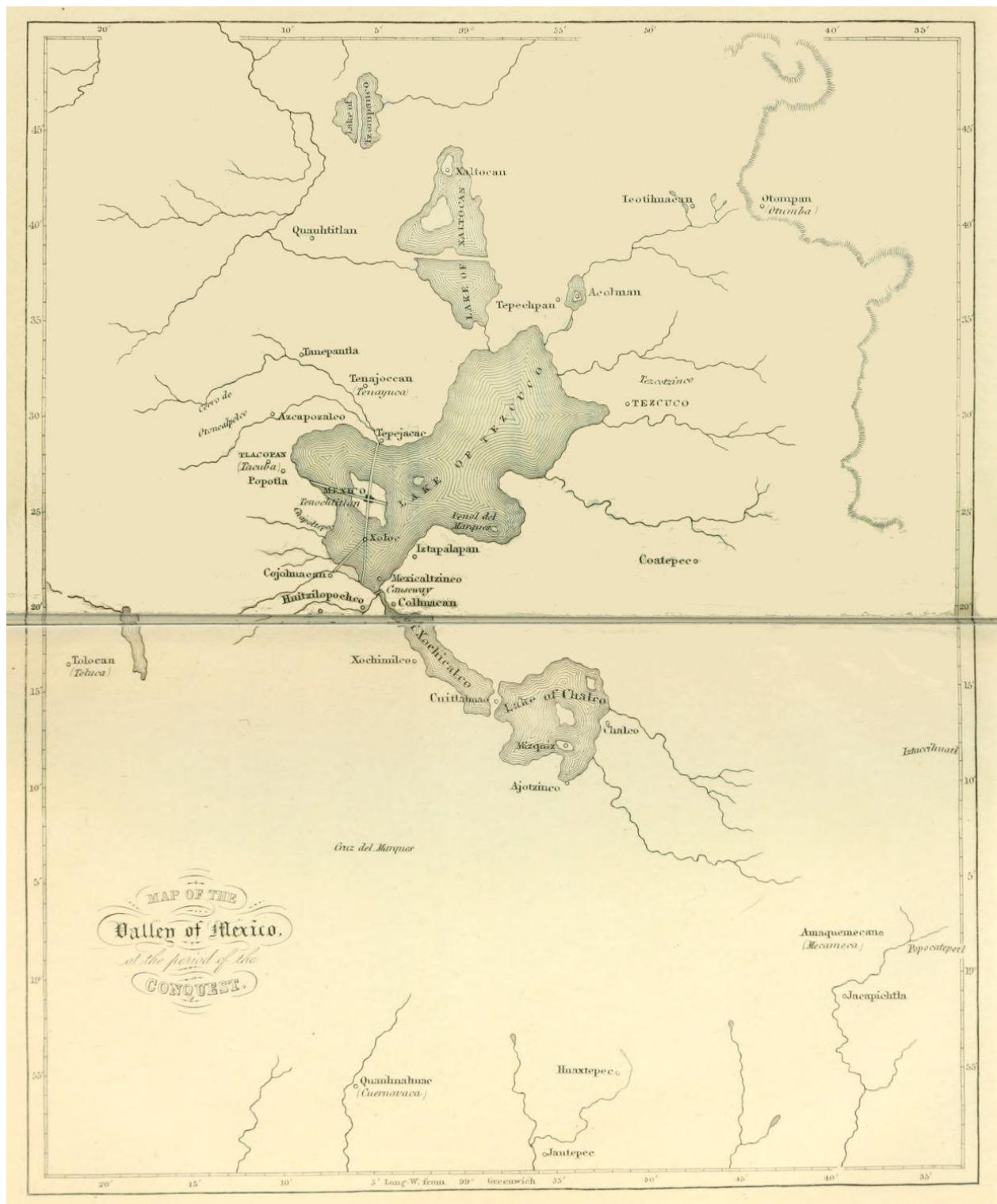
[back](#)

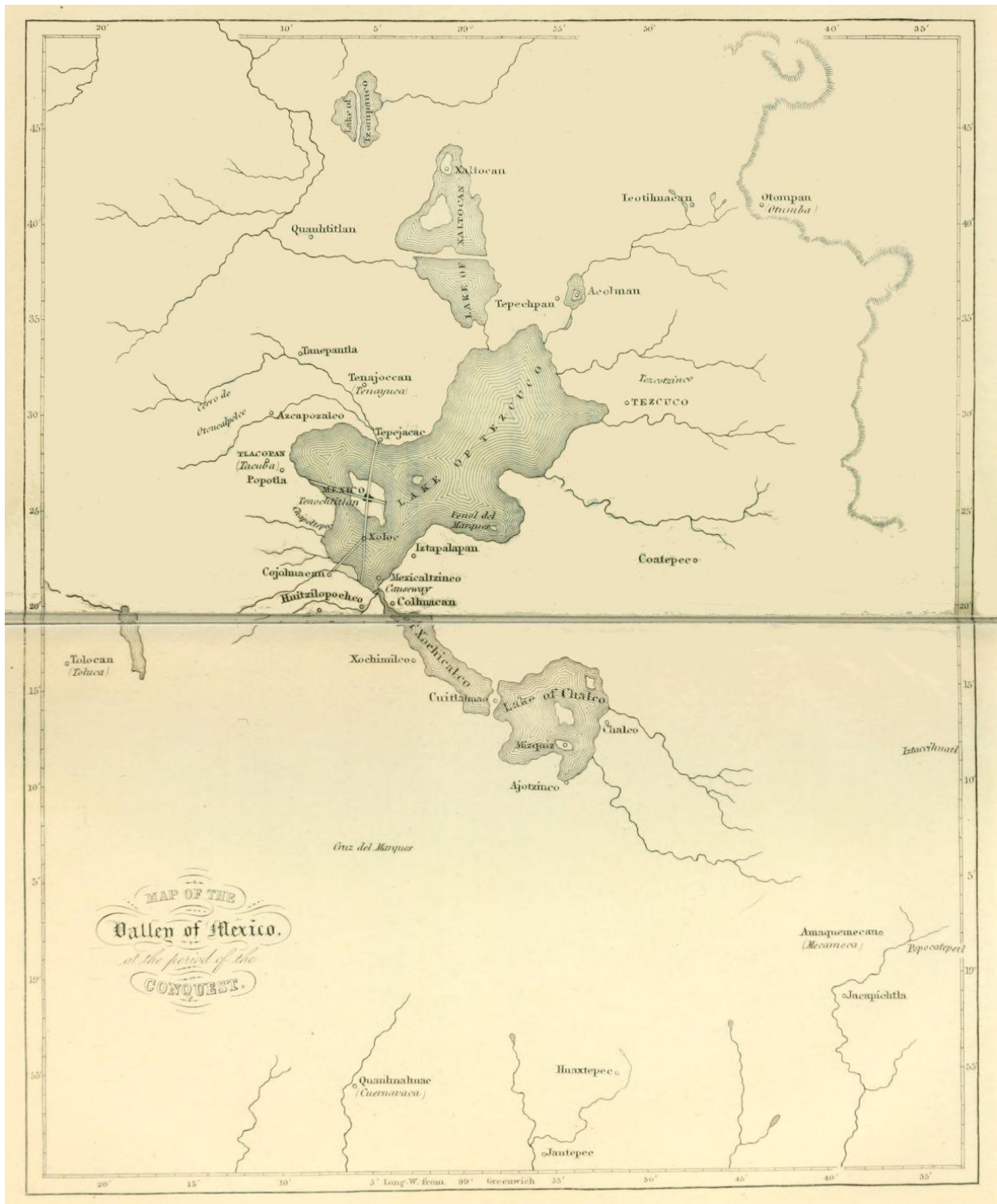
[back](#)

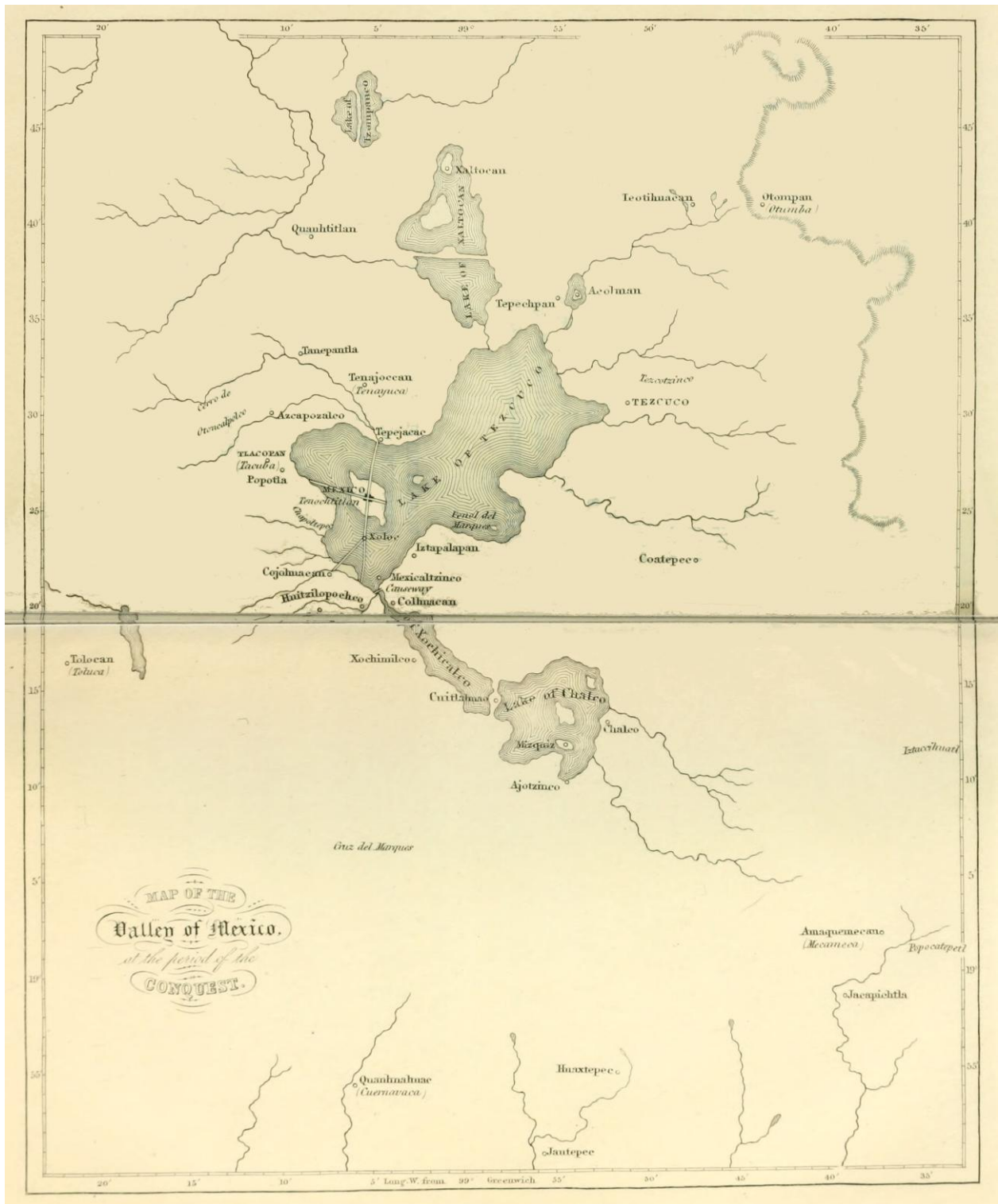
[back](#)

[back](#)

[back](#)

[back](#)

Goussier & Co. Paris

[back](#)